W 349/89

W 349/89

Древнецерковнославянскій языкъ.

І. М. Кульбакинъ.

Изданіе 3-е, съ измѣненіями и дополненіями.

Харьковъ.
1917.

ИСПРАВЛЕНІЯ.

Стран.	*Стр.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
74	4 св.	дала v	дала *b*
133	7 сн.	къ прасловянскому ā	къ праиндоевр. ă
138	1 св.	лит.	лат.
»	6 св.	лит. -ās	лит. -as
»	17 сн.	podēs	pedēs
141	2 св.	*oι*	*oĭ*
»	20 сн.	лит. nōs	лат. nōs

W 452
36

Дозволено военной цензурой.

ДРЕВНЕ-ЦЕРКОВНО-СЛОВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Проф. С. М. Кульбакина.

Изданіе 3-е, съ измѣненіями и дополненіями.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія М. Зильберберга и С-вья.
Донецъ-Захаржевская ул., с. д. № 6.
1917.

2020127789

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Общее колич. вып.	В переплетной ед. соедин. номера вып.	Таблиц	Карт	Иллюстраций	Служебн. номер	Номера списка и порядковый	197 г.
15	1					1142 143		

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее, третье, изданіе книги является въ нѣсколько переработанномъ видѣ и нѣсколько увеличенномъ объемѣ сравнительно со вторымъ. Эта переработка и это увеличеніе относятся главнымъ образомъ къ введенію и отдѣлу фонетики, въ меньшей мѣрѣ къ морфологіи и къ приложенію. При всемъ томъ общій характеръ книги остается прежній: какъ и во 2-мъ изданіи, она предназначена служить пособіемъ при изученіи д.-ц.-словянскаго языка въ нашей высшей школѣ.

Указанное увеличеніе ея объема,—автору представляется,—не можетъ ей мѣшать быть таковымъ. Увеличеніе это отчасти падаетъ на мелкій шрифтъ, который можетъ быть оставленъ въ сторонѣ при общемъ ознакомленіи съ предметомъ и использованъ при изученіи спеціальныхъ вопросовъ, отчасти,—въ отдѣлѣ фонетики, содѣйствуетъ бо́льшей ясности и наглядности изложенія; краткость и сжатость далеко не всегда вѣдь ведутъ за собою легкость изученія предмета. Что касается фактическаго матеріала, то обиліе его также не можетъ служить помѣхой; не требуя отъ своихъ слушателей и слушательницъ усвоенія всѣхъ деталей, авторъ полагаетъ, что детальное освѣщеніе вопросовъ и обоснованіе положеній матеріаломъ дѣлаетъ усвоеніе общихъ положеній болѣе сознательнымъ и прочнымъ. Вообще же говоря,—рамки требованій могутъ быть даны въ курсѣ лекцій, въ пособіи же должно содержаться все то, что опредѣляется этими рамками.

Въ заключеніе автору пріятно засвидѣтельствовать чувство искренней признательности своимъ критикамъ, товарищамъ по спеціальности и друзьямъ, которые такъ или иначе,—печатными, письменными или устными совѣтами, указаніями и исправленіями,

или же помощью въ чтеніи корректуръ оказали ему поддержку въ обработкѣ настоящаго изданія.

Этимъ чувствомъ благодарности авторъ обязанъ профессору A. Meillet [1]), проф. Hujer'y [2]), проф. Б. М. Ляпунову, проф. Г. А. Ильинскому, проф. И. М. Эндзелину и прив.-доц. Л. А. Булаховскому.

15 августа 1916 г.,
с. Хорошки, Полтавской губ.

---

[1]) Ср. его рецензію въ B. S. L. XVIII. 320—321.
[2]) Ср. его рецензію въ L. F., 40 т., 364—371 с. с.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Введеніе . . . . . 1— 48

I. Словянская семья языковъ (1—5). II. Древне-церковно-словянскій языкъ (5—6). III. Дѣятельность Кирилла и Меѳодія (6—8). IV. Народность древне-церковно-словянскаго языка (8—15). V. Значеніе др.-ц.-словян. языка въ наукѣ словянскаго языкознанія (15). VI. Словянскія азбуки (16—18). VII. Сравнительная древность словянскихъ азбукъ (кириллицы и глаголицы) и ихъ происхожденіе (18—27). VIII. Памятники др.-церк.-словянскаго языка (27—46). IX. Пособія къ изученію др.-церк.-словянскаго языка (46—48).

Фонетика . . . . . 49—124

§ 1. Звуковая система др.-церк.-словянскаго языка . . . . . 49— 50

Отношеніе звуковъ древне-церковно-словянскаго языка къ праславянскимъ . . . . . 51— 55

§ 2. Гласные (а, о, оу, е, и, ы, ж, ѧ, ѣ, ѫ, ь); неслоговой i или j. § 3. Сонорные (р, л, м, н), согласные (п, б, д, т, к, г, ѳ, ф, с, з, ш, ж, х, ц, ч, ѕ); отличія др.-церк.-словянскаго языка отъ праславянскаго.

Отношеніе др.-церк.-словянскихъ и праславянскихъ звуковъ къ индо-европейскимъ . . . . . 55— 67

§ 4. Система индо-европейскихъ гласныхъ. § 5. Судьба индо-европ. a и o, ā и ō. § 6. Индо-европ. ə. § 7. Слов. *o* въ заимствованныхъ словахъ. § 8. И.-европ. e, ē. § 9. И.-европ. i, ī. § 10. Прасл. ь—ослабленіе *e*, *o*. § 11. Индо-европ. u, ū. § 12. Праслов. ъ въ сочетаніи съ r, l, m, n и въ заимствованныхъ словахъ. § 13. Праслов. у въ заимствованныхъ словахъ. § 14. Индо-европ. дифтонги ei, oi, ai, əi. § 15. И.-европ. дифтонги eu, ou, au. § 16. И.-европ. сочетанія гласный+n, m. § 17. И.-европ. слоговые r, l. § 18. И.-европ. r, l, m, n. § 19. И.-европ. согласные. § 20. Губные p, b, ph, bh. § 21. Зубные t, d, th, dh. § 22. Взрывные язычно-небные (твердые, придыхательные и лабіализованные). § 23. Язычно-небные k, g палатальные. § 24. И.-европ. s, z. § 25. Индо-европ. j и i̯.

Звуковыя измѣненія праславянской эпохи . . . . . 67— 80

§ 26. Измѣненіе согласнаго s въ ch. § 27. Измѣненіе k, g, ch передъ палатальными гласными. § 28. Измѣненіе тѣхъ же согласныхъ передъ палатальными изъ дифтонговъ и послѣ

Стран.

палатальныхъ гласныхъ. § 29. Измѣненіе ē въ ā. § 30. Измѣненіе гласныхъ подъ вліяніемъ j. § 31. Измѣненіе согласныхъ подъ вліяніемъ j. § 32. Удлиненіе гласныхъ. § 33. Измѣненія группъ согласныхъ. § 34. Явленія начала слова. § 35. Явленія конца слова. § 36. Судьба дифтонга oi (ai) въ концѣ слова. § 37. Измѣненіе *o* въ ъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ. § 38 и § 39. Судьба сочетаній *гласный*+n, m въ конечномъ слогѣ. § 40. Примѣчаніе къ вопросу о сочетаніяхъ *гласный*+n, m. § 41. Примѣчаніе о хронологіи праславянскихъ звуковыхъ явленій. § 42. Таблица соотвѣтствій д.-ц.-слов. и праслов. звуковъ индо-европейскимъ.

Чередованіе гласныхъ въ праславянскомъ и др.-цер. словянскомъ . . . . . 81— 85

§ 43. Чередованіе качественное и количественное. § 44. Основныя формы чередованія гласныхъ въ и.-европейскомъ праязыкѣ. § 45. Чередованіе e:o:ə. § 46. То же чередованіе передъ r, l. § 47. То же чередованіе передъ m, n. § 48. То же чередованіе передъ i. § 49. То же чередованіе передъ u. § 50. Чередованіе ē:ō:ə. § 51. Новыя чередованія, возникшія на словянской почвѣ.

Замѣчанія объ отдѣльныхъ звукахъ и звуковыхъ сочетаніяхъ въ связи съ данными памятниковъ . . . 85—124

§ 52. Др.-ц.-сл. ѣ. § 53. Гласные ъ и ь. § 54. Данныя памятниковъ относительно ъ, ь. § 55. Редуцированные ꙑ и и. § 56. Рефлексы слоговыхъ *r*, *l*. § 57. Новые слоговые *r*, *l*. § 58. Носовые ǫ, ę. § 59. Др.-церк.-слов. рефлексы праславянскихъ сочетаній or, ol, er, el. § 60. Рефлексъ прасл. j (i̯). § 61. Смягченные ŕ, ĺ, ń. § 62. Рефлексы праславянскихъ сочетаній губной +j. § 63. Согласные ш, ж. § 64. ш, ж новаго происхожденія. § 65. Группы шт, жд. § 66. Согласные ц, ч, ѕ. § 67. Группа sk въ положеніи предъ ě, і изъ oi (ai). § 68. Группы цк, ѕк, гк. § 69. Конечное з предлоговъ въ сочетаніи съ начальнымъ согласнымъ слѣдующаго слова; предлоги окъ, отъ. § 70. Происхожденіе н въ сочетаніяхъ кънѣмь, кънити и т. п.

Морфологія . . . . . 125—223

§ 71. Общія замѣчанія 125

I. Праславянскія явленія въ области формъ . . . . . 125—167

Именныя формы . . . . . 126—148

§ 72. Типы склоненія въ праславянскомъ языкѣ, система чиселъ и падежей. § 73. Форма имен. п. ед. ч. § 74. Род. пад. ед. ч. § 75. Дат. п. ед. ч. § 76. Вин. п. ед. ч. § 77. Твор. пад. ед. ч. § 78. Мѣстн. пад. ед. ч. § 79. Зват. форма. § 80. Им.-вин.-зв. п. дв. ч. § 81. Род.-мѣстн. п. двойств. ч. § 82.

Стран.

Дат.-твор. п. дв. ч. § 83. Имен. п. мн. ч. § 84. Род. п. мн. ч. § 85. Дат. п. мн. ч. § 86. Вин. п. мн. ч. § 87. Твор. п. мн. ч. § 88. Мѣстн. п. мн. ч.

Мѣстоименныя формы . . . . . 140—145

§ 89. Личныя мѣстоименія. § 90. Основы мѣстоименій указательныхъ, вопросительныхъ и притяжательныхъ. § 91. Особенности мѣстоименныхъ флексій.

Склоненіе прилагательныхъ . . . . . 146—148

§ 92. Прилагательныя опредѣленныя. § 93. Степени сравненія.

Глагольныя формы . . . . . 148—167

§ 94. Основы глагола; основы настоящаго времени. § 95. Основы инфинитива. § 96. Личныя окончанія единствен. числа. § 97. Окончанія множествен. числа. § 98. Окончанія двойств. числа. § 99. Вторичныя окончанія. § 100. Формы наст. вр. со вторичными окончаніями; образованіе аориста простого. § 101. Образованіе аориста сигматическаго стараго типа. § 102. Новый типъ аориста сигматическаго. § 103. Формы 2—3 л. ед. ч. аориста. § 104. Формы имперфекта. § 105. Формы перфекта, давнопрошедшаго и будущаго. § 106. Формы наклоненія. § 107. Формы залога. § 108. Именныя формы глагола. § 109. Формы прич. наст. вр. дѣйств. залога. § 110. Формы прич. прош. вр. дѣйств. зал. § 111. Формы прич. страд. залога.

II. Формы древне-церковно-словянскаго языка . . . . 167—223

Склоненіе именъ . . . . . 167—188

§ 112. Типы др.-ц.-словянскаго склоненія. § 113. Основы на согласный; § 114. Склоненіе основъ на согласный мужескаго рода. § 115. Склоненіе основъ на согласный средняго рода. § 116. Склоненіе основъ на согласный женск. рода. § 117. Склоненіе основъ на -ŭ. § 118. Основы на -i. § 119. Склоненіе основъ на -i муж. рода. § 120. Склоненіе основъ на -i женск. рода. § 121. Склоненіе основъ на -u. § 122. Основы на -o. § 123. Схема склоненія основъ на -o (-jo). § 124. Замѣчанія къ склоненію основъ на -o. § 125. Замѣчанія къ склоненію основъ на -jo. § 126. Основы на -ā (-jā). § 127. Схема склоненія основъ на -ā (jā). § 128. Примѣчаніе объ употребленіи формъ двойственнаго числа.

Склоненіе мѣстоименій . . . . . 188—193

§ 129. Личныя мѣстоименія. § 130. Основы мѣстоименій неличныхъ на -o. § 131. Основы на -jo. § 132. Мѣстоименія ѕь, чьто, кыѣ.

Склоненіе числительныхъ . . . . . 193—194

§ 133. Числительныя количественныя и порядковыя.

Склоненіе прилагательныхъ . . . . . 194—199

§ 134. Простое склоненіе прилагательныхъ положительной и сравнительной степени и причастій. § 135. Сложное склоне-

Стран.

ніе прилагательныхъ и причастій. § 136. Замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ формъ сложнаго склоненія.

Спряженіе . . . . . 199—223

§ 137. Классификація глаголовъ. § 138. Личныя окончанія. § 139. Глаголы съ основой наст. вр. на -е (о) (I классъ). § 140. Схема спряженія глаголовъ типа А—съ основой инфинитива, равной корню. § 141. Схема спряженія глаголовъ типа В—съ основой инфинитива на -а. § 142. Замѣчанія, относящіяся къ чередованіямъ гласныхъ въ корнѣ. § 143. Распредѣленіе различныхъ типовъ аориста въ памятникахъ. § 144. Окончаніе -тѫ въ 3 л. ед. ч. аориста. § 145. Формы имперфекта и причастія. § 146. Глаголы съ основой на -пе (-по) (II классъ). § 147. Схема спряженія глаголовъ II класса. § 148. Формы аориста съ суфф. пѫ и безъ него. § 149. Формы прич. прош. дѣйств. залога. § 150. Глаголы съ основой наст. вр. на -је (III классъ) безъ второй основы (А). § 151. Глаголы того же класса, имѣющіе вторую основу (В). § 152. Схема спряженія глаголовъ III класса типа А. § 153. Общія замѣчанія о схемѣ спряженія глаголовъ типа В. § 154. Явленія ассимиляціи и диссимиляціи въ формахъ наст. времени. § 155. Формы повелит. накл. глаголовъ III класса. § 156. Форма имперфекта глаголовъ III класса. § 157. Формы прич. прош. времени страд. залога глаголовъ III класса. § 158. Глаголы съ основой наст. времени на -і (IV классъ). § 159. Схема спряженія глаголовъ съ основой наст. вр. на -і. § 160. Замѣчанія объ отдѣльныхъ формахъ глаголовъ IV класса. § 161. Замѣчанія о глаголахъ хѵтѣти, сѣпати, горѣти, докыѣти, видѣти. § 162. Схема спряженія глаголовъ нетематическихъ (V классъ). § 163. Замѣчанія къ спряженію глаголовъ V класса.

Приложеніе.

О діалектическихъ чертахъ и изводахъ церковно-словянскихъ памятниковъ . . . . . 224—228

Дополненія. 229

Списокъ сокращеній . . . . . 230—231

Опечатки. 232

Всесоюзная Публичная Библиотека

ВВЕДЕНІЕ.

1. Среди обширнаго круга языковъ индо-европейскаго корня болѣе тѣсную семью составляютъ *словянскіе* языки.

Въ семью эту входятъ языки: русскій, болгарскій, сербскій, словинскій, чешскій со словацкимъ нарѣчіемъ, серболужицкій, польскій и кашубскій.

Къ этой же семьѣ относится и вымершій полабскій языкъ, о которомъ изслѣдователь можетъ судить лишь по скуднымъ нѣмецкимъ записямъ конца XVII и XVIII вѣка да по полабскимъ именамъ, встрѣчающимся въ латино-нѣмецкихъ грамотахъ и лѣтописяхъ средневѣковья.

Всѣ эти языки были нѣкогда говорами одного *праславянскаго языка*, которымъ говорилъ единый въ смыслѣ языковомъ и культурномъ словянскій пранародъ; территорію, на которой жили словяне въ эту эпоху этническаго, культурнаго и языкового единства, въ настоящее время невозможно съ точностью опредѣлить.

Примѣчаніе. Ср. по этому вопросу у Нидерле: Niederle, Slovanské starožitnosti I (1902 г.), 3—34 сс., Розвадовскаго, Sprawozdania Akad. III т., 26 с.; Соболевскаго, Věstník slovanských starožitností IV т., 19—20 сс. и Ж. М. Н. Пр. 1902 г., № 6, II отд. 388—393 сс.; Шахматова, Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка (Энциклопедія славянской филологіи, вып. 11) 1915 г., IX и сл.

Расширяясь постепенно въ различныхъ направленіяхъ, встрѣчаясь въ различныхъ мѣстахъ съ различными этническими и культурными вліяніями, словянскій пранародъ распался съ теченіемъ времени на отдѣльные, самостоятельные народы, которые въ настоящее время довольно рѣзко отличаются другъ отъ друга какъ языкомъ, такъ и складомъ политической жизни и культуры.

Былые говоры, развиваясь и измѣнялись на длинномъ протяженіи вѣковъ, постепенно сложились въ самостоятельные языки. Однако старыя отношенія между этими языками,—отношенія говоровъ одного языка,—не стерлись совершенно, и болѣе тѣсное родство между ними, былое единство, безъ труда можно установить научнымъ путемъ и въ настоя-

щее время. Мало того: современныя отношенія между словянскими языками въ извѣстной степени соотвѣтствуютъ тѣмъ отношеніямъ между ними, которыя можно предполагать въ старину въ виду данныхъ историко-географическихъ, и представляютъ сохраненіе или дальнѣйшее развитіе тѣхъ отношеній, которыя существовали между ними, какъ говорами прасловянскаго языка.

Въ настоящее время языки—болгарскій, сербскій и словинскій образуютъ одну *южнословянскую* группу языковъ; эта южнословянская группа можетъ быть противопоставлена *западно-словянской* группѣ, въ которую входятъ языки чешскій (со словацкимъ нарѣчіемъ), сербо-лужицкій, польскій и кашубскій (поморскій), и русскому языку, какъ особой, *восточной* группѣ нарѣчій (великорусское, малорусское и бѣлорусское).

Особая близость между языками и нарѣчіями, образующими одну группу, представляетъ результатъ различнаго рода условій. Такъ, близость отдѣльныхъ языковъ между собою въ словарномъ отношеніи является отчасти слѣдствіемъ одинаковыхъ культурно-историческихъ условій: во всѣхъ западно-словянскихъ языкахъ, напримѣръ, находимъ бо́льшее количество германскихъ словъ, чѣмъ въ южнословянскихъ и русскомъ; малорусское нарѣчіе въ этомъ отношеніи стоитъ ближе къ западно-словянскимъ языкамъ. Въ болгарскомъ и сербскомъ много общихъ словъ турецкаго происхожденія.

Но рядомъ съ этимъ находимъ взаимную близость между языками одной группы *въ основныхъ звуковыхъ особенностяхъ, присущихъ этимъ языкамъ уже въ глубокой древности.*

Языки южнословянскіе характеризуются *совокупностью* слѣдующихъ звуковыхъ чертъ.

1. Первоначальныя группы согласныхъ kv, gv передъ ě (ѣ) изъ дифтонга измѣнились въ этихъ языкахъ въ cv, dzv, (dzv въ нѣкоторыхъ изъ этихъ языковъ упростилось въ zv): ср. болг. *цвѣтъ, звѣзда*, словинск. cvêt, zvězda, серб. *цвијет, звијезда* (ср. польск. kwiat, gwiazda).

2. Первоначальныя группы согласныхъ dl, tl упростились въ этихъ языкахъ въ l: ср. болг. *моля се*, словинск. moliti, сербск. *молити*, болг. и серб. *плела*, словинск. plela (ср. польск. modlić, płotła).

3. Первоначальныя прасловянскія сочетанія or, ol, er, el между согласными дали сочетанія *ра, ла, рѣ, лѣ*: ср. болг. *градъ, гладъ, брѣгъ, млѣко*, серб. град, глад, брijег, млијеко (*южносербск.* ије изъ *ѣ*), словинск. grâd, glâd, brêg, mléko (е изъ *ѣ*).

Русскій языкъ, сходясь въ первой и второй особенности съ южнословянскими языками (ср. русск. *цвѣтъ, звѣзда, молить, плела* и т. п.) отличается отъ нихъ въ судьбѣ прослов. сочетаній *or, ol, er, el* между

согласными, на мѣстѣ которыхъ онъ имѣетъ такъ называемыя *полногласныя* сочетанія: ср. русск. *городъ*, *голодъ*, *берегъ* и т. д.

Всѣ западно-словянскіе языки характеризуются, въ отличіе отъ южнословянскихъ и русскаго, сохраненіемъ первоначальныхъ группъ: 1) kv, gv и 2) dl, tl: ср. польск. kwiat, gwiazda (*цвѣтъ*, *звѣзда*), чешск. květ, hvězda (g измѣнилось въ чешскомъ въ h) и польск. modlić, płotła, чеш. modliti, pletla. 3) Кромѣ того, западно-словянскіе языки отличаются отъ южныхъ и русскаго однообразнымъ развитіемъ праславянскихъ сочетаній tj, dj, которыя дали въ этихъ языкахъ слитный согласный со свистящимъ оттѣнкомъ,—c (изъ tj) и d͡z (изъ dj), причемъ d͡z въ нѣкоторыхъ языкахъ упростилось въ z: ср. пол. swieca (свѣча), miedza (межа), сербо-луж. swěca, měza (верхне-луж.), чеш. svíce, meze. Въ русскомъ языкѣ въ такихъ случаяхъ находимъ *ч* и *ж* (*свѣча*, *межа*); въ южнословянскихъ языкахъ въ этомъ отношеніи нѣтъ единства.

Указанныя особенности русскаго, южно-словянскихъ и западно-словянскихъ языковъ явились въ глубокой древности результатомъ діалектическаго развитія первоначальнаго праславянскаго языка, плодомъ постепеннаго ослабленія связей между отдѣльными частями праславянскаго народа.

Однако это ослабленіе связей первоначально не влекло за собою полнаго перерыва сношеній; ослабленіе связей сказывалось въ томъ, что въ извѣстной части словянской языковой территоріи возникали новыя звуковыя явленія, не передававшіяся въ другія части этой территоріи, какъ измѣненіе группъ kv, gv (въ cv, d͡zv) или группъ tl, dl въ l, или измѣненіе or, ol, er, el между согласными въ сочетанія *полногласныя*.

Тѣмъ не менѣе первоначально не было рѣзкихъ границъ между западными, южными и восточными говорами праславянскаго языка; возникавшія въ томъ или другомъ пунктѣ языковой территоріи словянъ звуковыя измѣненія связывали иногда между собою говоры различныхъ группъ.

Такъ, напримѣръ, измѣненіе сочетаній or, ol, er, el между согласными въ сочетанія ra, la, rě, lě (*рѣ*, *лѣ*) охватило не только всѣ южные говоры, но и часть западныхъ: въ чешско-словацкомъ находимъ hrad, hlad (h изъ g), břeh, mléko (re, le изъ rě, lě), и такое совпаденіе между чешскимъ языкомъ и южно-словянскими врядъ ли можно считать случайностью.

Такимъ образомъ, праславянскій языкъ представлялъ собою замкнутый кругъ говоровъ; принимая во вниманіе древнее и современное географическое положеніе языковъ, возникшихъ изъ этихъ говоровъ, мы можемъ представить себѣ этотъ кругъ говоровъ слѣдующимъ образомъ:

Говоры болгарскій, сербскій и словинскій примыкали къ южной и югозападной границѣ словянской территоріи, и соотвѣтственно своему положенію носители ихъ впослѣдствіи начали движеніе въ югозападномъ направленіи, продвигаясь въ подунайскую равнину и затѣмъ на Балканскій полуостровъ; предки полабянъ, поморянъ, поляковъ, лужичанъ и чехо-моравянъ двигались въ сѣверозападномъ направленіи, предки русскихъ—на сѣверъ и на востокъ.

Старыя связи при этомъ движеніи словянъ на западъ, сѣверозападъ и югозападъ долгое время не порывались.

Въ IX вѣкѣ южно-словянскія племена (болгарскія, сербскія и словинскія) занимали почти весь Балканскій полуостровъ, за исключеніемъ небольшихъ полосъ, принадлежавшихъ грекамъ и албанцамъ, и почти всю подунайскую равнину; на сѣверо-востокѣ, какъ и встарь, они примыкали къ русскимъ племенамъ; на сѣверо-западѣ поселенія словинцевъ доходили до Дуная, на противоположномъ берегу котораго сидѣли представители чехоморавскаго племени; надъ чехомораванами сидѣли лужичане и поляки, еще сѣвернѣе полабцы и поморяне, къ востоку отъ поляковъ русскіе; такимъ образомъ, въ IX вѣкѣ словянская территорія представляла почти сплошь замкнутый кругъ словянскихъ нарѣчій, связанныхъ между собою переходными говорами.

Примѣчаніе. Ср. «Карту разселенія славянъ въ IX вѣкѣ» Кочубинскаго 1885 г. или «Карту разселенія славянъ во второй половинѣ IX вѣка» Флоринскаго 1907 г.

Только позже образовались глубокіе перерывы въ этой языковой словянской территоріи, отдѣлившіе южныхъ словянъ какъ отъ западныхъ, такъ и отъ восточныхъ. Слѣдъ былого сосѣдства западныхъ и южныхъ словянъ (чехо-моравянъ и словинцевъ) сохранился еще въ нѣкоторыхъ говорахъ словинскаго языка въ видѣ западно-словянской группы dl (tl).

Между западно-словянской языковой областью и восточно-словянской—русской и въ настоящее время нѣтъ разрыва.

II. Единство словянскихъ языковъ по происхожденію обусловливаетъ единство науки словянскаго языкознанія. Какой бы изъ словянскихъ языковъ мы ни изучали исторически, для полнаго и яснаго пониманія его историческихъ основъ и его исторической жизни намъ необходимо широкое знакомство съ остальными словянскими языками: только сравнительное изученіе всѣхъ словянскихъ языковъ можетъ рѣшить задачу научной реконструкціи ихъ общаго родоначальника,—прасловянскаго языка, а безъ такой реконструкціи прасловянской системы звуковъ и формъ нельзя освѣтить корней исторической жизни отдѣльныхъ словянскихъ языковъ.

Очень важное значеніе въ такой реконструкціи, въ сравнительномъ изученіи словянскихъ языковъ имѣетъ грамматика древне-церковно-словянскаго языка. Для того, чтобы было ясно это значеніе, нужно прежде всего выяснить самый терминъ—«древне-церковно-словянскій языкъ», а для этого необходимо нѣсколько остановиться на дѣятельности Первоучителей словянскихъ Константина (Кирилла) и Меѳодія, съ коей неразрывно связано самое возникновеніе этого древне-церковно-словянскаго языка.

Примѣчаніе. Дѣятельность Первоучителей освѣщается цѣлымъ рядомъ источниковъ какъ словянскихъ, такъ и греческихъ и латинскихъ. Среди нихъ важнѣйшими являются такъ называемыя паннонскія житія Константина и Меѳодія на словянскомъ языкѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, однако, представляющія словянскій переводъ съ греческаго (ср. Вороновъ «Кириллъ и Меѳодій. Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія». 1877). Составлены эти житія были, повидимому, въ IX или X вѣкѣ. Изданіе ихъ можно найти: житія Константина въ Denkschriften der Kaiserl. Akad. d. Wiss. ph.-hist. Cl. XIX B. 1870. Wien (Дюммлеръ и Миклошичъ); житіе Меѳодія издано Миклошичемъ также въ 1870 г.: Vita Sancti Methodii ed. Fr. Miklosich; другія изданія указаны Лавровымъ въ статьѣ «Свв. Кириллъ и Меѳодій...», въ «Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ» (подъ ред. Виноградова) вып. 2, гдѣ данъ русскій переводъ житій, а также въ предисловіи къ его собственному изданію житія Меѳодія 1898 г. (въ Чтеніяхъ въ И. О. И. и Др. Р. 1899 г.); ср. еще изданіе житій въ книгѣ Пастрнека Dějiny slovanských apoštolů Cyrila a Methoda, 1902, Praha, гдѣ текстъ ихъ данъ въ искусственно-архаизированной формѣ (ср. Ж. М. Н. Пр. 1902 г., № 8, 454 и сл.). Изъ новой литературы житій ср. Вондрака (Vondrák) Studie z oboru církevněslovanského písemnictví, Ламанскаго «Славянское житіе св. Кирилла...» въ Ж. М. Н. Пр., 1903, Лаврова «Die neuesten Forschungen...» Arch. XXII, 1905, Голубинскаго въ Изв. XII, 2, 368—80. Другіе источники по кирилло-меѳодіевскому вопросу можно найти въ указанной выше книгѣ Пастрнека «Dějiny» и т. д. и въ «Сборникѣ источниковъ для исторіи жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія, апостоловъ славянскихъ», составленномъ Н. В. Ястребовымъ (1911 г. Спб. 151 с.).

Изъ общихъ пособій по кирилломеѳодіевскому вопросу, кромѣ отмѣченныхъ выше работъ Воронова и Пастрнека, см. Малышевскаго (свв. Кириллъ и Меѳодій, 1885 г.), Голубинскаго (Святые Константинъ и Меѳодій... 1885 г.), Ягича Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи въ славянской филологіи 1885 г., Гетца (Goetz) Geschichte der Slawenapostel... 1897, Ягича (Jagić) Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache, 1913. Berlin. Болѣе подробныя библіографическія данныя по кирилломеѳодіевскому вопросу можно найти въ указанныхъ трудахъ и у Пастрнека (Pastrnek) «Bibliographische Übersicht über die slavische Philologie 1876--1891» Berlin 1892 г., 156 и сл., Вондрака (Vondrák) «Novější práce o činnosti slovanských apoštolů Cyrilla a Methoda» Čas. Č. M. LXXI, Гельцера (Gelzer) въ Geschichte der byzantinischen Literatur² Крумбахера (Krumbacher), 1101 с.

III. Около 863 года къ императору византійскому Михаилу III явилось посольство отъ моравскаго князя Ростислава,—по словамъ житія Константина,—съ просьбой прислать ему такихъ учителей, которые бы научили его народъ христіанской вѣрѣ на его родномъ языкѣ; моравane въ это время не были уже язычниками, но, будучи обращены въ христіанство латино-нѣмецкимъ духовенствомъ, имѣли богослуженіе на латинскомъ языкѣ.

Если мысль дать народу богослуженіе и христіанскую проповѣдь на понятномъ ему языкѣ, организовать національную церковь дѣйствительно принадлежала Ростиславу, то она была не безъ связи съ его желаніемъ уничтожить церковную зависимость Моравіи отъ нѣмецкаго епископа и его политическими планами. Впрочемъ, возможно, что мысль о словянскомъ богослуженіи, вопреки разсказу житія, не принадлежала Ростиславу, и посольство его имѣло цѣлью лишь заключить политическій и церковный союзъ съ Византіей, въ противовѣсъ такому же союзу нѣмцевъ съ Болгаріей. Ср. Златарскій «Извѣстията за българитѣ»... Сб. Н. У. XXIV, 58 и сл.; ср. Изв. XII, 2 кн. 375—6.

Моравская миссія была предложена братьямъ Константину и Меѳодію. Сыновья знатнаго греческаго вельможи, Константинъ и Меѳодій были уроженцы города Солуня, который въ ту эпоху былъ окруженъ словянскими поселеніями; житіе Меѳодія влагаетъ въ уста императора Михаила слѣдующія слова, обращенныя къ братьямъ: «вы оба—солуняне, а солуняне всѣ говорятъ хорошо по словянски» (кы бо іѥста ѕелоунанина ·да ѕелоунане кыси чисто слокѣньскы бесѣдоуютъ: изд. Лаврова).

Руководящая роль въ миссіи принадлежала младшему брату Константину, который, принадлежа къ духовному сословію, въ то же время извѣстенъ былъ въ моментъ прибытія моравскаго посольства своею ученостью и миссіонерской дѣятельностью.

Предъ отправленіемъ въ Моравію Константинъ, по свидѣтельству его житія, «сложи писмена», т. е. составилъ словянскую азбуку и началъ переводъ евангелія-апракосъ: начетъ бесѣдоу писати иєкангельскоу· испрька бѣ слоко и т. д.; именно этими словами,—чтеніемъ изъ св. Іоанна I, 1—25, начинается неполное евангеліе, т. е. сборникъ евангельскихъ чтеній, употребляемыхъ на богослуженіи въ воскресные и праздничные дни.

Прибывъ въ Моравію, братья провели здѣсь болѣе 3 лѣтъ, по сообщенію житія Константина,—40 мѣсяцевъ, работая надъ задачей организаціи моравской церкви. Эта работа состояла, конечно, главнымъ образомъ въ переводѣ богослужебныхъ книгъ на словянскій языкъ и въ подготовкѣ учениковъ, которые должны были дать первый кадръ служителей національной церкви—словянскихъ священниковъ и прочихъ лицъ духовнаго званія.

Послѣ этой трехлѣтней работы братья должны были въ силу историческихъ обстоятельствъ отправиться въ Римъ: ихъ организаціонная дѣятельность въ Моравіи была, такъ или иначе, вмѣшательствомъ въ сферу вліянія римской церкви, и по желанію ли папы, или князя, или наконецъ по собственному почину,—имъ приходилось дать отчетъ въ этой дѣятельности римскому престолу.

По дорогѣ въ Римъ Константинъ посѣтилъ словянское княжество Коцела на Блатенскомъ озерѣ, въ исторической Панноніи (между верхнимъ Дунаемъ, Дравой и Муромъ) и организовалъ здѣсь также словянскую церковь: пріиѣтъ же и идоущю Коцьлъ кнєзь панонъскыи, и вьзлюбль кельми слокѣньскы книгы насоучити се имь кьда до ·н· оученикъ оучити се имь (житіе Константина, XV); по національности подданныхъ Коцела, давшаго Константину 50 (·н·) учениковъ, должно опредѣлить, какъ словинцевъ.

Путешествіе братьевъ въ Римъ, по разсказу житія, было удачно: словянская литургія была признана папой, и ученики Константина были посвящены въ священники, вмѣстѣ съ ними и Меѳодій. Однако Константинъ въ Римѣ заболѣлъ, принялъ монашество подъ именемъ Кирилла и умеръ въ 869 году. Меѳодій же возвратился сперва въ Панноніо въ качествѣ епископа: житіе его разсказываетъ, что объ этомъ Коцелъ хлопоталъ у папы; затѣмъ онъ попадаетъ въ руки архіепископа Зальцбургскаго Адалвина и епископа Фрейзингенскаго Германриха, которые заключаютъ его въ тюрьму; отсюда онъ освобождается лишь чрезъ 3 года—въ 873 году по настояніямъ папы и снова является въ Моравію, гдѣ между тѣмъ обстоятельства существенно измѣнились: Ростислава смѣнилъ на моравскомъ престолѣ его племянникъ Святополкъ, не раздѣлявшій симпатій своего предшественника къ словянской церкви. Меѳодію приходится бороться съ нѣмецкимъ духовенствомъ до самой смерти—въ 885 г.

Въ этотъ послѣдній періодъ своей жизни Меѳодій, по разсказу его житія, съ помощью двухъ поповъ-борзописцевъ перевелъ въ 6 мѣсяцевъ весь Ветхій Завѣтъ, за исключеніемъ книги Маккавеевъ; житіе прибавляетъ, что Меѳодій раньше вмѣстѣ съ братомъ перевелъ Евангеліе, Псалтирь, Апостолъ и избьранымъ службы церковьныя.

Примѣчаніе. Современные изслѣдователи относятся къ вопросу о достовѣрности этого извѣстія положительно: ср. Лаврова въ Изв. VI, кн. 1, 268 и сл., Соболевскаго въ «Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ», 117 с. Ягичъ, раньше сомнѣвавшійся въ возможности перевода Меѳодіемъ Ветхаго Завѣта, теперь готовъ допустить, что «въ послѣдній періодъ жизни Меѳодія были переведены главныя части Ветхаго Завѣта»: Entstehungsgeschichte, 83 с.

Послѣ смерти Меѳодія его ученики, представители словянской церкви въ Моравіи, изгоняются Святополкомъ, словянская литургія исчезаетъ въ Моравіи и Панноніи и переносится учениками Константина и Меѳодія въ Болгарію; здѣсь переписываются кирилломеѳодіевскіе оригиналы богослужебныхъ книгъ, и въ то же время продолжается литературная—переводческая дѣятельность.

Эпохой расцвѣта на этой новой аренѣ церковно-словянской письменности было царствованіе болгарскаго царя Симеона (893—927 г.), которое называется золотымъ вѣкомъ болгарской литературы. Къ этой эпохѣ относится переводъ Шестоднева Василія Великаго, избранныхъ главъ изъ Богословія Іоанна Дамаскина, Златоструя и Сборника, дошедшаго до насъ подъ именемъ Святославова, житій Антонія Великаго и Панкратія Тавроменійскаго, Учительнаго Евангелія и слова Аѳанасія Александрійскаго противъ аріанъ. Къ той же эпохѣ относятся и нѣкоторыя оригинальныя произведенія: поученія Іоанна Экзарха Болгарскаго, поученія Климента, сказаніе черноризца Храбра «О словянскихъ письменахъ».

Примѣчаніе. Ср. у Соболевскаго, «Матеріалы и изслѣдованія» 117 с.

IV. Краткій историческій очеркъ возникновенія словянской письменности, данный выше, въ извѣстной мѣрѣ уже выяснилъ значеніе термина *древне-церковно-словянскій*. Подъ этимъ терминомъ разумѣется древнѣйшій литературный языкъ словянскаго племени, языкъ перваго словянскаго перевода Священнаго Писанія, совершеннаго Константиномъ и Меѳодіемъ во 2-й половинѣ IX вѣка.

Этотъ языкъ легъ въ основу церковнаго и шире—литературнаго языка не одного словянскаго народа: отъ болгаръ словянскія богослужебныя книги, написанныя этимъ языкомъ, перешли къ сербамъ и русскимъ; сербскіе и русскіе писцы, переписывая древніе церковно-словянскіе ори-

гиналы, вносили въ работу черты своего живого—народнаго языка, и съ теченіемъ времени получился особый церковный языкъ у русскихъ—русскій типъ церковно-словянскаго языка и особый церковный языкъ у сербовъ—сербскій типъ церковно-словянскаго языка; точно такъ же и на болгарской почвѣ древній церковно-словянскій языкъ не оставался неизмѣннымъ: болгарскій языкъ переживалъ новыя явленія въ области звуковъ и въ области формъ, и эти измѣненія новыми пластами ложились на древнюю систему звуковъ и формъ языка словянскихъ Первоучителей.

Въ отличіе отъ такого церковно-словянскаго языка новаго типа—болгарскаго, сербскаго, русскаго,—предметъ этой книги и называется *древне-церковно-словянскимъ*. Задача ея, задача грамматики древне-церковно-словянскаго языка,—охарактеризовать и освѣтить научно, исторически—литературный языкъ словянъ, какимъ онъ былъ въ первый періодъ своего существованія.

Однако данное разъясненіе предмета не вполнѣ еще его опредѣляетъ. Остается вопросъ о народности древне-церковно-словянскаго языка, такъ-какъ единый словянскій языкъ въ IX вѣкѣ давно уже не существовалъ, а были налицо, каждый со своими особенностями, отдѣльные словянскіе языки: русскій, болгарскій, словинскій, чешскій и т. д.

Всякій литературный языкъ въ извѣстной мѣрѣ искусственъ.

Въ извѣстной степени искусственнымъ можно признать и древне-церковно-словянскій языкъ; если онъ не былъ чехо-моравскимъ, то, играя роль органа церковной и литературной жизни, онъ долженъ былъ принять нѣкоторый отпечатокъ мѣстныхъ условій, отпечатокъ окружающей жизни въ формѣ моравскихъ словъ или укоренившейся здѣсь уже раньше церковной терминологіи латино-нѣмецкаго происхожденія.

Тѣмъ не менѣе въ его основѣ, какъ въ основѣ всякаго литературнаго языка, конечно, лежалъ народный языкъ, лежало одно изъ живыхъ словянскихъ нарѣчій второй половины IX вѣка.

Какое же изъ нарѣчій IX вѣка лежало въ основѣ литературнаго языка Константина и Меѳодія, какова народность этого языка?

Въ настоящее время на вопросъ этотъ можетъ быть только одинъ, и вполнѣ увѣренный, отвѣтъ. Однако отвѣтъ этотъ признанъ всѣми лишь въ недавнее сравнительно время, и вопросъ о родинѣ или народности древне-церковно-словянскаго языка имѣетъ за собой длинную и сложную исторію.

Чтобы отвѣтить на него, примемъ прежде всего во вниманіе нѣкоторые историческіе моменты, уже отмѣченные въ приведенномъ выше очеркѣ дѣятельности Константина и Меѳодія.

Какъ мы видѣли выше, Константинъ уже до отправленія въ западнословянскія области началъ переводить Евангеліе на словянскій языкъ;

ни съ языкомъ Моравіи, ни съ языкомъ Панноніи онъ не былъ въ это время знакомъ. Очевидно, если вѣрить сообщенію житія, языкъ перевода былъ тѣмъ языкомъ южныхъ словянъ, который былъ Константину знакомъ съ дѣтства, какъ солунянину. Это былъ языкъ той словянской вѣтви, которая въ настоящее время извѣстна подъ именемъ болгаръ.

Во всякомъ случаѣ языкъ церковно-словянскій не есть языкъ чехоморавскаго племени, такъ какъ его звуковыя и формальныя особенности, насколько онѣ отражаются въ древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ памятникахъ, совершенно не совпадаютъ съ особенностями, съ основными чертами чехо-моравскаго языка.

Остается еще одна возможность: что Константинъ и Меѳодій положили въ основу своего литературнаго языка нарѣчіе паннонскихъ словянъ. Однако такое предположеніе исторически невѣроятно: мы видѣли, что первые 3 года своей миссіи солунскіе братья посвятили Моравіи, и только черезъ 40 мѣсяцевъ, когда необходимыя на первыхъ порахъ богослужебныя книги были переведены, по дорогѣ въ Римъ посѣтили Паннонію.

Ясно, что историческія соображенія, если не прибѣгать ни къ какимъ искусственнымъ и необоснованнымъ предположеніямъ, вродѣ того, что княжество Ростислава въ IX вѣкѣ было населено не моравanами, а тѣми же словинцами, что и Панноніа (см. ниже примѣч.),—прямо указываютъ на одно изъ болгарскихъ нарѣчій, какъ на народную основу церковно-словянскаго языка.

Къ тому же выводу приводятъ изслѣдователя и соображенія чисто языкового характера. Одна изъ самыхъ характерныхъ звуковыхъ чертъ церковно-словянскаго языка, какъ онъ рисуется намъ по древнѣйшимъ памятникамъ, это—сочетанія жд и шт на мѣстѣ прасловянскихъ dj и tj (шт также на мѣстѣ kt, gt въ положеніи предъ мягкими гласными): ц.-сл. межда, скѣшта (ношть); въ русскомъ мы имѣемъ въ такихъ случаяхъ *ж* и *ч: межа, свѣча* (*ночь*), а въ чешскомъ—z и c: meze, svíce (пос). Эти сочетанія жд, шт въ соотвѣтствіи съ прасл. dj, tj, въ то же время служатъ однимъ изъ характерныхъ признаковъ болгарскаго языка, тогда какъ въ словинскомъ языкѣ на мѣстѣ указанныхъ прасловянскихъ сочетаній находимъ звуки j и č (ч); въ древнѣйшемъ памятникѣ словинскаго языка,—такъ называемыхъ Фрейзингенскихъ отрывкахъ,—на мѣстѣ прасл. tj находимъ звукъ, выражаемый латинской буквой c или k (напр. uzemogoki=ц.-сл. късѣмогжшти).

Другія звуковыя черты церковно-словянскаго языка также вполнѣ совпадаютъ съ діалектическими чертами болгарскаго языка; такъ, буква ѣ, какъ мы увидимъ ниже, въ говорѣ Кирилла и Меѳодія произносилась вѣроятнѣе всего, какъ широкое ä, звукъ близкій на слухъ къ сочетанію

ꙗ (я); такое произношеніе ѣ мы находимъ и нынѣ въ нѣкоторыхъ солунскихъ говорахъ, какъ указалъ въ 1896 г. Облакъ.

Примѣчаніе. Такъ произносится ѣ въ говорѣ Сухо: ср. Macedonische Studien Облака, 25 с.

Звукъ dz, слитный согласный, для котораго въ церковно-словянской азбукѣ существуетъ особая буква, отличающая его отъ простого зубного z,—также извѣстенъ до сихъ поръ македонскимъ говорамъ.

Примѣчаніе. Macedonische Studien, 51 с.

Такимъ образомъ и съ точки зрѣнія языковой вопросъ о родинѣ или, иначе говоря, народности церковно-словянскаго языка можетъ быть рѣшаемъ только въ пользу болгаро-македонскаго нарѣчія.

Примѣчаніе. Вопросъ о родинѣ или народности церковно-словянскаго языка былъ поставленъ въ наукѣ словянской филологіи при ея зарожденіи Основатель этой науки Добровскій въ своемъ сочиненіи «Кириллъ и Меѳодій» (Cyrill und Method der Slawen Apostel, 1823), отвѣчалъ на него въ сущности такъ же, какъ и мы въ настоящее время, хотя и не могъ обосновать своего отвѣта, какъ твердое научное положеніе. Для Добровскаго церковно-словянскій языкъ былъ языкъ «несмѣшанный болгаро-сербо-македонскій»—формула, которая находитъ себѣ объясненіе въ тогдашнемъ состояніи словянской этнографіи: болгаръ и сербовъ еще не различали, и терминъ «сербы» обозначалъ въ то время всѣхъ словянъ къ югу отъ Дуная. Неопредѣленность приведенной формулы Добровскаго искупается его основнымъ соображеніемъ при рѣшеніи даннаго вопроса: основатель славистики указываетъ на то обстоятельство, что Константинъ и Меѳодій были уроженцы полугреческаго—полусловянскаго города Солуня; слѣдовательно, заключаетъ Добровскій, ихъ словянская рѣчь была скорѣе всего языкомъ словянъ, жившихъ вблизи Солуня.

Эта вѣрная точка зрѣнія Добровскаго не нашла однако столь горячихъ послѣдователей и защитниковъ, какъ иная теорія—паннонскаго, т. е. словинскаго, происхожденія церковно-словянскаго языка,—теорія, долгое время едва ли не господствовавшая въ наукѣ благодаря тому, что защитниками ея являлись такіе крупные слависты, какъ Копитаръ и Миклошичъ.

Уже Копитаръ (Glagolita Clozianus, 1836 г.) въ обоснованіе этой теоріи ссылался на тотъ историческій фактъ, что Паннонія, или княжество Коцела, входила въ епархію словянскихъ Первоучителей; въ то же время онъ подчеркивалъ присутствіе въ церковно-словянскомъ языкѣ словъ западнаго, латино-нѣмецкаго происхожденія, какъ-то: олтарь, цѣкарь, оцьтъ (лат. acetum), постъ (др.-верхне-нѣм. fasta), попъ (др.-верхне-нѣм. pfaffo).

Эти слова въ составѣ церковно-словянскаго языка были въ глазахъ Копитара яснымъ указаніемъ, что языкъ этотъ принадлежалъ народу, жившему вблизи латино-германскаго міра, находившемуся въ сферѣ его вліянія. Такимъ народомъ могли быть жители Паннонiи, но не болгарскіе словяне.

Теорію Копитара развилъ Миклошичъ, присоединивъ къ указаніямъ своего учителя новые аргументы (Altslovenische Formenlehre in Paradigmen, 1874 г.).

Эти аргументы, съ одной стороны, имѣли въ виду доказать невозможность болгаризма церковно-словянскаго языка, а съ другой—возможность его пан-

нонскаго происхожденія. Миклошичъ указывалъ на то, что въ церковно-словянскомъ языкѣ ѫ и ь измѣнились въ *о* и *е*: сонѫ (изъ сѫнѫ), день (изъ дьнь), тогда какъ въ болгарскомъ находимъ глухой ъ на мѣстѣ стараго ѫ и ь: мъгла (церк.-сл. мьгла), стъклѣн (ср. ц.-сл. стькльникъ, стькльнѫ), сън (цер.-сл. сѫнъ, въ памятникахъ также—въ формѣ сонъ).

Различіе между церковно-словянскимъ и болгарскимъ Миклошичъ видитъ и въ рефлексахъ праславянскихъ носовыхъ гласныхъ: въ церковно-словянскомъ они сохранились, какъ носовые гласные (ѫ, ѧ), тогда какъ въ болгарскомъ носовыхъ гласныхъ не находимъ. Наконецъ, въ соотвѣтствіи церковно-словянскимъ звуковымъ сочетаніямъ шт, жд,—указалъ Миклошичъ,—въ македонскихъ говорахъ, къ числу которыхъ относился говоръ солунскихъ братьевъ, находимъ смягченныя к′, ч′, г′, д′.

Въ то же время Миклошичъ приписывалъ языку былого населенія Панноніи и церковно-словянское шт, жд, и носовые, хотя современный словинскій языкъ не имѣетъ первыхъ, а вторые не оставили никакихъ слѣдовъ въ большинствѣ словинскихъ говоровъ. Въ данномъ случаѣ Миклошичъ опирался на языкъ нынѣшняго населенія Панноніи,—мадьярскій (венгерскій), въ которомъ находимъ заимствованныя изъ словянскаго слова со слѣдами былыхъ носовыхъ гласныхъ и сочетаній Št, Žd (шт, жд): galamb (ц.-сл. голѫбь), rend (ц.-сл. рѧдъ), pentek (ц.-слов. пѧтъкъ), Pest (произносится, какъ pešt, т. е. Пешт, названіе города; ц.-сл. пешть, русс. *печь*), roszda (произносится, какъ rožda, ц.-сл. рождиє—производное отъ розга).

Ко всѣмъ этимъ соображеніямъ въ пользу паннонской теоріи можно присоединить еще указаніе Шафарика, первоначально бывшаго сторонникомъ болгаризма церковно-словянскаго языка (Serbische Lesekörner 1833 г.), а позже примкнувшаго къ Копитару: въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-словянскаго языка онъ находилъ цѣлый рядъ такихъ словъ, которыя въ настоящее время встрѣчаются лишь въ языкѣ словинскомъ, въ чешскомъ, да въ нарѣчіи хорватскаго Приморья, жители котораго представляютъ потомковъ паннонскаго населенія, бѣжавшаго сюда послѣ нашествія мадьяръ. Слова эти, на которыя ссылался Шафарикъ, слѣдующія: локка (дождь), отъл҃къı (остатокъ), р҃ѣкнота (истина), калин (врачъ), напроути (напитать), ашоуть (напрасно), ближика (родственникъ), братрх (братъ), година (часъ), отокх (островъ), спити (напрасно), кржь (крестъ), кѫмотрх (кумъ) и др.: изъ нихъ hodina, bratr, ktotr—находимъ и нынѣ въ чешскомъ языкѣ; братрх встрѣчаемъ также въ древнѣйшемъ словинскомъ памятникѣ—Фрейзингенскихъ отрывкахъ; спити—также содержится въ чешскомъ имени Spytihněv; выраженію ашоуть соотвѣтствуетъ др.-чеш. ješutný, локка часто встрѣчается, какъ названіе мѣста и озера, въ Хорватіи и Крайнѣ, отокх (otok) находимъ у словинцевъ и жителей Приморья; р҃ѣкнота имѣется въ словинскомъ: resnóta.

Въ древнѣйшихъ церковно-словянскихъ текстахъ употребляются прилагательныя небєсьскъ, земьскъ, а не небєсьнъ, земьнъ, и эти образованія помощью суффикса—ьskъ и до сихъ поръ преобладаютъ у словинцевъ, хорватъ и чеховъ: напр. чешск. nebeský, zemský (Ueber d. Ursprung und die Heimath des Glagolitismus, 1858 г.).

Аргументація паннонистовъ была бы неполна и даже теряла бы все свое значеніе, если бы они, помимо всего вышеуказаннаго, не отвѣтили на одинъ весьма существенный, вопросъ: какъ могли солунскіе братья переводить богослужебныя книги на языкъ словинскаго населенія Паннонiи для мораванъ, среди которыхъ они провели первые 3 года слишкомъ своей миссіи?

Это существенное препятствіе для паннонской теоріи должна была устранить гипотеза нѣмецкаго историка Дюммлера, что въ эпоху Кирилла и Меѳодія не только Паннонія, но и противоположный, лѣвый берегъ Дуная былъ занятъ предками словинцевъ, что нынѣшнее населеніе этой мѣстности, чехо-моравское, пришло сюда позже (Archiv für Kunde österr. Geschichtsquellen B. XIII).

Эту гипотезу Миклошичъ стремился поддержать слѣдующими указаніями: въ латинскихъ источникахъ X вѣка встрѣчается имя моравскаго князя Zuentibaldus, первая часть котораго (словянское svętъ—ⷭⷦⷮⷳ) указываетъ на сохраненіе въ ту эпоху въ языкѣ моравскихъ словянъ носовыхъ, тогда какъ въ чехо-моравскомъ носовыхъ не находимъ (svatý=svętъ). Отсюда выводъ: въ Моравіи въ X в. жили не чехо-мораване. Второй аргументъ: словаки, живущіе къ востоку отъ мораванъ, въ сѣверной Венгріи, и нынѣ называютъ свою страну Slovensko, а свой языкъ—slovenský.

Таковы доказательства, приводившіяся паннонистами въ пользу своей теоріи. Историческая гипотеза Дюммлера, мадьярскія заимствованныя слова, да невѣрныя ссылки на болгарскій языкъ были главными основаніями паннонской теоріи.

По мѣрѣ того, какъ подвигалось впередъ изученіе болгарскаго языка, теорія эта теряла подъ собой твердую почву, причемъ особыя заслуги въ дѣлѣ этого изученія принадлежатъ Облаку, родомъ словинцу, какъ и Копитаръ и Миклошичъ. Послѣ появленія его изслѣдованія о македонскихъ говорахъ (Macedonische Studien, 1896 г.) кредитъ паннонской теоріи былъ окончательно подорванъ.

Начать съ того, что историческая гипотеза Дюммлера не имѣетъ за собой ни одного серьезнаго основанія: если чешскій языкъ въ настоящее время не имѣетъ носовыхъ гласныхъ, то ихъ не имѣетъ въ большинствѣ своихъ говоровъ и словинскій; уже въ древнѣйшемъ памятникѣ словинскаго языка находимъ: zodni=ⷥⷢⷣⷩⷯⷭ, ze=ⷥⷭ, zueti=ⷥⷦⷮⷳⷭ и т. п.; и въ древнѣйшую эпоху—въ IX—X вв. чешскій языкъ въ такой же мѣрѣ могъ знать носовые гласные, въ какой и словинскій. Что касается имени Slovensko у словаковъ, то это—фактъ повторенія въ различныхъ уголкахъ словянскаго міра общаго имени словянъ, ровно ничего не говорящій; иного пониманія этого факта и быть не можетъ, такъ-какъ языкъ словаковъ вообще не обнаруживаетъ близости къ словинскому языку, а представляетъ скорѣе переходъ отъ чехоморавскаго къ малорусскому и польскому.

Подобно исторической гипотезѣ Дюммлера, и всѣ остальныя основанія паннонской теоріи оказываются въ настоящее время несостоятельными.

Мнимыя различія между церковно-словянскимъ и болгарскимъ языками, указанныя Миклошичемъ, въ дѣйствительности не существуютъ: западно-болгарскіе говоры имѣютъ такой же переходъ ѫ въ *о* (*сон*) и ѣ въ *е* (*ден*), какъ и церковно-словянскіе памятники; въ восточно-болгарскихъ говорахъ слѣды стараго различія между ѫ и ѣ также сохранились: *сън* и *ден*; между тѣмъ въ словинскомъ всюду ѫ и ѣ совпали въ одномъ звукѣ *е* или *а*, съ различіемъ по

говорамъ: san и dan или же sen и den. Слѣды того, что македонскіе говоры, какъ и нѣкоторые восточно-болгарскіе, имѣли въ древности носовые, сохранились и до сихъ поръ: Облакъ отмѣчаетъ въ македонскомъ говорѣ Сухо слоговые m, n на мѣстѣ церковно-словянскихъ носовыхъ: zm̨r (зѫкъ), gm̨ba (гѫба), grn̨d'a (грѫдь), gn̨ka (грѫка) и т. п.; въ говорахъ, расположенныхъ на сѣверъ отъ Солуня: zn̨tьa (зѫбъ); ср. Macedonische Studien 19, 21 сс. Наконецъ, тѣ же македонскіе говоры имѣютъ шт и жд на мѣстѣ церковно-словянскихъ шт и жд: ibid. 123, 124, 125 с.с.

Въ то же время ссылки паннонистовъ 1) на церковно-словянскую терминологію латино-нѣмецкаго происхожденія, 2) на церковно-словянскія слова, параллели которымъ находятся въ словинскомъ, чешскомъ и хорватскомъ, и 3) на мадьярскія слова, заимствованныя изъ словянскаго, съ группами šť (шт) и žd (жд) и слѣдами носовыхъ,—также ничего не доказываютъ.

Церковно-словянскій языкъ—есть языкъ литературный и потому въ извѣстномъ смыслѣ искусственный; никто не станетъ спорить съ тѣмъ, что нашъ русскій литературный языкъ въ своей основѣ есть нарѣчіе великорусское, а не малорусское и не бѣлорусское; однако въ немъ можно найти и слова малорусскаго происхожденія, можно найти и слова латинскія, французскія, нѣмецкія. Наличность въ церковно-словянскомъ языкѣ западной церковной терминологіи вполнѣ понятна: солунскіе братья, прибывъ въ Моравію, нашли здѣсь населеніе, уже привыкшее къ извѣстной церковной терминологіи, къ словамъ олтарь, оубѣ, попъ и т. п.; эта терминологія, естественно, вошла и въ церковный словянскій языкъ, словянскій переводъ Писанія, законченный въ Моравіи. Точно такъ же понятно проникновеніе въ этотъ языкъ отдѣльныхъ выраженій западно-словянскаго характера; народная основа церковно-словянскаго языка, особенно звуковая, тѣмъ не менѣе остается болгарской.

Къ этому можно присоединить еще одно замѣчаніе: въ нѣкоторыхъ случаяхъ слова, принимаемыя за исключительно свойственныя словинскому, хорватскому или чешскому языку, могли быть извѣстны и болгарскимъ говорамъ: такъ, слово сокачии (поваръ), которое раньше считали «паннонизмомъ», встрѣчается въ юго-западныхъ болгарскихъ говорахъ, ср. Цоневъ, Сборникъ Н. У. XVIII, 359 с.

Мадьярскія слова, заимствованныя изъ словянскаго, со слѣдами носовыхъ и сочетаніями šť, žd, конечно, фактъ безспорный: но чѣмъ можно доказать, что слова эти заимствованы мадьярами именно изъ словинскаго? и если словинскому языку были свойственны въ древности сочетанія šť, žd изъ праславянскихъ tj, dj, то какъ объяснить ихъ измѣненіе въ современные словинскіе č и j? Историческіе источники передаютъ, что передъ самымъ пришествіемъ мадьяръ территоріей между Дунаемъ и Тиссой владѣли болгаре; очевидно, мадьяре заимствовали слова съ šť, žd еще раньше прибытія своего въ Паннонію именно отъ болгаръ: ядро мадьярскаго народа первоначально находилось именно между Дунаемъ и Тиссой; соприкосновеніе мадьяръ съ болгарскими словянами передъ приходомъ въ Паннонію не подлежитъ, такимъ образомъ, ни малѣйшему сомнѣнію.

Подробнѣе по вопросу о мадьярскихъ заимствованіяхъ съ сочетаніями šť, žd ср. у Ашбота, Изв. VII (1902 г.) 4 кн. 249 и сл., Мелиха въ Arch. 32 т., 92 и сл. и Ягича, Entstehungsgeschichte², 229 и сл.

Нами разсмотрѣны всѣ болѣе или менѣе существенныя указанія теоріи паннонизма. Въ результатѣ всего, что выше сказано по вопросу о народности церковно-словянскаго языка, можно твердо установить положеніе о его болгаро-македонскомъ происхожденіи.

Къ приведеннымъ выше аргументамъ въ пользу болгаро-македонскаго происхожденія церковно-словянскаго языка можно прибавить еще одно указаніе: нѣкоторыя церковно-словянскія слова греческаго происхожденія являются въ памятникахъ въ такой формѣ, которая свидѣтельствуетъ не о книжномъ ихъ проникновеніи въ церковно-словянскій языкъ, а о непосредственномъ переходѣ изъ устъ народа; такъ ц.-сл. сѫбота съ носовымъ соотвѣтствуетъ не греческому литературному σάββατον (лат. sabbata, нѣм. Sabbat, ср. польск. sobota), а народному σάμβατον греческихъ говоровъ и современному македонскому *сѫбота*; ц.-сл. кревато соотвѣтствуетъ не литературному κράββατος, а народному греческому κρέββατα (ср. серб. кревет, по русски—кровать); ц.-слов. параскевиа, лекгиа, лекгитѣ соотвѣтствуетъ не литературному παρασκευή, λευείτης, а народнымъ греческимъ παρασκευγή, λευγίτης,—ср. статью Фасмера въ Изв. XI (1906) 2 кн., 388 с.

Ср. по вопросу о народности древне-церковно-словянскаго языка Jagić, Entstehungsgeschichte²... и Лаврова въ Изв. 1901 г. № 1, 242—324 сс.

V. Итакъ, древне-церковно-словянскій языкъ есть литературный языкъ, въ основѣ котораго лежитъ живое народное нарѣчіе македонскихъ словянъ второй половины IX столѣтія.

Его значеніе въ наукѣ словянскаго языкознанія опредѣляется его давностью: ни одинъ изъ словянскихъ языковъ, ни одно изъ словянскихъ нарѣчій не было фиксировано письменностью столь рано; такъ, черты русскаго народнаго языка отражаются письменностью впервые со 2-й половины XI вѣка, притомъ отражаются робко—въ памятникахъ, представляющихъ копію съ церковно-словянскихъ текстовъ; сербскихъ памятниковъ нѣтъ древнѣе XII вѣка, чешскихъ нѣтъ древнѣе XIII, польскихъ—древнѣе XIV ст. Очень важно знать, какой видъ имѣла система звуковъ и формъ хотя бы одного словянскаго нарѣчія въ эпоху, болѣе раннюю: по аналогіи можно судить и о болѣе древней стадіи въ развитіи русскаго и другихъ словянскихъ языковъ; легче составить себѣ приблизительное представленіе и о системѣ звуковъ и формъ праславянскаго языка, имѣя подъ руками факты, относящіеся къ эпохѣ IX—X вѣковъ, чѣмъ по матеріаламъ XI, XII и послѣдующихъ вѣковъ. Должно оговориться: кирилломеѳодіевскихъ оригиналовъ мы не имѣемъ,—они не дошли до насъ; древнѣйшіе памятники церковно-словянскаго языка, которые имѣются,—XI вѣка, самое раннее конца X вѣка; тѣмъ не менѣе и эти памятники, какъ копіи съ болѣе раннихъ церковно-словянскихъ оригиналовъ, сохранили въ себѣ черты болѣе ранняго времени и позволяютъ, хотя бы отчасти, строить предположенія относительно говора, легшаго въ основу литературной работы солунскихъ братьевъ.

VI. Древнѣйшіе памятники церковно-словянской письменности, дошедшіе до насъ и являющіеся источниками для построенія грамматики древне-церковно-словянскаго языка, представляютъ оригинальное явленіе въ томъ отношеніи, что они писаны не одной, а двумя азбуками.

Одна изъ нихъ, такъ называемая кириллица, состоитъ изъ буквъ, лежащихъ въ основѣ современнаго русскаго, сербскаго и болгарскаго шрифтовъ; другая, такъ называемая глаголица (терминъ довольно поздняго происхожденія), представляетъ иныя, болѣе вычурныя и на первый взглядъ неясныя по своему происхожденію начертанія.

Знаки той и другой азбуки находятся въ слѣдующемъ другъ другу соотвѣтствіи:

Глаголица:	Кириллица:	Глаголица:	Кириллица:	Глаголица:	Кириллица:
	а		м		ч
	б		н		ш
	в		о		ъ
	г		п		ь
	д		р		ѣ
	є, ѥ		с		ѣ, ꙗ
	ж				ю
	ѕ		т		ѧ
			у		
	з				ѩ
	і, ї		ф		
					ѭ
	и		ѳ		
					ѫ
	—		х		
					ѯ
	к		ѡ		
					ѱ
	л		ц		
			ч		ѵ

Примѣчаніе. Числовое значеніе глаголическихъ и кирилловскихъ буквъ не совпадаетъ. Въ кириллицѣ буква ѕ не имѣетъ числового значенія, к=2, г=3, д=4 и т. д. Въ глаголицѣ к=2, ѕ=3, г=4, д=5 и т. д., причемъ числового значенія въ глаголицѣ не имѣютъ буквы ⰴ, ⱎ, ⰶ, ⰾ, ⱏ, ⱑ, ⱓ, знаки носовыхъ и ⱛ. Въ кириллицѣ кромѣ буквы ѕ не имѣютъ числового значенія ѥ, ш, шт, ѯ, ѿ, ѣ, ѣ, ю, ѧ и знаки носовыхъ. Въ общемъ глаголица въ употребленіи буквъ въ числовомъ значеніи отличается большей независимостью отъ греческаго алфавита, чѣмъ кириллица: она употребляетъ въ числовомъ значеніи ѕ, знакъ для $\widehat{dz}$, знакъ для мягкаго г (въ заимствованныхъ словахъ), шт.

Приведенная сравнительная таблица глаголическихъ и кирилловскихъ знаковъ нуждается въ нѣкоторыхъ пояснительныхъ замѣчаніяхъ. Глаголическая азбука характеризуется отсутствіемъ особаго знака, соотвѣтствующаго кирилловскому ѥ, а также знака, соотвѣтствующаго кирилловскому ѧ: въ значеніи кирилловскаго ѥ употребляется ⱑ (=ѣ), а въ значеніи ѧ—ⱘ (=ѣ). Одинъ изъ древнѣйшихъ по палеографическимъ и языковымъ примѣтамъ глаголическій памятникъ,—Кіевскій Миссалъ,—не имѣетъ также и приведеннаго въ таблицѣ знака ⱔ, а употребляетъ знакъ ⱑⱔ въ значеніи ѧ и ⱗ,—параллельно одному знаку для ѣ и ѥ. Можно думать, что Кіевскій Миссалъ въ этомъ случаѣ отражаетъ болѣе древнюю стадію глаголической графики, и что приведенный въ таблицѣ знакъ для ѧ, т. е. *е* носового нейотованнаго, явился позже; сперва онъ былъ лишь обозначеніемъ носового характера гласнаго: ⱑⱔ обозначало носовое *о*, а ⱓⱔ—носовое *е*; ср. Ягича Маріинское Четвероевангеліе, 437 с.

Однако и кирилловская графика, какъ она отражается въ древнѣйшихъ памятникахъ, не даетъ увѣренности, что кириллица уже съ перваго момента своего существованія имѣла всѣ йотованные знаки: ѧ, ѥ, ѩ, ѭ, ю.

Знакъ ѥ въ древнѣйшихъ памятникахъ кирилловскаго письма употребляется сравнительно рѣдко, чаще замѣняясь простымъ ѣ (ср. ниже, въ перечнѣ кирилловскихъ памятниковъ). Въ обозначеніи различія между ѧ и ѩ древнѣйшіе памятники между собой не сходятся (ср. ниже). Старѣйшій датированный памятникъ кириллицы, надпись 993 года употребляетъ ѫ вмѣсто ѭ и, повидимому, ѣ вмѣсто ѧ. Такимъ образомъ, возможно, что въ употребленіи йотованныхъ знаковъ различій между глаголицей и кириллицей *первоначально* не было, или же эти различія были не столь велики.

Для обозначенія звука *і* въ кириллицѣ находимъ два знака: и и і, въ глаголицѣ—три: ⰻ, ⰼ, ⰹ; однако послѣдніе два знака, пови-

димому, были лишь варіантами одной и той же буквы, какъ видно изъ того, что оба они имѣли одно и то же числовое значеніе.

Въ соотвѣтствіи особому глаголическому знаку для d͡z (ѕ,—см. таблицу), который по своей композиціи ясно отличается отъ знака для z (ʒ,—см. таблицу), въ нѣкоторыхъ изъ древнихъ кирилловскихъ памятниковъ употребляется знакъ ꙁ (въ нашей таблицѣ вмѣсто него болѣе поздній знакъ для d͡z—ѕ). Но, повидимому, этотъ знакъ не представляетъ самостоятельной буквы, а возникъ изъ простого ʒ подъ рукой писцовъ, имѣвшихъ въ своемъ родномъ говорѣ d͡z рядомъ съ z. Возможно предположить, что кириллица, въ отличіе отъ глаголицы, не имѣла первоначально особаго знака для d͡z, такъ какъ сложилась въ средѣ, языкъ которой не зналъ этого особаго (слитнаго) звука.

Далѣе, въ глаголицѣ находимъ особый знакъ ⰾ, который обозначаетъ звукъ, соотвѣтствующій въ заимствованныхъ словахъ греческому мягкому γ (напримѣръ, греч. ἄγγελος—ангелъ). Въ кириллицѣ соотвѣтствія этому знаку не имѣемъ. Съ другой стороны, глаголицѣ, повидимому, первоначально не былъ извѣстенъ греческій знакъ ѧ, который находимъ въ кириллицѣ: въ древнѣйшихъ глаголическихъ памятникахъ съ евангельскимъ текстомъ (Зографскомъ и Маріинскомъ) этотъ знакъ употребляется всего по одному разу: онъ замѣняется обычно буквой *т*; при томъ же знакъ ѧ въ глаголицѣ не имѣетъ числового значенія.

При наличности указанныхъ различій замѣчаются однако и сходныя черты между той и другой азбукой: звукъ у (латинская буква—u) и въ глаголицѣ, какъ въ кириллицѣ, передается знакомъ, который, повидимому, представляетъ двойное начертаніе; первая часть этого начертанія, несомнѣнно,— Ⱁ, т. е. О; знакъ для глухого шипящаго ш—въ обѣихъ азбукахъ одинъ—ш; знаки: ѱ въ кириллицѣ и соотвѣтствующій ⰱ въ глаголицѣ очень сходны и даже тождественны по композиціи; кирилловское ѱ представляетъ слитное $\frac{\text{ш}}{\text{т}}$; глаголическое—слитное $\frac{\text{ш}}{\text{ѳ}}$,—съ упрощеніемъ нижней части; глаголическое ъі представляетъ двойное начертаніе, состоящее изъ тѣхъ же частей, что и кирилловское (ъ и и или і).

Точно такъ же можно указать на нѣкоторыя сходныя черты между глаголическимъ и кирилловскимъ письмомъ въ отношеніи надстрочныхъ знаковъ, напр. титлъ, т. е. знаковъ, обозначающихъ сокращеніе слова и имѣющихъ форму ⁻ ⁻ ⁻ ⁻.

Отмѣченныя черты сходства между двумя словянскими алфавитами указываютъ на несомнѣнную историческую связь между ними, и вопросъ можетъ сводиться лишь къ тому, какого именно характера эта связь.

VII. Вопросъ объ условіяхъ появленія въ церковно-словянской письменности двухъ азбукъ, объ ихъ сравнительной древности и ихъ соста-

вителяхъ, равно какъ и вопросъ объ источникахъ той изъ нихъ, которая называется глаголицей, долгое время былъ столь же крупнымъ и въ то же время спорнымъ вопросомъ словянской филологіи,—сколько вопросъ о народности церковно-словянскаго языка.

Въ извѣстной мѣрѣ спорнымъ является вопросъ этотъ и въ настоящее время.

Прежде всего—вопросъ объ источникахъ глаголицы. Въ то время, какъ аналогичный вопросъ по отношенію къ кириллицѣ былъ всегда ясенъ и не вызывалъ ни въ комъ сомнѣній, вопросъ о происхожденіи глаголицы и до сихъ поръ вызываетъ разнорѣчивые отвѣты.

Наиболѣе естественнымъ, конечно, является стремленіе связать глаголицу съ греческимъ алфавитомъ,—въ соотвѣтствіи съ общепризнаннымъ историко-культурнымъ принципомъ: алфавиты заимствуются извѣстнымъ народомъ у другого, и именно у того, подъ общимъ культурнымъ вліяніемъ котораго онъ находится. Глаголица же является письмомъ, наиболѣе распространеннымъ въ древности у южныхъ словянъ, въ частности у болгаръ, находившихся въ сферѣ культурнаго вліянія Византіи.

Мысль о греческой основѣ глаголицы очень стара: еще въ 1777 г. одинъ изъ піонеровъ славистики, Дурихъ, старался вывести фигуру глаголическаго н изъ греческаго *ν*.

Въ 1788 г. Лингартъ далъ первую таблицу, въ которой глаголица сопоставлялась съ греческимъ алфавитомъ.

Примѣчаніе. Дурихъ—въ соч. «De slavo-bohemica sacri codicis versione». Лингартъ въ соч. «Versuch einer Geschichte von Krain», 347—357: указывая на сосѣдство южныхъ словянъ съ болѣе культурными греками, Лингартъ приписываетъ имъ заимствованіе греческаго алфавита, съ нѣкоторыми измѣненіями въ характерѣ буквъ («auf Hieroglyphen gewohnt, verzierten sie das Einfache der griechischen Züge auf eine geschmacklose Art, dass es schwer wurde, das Original an den sonderbaren Figuren zu erkennen»); Лингартъ сопоставлялъ глаголическое ⰵ съ греч. ε; глагол. ⰸ съ греч. ζ; глагол. ⰻ съ греч. η; глаг. ⰽ съ греч. κ; глаг. ⰾ съ греч. λ; глаг. ⰿ съ греч. μ; глаг. ⰽ съ греч. ν; глагол. ⰾ съ греч. ο; глагол. ⰿ съ греч. π; глагол. ⰻ съ греч. ρ; глагол. ⰻ съ греч. σ; глагол. ⰻ съ греч. τ; глагол. ⱁⱆ съ греч. ου; глагол. ⰼ съ греч. φ; глагол. ⰾ съ греч. χ; глагол. ⰻ съ греч. ω.

Мысль Лингарта частично,—по отношенію къ отдѣльнымъ глаголическимъ буквамъ,—повторяется и позже,—у славистовъ Шафарика, Миклошича, Григоровича, у палеографа Ваттенбаха, но первая печатная попытка объяснить весь глаголическій алфавитъ изъ греческаго курсивнаго письма принадлежитъ Тэйлору и относится къ 1880 году.

Примѣчаніе. Taylor, Ueber den Ursprung des glagolitischen Alphabets, Arch. V. 191 c.

Дальнѣйшая разработка теоріи греческаго происхожденія глаголицы принадлежитъ Ягичу, который, соглашаясь вполнѣ съ Тэйлоромъ въ основной точкѣ зрѣнія на глаголическій алфавитъ и отвергая наличность въ глаголицѣ какихъ бы то ни было другихъ—негреческихъ элементовъ, вноситъ въ теорію Тэйлора рядъ поправокъ.

И Тэйлоръ, и Ягичъ сопоставляютъ глаголическія буквы со знаками греческой *скорописи*, тогда какъ такъ называемая кириллица основана на греческомъ уставномъ письмѣ.

Отношеніе глаголическихъ и греческихъ курсивныхъ буквъ наглядно представлено въ особой таблицѣ у Ягича.

Примѣчаніе. Ягичъ, «Четыре критико-палеографическія статьи» 1884 г., статья 4. Сборникъ Отд. р. яз. и слов. И. А. Н. XXXIII. Ср. также Очеркъ глаголической палеографіи Ягича въ 3 вып. «Энциклопедіи славянской филологіи», изд. Отд. р. яз. и слов. И. А. Н. Греческій источникъ глаголицы въ большей или меньшей мѣрѣ признавали или признаютъ, кромѣ указанныхъ ученыхъ,—Гардтгаузенъ (Literarisches Centralblatt 1883 г. № 27, 946 с.), Лескинъ, на котораго ссылался Гардтгаузенъ (Ср. у Лескина въ его Grammatik der altbulgarischen Sprache, 1909 г., XXXIV), Дильманнъ (по сообщенію Ягича), арх. Амфилохій (Дополненіе къ Галичскому сличительному Четвероевангелію, 1883 г.), Бѣляевъ (Исторія алфавита и новое мнѣніе о глаголицѣ, 1886 г.), Фортунатовъ (О происхожденіи глаголицы, 1913 г.).

Рядомъ съ мыслью объяснить глаголицу изъ греческой скорописи были попытки сближенія ея съ восточными алфавитами, съ албанскимъ, а также съ латинскимъ письмомъ. Но врядъ-ли можно признать, что всѣ эти попытки дали болѣе счастливые результаты, чѣмъ теорія Тейлора—Ягича.

Объясненія глаголическихъ буквъ изъ восточныхъ письменъ являются вполнѣ удовлетворительными лишь въ отдѣльныхъ, весьма немногихъ, случаяхъ. Вообще же говоря, остается наиболѣе правдоподобной мысль о передѣлкѣ глаголицы изъ греческой скорописи.

Болгарскій писатель X вѣка Храбръ въ своемъ сказаніи объ изобрѣтеніи словянскихъ письменъ, дошедшемъ до насъ въ нѣсколькихъ болѣе позднихъ спискахъ, сообщаетъ, что до выступленія Константина (Кирилла) въ качествѣ просвѣтителя словянъ, эти послѣдніе перебивались греческими и латинскими буквами: прежде оубѡ слокѣне не имѣахѫ книгъ. нѫ чрътами и рѣзами чьтѣхѫ и гатаахѫ погани сѫще. кръстикше же сѧ, римьскыми и грьчьскыми писмены нѫждаахѫ сѧ слокѣньскы рѣчь безъ оустроенна. Это сообщеніе въ высшей степени правдоподобно; тѣ словяне, которые находились въ сферѣ вліянія

Византіи, пользовались для своихъ житейскихъ нуждъ знаками греческой скорописи. Конечно, употребленіе этихъ знаковъ не было систематическимъ и устойчивымъ. Роль Константина состояла отнюдь не въ изобрѣтеніи новаго алфавита, а въ приспособленіи уже употреблявшагося у словянъ греческаго курсивнаго письма къ нуждамъ церковной письменности. Ему принадлежала при этомъ заслуга установленія опредѣленныхъ пріемовъ обозначенія специфически-словянскихъ звуковъ, введеніе устойчивости тамъ, гдѣ до него были колебанія. Весьма вѣроятно, что стиль скорописныхъ знаковъ, употреблявшихся въ общежитіи у словянъ, былъ при этомъ видоизмѣненъ сообразно новымъ задачамъ: онъ сталъ болѣе торжественнымъ и въ то же время вычурнымъ; нѣкоторые знаки, какъ д, г (см. таблицу Ягича) получили измѣненіе, опредѣляемое требованіями симметріи.

Если принять во вниманіе это обстоятельство, съ одной стороны, а съ другой—то, что между начальнымъ моментомъ глаголической письменности и древнѣйшими, дошедшими до насъ, образцами глаголицы прошло приблизительно около полутора столѣтія, то врядъ ли сопоставленіе глаголическихъ знаковъ, какъ они дошли до насъ въ рукописяхъ (конца X—) XI вѣка, съ греческими курсивными буквами VIII—IX вѣковъ можетъ быть признано неудачнымъ.

Примѣчаніе. Мысль о восточныхъ элементахъ въ глаголицѣ находимъ еще у Шафарика (Ueber d. Ursprung und die Heimath des Glagolitismus 1858 г.). Далѣе по этому вопросу ср.: Вс. Миллера «Къ вопросу о славянской азбукѣ» Ж. М. Н. Пр. 1884 г. (теорія сассанидскаго происхожденія дополнительныхъ знаковъ глаголицы); М. Гастера «Ilchester lectures on greeko-slavonic literature and its relation to the folk-lore of Europe during the middle ages», London 1887, 209—219 с. с. (объясненіе глаголицы изъ армянскаго и грузинскаго алфавитовъ); Абихта «Ist die Aehnlichkeit des glagolitischen mit dem grusinischen Alphabet Zufall?» Leipzig 1895 (теорія грузинскаго происхожденія глаголицы); Vondrák «Zur Frage nach der Herkunft des glagolitischen Alphabets» Arch. XVIII, XIX (1896—1897); Грунскаго «Памятники и вопросы древне-славянской письменности», 1904 г., вып. II: (ср. Кульбакина—въ разборѣ книги Грунскаго «Памятники и вопросы...»Ж. М. Н. Пр. 1906 г., № 3); Фортунатова «О происхожденіи глаголицы», 1913 г.: покойный академикъ, признавая греческую основу глаголицы въ общемъ, по отношенію къ нѣкоторымъ знакамъ глаголицы, допускаетъ коптскій источникъ (ш, ж).

Теорія албанскаго происхожденія глаголицы была предложена Гейтлеромъ: «Die albanesischen und slavischen Schriften» 1883, теорія латинскаго курсива—у Wessely, который допускаетъ, какъ и Фортунатовъ, для глагол. ш и ж коптскій источникъ: Glagolitisch-lateinische Studien (изъ Studien zur Palaeographie und Papyruskunde, Leipzig, 1913 г.).

Второй вопросъ, возникающій у изслѣдователя въ виду двойственности письма древнихъ церковно-словянскихъ памятниковъ, это вопросъ,—какая

же изъ двухъ азбукъ стала раньше орудіемъ церковной словянской письменности, какая изъ нихъ должна быть связана съ именемъ Константина (Кирилла).

Вопросъ этотъ столь же старъ, какъ и самая наука словяновѣдѣнія. Раньше, чѣмъ сложилась эта наука со своимъ опредѣленнымъ кругомъ вопросовъ, появились двѣ противоположныхъ точки зрѣнія въ этомъ вопросѣ.

Примѣчаніе. Кириллицу связывали съ дѣятельностью Константина (Кирилла) Пастричъ въ 1668 г., Фришъ въ 1727 г. («Origo characteris Sclavonici, vulgo dicti Cirilici, paucis generatis monstrata»...), Фойгтъ въ 1775 г. («Untersuchung über die Einführung, den Gebrauch und die Abänderung der Buchstaben und des Schreibens in Boehmen»), Дурихъ въ 1777 г. («Dissertatio de Slavo-Bohemica Sacri codicis versione»). Съ другой стороны, уже въ 1784 г. Добнеръ утверждалъ, что глаголица изобрѣтена въ IX в. св. Константиномъ (Кирилломъ), а кириллица есть компиляція изъ греческаго алфавита и глаголицы («Ueber das glagolitische Alphabet» въ Abhandlungen der boehmischen Gesellschaft der Wissenschaft 1784 года).

Основатель науки словянской филологіи, Добровскій (Glagolitica 1807 г. и еще ранѣе—въ 1782 г.) считалъ глаголицу очень позднимъ явленіемъ,—приблизительно XIII—XIV вѣка,—и относилъ возникновеніе ея къ Хорватіи: кирилловское письмо, какъ носившее ясный отпечатокъ Византіи, подвергалось гоненіямъ со стороны Рима; стремясь сохранить богослужебныя книги на родномъ языкѣ, хорваты придумали глаголицу. Такой взглядъ на глаголицу господствовалъ до 1836 года и вполнѣ соотвѣтствовалъ тогдашнимъ научнымъ даннымъ: глаголическія рукописи древнѣе XIV вѣка и нехорватскія не были извѣстны. Раннимъ защитникамъ глаголицы, т. е. ея древности, какъ Добнеру (ср. выше примѣчаніе) приходилось оперировать въ своей аргументаціи апріорными соображеніями о грубости глаголическихъ начертаній, объ ихъ оригинальности, которая болѣе соотвѣтствуетъ древнимъ свидѣтельствамъ о *новыхъ* письменахъ, изобрѣтенныхъ Константиномъ.

Въ 1836 году впервые дана была реальная основа для мысли о высокой древности глаголицы открытіемъ и изданіемъ глаголической рукописи, извѣстной подъ именемъ Glagolita Clozianus (ср. ниже, въ главѣ объ источникахъ церк.-слов. грамматики).

Этотъ памятникъ, представлявшій глаголическое письмо болѣе округлой формы, нежели хорватское, своимъ языкомъ не оставлялъ сомнѣній въ извѣстности глаголицы *болгарамъ*, и притомъ въ очень древнюю эпоху. На основаніи показаній этого памятника издатель его, Копитаръ, выставилъ гипотезу бо́льшей древности глаголицы сравнительно съ «кириллицей», считая первую изобрѣтеніемъ Константина (Кирилла).

Конечно, выводъ этотъ въ 1836 году не покрывался фактами. Но послѣдующія научныя открытія все болѣе и болѣе утверждали мысль Копитара. Въ 40-хъ годахъ русскій славистъ, В. И. Григоровичъ, вывезъ изъ своего путешествія на Аѳонъ и Балканскій полуостровъ цѣлый рядъ данныхъ по глаголическому вопросу; имъ были открыты: глаголическое четвероевангеліе Зографское, глаголическое четвероев. Маріинское, греческое житіе св. Климента, въ которомъ сообщалось, что св. Климентъ изобрѣлъ новую, «болѣе ясную» азбуку; кирилловскій памятникъ XIII вѣка (по Григоровичу XII)—такъ называемый Боянскій палимпсестъ, въ которомъ нѣкоторыя страницы писаны кириллицей поверхъ стертаго глаголическаго письма, и кирилловскій (Охридскій) апостолъ XII вѣка, въ которомъ отдѣльныя строки и отрывки писаны глаголицей.

Эти открытія подготовили новую точку зрѣнія на вопросъ о взаимномъ отношеніи глаголицы и кириллицы.

Въ 1855 году были открыты Пражскіе глаголическіе отрывки, съ чешскими чертами въ языкѣ, и этотъ памятникъ, древность котораго первоначально переоцѣнили, заставилъ Шафарика, когда-то примыкавшаго къ Добровскому во взглядѣ на глаголицу (Славянскія Древности 1837 г.), пересмотрѣть вопросъ. Результатомъ этого пересмотра были двѣ статьи Шафарика 1858 года—«Ueber d. Ursprung und die Heimath des Glagolitismus», въ которыхъ знаменитый славистъ выставилъ 3 положенія: 1) глаголица древнѣе кириллицы; 2) она есть изобрѣтеніе Константина; 3) такъ называемая кириллица есть изобрѣтеніе Климента, ученика Первоучителей. Первое положеніе основывалось на бо́льшей древности языка (формъ, лексики «паннонскаго» характера) глаголическихъ памятниковъ сравнительно съ кирилловскими, а также на существованіи глаголическихъ палимпсестовъ (Боянское Еванг.), доказывающихъ, что глаголица уже отжила свое, когда входила въ употребленіе кириллица. Изъ большей древности глаголицы сравнительно съ кириллицей Шафарикъ дѣлалъ заключеніе объ ея принадлежности Кириллу, указывая также на то, что древнѣйшіе остатки словянскаго письма у сѣверо-западныхъ словянъ, въ средѣ которыхъ работали свв. братья,—именно глаголическіе: Пражскіе отрывки. Указывалъ онъ и на неестественность замѣны ясной и простой кириллицы вычурной глаголицей. Конечно, изъ этихъ 3 положеній Шафарика наиболѣе слабымъ было 3-е: оно основано было на показаніи довольно поздняго греческаго житія Климента объ изобрѣтеніи имъ «болѣе ясныхъ письменъ».

Но и первыя два положенія Шафарика встрѣчали затрудненія. Первое изъ нихъ заключалось въ ссылкѣ на имя кириллицы: это имя какъ будто бы опредѣляетъ ея происхожденіе. Это затрудненіе Шафарикъ

устранялъ указаніемъ на возможность смѣшенія потомствомъ названій обѣихъ словянскихъ азбукъ; Шафарику удалось даже найти фактическое подтвержденіе такому допущенію: до насъ дошелъ поздній списокъ Пророковъ, представляющій копію текста, писаннаго въ Новгородѣ въ 1047 году; писецъ дошедшаго до насъ списка точно копируетъ запись своего оригинала 1047 г., въ которой писецъ попъ Упырь Лихой отмѣчаетъ, что писалъ «книгы сиа ис-коурилоицѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ дошедшемъ до насъ спискѣ встрѣчаются еще глаголическія слова и буквы, каковое обстоятельство и приводитъ къ мысли, что подъ «куриловицей» въ XI вѣкѣ разумѣлась именно глаголица; особая отмѣтка «ис-коурилоицѣ» врядъ ли имѣла бы даже смыслъ, если бы писецъ переписывалъ съ оригинала кирилловскаго: кирилловскіе оригиналы были обычны; (иначе арх. Леонидъ въ Р. Ф. В. XXV, 135 с.).

Второе затрудненіе, которое встрѣчало положеніе Шафарика о связи глаголицы съ дѣятельностью солунскихъ братьевъ, было болѣе существеннымъ: оно заключалось въ свидѣтельствѣ черноризца Храбра, жившаго въ X вѣкѣ, о томъ, что св. Кириллъ изобрѣлъ тридесѧть и осмь писмена ока оубо по чиноу грьчьскыхъ писменъ ока же по словѣньстѣи рѣчи. Слова—ока оубо по чиноу грьчьскыхъ писменъ вполнѣ подходятъ, по мнѣнію сторонниковъ кириллицы,—къ этой послѣдней, но не подходятъ къ глаголицѣ. Это затрудненіе Шафарикъ устранялъ извѣстнымъ толкованіемъ словъ по чиноу грьчьскыхъ писменъ, которымъ онъ придавалъ смыслъ: «по сходству словянскихъ звуковъ съ греческими».

Работа Шафарика 1858 года была наиболѣе сильной защитой точки зрѣнія, выставленной еще въ 1784 г. Добнеромъ. Дальнѣйшее развитіе науки дало лишь дополнительный матеріалъ, которымъ можетъ быть подкрѣплена аргументація Шафарика.

Въ 1874 году открытъ былъ такъ называемый Кіевскій Миссалъ (см. ниже, перечень памятниковъ),—отрывки словянской обѣдни по римскому обряду, писанные глаголицей, съ весьма древними чертами графики и языка, причемъ нѣкоторыя языковыя черты памятника указывали на области сѣверо-западнаго словянства, связанныя съ дѣятельностью Константина и Меѳодія.

Теорія греческой основы глаголицы—Тейлора, развитая Ягичемъ, открывала новую возможность толкованія словъ Храбра ока оубо по чиноу грьчьскыхъ писменъ.

Свидѣтельство Храбра вообще обратило на себя особенное вниманіе ученыхъ, интересовавшихся вопросомъ о словянскихъ азбукахъ: цѣлый рядъ изслѣдователей старался въ самомъ опредѣленіи Храбромъ числа

буквъ, изобрѣтенныхъ св. Константиномъ (тридесѧть и осмь), найти указаніе на глаголицу или кириллицу.

Примѣчаніе. Ср. Ягича «Разсужденія южно-славянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ», гл. II, Вилинскаго «Сказаніе черноризца Храбра о письменахъ славянскихъ» 1901 г. (Одесса), Лаврова въ Изв. 1901 г., 1 кн., 287—289 с., Погорѣлова въ Изв. 1901 г., 4 кн. 340 с., Абихта Das Alphabet Chrabrs въ Arch. XXXI, Фортунатова «О происхожденіи глаголицы», 1913 г., Ягича Entstehungsgeschichte², 128 с. По вопросу о томъ, гдѣ жилъ Храбръ, ср. Соболевскаго Матеріалы и изслѣдованія, 131 с.

Твердыхъ выводовъ, однако, эти изысканія не дали, такъ какъ первоначальный составъ кириллицы, какъ и глаголицы, не можетъ быть опредѣленъ съ полной увѣренностью.

Въ результатѣ вѣкового развитія вопроса о словянскихъ азбукахъ и въ настоящее время между изслѣдователями нѣтъ полнаго согласія.

Большинство ученыхъ склоняется къ мысли, что такъ-называемая глаголическая азбука имѣетъ больше правъ называться азбукой Константина—Кирилла; нѣкоторые изслѣдователи, однако, и нынѣ стоятъ на точкѣ зрѣнія той традиціи, которая отражается въ самомъ названіи кириллицы: ср. у Соболевскаго въ Богословской Энциклопедіи X т. 215 и сл. и у Карскаго въ Р. Ф. В. LXIII, 204 с. Оба послѣднихъ изслѣдователя относятся отрицательно къ теоріи греческой скорописи, какъ основы глаголицы, и опираясь на свидѣтельство Храбра и кирилловскую надпись 993 года, усваиваютъ кириллицу св. Константину.

Въ глаголицѣ Соболевскій видитъ искусственную передѣлку кириллицы, вызванную гоненіями на явно-греческое кирилловское письмо въ Моравіи.

Полагаемъ однако, что общая картина фактовъ церковно-словянской письменности, какою она является въ настоящее время, говоритъ скорѣе въ пользу глаголицы, какъ письма, впервые примѣненнаго къ нуждамъ этой письменности.

Бо́льшая часть извѣстныхъ намъ древнѣйшихъ церковно-словянскихъ памятниковъ, возникшихъ на болгарской почвѣ, писана глаголицей (см. ниже, перечень памятниковъ),—кириллица вытѣсняетъ глаголицу въ Болгаріи лишь въ XII вѣкѣ.

Въ сравнительно недавнее время открыта кирилловская надпись 993 года (см. ниже), но врядъ ли можно изъ факта, какой представляетъ эта надпись, дѣлать заключеніе, что кириллица въ концѣ X вѣка «была наиболѣе обычнымъ, если не единственнымъ славянскимъ письмомъ» въ Македоніи. Эта надпись доказываетъ лишь, что кириллица въ концѣ X вѣка уже вошла въ житейскій обиходъ, употреблялась въ надписяхъ,

но въ церковной письменности, насколько можно судить по дошедшимъ до насъ памятникамъ, еще господствовала глаголица. (Ср. Entstehungsgeschichte², 124 с.).

Особенно важно то, что глаголица въ древнѣйшія времена была извѣстна и въ областяхъ западно-словянскихъ, связанныхъ съ миссіонерской дѣятельностью Первоучителей, чего нельзя сказать о кириллицѣ: на это указываетъ упомянутый выше Кіевскій Миссалъ, и его свидѣтельство поддерживаютъ болѣе поздніе Пражскіе отрывки, глаголическій памятникъ съ чертами чехо-моравскаго языка (ср. ниже, перечень памятниковъ).

Оба памятника заставляютъ полагать, что органомъ древней письменности въ епархіи Константина и Меѳодія была глаголица, а не кириллица.

Изъ Моравіи церковно-словянская письменность была перенесена также къ хорватамъ, и къ нимъ была принесена именно глаголическая письменность, а не кирилловская, какъ свидѣтельствуютъ ихъ богослужебныя книги, употребляющіяся и до сихъ поръ.

Мысль Соболевскаго, что глаголица передѣлана искусственно изъ кириллицы въ Моравіи, не имѣетъ подъ собой фактической почвы и встрѣчается съ рядомъ затрудненій: если глаголица не имѣетъ греческой основы и является плодомъ искусственнымъ, порожденнымъ особыми условіями моравской жизни, то ожидали бы, что ученики Константина и Меѳодія принесутъ въ Болгарію кириллицу, а не глаголицу, а въ такомъ случаѣ,—если уже была кириллица до появленія глаголицы,—является непонятнымъ пышное развитіе глаголической письменности въ Болгаріи.

Наоборотъ, вполнѣ естественно было вытѣсненіе вычурнаго и труднаго глаголическаго алфавита болѣе простой и удобной кириллицей.

Является непонятнымъ также при мысли о передѣлкѣ кириллицы въ глаголицу, какъ изъ неясныхъ по происхожденію ѧ и ѫ получились ясные по составу глаголическіе знаки для носовыхъ (гораздо правдоподобнѣе обратное объясненіе ѫ—ѧ изъ глаг. знаковъ—ср. Arch. V, 165).

Съ другой стороны свидѣтельство Храбра не даетъ никакихъ данныхъ въ пользу кириллицы; доказать, что Храбръ могъ имѣть въ виду только кириллицу, во всякомъ случаѣ не удалось.

Слова по чину грѣчьскыхъ писменъ скорѣе всего означаютъ, что Константинъ, устрояя словянскую азбуку, устанавливая извѣстные знаки для обозначенія словянскихъ звуковъ, руководился тѣми отношеніями, какія существовали между греческими звуками и буквами греческаго алфавита.

Примѣчаніе. Попытку—заглянуть въ этотъ процессъ устроенія глаголической азбуки Константиномъ—далъ Лескинъ въ статьѣ Zur glagolitischen Schrift въ Arch. XXVII, 161 и сл.

Кромѣ того греческая основа глаголицы въ настоящее время врядъ ли подлежитъ сомнѣнію.

Если Храбръ, какъ полагаетъ Соболевскій (а также и другіе изслѣдователи) зналъ только одинъ словянскій алфавитъ, то надпись 993 года не доказываетъ, что этимъ алфавитомъ была кириллица: отъ Храбра и до 993 года было достаточно времени для появленія другого письма—кириллицы, если Храбръ зналъ глаголицу; характерны слова Храбра: аџе ли кто речетъ ѥако ѩ҃к оу҃строихъ доброѣ понеже сѧ постраѭмъ и еџе и т. д.

Примѣчаніе. Болѣе подробно исторія глаголическаго вопроса изложена у Ягича (Энциклопедія славянской филологіи III вып., 51—117 с. с.). О кириллицѣ въ ея отношеніяхъ къ глаголицѣ и греческому письму ср. у Лаврова въ «Энциклопедіи славянской филологіи», вып. 4, 1—22 с. с.

VIII. Источниками для древне-церковно-словянской грамматики являются слѣдующіе дошедшіе до насъ древнѣйшіе памятники.

А. Глаголическіе.

Среди древнихъ церковно-словянскихъ памятниковъ, писанныхъ глаголицей, нѣтъ ни одного съ хронологической датой. Но по признакамъ палеографическимъ и чертамъ языка первое мѣсто въ смыслѣ древности среди глаголическихъ памятниковъ занимаетъ—

1. Кіевскій Миссалъ,—отрывокъ обѣдни по римскому обряду (7 пергаменныхъ листовъ), найденный въ 1874 году Срезневскимъ въ библіотекѣ Кіевской Духовной Академіи, куда памятникъ попалъ изъ Іерусалима (пожертвованіе архимандрита Антонина).

Текстъ памятника, представляя переводъ съ латинскаго, не можетъ быть связанъ по своему происхожденію съ переводческой дѣятельностью Константина и Меѳодія; онъ возникъ позже и представляетъ въ исторіи словянскаго обряда извѣстную уступку Риму.

Тѣмъ не менѣе языкъ памятника почти во всѣхъ существенныхъ чертахъ—церковнословянскій и отражаетъ весьма древнюю эпоху. Отступленіемъ отъ древне-церковно-словянской фонетики являются въ Кіевскомъ Миссалѣ двѣ черты: 1) вмѣсто типичныхъ церковно-словянскихъ шт, жд изъ tj, dj (ср. выше, 10 с.) находимъ въ К. М. ц и з: дазь, тѫзе, тоузімѣ, просѧце, окѣцѣнїѣ и т. п. (церк.-слов. даждь, тѫжде, тоуждімѣ, просѧџе, окѣщанїа); 2) вмѣсто церковно-словянскаго шт изъ sk и st находимъ шч, какъ въ западно-словянскихъ языкахъ и русскомъ: очїшченїѣ (др.-п.-сл. очищтенїе).

Эти черты, проведенныя въ Кіевскомъ Миссалѣ очень послѣдовательно, наряду со столь же послѣдовательнымъ проведеніемъ другихъ чертъ, характерныхъ для церковно-словянскаго языка, повели къ спорамъ о происхожденіи памятника: одни видятъ въ немъ копію съ церковно-словянскаго оригинала, писанную чехомъ; другіе видятъ въ языкѣ памятника извѣстную цѣльность, которую объясняютъ, какъ отраженіе въ памятникѣ особаго древне-словянскаго говора, имѣвшаго ц и ꙁ на мѣстѣ обычныхъ ц.-сл. шт и жд, но въ то же время иныя черты—древне-болгарскаго языка (эти двѣ основныя точки зрѣнія формулируются отдѣльными учеными съ различными варіаціями); высказывалось также предположеніе, что рукопись писана полякомъ.

Примѣчаніе. Въ палеографическомъ отношеніи Кіевскій Миссалъ характеризуется тѣмъ, что сохраняетъ древнѣйшія формы нѣкоторыхъ буквъ и древнѣйшія черты графики, которыхъ въ ихъ совокупности не находимъ въ другихъ церковно-словянскихъ памятникахъ глаголическаго письма: буква ⰾ (л) пишется обычно въ два пріема (верхняя часть буквы не составляетъ продолженія правой нижней петли); въ буквѣ ⰿ (м) развѣтвленія идутъ не сразу отъ верхней горизонтальной черты, а начинаются ниже, соединяясь съ верхней линіей одной вертикальной чертой; буквы ш, т, ю отличаются вполовину меньшимъ размѣромъ, чѣмъ остальныя буквы; буквы ъ, ь являются въ болѣе старой формѣ, представляющей модификацію знака о — ⱔ, ⱗ; буква ѹ — еще съ яснымъ раздѣленіемъ частей; изъ знаковъ носовыхъ въ К. М. находимъ лишь 3 знака: одинъ съ глаголическимъ ⰵ въ первой части обозначаетъ и ѧ, и ѩ, другой съ глаголическимъ ⱁ въ первой части обозначаетъ ѫ, т. е. носовое о, третій соотвѣтствуетъ кирилловскому ѭ. Характерно при этомъ, что вторая часть во всѣхъ трехъ знакахъ, общая и обозначавшая, очевидно, носовой характеръ гласнаго,—меньше по размѣрамъ первой части; этой черты не находимъ въ болѣе позднихъ памятникахъ. Примѣчателенъ памятникъ и богатымъ употребленіемъ надстрочныхъ знаковъ, изъ которыхъ многіе, несомнѣнно, обозначали ударенie. Правописаніе памятника замѣчательно въ высшей степени правильнымъ употребленіемъ знаковъ ъ и ь, какого не найдемъ ни въ одномъ изъ остальныхъ какъ глаголическихъ, такъ и кирилловскихъ памятниковъ. Эта черта фонетики Кіевскаго Миссала такъ же, какъ и указанныя палеографическія черты, указываетъ на глубокую древность его. Въ лексикѣ Кіевскаго Миссала находимъ непереведенныя латинскія слова и выраженія, указывающія на западно-словянскія области: ѡплатꙋ (oblata), прѣфацінѣ (praefacio), мьша (missa), папежь (pontifex), рѣсноꙁикьнꙋ (certus), *цирькꙑ: цірькꙑе (ecclesia). Слова ѹпꙑканіе, кѣжда, заклеѭти: заклепе, повидимому, являются лексикальными архаизмами.

Кіевскій Миссалъ изданъ нѣсколько разъ, послѣдній разъ—исправно—Ягичемъ: Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente, Wien. 1900. (Denkschriften der k. Ak. d. Wiss. phil.-hist. Cl. B. XXXVIII); къ отдѣльнымъ оттискамъ этого изданія приложены фототипическіе снимки со всего памятника. Вопросъ о происхожденіи Кіевскихъ отрывковъ, спорный въ наукѣ,—

имѣетъ свою литературу, которая указана въ послѣднихъ работахъ, посвященныхъ этому загадочному памятнику древней церковно-словянской письменности: Грунскій «Памятники и вопросы древне-славянской письменности», т. I, 1904; Vondrák O původu Kijevských listů, 1914; (ср. Кульбакина — разборъ работы Грунскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1906 г., № 3 и работы Вондрака въ Изв. X (1905) № 4, 320 и сл.).

Послѣ выхода въ свѣтъ работъ Грунскаго и Вондрака появилась статья Соболевскаго «Родина Кіевскихъ отрывковъ» (повтореніе теоріи польскаго происхожденія памятника); см. въ его «Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ»... (1910 г.), 106 и сл.; ср. тамъ же «Кіевскіе глаголическіе отрывки» 92 и сл. (о словарной сторонѣ памятника).

2. Зографское четвероев., принадлежавшее первоначально Зографскому монастырю на Аѳонѣ, а въ 1860 г. поднесенное Имп. Александру II и нынѣ хранящееся въ Имп. Пуб. Библіотекѣ въ Петроградѣ.

Памятникъ представляетъ списокъ съ древняго церковно-словянскаго текста, сдѣланный въ Болгаріи. По палеографическимъ и языковымъ чертамъ—одинъ изъ древнѣйшихъ глаголическихъ памятниковъ.

Примѣчаніе. Зографское четвероевангеліе представляетъ древній округлый типъ глаголицы: письмо Кіевскаго Миссала не вполнѣ округлое, болѣе угловатое. Памятникъ сохраняетъ еще старое оу изъ двухъ раздѣльныхъ частей, старое м, бо́льшею частью старые ѫ и ь; буквы ш и т нѣсколько меньше другихъ; буква з сохраняетъ еще свою старую угловатую форму, вопреки общему типу письма; буква л не утратила еще вполнѣ общаго стараго рисунка, но конецъ вертикальной черты и загибъ правой нижней петли не отдѣлены другъ отъ друга, и вообще форма буквы представляетъ переходъ къ болѣе поздней, какую находимъ въ Маріинскомъ и Ассеманіевомъ Еванг. (ср. ниже). Вторая часть знака ѧ выдѣлилась уже въ самостоятельную букву въ значеніи ѧ, тогда какъ вся буква употребляется въ значеніи ѩ.

Въ правописаніи памятника замѣтно уже отраженіе нѣкоторыхъ новыхъ явленій въ жизни болгарскаго языка, касающихся звуковъ ѫ и ь, но все же и въ этомъ отношеніи въ Зографскомъ четвероевангеліи находимъ больше слѣдовъ старины, чѣмъ въ другихъ текстахъ глаголическихъ приблизительно той же эпохи (ср. ниже, въ отдѣлѣ фонетики).

Въ области формъ въ Зогр. четвероевангеліи сохранилось еще не мало архаизмовъ, какъ неассимилированныя формы род. и дат. п. ед. ч. сложнаго склоненія, формы аориста простого и сигматическаго аориста стараго типа (ср. ниже, соотвѣтствующіе отдѣлы морфологіи). Въ лексикѣ должно быть отмѣчено значительное количество непереведенныхъ словъ: акридъ, алавастръ, архіереи, архисинагогъ, архитриклинъ, аѳедронъ, класфимиа, газофилакіи, діаволъ, еѵангеліе, епендитъ, игемонъ, иерен, геена, катапетазма, кодрантъ, куѵстодиа, лентіи, лепта, олокавѣтоматъ, параклитъ, параскеѵѣги, пира, рака, сатъ, спира, стадіи, тектонъ, хламида, христосъ. Въ подборѣ словянскихъ словъ памятникъ согласуется въ боль-

шинствѣ случаевъ съ другими древнѣйшими списками евангелія (см. ниже): **боуи** (μωρός), **кънєпрь** (ἄνω), **кънєкрилиѥ** (κράσπεδον), **кънлѣпати** (ἄλλομαι), **кѣнитисѧ** (πωλέομαι), **година** (ὥρα), **дрѧгєлх** (σκυθρωπός), **єтєрх** (τις), **жрътка** (θυσία), **искрь** (πλησίον), **ишѣдиѥ** (γέννημα), **клєпати** (σημαίνω), **мазка** (θόρυβος), **непризнь** (ὁ πονηρός), **непьштєкати** (ὑπολαμβάνω), **нєродити** (ἀμελεῖν),—рядомъ съ **нєбрѣшти**, **олтарь**, **поносити** (ὀνειδίζω), **пѣнязь** (δηνάριον), **ради** (διά, ἕνεκεν), **ран** (παράδεισος), **сапогх** (ὑπόδημα), **спѫдх** (μόδιος), **соулѣи** (κομψότερον), **сѫкѣдѣтєльство** (μαρτυρία), **сѫньмх** (συνέδριον), **сѫтязатисѧ** (ζητέω), **тачан** (ἐλάσσων), **тєти-тєпѫ** (μαστιγόω)—рядомъ съ **кити**, **ѣзкина** (φολεός), **ѩзыкх** (ἔθνος) и др. (Ср. Ягичъ, Entstehungsgesch.[2], 281 и сл.).

Зографское четвероев. издано Ягичемъ въ 1879 г.: Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus Berolini, MDCCCLXXIX. Научная разработка Зографскаго Евангелія небогата: ср. латинское введеніе Ягича къ его изданію и начатое, но не оконченное изслѣдованіе памятника того же Ягича въ Arch. I—II тт.: «Studien über das altslov. Zographosevangelium»: изслѣдованіе это выясняетъ одинъ лишь пунктъ въ языкѣ памятника,—судьбу звуковъ ѫ и ь. Ср. также Грунскаго «Къ Зографскому Евангелію» Сборн. Отд. LXXXIII, № 3.

3. Маріинское четвероев., вывезенное изъ аѳонскаго монастыря Пресв. Богородицы Григоровичемъ и хранящееся въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, представляетъ такъ же, какъ и Зографское, округлый типъ глаголическаго письма. Въ формахъ буквъ его въ общемъ меньше старины, чѣмъ въ Зографскомъ. И въ правописаніи памятника нѣсколько меньше старины, чѣмъ въ этомъ послѣднемъ. Но морфологія и лексика содержатъ не меньше, если не больше, архаизмовъ. Въ языкѣ памятника встрѣчаемъ явленія, которыя указываютъ на писца-серба или на болгаро-македонскій говоръ XI вѣка, раздѣлявшій нѣкоторыя звуковыя черты съ сосѣднимъ сербскимъ языкомъ: ѫ вм. кх, и вм. ѕі, ѫ вм. ж.

Примѣчаніе. Знаки ѧ, ѫ—ь являются въ Маріинскомъ четвероевангеліи уже въ новомъ видѣ , — , въ буквѣ ѫ обѣ части тѣсно примкнули одна къ другой, буквы ш и т по величинѣ мало чѣмъ отличаются отъ другихъ буквъ, ѕ—старое, угловатое. Какъ и въ Зографск.,—два знака для ѧ и ѩ. Употребленіе знаковъ ѫ и ь представляетъ еще меньше правильности, чѣмъ въ Зографскомъ спискѣ (ср. ниже, въ отдѣлѣ фонетики). Съ другой стороны морфологическихъ архаизмовъ въ Маріинскомъ четвероевангеліи еще больше, чѣмъ въ Зографскомъ: такъ, формы аориста простого и аориста сигматическаго стараго типа чаще всего встрѣчаются именно въ первомъ. Встрѣчаются также формы неассимилированныя род. и дат. п. ед. ч. сложнаго склоненія (ср. ниже, соотвѣтствующіе отдѣлы морфологіи). Лексика Маріинскаго четвероевангелія въ общемъ близко подходитъ къ лексикѣ Зографскаго (ср. выше); иногда нашъ текстъ сохраняетъ непереведенное слово или древнее выраженіе, утраченное

Зографскимъ спискомъ: ср. Матѳ. VI, 28 кринъ (κρίνον) въ Мар. (также въ Ассеманіевомъ и Остромировомъ Ев. — см. ниже), но — цкѣтъ сельныи въ Зогр.; Лук. I, 15 сикера (σίκερα) въ Мар. (и Ассем. Остром.), но—ткорена ккаса въ Зографскомъ; Матѳ. VIII, 28 жалъ (μνημεῖον) въ Мар., но гребиціе въ Зографск. (гробиште въ Ассем.); вмѣсто мига (πίναξ) Маріинскаго текста Зографскій употребляетъ блюдо. Характерна для Маріинскаго четвероев. послѣдовательная передача греческаго ὄρνιξ словомъ кокотъ (Зогр.—куръ); ср. Entstehungsgesch.², 281 и сл.

Памятникъ изданъ въ 1883 г. Ягичемъ: Памятникъ глаголической письменности. Маріинское четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями. Петербургъ. Въ приложеніяхъ Ягичъ далъ общую характеристику памятника съ палеографической и языковой стороны и словоуказатель. Ср. также Милетича: Особноститѣ на езика въ Марийнския паметникъ. Периодическо списание XIX—XX (1886). 210—252 с.с.

4. Ассеманіево Ев.—рукопись Ватиканской библіотеки, привезенная въ Римъ въ XVIII столѣтіи ученымъ оріенталистомъ Ассемани,—откуда ея названіе, представляетъ текстъ евангелія—апракосъ; памятникъ такъ же, какъ и предыдущіе два, представляетъ образецъ округлой глаголицы съ установившимися болѣе поздними чертами въ формахъ буквъ. Правописаніе памятника еще ярче, чѣмъ правописаніе Зографскаго и Маріинскаго четвероевангелій, отражаетъ новыя явленія болгарской фонетики; въ формахъ же и лексикѣ немало архаизмовъ.

Примѣчаніе. Обычны новыя формы буквъ л, ѕ, ь, ѹ, два знака для ѧ и ѩ (ѕ не вполнѣ утратило угловатую форму); частое смѣшеніе знаковъ ѕ и ь безъ ясныхъ слѣдовъ прежняго ихъ употребленія, опредѣленнаго извѣстными нормами. Формы аориста старыя встрѣчаются часто, какъ и въ Зографскомъ текстѣ. Лексика въ общемъ та же, что и въ предыдущихъ двухъ памятникахъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ Ассеманіево Ев. обнаруживаетъ даже большую старину въ этомъ отношеніи, чѣмъ Мар. и Зогр.: ср. Матѳ. XVI, 18 на семь петрѣ (πέτρα), но Мар. Зогр. Остром.—на семь камене; Марк. VII, 33 кидѣ (βάλλω), но Зогр. Мар. Остр. кложи; въ иныхъ случаяхъ, конечно, можно наблюдать и обратное отношеніе между текстами. Ассеманіево Евангеліе издано дважды: первый разъ глаголическими буквами хорватскимъ ученымъ Рачкимъ (Rački) въ 1865 году съ обширнымъ введеніемъ Ягича на сербскомъ языкѣ; второй разъ—латинскими буквами Черничемъ (Črnčić) въ 1878 г.

5. Такъ называемый Glagolita Clozianus—отрывокъ изъ сборника поученій, содержащій 12 листовъ; изъ нихъ 10 найдены были извѣстнымъ славистомъ первой половины XIX ст. Копитаромъ въ библіотекѣ графа Клоца,—откуда названіе памятника,—и изданы имъ же въ 1836 году; отдѣльные два листа, повидимому, изъ того же памятника были открыты позже и изданы Миклошичемъ въ 1860 г.

Переводъ поученій, сохранившійся въ сборникѣ Клоца, конечно, не связанъ съ начальной эпохой церковно-словянской письменности, но самый памятникъ по своимъ палеографическимъ и языковымъ чертамъ не моложе Ассеманіева Евангелія и Маріинскаго четвероевангелія. Съ послѣднимъ сборникъ Клоца сближается нѣкоторыми чертами языка.

Примѣчаніе. Нынѣ часть памятника, открытая Копитаромъ, хранится въ Тридентѣ, а вторая—въ Инсбрукѣ. Почеркъ памятника нѣсколько болѣе угловатый, чѣмъ Зографскаго и Маріинскаго четвероевангелій. Въ заглавномъ маюскульномъ письмѣ Сборника еще сохранены нѣкоторыя черты древности; такъ, вторая часть знака ѡ значительно меньше первой; знаки ѫ, ѣ еще не вполнѣ утратили черты первоначальной композиціи; только нижній загибъ повернутъ направо, а не налѣво, какъ раньше; буква оу—изъ двухъ частей; буква л измѣнила старую форму только въ томъ отношеніи, что верхняя часть ея представляетъ загибъ направо. Въ строчномъ письмѣ находимъ новыя формы л, ѫ, ѣ такія же, какъ въ Маріинскомъ четвероев.; буква ⷬ (м)—также въ новой формѣ: развѣтвленія идутъ сразу отъ верхней горизонтальной черты; вторая часть знака для носовыхъ—въ нормальную величину и употребляется отдѣльно въ значеніи ѧ. Относительно правописанія памятника должно отмѣтить, что употребленіе знаковъ ѫ и ѣ, какъ и въ Маріинскомъ четвероев., еще не утратило слѣдовъ стараго употребленія, отражавшаго извѣстныя фонетическія явленія (ср. ниже, въ отдѣлѣ фонетики); съ Маріинскимъ четвероев. Сборникъ Клоца сближается смѣшеніемъ оу и ѫ, ѫ и и (ср. выше); на область сербскую или близкую къ сербо-хорватскому языку указываетъ форма тѫ асс. plur. вм. тѫ (отъ мѣстоименія тъ: ср. современное сербское *те*, съ обычной въ сербскомъ замѣной носового є чистымъ). Въ морфологіи—остатки старины въ видѣ нестяженныхъ формъ прилагательныхъ на -аго (1 разъ -аего) при обычныхъ на -аго, старыхъ формъ аориста (придѫ, сѣдомѫ, идѫ, кѫзнѣсѧ, процкисѧ, рѣхомѫ и т. п.) и нестяженныхъ формъ имперфекта (ср. ниже, въ морфологіи). Въ лексикѣ памятника наблюдаемъ еще связь съ кругомъ выраженій, свойственныхъ древнѣйшимъ евангельскимъ текстамъ: адѫ, акрогонии, анѣелѫ, апостолѫ, архиерен, боуи, етерѫ, крътъпѫ, жрътва, искрънь, млъва, непрѣзнь, непьштевати, ради, раи, соулѣи, сѫкѣдѣтельствокати, сѫньмѫ, ѩзыкѫ; но рядомъ находимъ новые словарные варіанты: гробѫ (а не жаль), трѣбиціе (вм. олтарь), без сума (вм. спѫти), испрька (вм. искони), быѫ (вм. тепѫ). Въ цитатахъ изъ евангелія замѣчается болѣе поздняя редакція текста, несходная съ показаніями древнѣйшихъ текстовъ: такъ въ нашемъ памятникѣ (такъ же—въ Саввиной книгѣ, о которой см. ниже)—нѣстѫ ми на подобѫ, но въ Мар. и Зогр. нѣстѫ мене достоинѫ; Матѳ. II, 15 тако бо естѫ намѫ лѣпо сконьчати бысѣко (sic—вм. бысѣкѫ) правъдѫ, но въ древнѣйшихъ текстахъ евангелія—тако бо подобьно... или же тако бо подобаетъ....

Старое изданіе памятника Копитара 1836 г. въ настоящее время устранено новымъ –Вондрака, который включилъ въ свое изданіе и часть памятника, изданную Миклошичемъ: Glagolita Clozův, 1893 v Praze. Изданіе

Вондрака съ параллельнымъ греческимъ текстомъ и примѣчаніями снабжено также введеніемъ (на чешскомъ языкѣ), въ которомъ дана общая оцѣнка памятника со стороны палеографической и языковой, словоуказателемъ и снимками. Ср. также замѣчанія о памятникѣ Облака въ статьѣ «Zur Würdigung des Altslovenischen» Arch. XV, 338 и сл. и Коларжа Osudek o spise Glagolita Clozův. Praha, 1893 г.

6. Синайская Псалтырь представляетъ древнѣйшій текстъ Псалтыри, дошедшій до нашего времени. По признакамъ палеографическимъ и по чертамъ языка памятникъ долженъ быть отнесенъ приблизительно къ той же эпохѣ, что и Сборникъ Клоца и Ассеманіево Евангеліе; въ палеографической сторонѣ его можно подмѣтить даже черты болѣе позднія, чѣмъ тѣ, какія наблюдаются въ послѣднихъ. Однако содержаніемъ своимъ Синайская Псалтырь такъ же, какъ и Ассеманіево Евангеліе, связана съ начальной — кирилло-меѳодіевской эпохой церковнословянской письменности, что и находитъ свое отраженіе въ области ея морфологіи и лексики. Издана Синайская Псалтырь Гейтлеромъ въ 1883 году (невполнѣ исправно).

Примѣчаніе. Памятникъ находится въ библіотекѣ монастыря св. Екатерины на Синаѣ. Въ заглавномъ письмѣ Син. Псалтыри лучше сохранились древнія формы буквъ: здѣсь находимъ старыя ѧ, ѫ, ѯ, ѿ (вторая часть знака меньше первой); нѣкоторыя черты древности находимъ еще въ строчномъ письмѣ, которое по общему характеру напоминаетъ письмо Сборника Клоца: одинъ знакъ для ѧ и ѩ, причемъ иногда вторая часть знака меньше первой, буквы ш и т иногда меньше другихъ; въ то же время обычны новыя формы ѧ, ѯ, ѣ (какъ въ Асс., Сб. Клоца и Маріинск.), а буква о имѣетъ еще болѣе позднюю форму — ⷪ (петли сближены до соприкосновенія): то же имѣемъ въ глаголическихъ строкахъ Охридскаго апостола (XII вѣка); буква оу имѣетъ форму также болѣе позднюю, состоящую изъ двухъ тѣсно примкнувшихъ одно къ другому о только что указанной поздней формы (ⷪ) и съ добавочной черточкой направо; иногда вторая часть буквы значительно сокращена и напоминаетъ форму, какую находимъ въ глаголическихъ строкахъ Охридскаго апостола: ⷘ.

Въ употребленіи знаковъ ѯ и ѣ въ Синайской Псалтыри находимъ ту же приблизительно картину, что и въ Ассеманіевомъ Ев. На связь съ древнѣйшей эпохой церковно-словянской письменности указываютъ такіе морфологическіе архаизмы, какъ формы аориста простого и аориста сигматическаго стараго типа, а также непереведенныя слова и выраженія, употребительныя въ древнѣйшихъ евангельскихъ и апостольскихъ текстахъ: аерьнх, каръ (βάρις), кедрх, кротафома (κρόταφος), онагрх (ὄναγρος), органх (органихъ 136, 2), сканд҃лх, трапеза, тоумьпанх, пиникх (φοῖνιξ); кѵкѡѫ, грѧдх и грѧдѧи, грѧдѫ, искрьнь, ѭдити, наслѣдити, отокх, сѯхранити=φυλάττω (при сѯблюсти=τηρέω), ѩзыкх (ἔθνος), сѣмѧ (σπέρμα), поносити, село (ἀγρός), сельнхи, скрхкь, спѧти, сѫньмх—сѫньмиште и др.; примѣчательны выра-

женія: рѣкнота, натроути (такъ и въ Мар. Зогр. Ассем.), отклѣкх, ашоуть,— повидимому, моравско-паннонскаго происхожденія.

Кромѣ небольшого введенія къ изданію Гейтлера—Psalterium, glagolski spomenik manastira Sinai brda, Agram 1883,—замѣчанія о Синайской Псалтыри можно найти у Ягича въ его трудѣ «Четыре критико-палеографическія статьи» 1884 г., 43 и сл. Нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній о памятникѣ находимъ также у Кочубинскаго въ его «Итогахъ славянской и русской филологіи», 1882 г., 32—36 сс. (на основаніи снимковъ Кондакова).

7. Синайскій Требникъ представляетъ древнѣйшій дошедшій до насъ текстъ даннаго содержанія; можно думать, что *въ цѣломъ* содержаніе это представляетъ продуктъ второго, болгарскаго, періода въ исторіи церковно-словянской письменности, но нѣкоторыя,—древнѣйшія по происхожденію его части восходятъ къ начальной кирилло-меѳодіевской эпохѣ.

По палеографическимъ даннымъ, по правописанію и языку Синайскій Требникъ можетъ быть поставленъ въ одинъ рядъ съ такими памятниками, какъ Сборникъ Клоца и Маріинское Евангеліе. Памятникъ изданъ былъ Гейтлеромъ въ 1882 году (неудовлетворительно).

Примѣчаніе. Какъ и Синайская Псалтырь, Требникъ находится въ библіотекѣ монастыря св. Екатерины на Синаѣ. Рукопись дошла до насъ въ неполномъ видѣ: безъ начала и конца и съ пробѣлами въ срединѣ. Письмо памятника—угловатое; въ нѣкоторыхъ буквахъ сохраненъ старый рисунокъ: таковы буквы о, оу (изъ двухъ самостоятельныхъ частей), з; въ буквѣ о лишь изрѣдка наблюдается сближеніе верхней и нижней петель; буквы л, м, х и ѣ—какъ въ Маріинскомъ четвероев. и Сборникѣ Клоца, для ѧ и ѩ – два знака; буква а (ѳ) съ мало-развитой верхней частью и длинными боковыми чертами; буква п (ⱂ) *послѣдовательно*—безъ горизонтальной черточки слѣва.

Въ правописаніи, повидимому, еще сохранена связь съ болѣе древней эпохой, когда знаки х и ѣ ставились въ соотвѣтствіи съ извѣстными языковыми процессами; относительно судьбы праславянской группы *губной*+j памятникъ даетъ приблизительно такую же картину, какъ Маріинское четвероев. и Сборникъ Клоца (см. соотвѣтствующіе §§ фонетики). Въ морфологіи Требника еще сохранились такіе архаизмы, какъ формы аориста простого и аориста сигматическаго стараго типа (послѣднія—рѣдко), нестяженныя формы род. п. ед. ч. прилагательныхъ на -аго.

Въ лексикѣ памятника отражается разновременное происхожденіе его частей. Съ одной стороны, находимъ выраженія, свойственныя по преимуществу древнѣйшимъ текстамъ, связаннымъ содержаніемъ своимъ съ кирилло-меѳодіевской эпохой: кальство, година, етеръ, неприкѣзнь, братрх, братринѣ, пастырь, питѣніе, кѵпрьнии, крань, градж, искрь, иночадх, кънижьникх, непьщекати, ключитисѧ, моудень, мытарь, сѣкѣдѣтель, стоуденьць, пица, понѣка, тепж, супкати, шюи, газка, жжика и т. п.; примѣчательны также—комѧкати (комѧкаетх 11b) и комѧканье (11b). Съ другой

стороны, составитель Требника, включившій въ него, кромѣ старыхъ, и новыя части, оставилъ слѣды своей эпохи въ такихъ лексическихъ чертахъ, какъ послоухъ (вм. єѵкѣдѣтель), алъкати (вм. поститиса), єѵборъ (вм. єѵньмъ), власть (вм. область), крѣдъ (вм. недѫгъ), истокъ (вм. истиньнъ), ти (вм. и), порода (вм. рай), пронзирикъ (вм. зълъ или лѫкавъ), прькѣе (вм. дрєвлѣ), трѣва (вм. жрѣтва), распонъ (вм. распятиє) и т. п.; на 48 л. вмѣсто єѵ оружии и дрькольми, какъ читается въ древнѣйшихъ евангельскихъ текстахъ и въ Сборникѣ Клоца (въ Савв. жрьдьми вм. дрькольми), въ Синайскомъ Требникѣ читаемъ: єѵ мечи и дрѫгѵі.

Древнее происхожденіе нѣкоторыхъ частей Синайскаго Требника, связанное съ начальной эпохой церковно-словянской письменности, устанавливается между прочимъ тѣмъ, что въ составѣ памятника находимъ молитву, представляющую переводъ древне-верхне-нѣмецкой (санктъ-эммерамской) молитвы: эта молитва могла перейти въ церковно-словянскую письменность только въ Моравіи; другія части Требника представляютъ переводъ съ латинскаго, третьи—съ греческаго; въ текстѣ молитвы, переведенной съ древне-верхне-нѣмецкаго, наблюдаются совпаденія съ текстомъ древнѣйшаго словинскаго памятника (съ церковно-словянской основой)—Фрейзингенскихъ отрывковъ.

О Синайскомъ Требникѣ ср.—небольшое введеніе къ изданію Гейтлера: Euchologium, glagolski spomenik manastira Sinai brda, izdao Dr Lavoslav Geitler... u Zagrebu 1882; замѣчанія Кочубинскаго въ Итогахъ славянской и русской филологіи (1882 г.), 37—39 сс.; поправки къ изданію Гейтлера—Ягича въ Arch. VIII (1884 г.), 129 и сл.; Roman Jarosiewicz, Ueber das Euchologium Sinaiticum 1888 г. (въ отчетѣ реальной гимназіи въ Коломыѣ), Prokop Lang—3 статьи въ Zpráva o c. Kral. real. a vyš. gymnasii v Příbrami 1888—1889—1890 гг., Вондракъ въ Arch. XVI, 118—132 сс., Frisinské památky (1896 г.), 12 и сл. и Studie 23 и сл.; Ягичъ въ Entstehungsg.², 251—255 сс., 274—275 сс., Бенешевичъ, Zborn. u slavu Jag. 590 и сл., Соболевскій, Матеріалы и изслѣд., 100—106 сс.

По вопросу о принадлежности къ Синайскому Требнику трехъ листковъ, привезенныхъ съ Синая въ 1853 г. архим. Порфиріемъ Успенскимъ и Крыловымъ (изданы у Срезневскаго въ Др. глаг. пам. XIVa, XIVb) и листка, привезеннаго въ 1881 г. Кондаковымъ, ср. у Ягича въ Энцикл. слав. филол. III вып. 131 с. и Вондрака Altkirchensl. Gr.², 23—24 с. (мнѣнія ихъ расходятся).

8. Македонскій (рыльскій) глаголическій листокъ, по содержанію отрывокъ изъ поученій Ефрема Сирина, найденъ былъ В. И. Григоровичемъ въ Рыльскомъ монастырѣ и изданъ два раза Срезневскимъ, затѣмъ Ягичемъ и въ послѣдній разъ—вполнѣ исправно—Ильинскимъ. По палеографическимъ примѣтамъ онъ относится приблизительно къ той же эпохѣ, что и Синайская Псалтырь и Синайскій Требникъ; языкъ отрывка представляетъ тѣ же явленія, какія находимъ въ другихъ церковно-словянскихъ памятникахъ XI вѣка; содержаніе памятника, конечно, не связано съ кирилло-меѳодіевской эпохой: переводъ относится, повидимому, къ эпохѣ Симеона, что находитъ свое отраженіе въ лексикѣ.

Примѣчаніе. Буквы ѻ, ҭ, ѯ и ѣ, ѧ приблизительно той же формы, что и въ Маріинскомъ четвероев. и Ассеманіевомъ Ев.; буква ⊓, какъ и въ Синайскомъ Требникѣ,—безъ черточки слѣва; буква ѧ также походитъ на форму Требника: боковыя линіи очень длинны, верхушка средней черты еще сильнѣе срѣзана; буква ѧ характерна тѣмъ, что отвѣсныя линіи упираются въ верхнюю черту въ разныхъ точкахъ; буква ѹ — изъ двухъ тѣсно примкнувшихъ другъ къ другу ѻ, но безъ хвостика справа; для ѧ и ѩ—два знака. Въ употребленіи ѯ и ѣ нѣтъ старой правильности и соотвѣтствія звуковымъ законамъ болѣе старой эпохи (какъ измѣненіе ѯ въ ѣ и наоборотъ, — въ зависимости отъ характера слѣдующаго слога,—см. ниже, въ отдѣлѣ фонетики); характерно сохраненіе ѣ въ закрытомъ слогѣ.

На связь перевода, сохранившагося въ отрывкѣ, съ эпохой Симеона указываютъ слова: ѥтрана вм. ѩзыкъ, жизнь вм. животь, ѥпокѣдати вм. испокѣдати, зкати вм. нарещи, ѥкоръ вм. ѥньмъ; съ другой стороны, вліяніе литературы начальнаго періода сказалось въ такихъ словахъ, какъ кратръ, кратрикъ, благодѣть, година. Ср. Погорѣлова «Къ вопросу о Македонскомъ глаголическомъ листкѣ» въ Сборникѣ въ честь Фортунатова (492—499 сс.); Ильинскаго «Македонскій глаголическій листокъ. Отрывокъ глаголическаго текста Ефрема Сирина XI вѣка» 1909. (Памятники старо-славянскаго языка, т. I, вып. 6). Отрывки хранятся въ библіотекѣ Имп. Ак. Н.

9. Охридскіе глаголическіе листки,—отрывокъ евангельскаго текста.—такъ же, какъ и Македонскій листокъ, найдены были В. И. Григоровичемъ—въ Охридѣ, откуда—ихъ названіе. Памятникъ по палеографическимъ даннымъ—не древнѣе предыдущаго (7); по чертамъ правописанія и языка не уступаетъ большинству перечисленныхъ памятниковъ. Изданъ былъ нѣсколько разъ, послѣдній разъ—исправно—Ильинскимъ.

Примѣчаніе. Отрывки хранятся въ библіотекѣ Новороссійскаго университета; сильно угловатый почеркъ памятника сохраняетъ старыя начертанія въ большинствѣ буквъ; въ частности ѧ является въ формѣ, болѣе старой, чѣмъ въ Маріинскомъ четвероев. и Ассем. ев.,—приблизительно такой же, какъ и форма Зографскаго четвероев.; для ѧ и ѩ—одинъ знакъ; однако ѥ(Э)—съ однимъ язычкомъ, какъ въ памятникахъ XII вѣка. Въ правописаніи обращаетъ на себя вниманіе крайняя рѣдкость пропуска ѯ и ѣ, причемъ постановка ихъ бо́льшею частью отвѣчаетъ закону перегласовки въ открытомъ слогѣ подъ вліяніемъ слѣдующаго слога. Старое изданіе отрывка—Срезневскаго и неудовлетворительное изданіе Грунскаго (въ Изв. XI, 1906 г., 4 кн., 157 и сл.) устранены новѣйшимъ изданіемъ Ильинскаго: Охридскіе глаголическіе листки. Отрывокъ древне-церковно-славянскаго евангелія XI в. 1915 г.

10. Пражскіе отрывки съ извѣстными оговорками также могутъ быть зачислены въ рядъ источниковъ церковно-словянской грамматики; отрывки были открыты въ 1855 году Гёфлеромъ въ библіотекѣ Пражскаго митрополичьяго капитула и изданы были впервые Шафарикомъ и Гёфлеромъ

въ 1857 году, причемъ древность ихъ первоначально была сильно переоцѣнена: Шафарикъ, увлекшись ихъ крайне-ветхимъ видомъ, отнесъ отрывки къ періоду 850—862 г., и отчасти подъ вліяніемъ этого открытія измѣнилъ свой прежній взглядъ на сравнительную древность кириллицы и глаголицы въ пользу послѣдней.

Болѣе внимательное изученіе памятника выяснило ошибочность этого взгляда.

Памятникъ относится къ области чехо-словацкаго языка и представляетъ отрывокъ вечерни по восточному обряду. Въ 1904 г. отрывки были переизданы одновременно Грунскимъ и Вондракомъ.

Примѣчаніе. Угловатый почеркъ памятника не лишенъ нѣкоторыхъ архаизмовъ въ начертаніяхъ буквъ: сохранились еще старыя формы ⰾ, ⰾ (какъ въ Кіевскомъ М.), ⰵ и ⰼ съ рисункомъ буквы ⰻ въ основѣ, ⰿⰻ (обѣ части не слились въ одно цѣлое), одинъ знакъ въ значеніи ⰰ и ⰱⰰ, какъ въ Кіевскомъ М. Съ другой стороны, однако, замѣчаются черты новыя: буква ⰵ (Ⰹ) съ однимъ язычкомъ (какъ въ Охр. л.), буква ⰶ вмѣсто рожекъ имѣетъ одну вертикальную линію съ покрышкой.

Чехо-словацкое происхожденіе писца, переписывавшаго съ церковно-словянскаго оригинала, отражается въ замѣнѣ носовыхъ ⰶ, ⰰ черезъ ⰿⰻ, ⰻⰿ (ⰰ), группъ согласныхъ ⰱⰻ, ⰶⰴ черезъ ⰶ и ⰸ, въ западно-словянской группѣ ⰴⰾ и группѣ ⰱⰽ на мѣстѣ церк.-словянск. ⰱⰻ (изъ sk или stj). На мѣстѣ церк.-сл. ⰵ и ⰼ находимъ одно ⰵ.

Старыя изданія отрывковъ Шафарика (Glagolitische Fragmente, Prag 1857 г.) и Срезневскаго (Древніе глаголич. памят. 33—55 сс.) устранены новыми—Грунскаго и Вондрака, въ которыхъ находимъ и обслѣдованіе памятника: Vondrák, O původu Kijevských Listů a Pražských zlomků, 1904; Грунскій «Памятники и вопросы древне-славянской письменности» 1904 г. и «Пражскіе глаголическіе отрывки, 1905 г. («Памятники старо-славянскаго языка», т. I, вып. 4).

Всѣ перечисленные глаголическіе памятники не имѣютъ хронологической даты, и мы можемъ опредѣлить ихъ древность лишь приблизительно, имѣя въ виду сравнительную древность ихъ языка по отношенію къ кирилловскимъ памятникамъ, для хронологіи которыхъ у насъ все же имѣются кое-какіе опорные пункты. Повидимому, всѣ они относятся къ XI вѣку, и только Кіевскій Миссалъ можетъ быть опредѣленъ сравнительно съ другими эпохой конца X—начала XI вѣка, какъ отличающійся отъ остальныхъ явно бо́льшей древностью и палеографической, и языковой стороны. Изъ другихъ—болѣе древнимъ является Зографское четвероев., остальные же трудно опредѣлить точнѣе, чѣмъ XI вѣкомъ: одни сохранили старину въ одномъ, другіе—въ другомъ; колебанія въ значительной степени зависѣли отъ отношенія писца къ своему оригиналу; такъ, писецъ Ассеманіева евангелія, по всей видимости, свободнѣе другихъ отра-

жалъ въ работѣ черты своего времени: отсюда, напримѣръ, крайне неправильное употребленіе въ этомъ памятникѣ знаковъ ѫ и ѣ. На нѣсколько болѣе позднее сравнительно съ другими происхожденіе Синайской Псалтыри, Синайскаго Требника, Македонскаго листка, Охридскихъ глаголическихъ листковъ, быть можетъ, указываютъ ихъ палеографическія черты, отмѣченныя выше (въ примѣчаніяхъ): въ Синайской Псалтыри формы буквъ о и оу, въ Синайскомъ Требникѣ и Македонскомъ листкѣ формы буквы а и п, въ Охридскихъ листкахъ форма буквы ѥ. Врядъ ли всѣ эти памятники старше конца XI вѣка. Не старше конца XI вѣка и Пражскіе отрывки (ср. форму буквъ ѥ, ж).

В. Кирилловскіе памятники.

Древнихъ памятниковъ церковно-словянскаго языка, писанныхъ кириллицей, намъ извѣстно меньше, чѣмъ глаголическихъ. Къ нимъ относятся: Саввина книга, Супрасльская рукопись, Хиландарскіе листки, листки Ундольскаго и Македонскій листокъ.

Для оцѣнки палеографической стороны этихъ памятниковъ въ смыслѣ древности нѣкоторые отправные пункты даетъ надгробная надпись болгарскаго царя Самуила—993 года, найденная въ 1899 г. въ с. Германъ вблизи озера Преспы (въ Македоніи).

Правая сторона могильной плиты отломана, почему въ надписи пробѣлы. Она гласитъ:

кѫ има wт҃ьца и сѫ
҃ина и сѵ҃таго дх҃ѹха а
зѫ самоиль рабѣ б҃ж(ии)
полагаѫ память (wц)
8 и матери и брат(оу и)
а крщ҃ѣнѣхѫ сѝ(хѫ сѝ)
имена оусѫпиш(ихѫ ни)
кола рабѣ б҃жи (рицими)
ѣ дак(и)дѫ написа (же сѧ кѫ)
лѣто отѫ сѫтко(ренѣ миро)
у ѯ҃ѳ҃а, инъди(кта ѕ҃)

Въ скобкахъ помѣщены недостающія, по догадкѣ возстанавливаемыя, части словъ. Въ 8 строкѣ возстановляли (Флоринскій)—(мари), но хроника Скилицы даетъ имя матери Самуила—Рипсима; ѣ въ слѣдующей строкѣ, можетъ быть,—окончаніе формы рицимиѣ. Ср. Prokić, Die Zusätze in der Handschrift des Iohannes Skylitzes, München 1906, 20 с.

Надпись представляетъ нѣкоторыя оригинальныя палеографическія черты, не наблюдающіяся въ древнѣйшихъ литургическихъ памятникахъ кирилловскаго письма.

Примѣчаніе. Нижнія части буквъ въ Надписи всѣ почти—на одномъ уровнѣ, т. е. хвостики буквъ д, ρ, χ, (о)у не спускаются ниже строки; въ связи съ этимъ и хвостикъ буквы з—очень малъ. Въ буквѣ м перемычка (круглая) опущена не далѣе средины буквы; въ буквѣ и соединительная черта—какъ разъ посрединѣ; въ буквѣ н наклонная соединительная черта начинается значительно ниже верха лѣвой линіи и упирается въ правую, немного не доходя до конца ея; въ буквѣ ж средняя линія пересѣкаетъ наклонныя какъ разъ посрединѣ; л имѣетъ форму буквы л греческихъ надписей; въ буквѣ ѣ основная черта подымается довольно высоко надъ навѣсомъ.

Надпись издана въ И. Р. А. И. 1899 г. (IV), вып. 1 съ приложеніемъ статей о ней Флоринскаго и Милетича, въ новѣйшее время Лавровымъ: «Энциклопедія славянск. филологіи» 4 вып. (1915 г.), 22—27 сс.; ср. также статьи Иречка и Ягича въ Arch. XXI, 543 и сл. и Карскаго въ Р. Ф. В. XLII, 231 и сл.

Что касается Темничской надписи, изданной Стояновичемъ со снимкомъ въ журналѣ «Јужнословенски филолог» I вып., то она, какъ недатированная, представляетъ меньше интереса, и своими палеографическими данными указываетъ, по нашему мнѣнію, на значительно болѣе позднее время, чѣмъ Надпись Самуила: въ ней находимъ уже ꙗ и ѥ, въ буквѣ и соединительная черта выше средины, въ буквѣ к верхняя часть значительно меньше нижней; часто вмѣсто и употребляется і (въ Надписи 993 г. ни разу).

1. Саввина книга евангельскихъ чтеній (евангеліе—апракосъ), хранящаяся въ Московской Типографской библіотекѣ, написанная попомъ Саввой,—откуда ея названіе,—была открыта и издана И. И. Срезневскимъ, позже переиздана исправнѣе Щепкинымъ, которому принадлежитъ и изслѣдованіе памятника.

Въ палеографической сторонѣ памятника находимъ уже нѣкоторыя отступленія отъ того, что предлагаетъ Надпись 993 года, хотя отступленія эти не настолько значительны, чтобы отдѣлять памятникъ отъ Надписи очень значительнымъ періодомъ времени.

Въ правописаніи Саввиной книги отражается фонетика того же *приблизительно* времени, къ какому можно отнести и древнѣйшіе евангельскіе тексты глаголическаго письма, хотя и не того же болгарскаго нарѣчія.

Въ морфологіи и лексикѣ памятника сохранилось меньше старины, чѣмъ въ памятникахъ глаголическихъ.

Примѣчаніе. Почеркъ Саввиной книги представляетъ нѣкоторый наклонъ; буквы д, ѱ, з, ρ, χ, (о)у, ц спускаютъ нижніе концы за строку; рисунокъ большинства буквъ сходенъ съ тѣмъ, какой находимъ въ Надписи 993 года;

буква ч имѣетъ форму чаши; но въ буквѣ и соединительная черта иногда бываетъ нѣсколько выше средины буквы, въ буквѣ н средняя косая черта обычно начинается почти отъ верхняго края лѣваго столбика и упирается въ середину праваго, иногда представляя очень незначительный наклонъ (иная форма—въ Надписи 993 г.); у буквы к петли не сходятся, причемъ иногда верхняя нѣсколько меньше нижней; въ буквѣ м перемычка опускается до самаго низа буквы; ѣ—не выше другихъ буквъ; въ памятникѣ встрѣчаемъ йотованные знаки—ѥ, ꙗ, ѩ, но въ значеніи ѩ употребляется ѧ, тогда какъ на мѣстѣ ѧ является ѧ или (изрѣдка) ѧ.

Въ употребленіи знаковъ ъ и ь Саввина книга еще отражаетъ фонетическіе процессы болѣе ранняго времени, какъ и древнѣйшіе глаголическіе тексты,—Зогр., Мар., Сборникъ Клоца (ср. въ отдѣлѣ фонетики—объ ъ и ь).

Морфологія памятника сохранила меньше слѣдовъ старины сравнительно съ глаголическими текстами евангелія: обычны стяженныя формы прилагательныхъ (-аго, -ѹмоу и т. п.) и преходящаго, рѣже формы аориста простого и сигматическаго стараго типа съ примѣтой- s. И въ лексикѣ Саввиной книги находимъ чаще отступленія отъ первоначальнаго текста, какой можно предполагать въ виду данныхъ другихъ памятниковъ: вм. акриди (ἀκρίς), какъ въ Ассем., Остром., Мар., Зогр.,—пржзи; цкѣтѫ сельнѫи вм. кринѫ (κρίνον), какъ въ Ассем., Мар., Остром.; градѫ вм. кртѫ (или кртѣпѫ, кртоградѫ); прахнѣнѫ вм. зълѫ или гнилѫ; господа вм. гостиньница; жрѫдь вм. дрьколь; обычно—ближьнии вм. искрьнии (1 разъ искрьнии), накадити (такъ и Остр.) вм. насѹтити (Мар., Зогр.) и насѹчити (Ассем.); сѹкѣцаемѫ вм. сѹтолимѫ (Мар., Зогр., Ассем., Остром.); обидьлиѫ вм. непракьдьнѫ; не печешимѧ вм. неродиши или небрѣжеши; алкати вм. поститимѧ; дѣлѣ вм. ради; чаще покѣдати, чѣмъ старое сѫкѣдѣтельствокати; сѫбираѫмѧ вм. сѫнимаѫмѧ и др.

Изданіе Срезневскаго въ «Древнихъ слав. пам. юсового письма» 1863 г. было неудовлетворительно,—ср. Ягича «Das altslov. Evangelistarium Pop Savas» въ Arch. V; изданіе Щепкина «Саввина книга» (1903 г.) не лишено нѣкоторыхъ неточностей, которыя указаны Каринскимъ въ Изв. XIX, кн. 3, 206—216 сс. «Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги» Щепкина (1899 г.) представляетъ подробное обслѣдованіе памятника. Ср. Отчетъ о присужденіи премій имени гр. Толстого въ 1900 г., Ж. М. Н. Пр. 1900 г., № 2, Arch. XXII, 247 с.

2. Къ той же приблизительно эпохѣ, что и Саввина книга, относится другой крупный кирилловскій памятникъ древне-церковно-словянской письменности,—Супрасльская рукопись, по содержанію — мартовская минея (неполная, и сверхъ того бесѣды Іоанна Златоуста и др.).

Памятникъ получилъ свое названіе по Супрасльскому монастырю возлѣ Бѣлостока, Гродненской губерніи, гдѣ рукопись найдена была въ началѣ XIX вѣка профессоромъ Виленскаго университета Бобровскимъ. Въ настоящее время часть рукописи,—118 листовъ,—находится въ Люблянѣ, въ Лицейской библіотекѣ, куда поступила въ 1845 году въ числѣ

книгъ и бумагъ Копитара; другая часть,—151 листъ,—находится въ Варшавѣ, въ библіотекѣ графовъ Замойскихъ; наконецъ, третья, небольшая, часть (16 листовъ) была куплена въ 1856 г. акад. А. Ѳ. Бычковымъ и принадлежитъ его сыну, И. А. Бычкову (въ Петроградѣ).

Памятникъ былъ изданъ въ 1851 г. Миклошичемъ, но болѣе точнымъ, хотя и небезупречнымъ, является новое изданіе Северьянова. Ему посвященъ рядъ статей Вондрака и статьи другихъ изслѣдователей.

По своему содержанію памятникъ не можетъ быть связанъ съ начальной эпохой церковно-словянской письменности, что и находитъ свое отраженіе въ его морфологіи и лексикѣ.

Примѣчаніе. Какъ и въ Саввиной книгѣ, въ Супрасльской рукописи буквы а, з, р, х, (о)у спускаютъ нижніе концы за строку, въ буквѣ з даже средняя линія—ниже строки, но буква ц—вся на строкѣ и во всякомъ случаѣ очень подходитъ къ формѣ Надписи 993 года; буква щ въ Супр. не употребляется, а лишь шт; буква к отличается отъ формы Надписи: верхняя петля гораздо меньше нижней; также буквы и, н, т, ѣ отступаютъ отъ формъ Надписи: въ и перекладина—нѣсколько выше средины; въ н обычно соединительная черта идетъ отъ верхняго края лѣваго до нижняго края праваго столбика; въ буквѣ т одна изъ боковыхъ линій замѣтно удлинена; ѣ—ниже, чѣмъ въ Надписи. Супрасльская рукопись знаетъ ѥ и ѩ, но не знаетъ ѧ, употребляя а послѣ гласныхъ и ѧ послѣ согласныхъ.

Въ употребленіи знаковъ ъ и ь Супрасл. рук. стоитъ приблизительно на одномъ хронологическомъ уровнѣ съ Саввиной книгой. Морфологія памятника отражаетъ болѣе позднее происхожденіе его перевода сравнительно съ текстами, восходящими къ кирилло-меѳодіевской эпохѣ: такъ, формы аориста сигматическаго стараго типа съ признакомъ с и аориста простого почти не встрѣчаются,—Вондракъ отмѣчаетъ одинъ лишь примѣръ кыкрьсѫ въ словѣ Епифанія Кипрскаго, которое, повидимому, представляетъ наиболѣе древнюю составную часть Сборника (Altkirchenslav. Gr.² 34 с.); въ формахъ преходящаго окончанія -ѥтѥ, -ѧта; при подлежащемъ женск. и ср. рода—окончаніе 2—3 л. дв. ч. -тѣ. Въ лексикѣ находимъ указанія на то же: сѣтьныхъ вм. дрꙗгѣлѣ, некѣстьникъ и зѧть вм. женихъ (νυμφίος), трѣка вм. жрѣтка, пронзирикъ вм. зълъ, обычно пишть вм. мълка, приѧти вм. наслѣдити, трѣбище вм. олтарь, дѣльма и дѣла вм. ради, сѧтъ вм. рече и друг.

Примѣчательны въ Супрасльской рукописи слова рокъ, рокота, розкѣ, рокьнъ, роз- (см. ниже, въ отдѣлѣ фонетики), указывающія на вліяніе словянскихъ говоровъ, относящихся къ западнымъ или восточнымъ вѣтвямъ, а съ другой стороны—формы кога (425, 22: по изданію Северьянова), нѣкога (275, 23), коюга (441, 20). юга (509, 21), кыѣкога (457, 13),—ср. гега въ Мар. Ев., гдѣ эта форма—рядомъ съ фонетическими сербизмами.

Литература, посвященная памятнику, сравнительно обильна: Miklosich, Monumenta palaeoslovenica e codice Suprasliensi, 1851; Бемъ, «Историко-филологическое изслѣдованіе о Супрасльской рукописи» 1869 г.; Бобровскаго, Судьба Супрасльской рукописи, въ Ж. М. Н. Пр. 1887, №№ 10—12; Vondrák «Zur Kritik der altslov. Denkmale» въ Sitzungsber. 112 т. (1886 г.); его же «Altslo-

Государственная БИБЛИОТЕКА

venische Studien» въ Sitzungsberichte 122 т. (1890 г.), гдѣ авторъ доказываетъ, что въ памятникѣ, болгарскомъ въ основѣ, сказалась рука малоросса; его же Ueber einige orthographische und lexicalische Eigenthümlichkeiten des Codex Suprasliensis...,—Sitzungsber. 124 т.; ср. критическую оцѣнку изысканій Вондрака у Облака въ Arch. XV, 338 и сл.; Abicht и Schmidt: Quellennachweise zum Codex Suprasliensis въ Arch. XV, XVI, XVIII (вопросъ о греческихъ оригиналахъ словянскихъ статей памятника); Zivier «Studien über den Codex Suprasliensis» I 1892, II 1899 г.; Кочубинскій, Изв. II, 1143 и сл.; Pastrnek: O rukopíse Suprasliském въ List. Fil. 1897г, 96—109 (сравненіе фотографическихъ снимковъ Люблянской части памятника съ изданіемъ Миклошича); Северьяновъ, Супрасльская рукопись, т. I, 1904 г. (Памятники старославянскаго языка, т. II, вып. 1), — ср. Р. Ф. В. 1905 г. № 2, 339 и сл.; Leskien, Zur Kritik des altkirchensl. Cod. Suprasl. въ Abh. d. Phil.-hist. Kl. d. k. Sächs. Gesellsch. XXVII (1909 г.); Обнорскій «Глухіе въ сочетаніи съ плавными въ Супрасльской рукописи» Изв. XVII, 4 кн. 333—384 сс.; его же «Судьба j-та (і) въ Супрасльской рукописи» Изв. XVII, кн. 3, 242—255 сс.

3. Въ одномъ ряду съ Саввиной книгой и Супрасльской рукописью въ смыслѣ древности могутъ быть поставлены Хиландарскіе листки, найденные Григоровичемъ въ Хиландарскомъ монастырѣ на Аѳонѣ. Содержаніе ихъ — отрывокъ поученія Кирилла Іерусалимскаго. Изданы были въ 1852 году Григоровичемъ, въ 1868 году Срезневскимъ, въ 1882 году Ягичемъ, послѣдній разъ со снимками со всего памятника Кульбакинымъ въ 1898 году.

Примѣчаніе. Григоровичъ «О древнѣйшихъ памятникахъ церковно-словянской литературы» Изв. II Отд. Имп. Ак. Н. I т. и въ «Статьяхъ, касающихся древняго словянскаго языка» 1852, 71—94 с.; Срезневскій «Древніе славянскіе памятники юсового письма»; Ягичъ «Specimina linguae palaeoslovenicae» 64—66 с.; Кульбакинъ въ «Изслѣдованіяхъ по русскому языку», издаваемыхъ Имп. Ак. Н. II т. Ср. еще Вондракъ въ Arch. XXII, 542—553 с. и Кульбакинъ «Лексика Хиландарскихъ отрывковъ» въ Изв. VI (1901 г.), 4 кн., 131—139 с. Хранятся листки въ библіотекѣ Новороссійскаго университета.

Буквы ѧ, ꙁ, ц, ρ, χ, (о)ѹ, ѱ, какъ и въ Саввиной книгѣ, спускаютъ нижніе концы за строку; въ ѣ, какъ въ Саввиной кн., петли не сходятся; въ буквѣ ꙁ, какъ въ Супр., даже средняя линія ниже строки; изъ йотованныхъ знаковъ находимъ ꙗ, ѥ, ѩ; ѧ имѣетъ форму буквы α греческихъ надписей и употребляется, какъ и въ Савв., послѣ согласныхъ, а послѣ гласныхъ—ѧ; для смягченнаго л употребляется знакъ л҃, для dz—ꙁ.

Незначительный объемъ памятника не позволяетъ составить полное представленіе о его языкѣ, но во всякомъ случаѣ и въ этомъ отношеніи памятникъ относится къ той же приблизительно эпохѣ, что и Савв. кн. и Супр. рук.

Содержаніе памятника, вѣроятно, связано съ литературной эпохой Симеона: лексика его не потеряла еще связи съ кругомъ выраженій, обычныхъ въ древнѣйшихъ евангельскихъ текстахъ,—ср. благодѣть, етеръ, ради, кѣсь миръ, непщеваѣше,—но вм. любы сътворити или прѣлюбы дѣати находимъ блажь дѣати, вм. побѣдити—одолѣти, вм. сьпьрь—спостатьнъ.

4. Листки Ундольскаго (отрывокъ евангелія) являются нѣсколько болѣе позднимъ памятникомъ сравнительно съ Хиландарскими, Супр. и Савв. книгой. Изданы Карскимъ со снимками въ 1904 году.

Примѣчаніе. «Памятники старо-славянскаго языка» I т., вып. 3; ранѣе были изданы Срезневскимъ въ «Древнихъ памятникахъ юсового письма» 1868 г. и Ягичемъ въ Specimina, 48—49; ср. Щепкина «Листки Ундольскаго» въ Сборникѣ статей, посвященныхъ Фортунатову, 1902 года. Письмо свѣшивается съ линіи строки, какъ въ Кіевскихъ лл., Синайск. Пс., Сб. Клоца. Среди старыхъ, въ общемъ, типовъ буквъ (и, н, ж, ч, ц—все въ строкѣ, какъ и ц) находимъ въ лист. Унд. новое ѧ съ инымъ положеніемъ основной черты и петли, нежели въ Хил., Савв., Супр., ꙗ, ꙗ, ꙗ (старая форма—ѧ). Буква ѯ—съ соединеніемъ частей. На мѣстѣ ꙁ и ь почти всюду одно ꙁ. Буква ѡ употребляется гораздо чаще, чѣмъ въ другихъ памятникахъ XI вѣка,—даже послѣ согласныхъ. Вм. ѥ, ѩ, ѭ, ѣ употребляются ꙉ, ѣ, ѧ, ѫ; ꙉ, ѧ, ѫ вм. ѥ, ѭ, ѣ—обычны въ болгарскихъ памятникахъ XII вѣка. Хранятся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеѣ.

5. Македонскій листокъ, сохранившійся очень плохо, имѣетъ еще менѣе значенія, нежели Хиланд. лл. или лл. Ундольскаго для грамматики древне-церковно-словянскаго языка. Изданъ Ильинскимъ въ 1906 г.

Примѣчаніе. «Памятники старо-славянскаго языка» I т., 5 вып. Формы буквъ и ихъ употребленіе не уступаютъ въ древности таковымъ въ Савв. кн. и Супрасл. рук.; изъ йотованныхъ знаковъ употребляется лишь ѥ: вм. ѭ и ѧ—одинъ знакъ ѧ (два раза ѧ=ѧ), вм. ѩ—ѣ. Однако нѣкоторыя черты правописанія указываютъ на болѣе позднюю эпоху: одно ь вм. ꙁ и ь, ы вм. ѯ. Также въ языкѣ—болгарскія новшества: ьр на мѣстѣ древняго ръ, рь; формы аориста бꙑхъмь, положихъмь (1 л. мн. ч.) и т. п. По содержанію памятникъ представляетъ отрывокъ не переводнаго, а оригинальнаго произведенія, причемъ установлена зависимость отрывка отъ Предисловія Іоанна Экзарха Болгарскаго къ переводу Богословія Іоанна Дамаскина. Находится въ Петроградѣ, въ библіотекѣ Имп. Ак. Н.

6. Наконецъ, при перечнѣ источниковъ древне-церковно-словянской грамматики, не можетъ быть опущено и Остромирово Евангеліе, писанное въ Новгородѣ въ 1056—1057 годахъ,—древнѣйшій памятникъ русской письменности.

Черты живого говора русскаго писца, безспорно, отразились въ памятникѣ, но онѣ могутъ безъ труда быть выдѣлены, и подъ ними вскроется болѣе древній церковно-словянскій языковой слой. Изданъ памятникъ Востоковымъ въ 1843 г. и фотолитографически на средства купца Савинкова въ 1889 году. Поправки къ изданію Востокова предложены Козловскимъ въ его изслѣдованіи: О языкѣ Остромирова Ев.

Ср. также Щепкина и Шахматова: Особенности языка Остромирова Евангелія, Фортунатова «Составъ Остромирова Евангелія» 1908 г.

Примѣчаніе. Работа Козловскаго—въ «Изслѣдованіяхъ по русскому языку» I т., 1885 г. Статья Щепкина и Шахматова помѣщена, какъ дополненіе, въ русскомъ переводѣ грамматики Лескина 1890 года. Статья Фортунатова—въ Сборникѣ въ честь Ламанскаго. Главный выводъ Фортунатова: первые 23 листа рукописи списаны діакономъ Григоріемъ съ русскаго оригинала, остальные—съ церковно-словянскаго. Остромирову Ев., какъ памятнику древне-русскаго языка, посвящены статьи Карпинскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1903 г., № 5 и Волкова въ Ж. М. Н. Пр. 1897 г., № 12.

Остромирово Ев. особенно важно, какъ датированный памятникъ. Его др.-церк.-словянскій оригиналъ, очевидно,—первой половины XI вѣка, если не древнѣе. Формы буквъ Остромирова Ев. въ общемъ соотвѣтствуютъ показаніямъ Савв. книги, Супрасл. рук. и Хиландар. листковъ: буквы з, ρ, χ, (о)у, д, ц спускаютъ нижніе концы за строку (ц, какъ въ Савв. и Хиландар.), ч—старое въ формѣ чаши, ж съ равенствомъ верхней и нижней части, въ и соединительная черта—посрединѣ, въ н положеніе соединительной черты невполнѣ соотвѣтствуетъ тому, какое видимъ въ Надписи 993 г., какъ и въ Савв., Супрасл. и Хиланд., въ буквѣ к верхняя петля—меньше нижней.

Йотація въ Остром. Ев. уже вполнѣ развита: ѥ, ѩ, ѭ, ѯ. Въ употребленіи знаковъ ъ и ь отражается высокая древность. Моложе морфологія памятника: формъ аориста съ признакомъ -s и простого почти нѣтъ (одинъ примѣръ послѣдняго); встрѣчается новое окончаніе 2—3 л. дв. ч. при подлежащемъ въ женскомъ и среднемъ родѣ -тѣ. Въ лексикѣ мѣстами замѣтны отступленія отъ первоначальной редакціи, какъ она отражается въ другихъ текстахъ евангелія: цѣкнитисѧ вм. кѣнитисѧ (Ассем., Зогр., Мар.), ближьнии вм. искрьнии (послѣдовательно), знаменати вм. клепати, мьздоимьць (Марк. 2, 15, 16; Лук. 5, 27; 8, 10) при обычномъ митарь; накадити вм. насѹтити, лажати вм. постити сѧ, безума вм. спѣти, сѣкоѫ (4 раза) при сѣнѣмъ (1 разъ) и сѣкоѫиште (больше 20 разъ) при сѣнѣмиште (3 раза), хоуждеѥ вм. тачаѥ, ложа (Мато. 8, 20) вм. лазкинъ (Ассем., Зогр., Мар.), оудараѭщюоумоу Лук. 11, 10 вм. тажѫштюмоу.

Послѣднее чтеніе Вондракъ сопоставляетъ съ чтеніемъ изъ Іоанна Экзарха Болгарскаго: прогнан ко кѹземлеть и ищан обрѣщеть и оударяющюмоу открѣзаетьсѧ, видя въ этомъ указаніе на восточно-болгарское происхожденіе оригинала Остромирова Евангелія и связь редакціи этого оригинала съ эпохой Симеона (Altkirchensl. Gr.^{2}, 47 с.). Предположеніе это вполнѣ вѣроятно.

Большинство указанныхъ памятниковъ кирилловскаго письма не датированы; но сопоставленіе ихъ въ отношеніи палеографическихъ чертъ, правописанія и языка съ Остромировымъ Евангеліемъ позволяетъ думать, что Саввина книга, Супрасльская рукопись и Хиландарскіе отрывки относятся къ первой половинѣ или же къ серединѣ XI вѣка, листки же Ундольскаго и Македонскій листокъ не древнѣе конца XI вѣка.

Къ XI же вѣку, повидимому, относятся еще два памятника, сохраняющіе въ значительной мѣрѣ черты древне-церковно-словянскаго языка: Слуцкая Псалтырь и Новгородскіе листки. Слуцкая Псалтырь (отрывокъ), бывшая когда-то въ рукахъ Срезневскаго, описанная и изданная имъ въ «Древне-славянскихъ памятникахъ юсового письма», въ настоящее время неизвѣстно гдѣ находится, судить же о ней по изданію Срезневскаго можно лишь съ большой осторожностью. Новгородскіе листки (евангельскихъ чтеній), находящіеся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, доступны для изученія въ подлинникѣ, но изданіе ихъ (Срезневскаго ibid.) малонадежно; отрывокъ не заключаетъ въ себѣ почти никакихъ несомнѣнныхъ признаковъ русскаго происхожденія: въ этомъ отношеніи могла бы быть отмѣчена лишь форма колмаше вм. колѣкше, если не объяснять, какъ руссизмы, преобладающіе случаи флексіи 3 л. ед. ч. -ть.

Примѣчаніе. Ср. Фортунатова, Составъ Остромирова Ев., 63 с.

Въ мѣньшей мѣрѣ сравнительно со всѣми указанными выше памятниками могутъ служить источниками для др.-церк.-славянской грамматики остальные церковно-словянскіе тексты XI, XII и XIII вѣковъ, возникшіе на русской, болгарской и сербской почвѣ.

Сюда относятся а) тексты русскаго извода: Сборникъ Святослава 1073 г. [1]), Сборникъ 1076 г. [2]), Архангельское Ев. (1092 г.) [3]), Новгородскія Служебныя Минеи (1095—1097 гг.) [4]), Туровское Ев. [5]), XIII словъ Григорія Богослова [6]), Евгеньевская Псалтырь [7]), Чудовская Псалтырь [8]), Пандектъ Антіоха [9]), отрывокъ житія Кондрата [10]), Мстиславово Ев. до 1117 года [11]), Юрьевское Ев. 1119—1128 гг. [12]), Галицкое четвероев. 1144 года [13]), Стихирарь 1157 года [14]), Добрилово Ев. 1164 г. [15]) и др.; b) тексты болгарскаго извода: Добромирово Ев. [16]), Охридскій апостолъ [17]), Слѣпченскій апостолъ [18]), Болонская Псалтырь [19]), Погодинская Псалтырь [20]), Паремейникъ Григоровича [21]), Трновское Еванг. 1273 г. [22]) и др.; c) тексты сербскаго извода: Мирославово Ев. [23]), Вуканово Ев. [24]), Вѣнскіе листки [25]), Апостолъ Гршковича (отрывокъ) [26]), Апостолъ Михановича (отрывокъ) [27]) и др.

Примѣчаніе. 1) Въ Синодальной Библіотекѣ, изданъ въ 1880 г. Обществомъ древней письменности (Изборникъ Великаго Князя Святослава Ярославича 1073 года); ср. о неточностяхъ изданія въ статьѣ Шахматова въ Arch. VI, о языкѣ памятника въ статьѣ Розенфельда въ Р. Ф. В. 1899 г. № 1. 2) Въ Императорской Публич. Библіотекѣ; два раза изданъ Шимановскимъ (1887 и 1894 г.),—оба раза неудовлетворительно: ср. Соболевскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1888 г. № 2, Симони въ Arch. XI (1889 г.) и Кульбакина въ Ж. М. Н. Пр. 1898 г. № 2. 3) Въ Румянцевскомъ Музеѣ, издано въ 1912 г. фотоцинкогра-

фіей Румянцевскимъ Музеемъ: «Архангельское Евангеліе 1092 г,», ср. замѣтку Дурново въ Изв. XVIII, кн. 2 и Карскаго въ Р. Ф. В. 1913 г. LXIX, 467—477 сс., ср. также Дювернуа «О критическомъ значеніи Архангельскаго Евангелія» въ Ж. М. Н. Пр. 1878 г. № 10. 4) Изданы Ягичемъ въ 1886 г. («Служебныя Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь въ церковно-славянскомъ переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 гг.»); ср. замѣтку Попруженка въ Филол. Зап. 1889 г. 5) Въ Виленской Публичной Библіотекѣ, которою издано литографически въ 1868 г. 6) Изданы Будиловичемъ (невполнѣ удовлетворительно): «XIII словъ Григорія Богослова въ др.-славянскомъ переводѣ по рукописи Импер. Публ. Библіотеки XI в.» Спб. 1875 г.; ср. его же «Изслѣдованіе языка древне-славянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова по рукописи XI вѣка» 1871 г. 7) Въ Московской Синодальной Библіотекѣ; ср. Погорѣлова «Чудовская Псалтырь XI вѣка, отрывокъ Толкованія Ѳеодорита Киррскаго на Псалтырь въ древнеболгарскомъ переводѣ» 1910 г.; его же «Толкованія Ѳеодорита Киррскаго на Псалтырь въ древнеболгарскомъ переводѣ» 1910 г. (ср. также у В. И. Срезневскаго «Древній славянскій переводъ Псалтыри» 1877 г.). 9) Въ Воскресенскомъ Новоіерусалимскомъ монастырѣ, ср. Конко—Изслѣд. о языкѣ П. А. въ Изв. XX, 3 кн. 10) Въ Императорской Публичной Библіотекѣ. 11) Въ Московской Синодальной Библіотекѣ; ср. описаніе Карскаго въ Р. Ф. В. за 1895 г. (№ 4), Симони: Мстиславово Евангеліе начала XII вѣка въ археолог. и палеограф. отношеніяхъ. 1904, 1910 гг. 12) Въ Московской Синодальной Библіотекѣ; ср. арх. Амфилохія «Описаніе Юрьевскаго Ев. 1118—1128 г.» М. 1877 г. 13) Въ Моск. Синод. Библ.; издано арх. Амфилохіемъ: «Четвероевангеліе Галичское 1144 г., сличенное съ древнеславянскими рукописными евангеліями XI—XVII в.» и т. д. (3 тома) 1884 г.; ср. Воскресенскаго: Къ вопросу о славянскомъ переводѣ евангелія, 1888 г. и Le Juge «Das Galizische Tetroevangelium von. J. 1144. Leipzig 1897 г. 14) Московской Синод. Библ. 15) Въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ; описано Соболевскимъ въ «Очеркахъ по исторіи русскаго языка» 1884 г. 16) Ср. Ягича: Jagić, Evangelium Dobromiri. Ein altmacedonisches Denkmal der kirchenslavischen Sprache des XII Jahrh. Sitzungsber. d. W. Ak. CXLV, 3, 1899 г. 17) Въ Моск. Румянц. Музеѣ; ср. Кульбакина «Охридская рукопись апостола конца XII вѣка» 1908 г. 18) Ср. Ильинскаго «Слѣпченскій апостолъ XII в.» 1912 г. 19) Ср. изданіе Ягича Psalterium Bononiense 1907 г. и изслѣдованіе Щепкина «Болонская Псалтырь» 1907 г., ср. также рец. на изд. Ягича Вондрака въ Götting. Gelehrt. Anz. 1909 г. № 2. 20) Издана параллельно съ текстомъ Болонской Псалтыри Ягичемъ,—ср. выше 19). 21) Ср. Брандта «Григоровичевъ Паремейникъ» (Изъ чтеній въ Импер. Общ. ист. и древ. Росс. за 1900 и 1901 гг.). 22) Ср. описаніе Вальявца (Valjavec) въ Starine XX и XXI. 23) Ср. изданіе короля Александра I «Мирославово Јеванђеље» 1897 г. (рец. Кондакова въ Arch. XXI, 1—2, 302—308 и Ягича ibid., 308—309, Белича, Дело XV, 300—310 сс.). 24) Ср. Кульбакина, «Замѣтки о языкѣ и правописаніи Волканова Ев.» въ Изв. 1898 г., кн. 4, 1140—1172 сс. 25) Изданы Ягичемъ въ Denkschr. Wien. Ak. XXXVIII, 1890 г. 26) Изданъ Ягичемъ въ Starine XXVI. 27) Изданъ Ягичемъ въ Rad II.

IX. Въ заключеніе настоящаго введенія необходимо указать на существующія пособія къ изученію древне-церковно-словянскаго языка.

Таковыми, помимо изслѣдованій отдѣльныхъ памятниковъ и ихъ изданій, уже указанныхъ выше, помимо отдѣльныхъ статей и работъ по вопросамъ спеціальнаго характера,—являются труды общаго характера, грамматики, характеризующія какъ звуки, такъ и формы древне-церковно-словянскаго языка.

Важнѣйшими грамматиками являются изъ старыхъ: Добровскаго, Шлейхера, Востокова, Миклошича, изъ болѣе новыхъ: Лескина, Соболевскаго (ученіе о звукахъ), Вондрака. Пособіемъ при ознакомленіи съ памятниками могутъ служить хрестоматіи Бернекера, Каринскаго, Вондрака и автора настоящей книги. Словарь—Миклошича.

Примѣчаніе. Institutiones linguae slavicae Добровскаго (Dobrovský) 1822 года были первой научной грамматикой др.-церк.-словянскаго языка; слабую сторону этого труда составляла фонетика, такъ-какъ, положивъ въ основу своей грамматики сравнительно-поздніе памятники, авторъ не могъ понять настоящаго значенія знаковъ ѫ, ѧ, ѫ и ь. Между тѣмъ, за два года до появленія Institutiones, Востоковъ въ своемъ знаменитомъ «Разсужденіи о славянскомъ языкѣ», пользуясь данными Остромирова Евангелія и сравненіемъ ихъ съ показаніями живыхъ словянскихъ языковъ, правильно опредѣлилъ значеніе указанныхъ буквъ и такимъ образомъ открылъ двѣ главныя звуковыя черты др.-церк.-словянскаго языка. Многолѣтнія занятія Востокова церковно-словянскими текстами и словянскими языками подготовили обильный матеріалъ для его строго-фактической, богатой содержаніемъ «Грамматики церковно-славянскаго языка» (1863 г.). Нѣсколько раньше появилась грамматика Шлейхера, въ которой данныя церковно-словянской грамматики были освѣщены сравнительными данными другихъ индо-европейскихъ языковъ, конечно, въ соотвѣтствіи тогдашнему уровню науки сравнительнаго языкознанія: Schleicher, Formenlehre der Kirchenslavischen Sprache, 1852 г.; однако самый фактическій матеріалъ, которымъ могъ воспользоваться Шлейхеръ, былъ еще сравнительно бѣденъ. Во вторую половину XIX вѣка матеріалъ этотъ значительно расширился благодаря открытію и изданію ряда новыхъ церковно-словянскихъ памятниковъ; въ то же время существенно измѣнились методы и взгляды науки языкознанія и стали болѣе извѣстными данныя живыхъ словянскихъ языковъ. Появившаяся въ 1874 г. работа извѣстнаго слависта того времени Миклошича «Altslovenische Formenlehre in Paradigmen» еще не отражаетъ вполнѣ всѣхъ этихъ пріобрѣтеній науки, какъ и соотвѣтствующая часть труда того же Миклошича Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen (1879 г.) и 1-е изданіе грамматики Лескина (Handbuch der altbulgarischen Sprache, 1871 г.). Только въ 1886 г.—во второмъ изданіи своего руководства Лескинъ далъ сжатый грамматическій очеркъ церк.-словянскаго языка, вполнѣ соотвѣтствующій новымъ положеніямъ сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, основанный на внимательномъ изученіи всѣхъ новыхъ (до 1886 г. явившихся) изданій памятниковъ и на знакомствѣ съ данными иныхъ словянскихъ языковъ,—съ полнымъ сознаніемъ различія явленій церковно-словянскихъ и явленій праславянскаго языка.

Въ 1890 г. вышелъ русскій переводъ этого изданія, съ дополненіями изъ Остромирова Евангелія, принадлежащими Шахматову и Щепкину. Въ настоя-

щее время Handbuch Лескина на нѣмецкомъ языкѣ вышло уже 5-мъ изданіемъ (1910 г. Weimar, съ текстами и словарчикомъ къ нимъ) отражая въ себѣ развитіе словянскаго языкознанія съ 1886 по 1910 г. Въ 1909 г. появилась новая редакція труда Лескина: Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. (Heidelberg), какъ 1 выпускъ «Sammlung Slavischer Lehr-und Handbücher», съ обширнымъ историческимъ введеніемъ (о народности ц.-сл. языка, азбукахъ и т. д.), но безъ текстовъ и словаря. Эта послѣдняя редакція грамматики Лескина—едва ли не самая удачная. Въ 1915 г. вышелъ русскій переводъ этой книги Петровскаго (Казань).

Изъ другихъ трудовъ общаго характера являются важнѣйшими слѣдующіе: Соболевскій, Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика. 1891 г. Москва (повторено литографически въ 1910 г.).

Вондракъ, Altkirchenslavische Grammatik, Berlin 1900. Ср. также его Vergleichende Slavische Grammatik 1906—1908, I—II. Въ 1912 г. вышло 2-е изданіе «Altkirchenslavische Grammatik», значительно расширенное и измѣненное по характеру; книга Вондрака (въ 600 слишкомъ страницъ) заключаетъ въ себѣ обширное введеніе, фонетику и морфологію и, соединяя сравнительный и историческій матеріалъ, вводитъ въ рамки изложенія данныя памятниковъ XII и XIII вѣка. (Ср. рецензію Meillet въ Roczn. slaw. VI, 124—143 сс.); глава о церк.-слов. синтаксисѣ вышла въ русскомъ переводѣ Петровскаго въ 1915 г. (Казань).

Морфологіи посвящена работа Пастрнека: Prof. Fr. Pastrnek, Tvarosloví jazyka staroslověnského s úvodem a ukázkami, 1909, 2 изд. 1912 г. Очень интересны и важны, но не окончены печатаніемъ и представляютъ большую библіографическую рѣдкость «Лекціи по фонетикѣ старо-славянскаго (церк.-славянскаго) языка» Фортунатова.

Лекціи по древне-церковно-славянскому языку Грунскаго (Записки Юрьевскаго университета) 1907 г.,—ср. Р. Ф. В. 1910 г. 150 сл., 381 сл., 1911 г. 239 с., 457 и сл.,—вышли 2 изд. въ 1914 г.

Изъ пособій при ознакомленіи съ памятниками Specimina Ягича въ настоящее время—рѣдкость. До недавняго времени приходилось пользоваться или хрестоматіей Бернекера (Slavische Chrestomathie 1902 г.), или хрестоматіей Каринскаго (Хрестоматія по древне-церковно-славянскому и русскому языкамъ 1904 г.). Въ 1910 г. вышла «Kirchenslavische Chrestomathie» Вондрака; въ 1911 г.—2-е изданіе хрестоматіи Каринскаго и небольшая хрестоматія автора настоящей книги.

Miklosich'a Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum 1862—1865 г. въ настоящее время нуждается въ пополненіи; этимологическій словарь словянскихъ языковъ Миклошича въ настоящее время можетъ быть замѣненъ словаремъ Бернекера: Berneker, Slavisches Etymologisches Wörterbuch, пока 1—11 выпуски.

Объ историческомъ развитіи изученія церковно-словянскаго языка ср. въ нашей статьѣ: «Историческое развитіе и современное состояніе словянскаго языкознанія», Ж. М. Н. Пр. 1906 г., № 5.

ФОНЕТИКА.

§ 1. Какъ каждый изъ словянскихъ языковъ, древне-церковно-словянскій языкъ получилъ изъ праславянскаго извѣстную систему звуковъ и формъ, которая опредѣляется помощью сопоставленія фактовъ отдѣльныхъ словянскихъ языковъ, — по возможности въ древнѣйшей стадіи ихъ развитія.

Примѣчаніе. Возстановляемые такимъ методомъ звуки, конечно, не могутъ быть опредѣлены въ своей артикуляціи такъ точно, какъ звуки живой рѣчи. Мы можемъ опредѣлить эти праславянскіе звуки, какъ звуковые типы, лишь въ болѣе или менѣе общихъ чертахъ. Эти звуковые типы въ отдѣльныхъ праславянскихъ говорахъ являлись невполнѣ одинакими, такъ-какъ діалектическія различія были всегда и въ праславянскомъ языкѣ, какъ во всякомъ языкѣ.

Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ мы не имѣемъ возможности съ увѣренностью опредѣлить праславянскій звукъ, къ которому восходятъ звуки отдѣльныхъ словянскихъ языковъ въ тожественныхъ этимологически словахъ,—даже какъ звуковой типъ; или же мы можемъ иногда охарактеризовать такой праславянскій звукъ лишь съ одной стороны; въ такихъ случаяхъ наша формула есть лишь условный знакъ, имѣющій значеніе: «тотъ праславянскій звукъ, къ которому восходятъ такіе-то звуки отдѣльныхъ словянскихъ языковъ».

Такимъ образомъ, русское *а* въ *братъ*, *даръ*, *гадъ* и т. п., польское *а* въ литературныхъ формахъ brat, dar, gad, чешское *а* въ словахъ bratr, dar, had, сербское *а* въ словахъ brât, dâr, gâd—даютъ право предположить праславянскій звуковой типъ *а*, который въ отдѣльныхъ праславянскихъ говорахъ произносился, быть можетъ, не вполнѣ одинаково, но болѣе или менѣе сходно, какъ и въ настоящее время въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ: такъ, Томсонъ, Общ. языков., 2 изд. 165, опредѣляетъ русское *а*, какъ звукъ низкій, задненёбный, а Розвадовскій, Mat. i. pr. I, 100 c., опредѣляетъ польское *а* образованныхъ классовъ Галиціи, какъ звукъ низкій, средненёбный (иначе—Брокъ: Очеркъ физіологіи славянской рѣчи, 1910 г., 106, 124 сс.).

Буквѣ ѣ нашего историческаго правописанія въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ и въ литературномъ русскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ *е* (*е* съ предшествующею мягкостью), въ малорусскомъ литературномъ языкѣ—і, въ польскомъ ʼе и ʼа, въ болгарскомъ діалектически различно: е, ʼа, ä; въ сербскомъ также съ діалектическими различіями е, і, је—ије. Праславянскій звукъ, къ которому восходятъ эти разнообразные звуковые рефлексы отдѣльныхъ словянскихъ языковъ, можетъ быть опредѣленъ, даже какъ звуковой типъ, не вполнѣ увѣренно; съ полной увѣренностью можно опредѣлить его лишь со стороны

количественной,—какъ звукъ долгій, но и то лишь по отношенію къ древнѣйшей эпохѣ жизни прасл. языка.

Тотъ звукъ, который выражается въ др.-ц.-сл. памятникахъ знакомъ ъ, также имѣетъ такія разнообразныя соотвѣтствія въ живыхъ словянскихъ языкахъ, что праслов. ъ, къ которому мы эти соотвѣтствія возводимъ, является въ значительной мѣрѣ условнымъ знакомъ; вполнѣ опредѣленное значеніе этому праслов. ъ мы можемъ придавать лишь съ одной,—а именно количественной стороны.

При обозначеніи прасловянскихъ звуковъ пользуемся латинской азбукой, причемъ буква y обозначаетъ праслов. ы, буква ě—прасл. ѣ, буквы ǫ и ę—прасл. носовые о и э, č—праслов. ч, ž—праслов. ж, š—праслов. ш, d͡z—слитное дз, ǧ—слитное дж, r′, l′, t′ и т. п. обозначаютъ смягченные r, l, t и т. д.; буквы ъ, ь въ словахъ, предполагаемыхъ для прасловянскаго, обозначаютъ прасл. рефлексы индо-европейскихъ ŭ, ĭ (точнѣе см. въ §§ 9 и 10).

Древне-церковно-словянскій языкъ въ общемъ ближе всѣхъ другихъ подходитъ къ тому состоянію прасловянскаго языка, которое можно предполагать въ эпоху, непосредственно предшествовавшую его распаденію на отдѣльные языки.

Изученіе его памятниковъ позволяетъ предполагать въ немъ слѣдующую звуковую систему.

A. Гласные. 1. *Полнаго образованія*:
   a) твердые (велярные): ѧ, ǫ, ѫ, ꙋ, ъ,
   b) мягкіе (палатальные): ѣ, ѣ̈, и, ѧ.
2. *Неполнаго образованія* (редуцированные въ количественномъ отношеніи):
   a) твердый ъ,
   b) мягкій ь.

B. Сонорные. 1. *Плавные* ǫ, л (слоговые и неслоговые);
2. *Носовые* н, м.

C. Шумные согласные. 1. *Взрывные:*
   a) губные б, п,
   b) зубные т, д,
   c) задне-небные к, г.
2. *Длительные:*
   a) губной ѳ,
   b) зубные с, з,
   c) язычно-небные ш, ж, (j?),
   d) задне-небный х.
3. *Аффрикаты*: ц, ѕ, ч.

Въ этой звуковой системѣ можно отмѣтить сравнительно немногія отступленія отъ прасловянскихъ звуковыхъ типовъ.

Отношеніе звуковъ древне-церковно-словянскаго языка къ праславянскимъ.

§ 2. Гласный а др.-ц.-сл. языка, вообще говоря, соотвѣтствуетъ праславянскому *a* (первоначально было долгимъ): др.-ц.-сл. трава изъ прасл. *trava (русск.—трава, чеш. tráva, серб. tráva, пол. trawa и т. д.), др.-ц.-сл. мати изъ прасл. *mati (русск. мать, чеш. máti и т. д.).

Точно такъ же древне-церк.-словянскія о, оу, ѣ, и, ꙑ соотвѣтствуютъ такимъ же звуковымъ типамъ праславянскаго языка: o, u, e, i, y, т. е. тѣмъ звуковымъ типамъ, которые имѣются въ русскихъ о, у, э, и, ы; должно при этомъ замѣтить, что двойное написаніе оу для звука u не заключаетъ въ себѣ никакихъ указаній на природу этого гласнаго: это двойное написаніе механически перенесено изъ греческаго письма (*ου*). Ср. др.-ц.-сл. нога изъ прасл. *noga (русс. *нога*, пол. noga, чеш. noha, серб. nòga); др.-ц.-сл. оухо изъ прасл. *ucho (русс. *ухо*, пол. ucho, чеш. ucho и т. д.); др.-церк.-сл. берѫ изъ прасл. *berǫ (рус. *беру*, чеш. beru и т. д.); др.-ц.-сл. видѣти изъ прасл. *viděti (рус. *видѣть*, пол. widzieć, чеш. vidĕti и т. д.); др.-ц.-сл. быти изъ прасл. *byti (р. *быть*, пол. być). По отношенію къ др.-ц.-слов. ꙑ и и слѣдуетъ замѣтить, что эти звуки являлись въ др.-ц.-сл. языкѣ, какъ и въ другихъ словянскихъ языкахъ, также на мѣстѣ первоначальныхъ праславянскихъ ъ и ь въ положеніи предъ j (i̯): др.-ц.-слов. мꙑѭ изъ первоначальнаго *mъjǫ (ср.—р. *мою*), др.-ц.-слов. киѭ изъ первоначальнаго праслов. *vьjǫ (рус. *вью*), др.-ц.-сл. шия изъ прасл. *šьja (рус. *шея*), однако въ такомъ положеніи они были редуцированы (ср. ниже, § 55).

Примѣчаніе. Праславянское и др.-ц.-словянское у (ꙋ) считаемъ монофтонгомъ: ср. нашу статью «Праславянське ꙋ» въ Збірн. Фильольог., 46—53 стр. Гласные *u, *i, *y, какъ и *a, были первоначально долгими, а *o, *e—краткими.

Гласные др.-ц.-слов. языка, скрывавшіеся подъ знаками ѫ, ѧ,—глаголич. Ⱏ, Ⱑ,—несомнѣнно, были носовыми гласными *o* и *e* (ср. ниже, § 58) и соотвѣтствовали праславянскимъ носовымъ *o* и *e*—ǫ, ę (первоначально долгимъ). Большая часть словянскихъ языковъ потеряла носовой характеръ этихъ гласныхъ, но сохраненіе ихъ въ качествѣ носовыхъ гласныхъ польскимъ и кашубскимъ, слѣды ихъ въ говорахъ словинскаго и болгарскаго языковъ являются достаточнымъ доказательствомъ существованія ихъ въ праславянскомъ; другіе индо-европейскіе языки въ соотвѣтствіи др.-ц.-словянскимъ ѫ, ѧ, польскимъ ǫ, ę и т. д. имѣютъ сочетанія гласнаго съ носовымъ согласнымъ, см. § 16.

Примѣчаніе. Фортунатовъ предполагалъ въ прасловянскомъ, кромѣ ǫ и ę, носовое ě въ формахъ, соотвѣтствующихъ церк.-словянскимъ конѣмь вин. мн., землѣмь род. ед., им.-вин. мн. ч. Ср. ниже, § 39.

Гласный, обозначавшійся буквой ѣ, соотвѣтствуетъ тому прасловянскому звуку, который мы условно обозначаемъ буквой ě, и который врядъ ли можетъ быть опредѣленъ по характеру артикуляціи вполнѣ увѣренно. Въ настоящее время наиболѣе вѣроятной можно признать мысль Фортунатова, что праслов. ě эпохи, непосредственно предшествовавшей распаденію словянскаго праязыка, было дифтонгическимъ сочетаніемъ ie одного слога. Рефлексы этого звука въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ весьма разнообразны: ср. др.-ц.-сл. лѣто изъ прасл. *lěto и рус. *лѣто*, малор. літо, пол. lato, чеш. leto, серб. восточное lȅto, южное ljȅto и западное lȉto. Др.-церк.-слов. ѣ, во всякомъ случаѣ, уже отличалось по артикуляціи отъ того праслов. ě, къ которому мы возводимъ рефлексы отдѣльныхъ словянскихъ языковъ: вѣроятно, оно произносилось, какъ ä или ea,—ср. § 52. Въ прасловянскомъ ě было первоначально долгимъ гласнымъ.

Примѣчаніе. О прасловянскомъ ě ср. Ляпунова въ Р. Ф. В. LV т. (1906 г.), 6 и сл. и въ Arch. XXXIII т. (1912 г.), 515 и сл., у Вондрака Vergl. Sl. Gr. I, 54 и сл., Шахматова: Энциклопедія славянской филологіи, вып. 11ı, §§ 14 и 15.

Гласные ъ и ь соотвѣтствуютъ прасловянскимъ гласнымъ, которые мы обозначаемъ условно тѣми же знаками ъ и ь, и которые также не могутъ быть точно опредѣлены по характеру артикуляціи; несомнѣнно, что они отличались отъ остальныхъ гласныхъ въ отношеніи количественномъ: какъ доказываетъ ихъ судьба въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ, они были короче нормально-краткихъ гласныхъ, т. е. количественно редуцированными. Съ этимъ, вѣроятно, была связана меньшая опредѣленность въ акустическомъ отношеніи, чѣмъ и объясняется разнообразіе рефлексовъ этихъ прасловянскихъ звуковъ въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ: ср. др.-ц.-сл. сънъ, рус. *сонъ*, пол. sen, чеш. sen, серб. sân; др.-ц.-сл. дьнь, рус. *день*, пол. dzień, чеш. den, серб. dân.

Трудно сказать, былъ ли др.-ц.-сл. языку извѣстенъ неслоговой i въ соотвѣтствіи прасловянскому j или i̯; этотъ i̯, или же j, выражается первой частью такъ-называемыхъ йотованныхъ начертаній гласныхъ: ꙗ, ѥ, ю (изъ оу), ѩ, ѭ; ср. ниже, § 60.

§ 3. Др.-ц.-сл. сонорные ρ, л, м, н соотвѣтствуютъ прасловянскимъ r, l, m, n; при этомъ др.-ц.-словянскому языку, какъ и прасловянскому, r, l были извѣстны какъ въ слоговомъ, такъ и въ неслоговомъ употребленіи, сонорные же м, н только въ неслоговомъ: ср. уже приведенныя

выше—др.-церк.-слов. трава, лѣто, сѣно, млѣко изъ прасл. *trava, *lěto, *sъno, *melko.

Слоговыми были др.-ц.-сл. ꙛ, л въ соотвѣтствіи праславянскимъ ъ̯, ъ̯̥ (ъ̯, ъ̯̥),—ср. ниже, § 17.

Примѣчаніе. Знаки ꙛ, ̥ означаютъ слоговые r, l. Въ соотвѣтствіи др.-ц.-сл. грѫдо, влькъ въ русскомъ находимъ *горло*, *волкъ*, въ серб. gr̄lo со слоговымъ r и въ сербскомъ-чакавскомъ vlk со слоговымъ l, въ чешскомъ hrdlo и vlk со слоговыми r, l. Всѣ эти формы возводятся обычно къ праслав. формамъ съ ꙛ, ̥: *gъ̯rlo, *vъ̯̥kъ, гдѣ ъ и ь обозначаютъ различную звуковую окраску слѣдующаго сонанта.

Какъ въ праславянскомъ, сонорные r, l, n могли быть въ др.-церк.-словянскомъ не только твердыми, но и смягченными: др.-ц.-слов. морѥ изъ прасл. *moŕe (болѣе раннее *morje); др.-ц.-сл. полѥ изъ прасл. *poĺe (раньше *polje), др.-ц.-сл. сѧ-ѥмь изъ прасл. *sъ-ńimь (раньше *sъn-jimь).

Кромѣ того, въ др.-церк.-словянскомъ существовало смягченное l въ сочетаніяхъ бл, пл, вл, мл на мѣстѣ праслав. b+j, p+j, v+j, m+j внутри слова: др.-ц.-сл. земля изъ прасл. *zemja (р. *земля*, пол. ziemia, чеш. země, серб. zèml′a), др.-ц.-сл. люблѭ изъ прасл. *ljubjǫ (р. *люблю*, пол. lubię) и т. п.; ср. ниже, § 62.

Др.-ц.-сл. взрывные п, б, д, т, к, г соотвѣтствуютъ прасл. p, b, d, t, k, g: ср. вышеприведенные примѣры полѥ, берѫ, видѣти, врѣгъ, мѧка. Въ иностранныхъ (греческихъ) словахъ, какъ анг҃елъ, еванг҃елиѥ, параклит҃ия и т. п. въ церк.-слов. памятникахъ находимъ к̂, г̂, т. е. к, г со знакомъ мягкости; для г̂, какъ мы видѣли при ознакомленіи съ глаголической азбукой (Введеніе, стр. 16), въ глаголицѣ имѣлся особый знакъ: ⰾ. Трудно сказать, какіе именно палатальные звуки скрывались подъ этими к̂, г̂, ⰾ.

Зубные т, д могли быть твердыми и смягченными, а именно смягченными они, повидимому, были первоначально въ сочетаніяхъ шт, жд, получившихся въ древне-церк.-словянскомъ языкѣ изъ прасл. t′, d′ (d′ изъ dj, t′ изъ tj и kt): нѫжда, скѣшта, ношть изъ прасл. *nǫdja, *světja, *nokťь, ср. ниже, § 65.

Длительный губной в (ц.-слов.) соотвѣтствуетъ праславянскому v: ср. приведенное выше др.-ц.-сл. кнѩжъ. Соотвѣтствующій глухой ф (f) также былъ извѣстенъ др.-церк.-словянскому языку, но лишь въ чужихъ (греческихъ) словахъ: фарисеи, филипъ и т. п.

Длительные зубные с, з соотвѣтствуютъ праславянскимъ s, z: ср. приведенныя выше сѣно, земля. Зубной с въ др.-ц.-сл. является также на мѣстѣ прасл. ch въ группѣ chv- предъ і и ě изъ дифтонга oi̯ (ai̯): др.-ц.-сл. власи—nom. pl. отъ власъ; ср. объ этомъ явленіи ниже, въ § 68.

Язычнонебные ш, ж восходятъ къ прасл. š, ž: ср. нашь, пишетъ, лижетъ изъ праслов. *naš̆ь, *pišeti̯ь, *ližeti̯ь; жена изъ прасл. *žena (гдѣ ž изъ болѣе древняго ǧ, т. е. слитнаго dž—дж): ср. русс. *нашъ*, *пишетъ*, *лижетъ*, *жена*, пол. nasz, pisze, liże, żona и т. д.

Длительный задненебный χ соотвѣтствуетъ праславянскому ch: ср. вышеприведенное ухо. Въ чужихъ (греческихъ) словахъ, какъ архиерей, архисинагогъ находимъ въ церк.-слов. памятникахъ χ въ положеніи предъ передненебнымъ гласнымъ. Аффрикаты ч, ц, ѕ восходятъ къ прасл. č c, d͡z (т. е. ч, ц, дз): учити изъ прасл. *učiti (русс. *учить*, пол. uczyć, чеш. učiti и т. д.): овьца изъ прасл. *ovьca (рус. *овца*, пол. owca, чеш. ovce и т. д.); нощь пот. dual. изъ праслов. *nodzě (ср. др.-пол. nodze). Аффрикаты ц, ѕ являются въ др.-церк.-слов. языкѣ также на мѣстѣ первоначальныхъ к, г въ группѣ kv, gv предъ палатальными гласными: ср. ниже, § 68.

Такимъ образомъ, звуковая система др.-церк.-слов. языка довольно вѣрно отражаетъ систему звуковъ праславянскаго языка, поскольку мы можемъ себѣ ее представить на основаніи сопоставленія отдѣльныхъ словянскихъ языковъ.

Отличія др.-церк.-слов. языка въ этомъ отношеніи сводятся къ слѣдующему.

1) Въ положеніи предъ согласнымъ праслов. группы or, ol, er, el, которыя возстановляются въ виду литовскихъ ar, al, er, el, дали въ др.-ц.-словянскомъ съ удлиненіемъ гласнаго и перестановкой—ра, ла, рѣ, лѣ, (*о* при удлиненіи дало а, *е*—ѣ),—какъ послѣ согласнаго, такъ и въ началѣ слова: др.-церк.-слов. брада изъ прасл. *borda (русс. *борода*, пол. broda, чеш. brada, серб. bráda); глава изъ прасл. *golva (рус. *голова*, чеш. hlava, пол. głowa, серб. gláva); ср. лит. barzdà, galvà; др.-ц.-слов. брѣгъ изъ прасл. *bergъ (рус. *берегъ*, чеш. břeh, пол. brzég, серб. brȇg); др.-ц.-сл. млѣко изъ прасл. *melko (серб. mléko, чеш. mléko, пол. mleko, рус. *молоко*—вслѣдствіе измѣненія на русской почвѣ el въ ol, затѣмъ въ ol, откуда *оло*); др.-ц.-сл. рало изъ прасл. *ordlo (серб. rȁlo, чеш. rádlo),—ср. лит. ár-ti—*орать*; др.-ц.-сл. лакать изъ прасл. *olk-ъti (серб. lȁkat, пол. łokieć, русс. *локоть*),—ср. лит. alkúnė.

2) Праславянскія группы pj, bj, vj, mj дали въ др.-ц.-сл. сочетанія пл̂, бл̂, кл̂, мл̂ не только въ началѣ, но и внутри слова.

3) На мѣстѣ первоначальныхъ праславянскихъ t´ и d´ долгихъ изъ tj, kt и dj въ др.-ц.-словянскомъ находимъ группы шт, жд; ср. ниже, § 31, 33.

4) На мѣстѣ первоначальныхъ праславянскихъ сочетаній kv, gv, chv въ положеніи предъ палатальнымъ гласнымъ въ др.-ц.-словянскомъ яви-

лись сочетанія цк, ѕк, ск: цкѣтъ, ѕкѣзда, клѧски; группы cv, d͡zv (sv) находимъ, вообще говоря, въ южнословянскихъ языкахъ и русскомъ, тогда-какъ зап.-словянскіе языки сохранили старыя группы kv, gv: ср. пол. kwiat, gwiazda, чеш. květ, hvězda (h—изъ g); подробнѣе ср. ниже, § 68.

5) На мѣстѣ первоначальныхъ прасловянскихъ сочетаній šč, žǧ въ др.-ц.-словянскомъ являлись št, žd: ср. др.-ц.-сл. штирѣ изъ прасл. *ščigъ (пол. szczery, малор. щирый),—ср. ниже, § 33.

Примѣчаніе. Др.-ц.-слов. языкъ, какъ и другіе словянскіе языки, получилъ изъ прасловянскаго различіе долгихъ и краткихъ гласныхъ и, кромѣ того, въ долгихъ гласныхъ различіе качества долготы, т. е. различіе слогоударенія (о слоговомъ удареніи ср. Томсона, Общее языковѣдѣніе[2], 226 с. или Поржезинскаго, Введеніе въ языковѣдѣніе[4], 118 с.). Долгими по происхожденію (см. ниже, § 4 и сл.) были въ прасл. a, ě, i, y, u, ǫ, ę, краткими—o, e. Уже въ прасловянскомъ въ извѣстныхъ положеніяхъ долгіе могли сократиться. О количествѣ и слогоудареніи въ др.-церк.-словянскомъ языкѣ мы не имѣемъ твердыхъ данныхъ. Вопросамъ прасловянскаго количества и ударенія посвящена обширная литература (ср. Кульбакинъ, Сербскій языкъ, 1915 г., 30 с.); въ новѣйшее время вопросы эти разсматриваются у Белича,—Акценатске студије (1914 г.) и у Шахматова: Энциклопедія славянской филологіи, вып. 11 (1915 г.), 67—98 сс.

Отношеніе древне-церковно-словянскихъ и прасловянскихъ звуковъ къ праиндоевропейскимъ.

Подобно тому, какъ отдѣльные словянскіе языки развились изъ говоровъ одного прасловянскаго языка, и отдѣльные индо-европейскіе языки вообще получились въ результатѣ развитія говоровъ одного, нѣкогда существовавшаго, праиндоевропейскаго языка. Одинъ изъ такихъ говоровъ индо-европейскаго праязыка лежитъ, очевидно, въ основѣ прасловянскаго.

Соотношенія говоровъ праиндоевропейскаго языка раскрываются въ извѣстной мѣрѣ на основаніи сравнительнаго изученія индо-европейскихъ языковъ, по возможности, въ ихъ древнѣйшемъ состояніи. Такое изученіе позволяетъ думать, что тотъ праиндоевропейскій говоръ, который лежитъ въ основѣ прасловянскаго, относился къ *восточной* группѣ говоровъ индо-европейскаго праязыка, т. е. былъ тѣснѣе связанъ съ индо-иранскимъ, балтійскимъ, армянскимъ и албанскимъ говорами, чѣмъ съ германскимъ, кельтскимъ, италійскимъ и греческимъ (ср. §§ 19, 26).

Особенно тѣсную связь въ отдаленномъ прошломъ словянскіе языки обнаруживаютъ съ *балтійской* группой языковъ (литовскій, латышскій и вымершій въ XVII вѣкѣ прусскій), такъ-что является возможность въ цѣломъ рядѣ случаевъ говорить о языковыхъ явленіяхъ, восходящихъ къ эпохѣ балтійско-словянскаго единства (ср. ниже, §§ 15, 16, 17).

Примѣчаніе. По вопросу о соотношеніяхъ говоровъ праиндоевропейскаго языка и въ частности по вопросу о балтійско-словянскомъ языковомъ единствѣ ср. Meillet, Les dialectes indo-européens (1908 г.), Поржезинскаго Die baltischslavische Sprachgemeinschaft въ R. Sl. IV т. (1911 г.), 1 и сл., Эндзелина Славяно-балтійскіе этюды (1911 г.), Розвадовскаго (Rozwadowski)—O pierwotnym stosunku wzajemnym języków bałtyckich i słowiańskich въ R. Sl. V (1912 г.), 1 и сл., Шахматова въ рец. на Слав.-балт. этюды Эндзелина— Изв. XVII, 281—290 сс., Meillet въ рец. на ту же книгу Эндзелина въ R. Sl. V т., 153—164 сс. и Jokl'a въ Arch. XXXV, 307 и сл.; Brückner, Die Litauslavische Sprachenheit (K. Z. XLVI, 217—239 с.); van-Wijk, Baltics-Slavics problemen. 1913.

Соотношенія говоровъ праиндо-европейскаго языка можно, слѣдуя Meillet, (Les dialectes....), графически представить слѣдующимъ образомъ (причемъ говорамъ праиндоевропейскимъ усваиваются названія современныхъ группъ индоевропейскихъ языковъ:

Древне-церковно-словянскій языкъ, въ ряду другихъ словянскихъ языковъ, даетъ наиболѣе цѣнный матеріалъ для выясненія отношеній словянской языковой вѣтви къ инымъ вѣтвямъ и.-европейскаго праязыка. Помощью его данныхъ, въ связи съ указаніями иныхъ словянскихъ языковъ, можно установить болѣе древнія эпохи въ жизни прасловянскаго языка,—можно выяснить, какія измѣненія звукового характера пережила словянская вѣтвь, съ момента своего выдѣленія изъ индо-европейскаго цѣлаго до того момента, когда она сама стала распадаться на рядъ самостоятельныхъ словянскихъ языковъ. Въ то же время выясненіе отношеній др.-ц.-сл. звуковой системы къ прасловянской и этой послѣдней къ индо-европейской необходимо для полнаго историческаго пониманія самихъ др.-ц.-словянскихъ фактовъ.

Сопоставленіе прасловянскихъ звуковъ со звуками другихъ индоевропейскихъ языковъ въ словахъ, этимологически тожественныхъ, выясняетъ въ слѣдующемъ видѣ исторію звуковъ индо-европейскаго праязыка на словянской почвѣ *).

§ 4. Сопоставленіе показаній отдѣльныхъ индо-европейскихъ языковъ (въ древнѣйшемъ ихъ видѣ) позволяетъ предполагать въ индо-европейскомъ праязыкѣ слѣдующіе гласные:

---

*) Въ древне-инд. формахъ по условіямъ типографскаго характера палатальное š обозначено знакомъ ś, церебральное š простымъ š (безъ точки подъ буквой).

1. Краткіе гласные: a, o, e, i, u, ə.
2. Долгіе гласные: ā, ō, ē, ī, ū.
3. Дифтонги съ краткой слоговой частью: ai, oi, ei, əi и au, ou, eu, əu.
4. Дифтонги съ долгой слоговой частью: āi, ōi, ēi и āu, ōu, ēu.

Указанный въ 1 рядѣ гласный ə предполагается въ результатѣ ослабленія *долгихъ* гласныхъ: ā, ō, ē.

Примѣчаніе. Большинство изслѣдователей опредѣляетъ ə, какъ полушопотный: ср. о полушопотныхъ гласныхъ у Томсона, Общ. языков. 2 изд. 167 с.

Въ результатѣ ослабленія краткихъ гласныхъ *e*, *o* можно предполагать редуцированный гласный, условно обозначаемый знакомъ ˂ (обозначеніе Фортунатова -*ă*), хотя большинство индо-европейскихъ языковъ не даетъ на этотъ гласный прямыхъ указаній: только данныя словянскихъ языковъ могутъ быть связаны съ такимъ предположеніемъ,—ср. ниже, § 10.

§ 5. Словянскіе языки потеряли различіе между *a* и *o*, съ одной стороны, и между ā и ō—съ другой: гласнымъ *a* и *o* другихъ индо-европейскихъ языковъ соотвѣтствуетъ др.-церк.-словянское и прасловянское *o*, а гласнымъ ā и ō этихъ языковъ—др.-ц.-сл. ѧ и праслов. *a* (ā), какъ свидѣтельствуютъ слѣдующіе примѣры: 1) прасл. o изъ индо-европ. a: прасл. *osь (др.-ц.-сл. ось, рус. ось), ср. греч. ἄξων, лат. axis; прасл. *solь (др.-ц.-сл. соль, р. соль),—ср. лат. sāl-is род. п. (sāl им. п.), греч. ἅλς=*sals; 2) прасл. o изъ и.-евр. o: прасл. *oko (др.-ц.-слов. око, р. око), ср. лат. oculus (*глазъ*), греч. ὄσσε (дв. ч. *очи*); 3) прасл. *a* (первоначально долгое) изъ и.-евр. ā: прасл. *mati (др.-ц.-сл. мати, р. мать), ср. латыш. māte, др.-и. mātár—греч. (дорич.) μάτηρ, лат. māter, слѣд., и.-евр. *māter-; прасл. *bajǫ (др.-ц.-сл. баѭ—баяти, рус. баю, баять), ср. греч. (дор.) φαμί (говорю), лат. fāma (*молва*), fārī (*говорить*); прасл. *sta—(др.-ц.-сл. стати, станѫ, рус. стать, станъ), ср. др.-и. sthāna-m (*стоянка*), лат. stāre (*стоять*); 4) прасл. *a* (первоначально долгое) изъ индо-евр. ō: прасл. *dati (др.-ц.-сл. дати, рус. дать), ср. греч. δί-δωμι, лат. dōnum (*даръ*), лит. dûti.

Примѣчаніе. По вопросу о совпаденіи *a* и *o* въ одномъ звукѣ въ словянскомъ и балтійскихъ языкахъ ср. Kretschmer Arch. XXVII, 228 с., Фасмеръ въ K. Z. XLI, 157 с., Эндзелинъ, Слав.-балт. этюды, 106—107 с. Тамъ же указана иная литература вопроса. Гипотеза Кречмера о совпаденіи *o* и *a* въ прасловянскомъ въ звукѣ *a* не доказана. Относительно гипотезы двухъ и.-евр. o (o и ă) ср. Pedersen K. Z. XXXVI т. 86 и сл., 101 и сл., Meillet M. S. L. 8, 153 и сл., Brugmann K. V. Gr. 74 с. § 103 прим., 76 с. § 109 прим.

§ 6. Индо-европейское ə дало на словянской почвѣ то же, что и индо-европ. гласные *a* и *o*, т. е. гласный *o*: въ такихъ случаяхъ прасловянскому *o* въ др.-инд. и др.-ир. соотвѣтствуетъ не *a*, какъ въ 1) и

2),—см. § 5,—ось—др.-инд. ákša-s,—но i: ср. прасл. *stojǫ—*stojati и др.-инд. sthitá-s (стоящій), лат. status, греч. *στατός*, или прасл. *sporъ (др.-ц.-сл. спорѫ, рус. спóрый, спóро—одного корня съ *спѣть, спѣлый*) и др.-инд. sphirá-s (богатый, большой).

§ 7. Соотвѣтствуя и.-евр. *a, o, ə*, слов. *o* передаетъ также *a* (краткое) другихъ языковъ въ заимствованныхъ словахъ: такъ, др.-ц.-слов. олътарь передаетъ лат. altāre, др.-ц.-сл. попъ—др.-в.-н. pfaffo; др.-ц.-сл. обръ—названіе народа съ начальнымъ a, какъ показываетъ лат. avarus, греч. *ἄβαρ*; ср. также др.-ц.-слов. оцьтъ, пол. и чеш. ocet, полученное изъ латинскаго черезъ нѣмецкое посредство,—ср. лат. acētum. Очевидно изъ этихъ сопоставленій, что словянское *o* искони было звукомъ открытымъ, близкимъ къ латинскому *a*, тогда какъ иноязычное *o* было сравнительно со словянскимъ *o*—звукомъ болѣе закрытымъ.

§ 8. Индо-европейское 1) *e* сохранилось въ словянскомъ, какъ *e*: гласному *e* другихъ индо-европейскихъ языковъ соотвѣтствуетъ древнецерковно-словянское и прасловянское *e*; 2) гласный же ē другихъ индоевропейскихъ языковъ далъ прасловянское ě, др.-ц.-сл. ѣ (ср. о прасл. ě § 1, примѣч. и § 2).

Примѣры: 1) прасл. *berǫ (др.-ц.-сл. берѫ, р. беру), ср. греч. *φέρω* (*несу*), лат. fero (*несу*), прасл. *vezǫ (др.-ц.-сл. везѫ), ср. лат. veho, лит. vežù; 2) прасл. *sěmę (др.-ц.-сл. сѣмѧ, рус. сѣмя), ср. лат. sēmen, лит. sėmens (plur.); прасл. *spěti (др.-ц.-сл. спѣти, рус. спѣть), ср. лат. spēs (*надежда*), лит. spėti (со значеніемъ нашего — *поспѣть куда-нибудь, быть проворнымъ*). О судьбѣ ē въ концѣ слова см. § 36.

§ 9. Гласный 1) i индо-европейскаго праязыка отражается въ др.-церк.-словянскомъ и въ прасловянскомъ, какъ ь (ср. § 2), а гласный 2) ī,—какъ i (первоначально долгое).

Примѣры: 1) прасл. *čь-to, др.-ц.-сл. чьто—лат. quid (*что*); прасл. *mьzda, др.-ц.-сл. мьзда—греч. *μισθός* (*плата*); прасл. *ovь-c-a, др.-ц.-слов. овьца,—ср. лат. ov-i-s; 2) прасл. *ǧivъ (др.-ц.-сл. живъ, р. живъ), ср. лит. gývas, др.-инд. jīvás, лат. vīvus изъ болѣе древняго vīvos; прасл. *viti (др.-ц.-слов. вити, рус. вить), ср. лит. výti (*плести*), лат. vītis (*вьющееся растеніе*).

§ 10. Въ результатѣ ослабленія краткихъ гласныхъ e, o въ прасловянскомъ и древнецерковно-словянскомъ являлся тотъ же гласный, что и на мѣстѣ праиндоевропейскаго *i*, а именно: ъ; такого, напримѣръ, происхожденія -ъ въ др.-церк.-слов. формахъ повелит. наклоненія пъци, тъци, жъди отъ глаголовъ пекѫ, текѫ, жегѫ; въ формѣ причастія прош. вр. шьдъ къ глаголу ходити; въ не-прѣкрьдомъ при кредѫ; чеш. -hřbiti изъ *grьbiti при *grebǫ (гребѫ),—ср. ниже, § 45.

Особенно часто ь является ослабленіемъ *e*, *o* передъ сонорными r, l, n, m, какъ въ *ьrati—др.-ц.-слов. кърати, *тьrǫ—мрѫ, *žьrǫ—жрѫ, *žьmǫ—жмѫ, *rьnǫ—рѫ и т. п.; при этомъ вм. ь можетъ являться ъ: *dъmǫ—дмѫ, *gъnati—гнати; ср. подробнѣе—ниже, § 16.

Примѣчаніе. Ср. Ильинскаго, Die Reduktionsstufe in den Wurzeln ohne Sonanten in d. slav. Sprachen въ Arch. XXXIV, 1—16 сс.; о формахъ пьци, тьци, жьзи—ср. Rešetar въ Arch. XXVI, 571 с. и Sievers въ Arch. XXVII, 142 с.

§ 11. Гласный 1) и индо-европейскаго праязыка является въ др.-церк.-словянскомъ и въ прасловянскомъ въ видѣ ѣ (ср. § 2), а гласный 2) ū въ видѣ ѫ—лат. буква u.

Примѣры: 1) прасл. *blъcha, др.-ц.-сл. блѣха, р. *блоха*,—лит. blusà, прасл. *dъkti, др.-ц.-сл. дѣшти, р. *дочь*,—лит. duktẽ, др.-и. duhitár-; прасл. *snъcha, др.-ц.-сл. снѣха, греч. *νυός*, др.-инд. snušā, др.-в.-н. snur, лат nurus; 2) прасл. *byti (др.-ц.-сл. бѫти, р. *быть*)—лит. bûti, греч. *ἔφυν* (*онъ росъ*); прасл. *dymъ (др.-ц.-сл. дымъ, р. *дымъ*)—лит. dúmai, др.-и. dhūmás, греч. *θυμός* (*духъ*), лат. fūmus (дымъ); прасл. *myšь—греч. *μῦς*, лит. mūs.

§ 12. Гласный ѣ является въ древне-церк.-слов. и въ прасловянскомъ также въ сочетаніи съ сонорными r, l, m, n вмѣсто ь,—ср. ниже, § 17. Кромѣ того, словянское ѣ находимъ также на мѣстѣ иноязычнаго ū въ заимствованныхъ словахъ: *kъnędzь (др.-ц.-слов. кънѧзь)—др.-в.-н. kuning; словян. *istьba (истъба), рус. изба—др.-в.-н. stuba.

§ 13. Точно такъ же гласный *y* находимъ въ словянскихъ языкахъ на мѣстѣ ū иныхъ языковъ въ древнѣйшихъ словянскихъ заимствованіяхъ; такъ, чешское pytel (мѣшокъ), польское pytel—род. п. pytla (сито, рѣшето) заимствовано изъ ст.-нѣм.: pûtil (ср. соврем. нѣм. Beutel), и гласный *y* передаетъ нѣм. û; др.-ц.-сл. хыжа, тынъ взяты также изъ нѣм.: гот. hūs (новонѣм. Haus), др.-с.-н. tūn, др.-в.-нѣм. zūn (совр. нѣм. Zaun).

§ 14. Дифтонги праиндоевропейскаго языка въ положеніи *передъ согласнымъ и въ концѣ слова* измѣнились на словянской почвѣ въ монофтонги; при этомъ утрачено было различіе между дифтонгами съ долгой и съ краткой слоговой частью въ силу сокращенія слогового элемента; такимъ образомъ, въ словянскихъ рефлексахъ праиндоевропейскихъ дифтонговъ не видимъ никакихъ слѣдовъ различія, напримѣръ, между дифтонгомъ ai и āi, eu и ēu. Въ положеніи передъ гласнымъ такое различіе долготы и краткости слоговой части дифтонга сохранялось, такъ какъ неслоговая часть (i, u) примыкала къ послѣдующему гласному, образуя съ нимъ одинъ слогъ: ср. др.-ц.-сл. лѣѭ (1 л. ед. ч. наст. вр.) изъ прасл. *lĕ-jǫ, гдѣ ĕ-j изъ индо-европ. ēi-, или же др.-ц.-сл. сѣкыра изъ прасл. *sĕverъ, гдѣ ĕ-v изъ индо-европ. ēu- (ср. лит. šiaur-ỹs).

Дифтонгъ ei (ēi), который находимъ въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ, далъ въ прасловянскомъ и др.-ц.-словянскомъ і (и), дифтонгъ oi (ōi, хотя въ словянскомъ вѣрныхъ примѣровъ для ōi указать нельзя), а также ai (āi) и əi совпали въ одномъ oi, такъ-какъ *a* и *ə* дали въ словянскомъ *o* (ср. выше, §§ 5 и 6); дифтонгъ же oi далъ внутри слова всегда ě (ѣ); о судьбѣ его въ конечномъ слогѣ слова см. ниже, въ § 36.

Примѣры: 1) прасл. і изъ и.-евр. ei: прасл. *vidъ (др.-ц.-сл. видъ, р. видъ), ср. лит. véidas (*лицо*); прасл. *iti (др.-ц.-сл. ити, рус. идти), ср. греч. εἶμι (*пойду*), лит. eĩti; 2) прасл. ě изъ дифтонга: прасл. *snĕgъ (др.-ц.-сл. снѣгъ, р. снѣгъ), ср. лит. snaigýti inf. (нѣм. schneien), гот. snaiws (*снѣгъ*); прасл. *vĕd—(др.-ц.-сл. вѣдѣ), ср. гр. οἶδα (*знаю*); прасл. *lĕvъ (др.-ц.-сл. лѣвъ, р. лѣвый), ср. греч. λαι(ϝ)ός, лат. laevus.

§ 15. Дифтонги ou (ōu) и au (āu) въ положеніи *передъ согласнымъ и въ концѣ слова*,—въ силу совпаденія въ словянскомъ о и а (ср. § 5) дали одинъ и тотъ же рефлексъ: u (др.-ц.-сл. оу); дифтонгъ eu (ēu) далъ въ прасловянскомъ ju: ср. прасл. *suchъ, др.-ц.-сл. сухъ и лит. sausas, греч. αὗος изъ *σαυσος; прасл. *ucho, др.-ц.-сл. ухо и лит. ausìs, лат. auris; прасл. *bl'udǫ, др.-ц.-сл. блюдѫ (прасл. bl' изъ bj) и гр. πεύθομαι; прасл. *l'ubъ, др.-ц.-сл. любъ (l' изъ lj) и готское liubs изъ *leubhos. Что дифтонгъ съ долгой слоговой частью далъ то же, что и дифтонгъ съ краткой,—показываетъ соотвѣтствіе др.-ц.-сл. формы аориста по-слухъ и др.-инд. áśrāuśam.

Въ положеніи передъ гласнымъ ou и au давали ov, а если этотъ гласный не былъ палатальнымъ, то ov получалось и изъ -eu-: ср. прасл. *plovǫ, др.-ц.-сл. плокѫ и греч. πλέω изъ πλέϝω; прасл. *slovo, др.-ц.-сл. слово и греч. κλέος (*вѣсть, слухъ*) изъ κλέϝος; прасл. *novъ, др.-ц.-сл. новъ и греч. νέος изъ νέϝος; въ положеніи передъ палатальнымъ гласнымъ eu, повидимому, давало ev: ср. др.-ц.-сл. дрекле и дрекьнь.

Примѣчаніе. Др.-ц.-слов. десѧть=прасл. *devętь вм. *novętь объясняютъ вліяніемъ *desętь—десѧть, какъ и лит. devìni рядомъ съ dẽšimt: ср. Миккола Urslav. Gr. 44 с. Иначе—Schulze: K. Z. XLII т. 27 с. и Grammont,—ср. I. F. X т. Anz. 292 с. Старое ēu, какъ мы видѣли выше (§ 14), дало ěv- (-ѣк-): сѣкерх.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ соотвѣтствіи и.-евр. eu въ слов. находимъ u, а не ju, оно объясняется нефонетически: праслов. *pluti—изъ *plouti, а это могло явиться вм. *pleuti (ср. греч. πλεϝω) подъ вліяніемъ *plovǫ (praes.), такъ же—*sluti—подъ вліяніемъ *slovǫ. И, наоборотъ, вмѣсто закономѣрнаго,—въ силу измѣненія «eu+гласный» въ «ou+гласный»,—*rovǫ при *reuti и подъ его вліяніемъ явилось *ŕevǫ; ср. Meillet M. S. L. XIV, 354—355 сс., Leskien Gr. d. altb. Spr. 14 с.

Въ судьбѣ дифтонговъ ei, oi, ai на словянской почвѣ, повидимому, отражаются явленія балтійско-словянской эпохи: въ балтійскихъ языкахъ находимъ параллельно словянскому и изъ oi и ai при ji изъ ei—ai изъ oi и ai, но jai изъ ei, а также измѣненіе ei въ av передъ твердымъ гласнымъ, параллельное такому же измѣненію ei въ ov въ прасловянскомъ.

Примѣчаніе. Ср. по этому вопросу Joh. Schmidt K. Z. XXIII, 352 и сл.; Berneker I. F. X. 145 и сл.; Meillet Gen.-accus., 84 и сл.; Zupitza, Die germanischen gutturale 145 с.; K. Z. XL, 250 и сл.; Ильинскій Arch. XXIX, 481 с.; Vondrák V. Sl. Gr. I, 15, 97—100; Leskien, Gr. d. altb. Spr. 13—14; Микола I. F. XVI, 95—101, въ Roczn. Sl. I, 9 с.; Urslav. Gr. 56—58 сс.; Brückner I. F. XXIII, 214—219; Эндзелинъ, Слав.-балт. эт., 78—104 сс.; Соболевскій Р. Ф. В. 1914, № 2, 431—432 сс.

Въ заимствованныхъ словахъ u являлось въ словянскомъ на мѣстѣ ō другихъ языковъ: ср. готское bōkōs (мн. ч.: письмо)—др.-ц.-сл. буки—буквѣ род. п.

§ 16. Въ праиндоевропейской системѣ гласныхъ, поскольку о ней можно судить по даннымъ большинства отдѣльныхъ языковъ этой семьи, не находимъ *носовыхъ гласныхъ*. Эти гласные явились впервые на прасловянской почвѣ изъ индо-европейскихъ *сочетаній*: *гласный+носовой* согласный и изъ слоговыхъ носовыхъ m̥, n̥ *въ положеніи передъ послѣдующимъ согласнымъ и въ концѣ слова.*

Необходимо оговориться, что образованіе носового гласнаго не могло имѣть мѣсто предъ j, такъ-какъ n+j давало раньше смягченное n: ср. др.-ц.-сл. коня, т. е. voña изъ *vonja.

Сочетанія гласный+n или m въ положеніи *передъ согласнымъ и въ концѣ слова* (безъ послѣдующаго согласнаго) были вполнѣ параллельны дифтонгамъ съ неслоговой частью i или u (ср. выше, §§ 14, 15), и образованіе изъ первыхъ сочетаній (гласный+n, m) носовыхъ гласныхъ является параллельнымъ измѣненію вторыхъ (ai, oi, ei, au и т. д.) въ монофтонги.

Какъ во всякомъ дифтонгѣ, и въ дифтонгахъ *гласный+носовой* (n, m) первая, слоговая часть, сокращалась въ прасловянскомъ очень рано, и, слѣдовательно, въ немъ въ положеніи передъ согласнымъ должны были получиться дифтонгическія сочетанія лишь съ краткой слоговой частью:

1) o+m или n (изъ o+m, n или a+m, n, такъ какъ a=o,—ср. § 5);

2) e+m или n;

3) ь+m или n (изъ i+m, n, такъ-какъ i=ь,—ср. § 9);

4) ъ+m или n (изъ u+m, n, такъ-какъ u=ъ,—ср. § 11).

Изъ этихъ сочетаній и получились въ прасловянскомъ въ весьма отдаленную эпоху носовые гласные ǫ и ę (др.-ц.-сл. ѫ и ѧ), а именно:

1) сочетанія om, on (изъ om, on, am, an, ōm, ōn, ām, ān) дали ǫ (ѫ); 2) сочетанія em, en (изъ em, en или ēm, ēn) дали ę (ѧ); 3) сочетанія ьm, ьn (изъ im, in, īm, īn) дали ę (ѧ); 4) сочетанія ъm, ъn (изъ um, un и ūm, ūn), вѣроятно, дали ǫ (ѫ), хотя послѣднее положеніе трудно установить несомнѣнными примѣрами.

Примѣры: 1) прасл. *rǫka (др.-ц.-слов. рѫка, р. *рука́*)—лит. rankà, прасл. *zǫbъ (др.-ц.-сл. зѫбъ, р. *зубъ*)—ср. греч. *γόμφος* (*болтъ, гвоздь*); прасл. *berǫtь (др.-ц.-сл. берѫтъ, др.-рус. *берутъ*), ср. греч. (дор.) *φέροντι* (*несутъ*); прасл. *ǫglъ (др.-ц.-сл. жглъ, рус. *уголъ—угла*),—лат. angulus; прасл. окончаніе acc. s. f. ā—основъ: ǫ—изъ и.-евр. ām,—ср. праслов. *rǫkǫ, *vodǫ, *ženǫ и т. д. (др.-ц.-сл. рѫкѫ, водѫ, женѫ,—р. *руку, воду, жену*),—лат. aquam, греч. *χώραν*; прасл. *dvigǫ 3 л. мн. ч. аор. *dvigъ (др.-ц.-сл. двигѫ—1 л. ед. двигъ) изъ *dvig-o-nt (ср. § 39). Въ конечныхъ слогахъ носовой гласный получался изъ om, on, ām и т. д. не всегда, а лишь въ извѣстныхъ условіяхъ (ср. ниже, § 38);

2) прасл. *pętь (др.-ц.-сл. пать, р. *пять*), ср. съ лит. penki, греч. *πέντε*; прасл. *svętъ (др.-ц.-сл. свать, р. *святъ*), ср. лит. šventas; прасл. *jętro (др.-ц.-сл. ѩтро — печень), ср. съ греч. *ἔντερα* (*внутренности*); прасл. *mę, *tę, *sę (др.-ц.-сл. мѧ, тѧ, сѧ, р. мя, тя, ся) ср. съ др.-инд. mām изъ *mēm и tvā́m;

3) прасл. ę изъ болѣе древняго ьm, ьn находимъ въ прасл. *desętъ (др.-ц.-сл. десать, р. *десять*),—ср. лит. dešimtas, греч. *δέκατος* (греч. *α* изъ ѧ), гот. taihunda, — также въ прасл. *pa-męть (др.-ц.-слов. память, р. *память*)—ср. лит. at-mintis (in изъ и.-евр. ṇ), др.-инд. matiš (a—изъ ṇ);

4) прасл. ǫ изъ ъm можно предполагать въ прасл. *dǫti (др.-ц.-сл. дѫти) при *dъmǫ (др.-ц.-сл. дмѫ) 1 л. ед. наст. вр., — ср. лит. dùmti; возможность, что *dǫti получилось изъ *domti, хотя и не исключена вовсе, но менѣе вѣроятна: ср. Meillet, Les alternances, 366 с. Вообще же говоря, несомнѣнные примѣры для ǫ изъ um, un указать очень трудно.

По поводу 3) и 4) должно замѣтить слѣдующее. Въ индо-евр. праязыкѣ въ результатѣ ослабленія e+m, e+n можно предполагать ₑm, ₑn (по обозначенію Фортунатова—am, an), а передъ согласнымъ—ṃ, ṇ (по Фортунатову aṃ, aṇ съ неслоговымъ a). Въ балтійскихъ языкахъ находимъ и передъ согласнымъ, и передъ гласнымъ на мѣстѣ ₑm, ₑn, ṃ, ṇ сочетанія im, in (ср. выше—at-mintis) и рядомъ съ im, in—um, un; въ словянскомъ этимъ балтійскимъ сочетаніямъ вполнѣ соотвѣтствуютъ сочетанія ьm, ьn и ъm, ъn, но *только передъ гласными*: др.-ц.-сл. мьнѣти, дмѫ (ср. лит. dumiù) и т. п., а передъ согласнымъ является носовой гласный; но такъ какъ въ словянскомъ всякое сочетаніе гласный+носовой въ такомъ положеніи даетъ носовой гласный, то можно считать

im, in и um, un на мѣстѣ ѥm, ѥn, m̥, n̥ явленіемъ эпохи балтійско-словянскаго единства. Двойственность: im (in) и um (un) въ балтійско-словянскихъ рефлексахъ ѥm (ѥn), m̥ (n̥) нельзя съ полной увѣренностью возвести къ праиндоевропейской эпохѣ, точно такъ же, какъ трудно установить условія появленія балтійско-словянскаго u(m) рядомъ съ i(m).

Примѣчаніе. Ср. у Эндзелина «Слав.-балт. эт.», 3—24 сс. (ср. также замѣтку Oštir'a въ Arch. XXXIV, 126 и сл.). Двойственность im—um, in—un могла быть результатомъ различной гласной окраски слоговыхъ m̥, n̥ и ѥ, но условія этого послѣдняго различія остаются неясными.

Балтійско-словянскія сочетанія im, in, um, un закономѣрно дали въ праславянскомъ—ьm, ьn, ъm, ъn (ь=i, ъ=u); передъ согласнымъ ьm, ьn дало ę, а ъm, ъn давало, *вѣроятно*, ǫ. Такимъ образомъ, въ балтійско-словянскихъ сочетаніяхъ im, in, um, un и отсюда праславянскихъ ьm, ьn, ъm, ъn совпали рефлексы индо-европейскихъ сочетаній im, in (īm, īn), um, un (ūm, ūn) и индо-европейскихъ ѥm, ѥn, m̥, n̥ (и съ удлиненіемъ m̥̄, n̥̄).

Для прасл. ьm, ьn, перешедшаго затѣмъ передъ согласнымъ въ ę,— изъ индо-европ. m̥, n̥, мы привели выше примѣры *deseįtь, *ra-mętь; примѣръ праслов. ъm изъ индо-европ. m̥ можно, какъ мы видѣли, подозрѣвать въ дѫти. Несомнѣнные примѣры для ę и ǫ изъ и-европ. сочетаній im, in, um, un (īm, īn, ūm, ūn) передъ согласнымъ привести трудно; мы видимъ ę изъ -in въ формѣ 3 л. мн. ч. *prosętь (др.-ц.-сл. просѧтъ) изъ *prosī-nti; во всякомъ случаѣ врядъ ли есть достаточныя основанія раздѣлять судьбу въ праславянскомъ первоначальныхъ im, in, um, un и судьбу m̥, n̥, давшихъ уже въ балтійско-словянскомъ тѣ же сочетанія im, in, um, un.

Параллельно указаннымъ выше соотвѣтствіямъ и въ заимствованныхъ словянскихъ словахъ находимъ—ǫ на мѣстѣ *an, am* другихъ языковъ, ę—на мѣстѣ *in* другихъ языковъ: ср. др.-церк.-слов. χѫдогъ—гот. handugs (мудрый); др.-ц.-сл. жрѫнъ—ungarus; прасл. *kъnędzь, др.-ц.-сл. кънѧзь и др.-в.-н. kuning; др.-ц.-сл. цѧта и готское kintus; др.-церк.-сл. пѣнѧзь и др.-в.-нѣм. pfenning; прасл. *vitędzь—др.-церк.-слов. китѧзь и др.-сканд. vikingr.

О судьбѣ сочетаній гласный+носовой (n, m) въ конечномъ слогѣ слова должно быть сказано отдѣльно (ср. § 38).

Примѣчаніе. По поводу рефлексовъ индо-европ. m̥, n̥ должно замѣтить, что m̥, n̥ могли быть краткими и долгими; это отличіе отразилось въ балтійскихъ и въ славянскихъ языкахъ въ качествѣ интонаціи сочетаній in, un (im, um): изъ m̥, n̥ получались балт.-словянскіе in, un (im, um), съ интонаціей ˜, а изъ m̥̄, n̥̄ — in, un (im, um) съ интонаціей ˈ; въ словянскомъ ˜ является нисходящимъ удареніемъ, а ˈ—восходящимъ; а такъ-какъ въ серб-

скомъ нисходяще-долгій слогъ сохраняетъ свою долготу, а восходяще-долгій сокращается, то изъ r̥, l̥ должны въ положеніи передъ согласнымъ имѣть e(=ę) и u(=ǫ) нисходяще-долгое, а изъ r̥, l̥—e, u (=ę, ǫ) краткіе: ср. лит. kiẽšt̃as и серб. čêst (прасл. čęstъ), а съ другой стороны лит. dùmti и серб. dȗti (прасл. *dǫti).

Теорія Лоренца, что сочетанія in, un (im, um) лишь при интонаціи ˜ давали носовые гласные, а при интонаціи ′—чистые i, u—ошибочна; въ приводимыхъ имъ *gǫba, *nǫdja, *bǫdǫ носовые гласные какъ разъ имѣютъ въ словянскомъ интонацію ′ (серб. gȗba, словин. gǫ́ba, серб. nȗžda, nȗđenje, словин. nǫ́ja, чеш. nouze; серб. bȗdi). Съ другой стороны, нельзя указать вѣрныхъ примѣровъ i, u изъ in, un: о слов. *lyko, *isto, *žila—ср. Mikkola, Ursl. Gr. 71 с. Послѣдніе два примѣра, во всякомъ случаѣ, отпадаютъ, а одного—*lyko для обоснованія теоріи мало; сопоставленіе словянскаго суффикса -ьnikъ съ лит. inin̂kas (съ интонаціей ˜!) не твердо: ср. хотя бы латыш.—iņẽks, въ которомъ ẽ можетъ восходить и къ ei (и къ en).

По вопросу объ ǫ изъ r̥, l̥ и um, un и объ ę изъ r̥, l̥, im, in—ср. Vondrák въ B. B. XXIX, 201 и 207 с. и Vergl. Gr. I, 115 с., 333 и сл., Pedersen въ K. Z. XXXVIII, 323, 386 и сл., 395 и сл., Meillet въ M. S. L. X, 140 с., XIV, 196 с., 366, 371 сс., Brugmann K. V. Gr. 116, 130 с., Lorentz Arch. XVII, 86 и сл., Osthoff, Etym. Parerga, 353 с., Zubatý въ Sborn. filol. III (1912 г.), 128 с., Brückner K. Z. XLII, 332 с., Mikkola B. B. XXII, 245 с., R. Sl. I, 15 с., Urslav. Gr. 68—71 сс., Pedersen Mat. i pr. I, 167 с.

§ 17. Въ индо-европейскомъ языкѣ въ результатѣ ослабленія e, o+r, l можно предполагать сочетанія ər, əl (ср. выше əm, ən), а передъ согласнымъ r̥, l̥ (r, l слоговые): ср. r̥ въ древне-индійскомъ (mr̥tá-s= умершій и т. п.). На существованіе слоговыхъ r, l въ прасловянскомъ указываютъ данныя южнословянскихъ языковъ (ср. соврем. сербскій и словинскій языки) и изъ зап.-словянскихъ чешскій языкъ. Однако, между слоговыми r и l въ индо-европейскомъ праязыкѣ и r, l слоговыми въ словянскомъ нѣтъ епосредственной исторической связи: въ балтійскихъ языкахъ и передъ согласнымъ, какъ и передъ гласнымъ, находимъ результатъ индо-европ. ослабленія сочетаній er, el—ir, il и рядомъ ur, ul: ср. лит. mir̃tis (смерть) и т. п.; при этомъ относительно двойственности ir и ur, il и ul можно сказать то же, что сказано выше объ in—un, im—um (см. § 16).

Повидимому, въ эпоху балтійско-словянскаго единства на мѣстѣ r̥, l̥, которые можно предполагать въ индо-европейскомъ праязыкѣ, въ положеніи передъ согласнымъ имѣлись сочетанія ir, il, ur, ul; эти сочетанія сохранены балтійскими языками, а въ прасловянскомъ они дали ьr, ьl и ъr, ъl (i=ь, u=ъ) въ положеніи передъ гласными, въ положеніи же передъ согласными измѣнились въ слоговые r̥, l̥: сербское чакавское vlk со слоговымъ l и такое же чеш. vlk, др.-ц.-сл. влькъ, въ которомъ, какъ увидимъ ниже (§ 57), ль обозначало слоговое l, заставля-

ютъ предполагать прасл. *vl̥kъ, и ему соотвѣтствуетъ лит. vil̃kas (др.-инд. vŕ̥ka-s); ср. также лит. mir̃tis и прасл. *sъ-mr̥tь (серб. sm̃rt, чеш. smrť, др.-ц.-сл. съмрьть со слоговымъ r̥) при—*mьrǫ (др.-ц.-слов. мьрѫ, р. мру), гдѣ ьr — передъ гласнымъ; ср. лит. gurkl̃s и прасл. *gr̥-dlo (серб. grl̃o, чеш. hrdlo, др.-ц.-сл. грьло со слоговымъ r̥). Русское различіе: смерть, но горло имѣетъ своимъ соотвѣтствіемъ обычно др.-ц.-слов. различіе—рѫ и рь (съ-мрьть, грьло) и литовское различіе ir и ur (mir̃tis и gurkl̃s): очевидно, слоговые r̥, l̥, получавшіеся въ праславянскомъ изъ ir, il, отличались иной окраской гласнаго, нежели r̥, l̥ изъ ur, ul: *sъ-mr̥tь, но—*gʳ̥-dlo.

Примѣчаніе. Иначе Шахматовъ, Энц. слав. ф. 11, 1, 44 и сл.; ср. также его «Къ исторіи звуковъ», 4 с. (о балт.-слов. ir, ur.... передъ согласнымъ); T. Torbiörnsson, Kritische Bemerkungen z. slav. Laut-und Akzentlehre, Ups. 1914. Подобно r̥̄, l̥̄—r̥̃, l̥̃ могли быть долгими и краткими, и это различіе отразилось, какъ и относительно r̥̄, l̥̄, въ характерѣ интонаціи словянскихъ r̥̃, l̥̃: на мѣстѣ r̥̃, l̥̃ (др.-инд. r̥̄) являлись r̥̃, l̥̃ съ интонаціей ˜, которая въ сербскомъ является въ видѣ нисходяще-долгаго ударенія,—ср. др.-и. vŕ̥kas, лит. vil̃kas, серб. vȗk (и изъ l̥̃); на мѣстѣ r̄̃, l̄̃ (др.-инд. īr, ūr) являлись r̥̃, l̥̃ съ интонаціей ˊ, откуда въ сербскомъ краткость: ср. лит. žìrnis и серб. zr̂no съ лат. grānum, въ которомъ rā̆ указываетъ на индо-европ. r̥̃.

§ 18. Индо-европейскіе сонорные m, n и r, l въ неслоговомъ употребленіи сохранились, какъ таковые, и въ словянскихъ языкахъ: словянскимъ 1) m, n и 2) r, l соотвѣтствуютъ тѣ же звуки и въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ: ср.—

1) прасл. *merti (др.-ц.-сл. мрѣти, р. *мереть*), съ лит. mir̃ti, др.-инд. mr̥ti-š (смерть), лат. morior; прасл. *zima (др.ц.-сл. зима, рус. *зима*) съ лит. žẽmà (зима), др.-инд. hémaṇ (зимой), греч. χεῖμα (буря); праслов. *nagъ (др.-ц.-сл. нагъ, р. *нагъ*), съ лит. nū́gas, лат. nūdus; прасл. *ognь (др.-ц.-сл. огнь, р. *огонь*), съ лит. ugnis, др.-и. agniš, лат. īgnis;

2) др.-инд. bhárāmi, греч. φέρω, лат. fero, прасл. *berǫ (др.-ц.-сл. берѫ, р. беру); др.-и. srávati (*онъ течетъ*), др.-в.-н. stroum, лит. sravẽti ср. съ др.-ц.-сл. остроkъ; греч. λείπω, лат. linquo, лит. lẽkù (*оставляю*), ãtlaikas (остатокъ)—прасл. *lěk-: ср. др.-ц.-сл. отъ-лѣкъ (*остатокъ*); гр. ἐλίχλη, лит. miglà, прасл. *mьgla: ср. др.-ц.-сл. мьгла, р. *мгла*.

§ 19. Сопоставляя показанія отдѣльныхъ индо-европейскихъ языковъ, можно предполагать въ индо-европейскомъ праязыкѣ слѣдующіе ряды согласныхъ:

1) губные взрывные p, b и ихъ придыхательные варіанты: ph, bh;

2) зубные взрывные t, d и ихъ придыхательные варіанты: th, dh;

3) язычно-небные взрывные k, g и ихъ палатальные, лабіализованные и придыхательные варіанты: k, g, kh, gh, k̑h, g̑h, kʷ, gʷ, kʷh, gʷh;

4) зубные длительные s, z (sh, zh);

5) язычно-небный спирантъ j.

На придыхательные варіанты согласныхъ губныхъ, зубныхъ и язычно-небныхъ указываетъ др.-индійскій, а также греческій и отчасти латинскій языки: такъ, ph, bh дали въ греч. φ, лат.—f; th, dh дали въ греч. θ и въ извѣстныхъ условіяхъ въ лат.—f; gh дало въ греч. χ и лат. h (и g). На лабіализованные варіанты k, g указываютъ, напримѣръ, греч. и латинскій языки: въ греческомъ на мѣстѣ k^u, g^u, k^uh, g^uh находимъ π(τ), β(δ), φ(θ), въ латинскомъ—qu(c), gu(v, g), f(gv, g, v). Въ словянскихъ языкахъ придыхательные варіанты, потерявъ аспирацію, совпали съ непридыхательными. Точно такъ же потеряны словянскими языками лабіализованные варіанты язычно-небныхъ: k^u, g^u (k^uh, g^uh), которые дали k и g; и та, и другая утрата имѣла мѣсто уже въ прасловянскомъ.

Судьба палатальныхъ k, g (kh, ĝh) въ различныхъ группахъ говоровъ индо-европейскаго праязыка была неодинакова: въ западной группѣ говоровъ, потомками которыхъ являются языки греческій, италійскіе, кельтскіе, германскіе,—рефлексы этихъ палатальныхъ были звуками k-ряда, въ восточной группѣ говоровъ,—арійской группѣ, армянскомъ, албанскомъ, балтійскихъ и словянскихъ языкахъ,—рефлексами ихъ были спиранты: свистящіе или шипящіе; въ словянскихъ языкахъ (въ прасловянскомъ) на мѣстѣ и.-европ. k и g (kĥ, gh) явились s и z.

Приведемъ примѣры.

§ 20. Губные взрывные p, b на мѣстѣ и.-евр. 1) p, 2) b, 3) ph, 4) bh: 1) прасл. *plovǫ (др.-ц.-сл. плокѫ, р. *плыву*) и др.-и. plávatē (онъ плыветъ), греч. πλέω, лат. pluit, лит. pláuju (мою); 2) прасл. *dobrъ (др.-ц.-сл. добрꙑ, р. *добръ*), лат. faber, др.-в.-н. tarfar; 3) др.-ц.-слов. полица (*шестъ, жердь*)—др.-инд. phálaka-m (доска), греч. σφέλας (скамейка для ногъ); 4) прасл. *bojati sę (др.-ц.-слов. боꙗти сѧ, р. *бояться*)—др.-инд. bháya-tē (онъ боится), прасл. *byti (др.-ц.-слов. бꙑти, рус. быть), лит. bûti, др.-инд. bhū-.

§ 21. Зубные взрывные t, d на мѣстѣ и-евр. 1) t, 2) d, 3) th, 4) dh: 1) прасл. *tesati (др.-ц.-сл. тесати, р. *тесать*)—лит. tašýti (*обтесывать, обрубать*), др.-инд. tákša-ti, греч. τέκτων (*плотникъ*), лат. texo; прасл. *pamętь (др.-ц.-сл. память, р. *память*)—лит. at-mintìs (память), др.-и. matiš (мысль), лат. mentem acc. s. (умъ); 2) прасл. *dъva (др.-ц.-слов. дъва, русс. *два*)—лит. dù (изъ dvù), др.-инд. dvā́, греч. δύω, лат. duo; прасл. *voda (др.-ц.-сл. вода, р. вода)—лит. vandů, др.-инд. udán-, греч. ὕδωρ, лат. unda; 3) прасл. *mętǫ (др.-ц.-сл. мѧтѫ, р. мятý)—лит. mentùrė, др.-инд. mántha-ti (мѣшаетъ); 4) прасл. *dojǫ (др.-ц.-слов. доѭ, рус. *дою*)—лит. dėlė (піявка), др.-и. dhāya-ti (онъ сосетъ); греч. θῆσατο (онъ сосалъ), лат. fēlo.

§ 22. Взрывные задне-небные k, g на мѣстѣ и.-евр.: 1) k, g, kh, gh, 2) k^u, g^u, k^uh, g^uh: 1) прасл. *kopati (др.-ц.-сл. копати, р. *копать*)—лит. karóti (бить)—греч. *κόπτω* (бью); прасл. *prо-kъ (остальной), др.-ц.-сл. прокъ (остальной), р. *прокъ*, *в-прокъ*—греч. *πρόκα* (тотчасъ), лат. reciprocus; прасл. *golgolati (др.-ц.-слов. глаголати)—лат. gallus; прасл. *igo (др.-ц.-слов. иго, рус. *иго*) изъ *jъgo—лат. jugum, греч. *ζυγόν*; праслов. *mьgla (др.-ц.-сл. мьгла, р. *мгла*)—греч. *ὀ-μίχλη*, др.-и. meghas (облако), лит. miglà; 2) прасл. *otъ-lěkъ (др.-ц.-слов. отъ-лѣкъ)—лит. āt-laikas, греч. *λείπω* (оставляю), *λοιπός* (послѣдній); прасл. *govędo—латыш. gûws (корова), греч. *βοῦς*; прасл. *gon-: ср. др.-ц.-слов. изъгонъ (изгнаніе)—греч. *φόνος*; прасл. *snĕgъ (др.-ц.-сл. снѣгъ, р. снѣгъ)—греч. *νίφα*.

§ 23. Зубные спиранты s и z изъ и.-евр. k, g ($k̂h$, $ĝh$): 1) прасл. *desętь (др.-ц.-сл. десять, р. *десять*)—др.-и. dáśa, лат. decem, греч. *δέκα*, лит. dẽšimtis; прасл. *vьsь (др.-ц.-сл. вьсь—деревня)—лат. vīcus, греч. *οἶκος*; и.-евр. $k̂s$ также давало s: прасл. *desnъ или *desьnъ (др.-ц.-сл. десьнъ)—лит. dešinẽ, греч. *δεξιός*, лат. dexter (и.-евр. *dek̂sno-, *dek so-); 2) прасл. *znati (др.-ц.-сл. знати, р. *знать*)—греч. *γιγνώσκω*, др.-инд. jānāti, лит. žinóti, лат. (co-)gnosco; прасл. *vozъ (др.-ц.-сл. возъ, р. *возъ*)—греч. *(ϝ)όχος*; прасл. *vezǫ (др.-ц.-сл. везѫ, р. *везу*)—лат. veho, др.-и. váhati (*онъ везетъ*).

§ 24. Индо-европейскіе длительные зубные s, z являются въ словянскихъ языкахъ также въ видѣ s и z: 1) праслов. *sedmь (др.-ц.-слов. седмь, р. *семь*), др.-инд. saptá, лат. septem, лит. septynì, готск. sibun; прасл. *sĕmę (др.-ц.-сл. сѣмя, рус. *сьмя*), лат. sēmen; 2) прасл. *mьzda (др.-ц.-сл. мьзда, рус. *мзда*)—гот. mizdō, греч. *μισθός*; праслов. *mozgъ (др.-ц.-сл. мозгъ, р. *мозгъ*)—авест. mazga-. Объ измѣненіи *s* въ *ch*—ср. ниже, въ § 26.

§ 25. Различіе между спирантомъ j и i неслоговымъ (i̯), какое можно предполагать въ индо-европейскомъ праязыкѣ, утрачено прасловянскимъ: прасл. j (i̯?) восходитъ къ и.-евр. j или i̯: праслов. *junъ (др.-ц.-сл. юнъ, р. *юнъ*)—лит. jáunas, лат. juvenis.

Губной v прасловянскаго языка соотвѣтствуетъ и.-евр. u̯: праслов. *vědě (др.-ц.-сл. вѣдѣ, ср. р. *вѣд-а-ть*)—др.-и. véda, греч. *(ϝ)οἶδα*, лат. video, гот. wait (и.-евр. корень *u̯eid—*u̯oid-); прасл. *novъ (др.-ц.-слов. новъ, р. *новъ*)—др.-и. návas, греч. *νέ(ϝ)ος*, лат. novus (и.-евр. *neu̯os).

Звуковыя измѣненія прасловянской эпохи.

Въ предшествующемъ изложеніи устанавливались *общія* соотвѣтствія прасловянскихъ звуковъ звукамъ другихъ индо-европейскихъ языковъ: имѣлись въ виду почти исключительно измѣненія звуковъ пра-

индоевропейскаго языка на словянской почвѣ *общаго характера*, не ограниченныя тѣми или иными условіями болѣе узкаго значенія. Только въ одномъ случаѣ въ видахъ цѣльности изложенія вопроса было указано звукоизмѣненіе комбинаторнаго характера, а именно—измѣненіе гласнаго *e* въ положеніи передъ u̯ въ o (eu̯ въ ou̯,—§ 15).

Въ дополненіе къ отмѣченнымъ уже явленіямъ долженъ быть указанъ рядъ звукоизмѣненій болѣе спеціальнаго характера.

§ 26. *Измѣненіе согласнаго s въ ch.* Это измѣненіе—весьма древняго происхожденія; появленіе ch на мѣстѣ и.-евр. s первоначально было ограничено строго-опредѣленными условіями, а именно s измѣнялось въ ch, если за нимъ не слѣдовалъ взрывной (t, k, p) послѣ r, k и звуковъ u, i (долгихъ, краткихъ или неслоговыхъ). Такимъ образомъ, ch вм. s находимъ послѣ r, послѣ k, послѣ y(ъі) изъ ū, послѣ i(и) изъ ī и ei, послѣ ē(ѣ) изъ oi, ai, послѣ ъ изъ u, послѣ ь изъ i. Далѣе, ch можно найти нерѣдко въ началѣ слова, когда оно получилось изъ ks (ks дало kch, а затѣмъ ch), или же явилось на мѣстѣ s въ тѣсномъ сочетаніи словъ послѣ конечныхъ i, u предыдущаго слова. Вообще же рамки появленія звука *ch* расширились въ силу дѣйствія аналогіи.

Примѣры: прасл. *duchъ (др.-ц.-сл. дъхъ, р. *духъ*)—лит. dausos plur. (*воздухъ*), прасл. *blъcha (др.-ц.-сл. блъха, р. *блоха*)—лит. blusà; прасл. *mucha (др.-ц.-сл. мъха, русс. *муха*)—лит. musė, лат. mus-ca; прасл. *vьchъ,—лит. vìsas,—измѣнившееся затѣмъ въ *vьs´ь (др.-ц.-сл. кысь),—ср. ниже, § 28; прасл. *v̥̄c-ēchъ (др.-ц.-сл. кльцѣхъ) мѣстн. мн. ч. изъ *v̥̄k-oisu (ср. греч. *-οισι*, др.-инд. -ēšu), праслов. *trьchъ (др.-ц.-слов. трьхъ) изъ *trisu (см. лит. trisù); прасл. *porchъ (др.-ц.-сл. прахъ, рус. *порохъ*) изъ *porsъ, ср. *pr̥̄stь—др.-ц.-сл. прьсть, р. *персть*; прасл. rēchъ, др.-ц.-сл. рѣхъ, аор. изъ *rēk-sǫn (ks > kch > ch). Сохраненіе s передъ взрывнымъ согласнымъ имѣемъ, напримѣръ, въ указанномъ выше *pr̥̄stь, въ *istina (др.-ц.-сл. истина), въ *blěskъ (др.-ц.-сл. блѣскъ).

Примѣрами появленія ch внѣ указанныхъ условій, въ силу аналогіи, могутъ служить формы мѣстн. п. *žen-a-chъ, др.-ц.-слов. женахъ,—подъ вліяніемъ *syn-ъ-chъ, *gostь-chъ, *v̥̄c-ē-chъ, также формы аориста *dachъ, др.-ц.-сл. дахъ, *nes-o-chъ, др.-ц.-слов. несохъ,—подъ вліяніемъ *modlichъ, *krychъ и т. п.

Примѣчаніе. Словянское измѣненіе s въ ch сопоставляютъ съ измѣненіемъ s въ š послѣ i, u, r, k въ арійскихъ языкахъ и переходомъ s въ š послѣ r, k въ литовскомъ языкѣ. Въ пониманіи этого параллелизма явленій словянскихъ, балтійскихъ и арійскихъ изслѣдователи не сходятся. Происхожденіе словянскаго ch изъ индо-европ. kh не доказано. Литература вопроса

(статьи и работы Уленбека, Педерсена, Эндзелина, Соболевскаго, Шахматова, Петерссона и др.) указаны у Ильинскаго: «Звукъ ch въ славянскихъ языкахъ» въ Изв. XX т., кн. 3, 53 и сл. (1915 г.).

§ 27. *Измѣненіе язычно-нёбныхъ* k, g, ch *передъ палатальными гласными.* Язычно-небные k, g и ch (изъ и.-евр. ś), въ положеніи передъ палатальными гласными подвергались палатализаціи, причемъ въ этомъ процессѣ можно различить, по крайней мѣрѣ, двѣ эпохи. Въ эпоху, болѣе древнюю, когда еще существовали дифтонги *oi*, *ai*, *ei*—k, g, ch измѣнялись въ č, ǧ, š передъ гласными передняго ряда: i и e (ь=i, ī, ē, ę), а также передъ ᵇr̥ и ᵇl̥. Тѣ же гласные č, ž (изъ ǧ), š получались изъ сочетаній kj, gj, chj.

Примѣры: voc. s. *bog+e измѣнилось въ *boǧe, а затѣмъ *bože (ср. др.-ц.-сл. боже, р. *боже*, серб. bȍže и т. д.); vok. s. *vᵇl̥k+e измѣнилось въ *vᵇl̥če (др.-ц.-сл. вльче). Такъ же получились: прасл. *otročę (др.-ц.-сл. отрочѧ, р. *отроча*) изъ *otrok-ę: ср. *otrokъ (др.-ц.-сл. отрокъ, р. *отрокъ*); прасл. *mᵇl̥čēti изъ *mᵇl̥kēti, потомъ измѣнившееся въ *mᵇl̥čati (др.-ц.-сл. мльчати, рус. *молчать*); ср. *mᵇl̥knǫti (др.-ц.-слов. млькнѫти, р. *умолкнуть*); прасл. *počiti изъ *pokiti (др.-ц.-сл. почити, р. *почить*): ср. *pokojь (др.-ц.-сл. покои, рус. *покой*); прасл. *mǫčьnъ изъ *mǫkьnъ отъ *mǫka (др.-ц.-сл. мѫка, мѫчьнъ, р. *мука*, *мучной*); прасл. *pri-tъča изъ *pritъkja (др.-ц.-сл. притъча, р. *притча*); ср. *pri-tъk-nǫ-ti (др.-ц.-сл. притъкнѫти, р. *притнуть*); прасл. *čᵇr̥nъ (др.-ц.-сл. чрьнъ, р. *черный*): ср. др.-инд. kr̥šnás, др.-прусск. kirsnan; прасл. *žęti изъ *gemti (др.-ц.-сл. жѧти, рус. *жать—жму*): ср. греч. *γέμω*; прасл. *bēžēti изъ *bēgēti, затѣмъ измѣнившееся въ *bĕžati (др.-ц.-сл. бѣжати, рус. *бѣжать*): ср. *bĕgъ (др.-ц.-сл. бѣгъ, р. *бѣгъ*); прасл. *bēžiši изъ *bēgi- (др.-ц.-слов. бѣжиши, р. *бѣжишь*): ср. *bĕgǫ 1 s. praes. (др.-ц.-сл. бѣгѫ, рус. *бѣгу*); прасл. *božьskъ изъ *bogьskъ (др.-ц.-сл. божьскъ, р. *божескій*): ср. *bogъ; прасл. *lъža изъ *lъgja (др.-ц.-сл. лъжа, серб. lâža): ср. *lъgǫ (др.-ц.-сл. лъгѫ, р. *лгу*); прасл. *žᵇl̥tъ (др.-ц.-сл. жлътъ, рус. *желтый*): ср. лит. geĩtas; праслов. *duša (съ первоначально палатальнымъ š) изъ *duchja (др.-ц.-сл. дѫша, р. *душа*); прасл. *duše voc. s. отъ *duchъ (др.-ц.-сл. дѫше)—изъ *duch+e; прасл. *dušiti (др.-ц.-слов. дѫшити, рус. *душить*) изъ *duch-i-ti; прасл. *slyšēti съ šē изъ chē, затѣмъ измѣнившееся въ *slyšati (др.-ц.-сл. слышати, р. *слышать*); прасл. *šьdъ изъ *chьdъ (др.-ц.-сл. шьдъ—шьдъши, р. *шедши*): ср. *chodъ.

Примѣчаніе. Что g предъ палатальными гласными и j давало первоначально ǧ, показываетъ судьба группы zg : zž изъ zg дало бы žž; между тѣмъ изъ праславянскаго *iz-givenьje (ср. прасл. *živъ и лит. gývas) получилось въ церк.-слав. ижденіе, что можно объяснить лишь изъ первоначальнаго

*iz-ğivenьje (zğ т. е. zd͡ž>žd͡ž>žd); ср. также изможденъ изъ *iz-mozgenъ (др.-ц.-сл. мозгъ), иждень (при жень) изъ *iz-genǫ (ср. гънати). Объ упрощеніи ğ въ ž ср. Булича I. F. V, 389 с.

§ 28. Въ эпоху болѣе позднюю 1) задненебные k, g, ch, находившіеся въ положеніи предъ дифтонгами oi, ai (ōi, āi), когда эти oi, ai дали новые палатальные гласные ě, i,—измѣнились въ палатальные c, dz, s. Такъ, дат. ед. ч. *rǫk-ě измѣнился въ *rǫc-ě (др.-ц.-слов. рѫцѣ): ср. греч. *χώρᾳ* изъ *χώραι*; им. п. мн. ч. *vьlk-i измѣнилось въ *vьlc-i (др.-ц.-сл. кльци, клъци): ср. греч. *λύκοι*; ср. также прасл. *cěna (др.-ц.-сл. цѣна, р. *цѣна*, пол. cena) и лит. kainà, греч. *ποινή*; прасл. *cělъ (др.-ц.-сл. цѣлъ, рус. *цѣлъ*, пол. cały) и прусск. kailūstiskan (*здоровье*), гот. hails; dat. s. *nodze изъ *nogě (др.-ц.-сл. ноѕѣ): ср. выше *rǫcě; imperat. *žьdzi изъ *žьgi (др.-ц.-сл. жьзи); отъ n. s. *duchъ loc. s. *dusě—n. pl. *dusi (др.-ц.-сл. дꙋхъ-дꙋсѣ, дꙋси). 2) Кромѣ того, k и g измѣнились въ c и d͡z, а *ch* въ *s*—палатальные подъ вліяніемъ предшествующихъ палатальныхъ гласныхъ i (ь), ī, ę, ъ̨: ср. прасл. *otьcь, *otьca (др.-ц.-слов. отьць—отьца, р. *отецъ, отца*; *ovьca (др.-ц.-сл. овьца, р. *овца*); *sъrdьce (др.-ц.-сл. срьдьце, р. *сердце*); *děvica (др.-ц.-слов. дѣвица, рус. *дѣвица*); *jędza (др.-ц.-сл. ѩзѧ); *zajęcь (др.-ц.-сл. заѩць, рус. *заяцъ*); *lice (др.-ц.-сл. лице, р. *лицо*); *mъrcati (др.-ц.-сл. мрьцати); *stьdza (др.-ц.-слов. стьзѧ, р. *стезя*); *kъnędzь (др.-ц.-сл. кънѧзь, русс. *князъ*): ср. др.-в.-н. *kuning; *pěnędzь (др.-ц.-сл. пѣнѧзь, пол. pieniądze n. pl.): ср. германск. peninga; *dvidzati (др.-ц.-сл. подвизати: ср. двигнѫти, р.-лит. *подвизаться*); *ricati (др.-ц.-сл. нарицати, р.-лит. *нарицать*); *sędzati (др.-ц.-слов. осѧзати, р. *осязать*), *vьsь (др.-ц.-сл. кьсь—*весь*) изъ *vьchъ,—ср. лит. visas. Въ зап.-словянскихъ языкахъ ś изъ ch измѣнилось въ š: пол. msze loc. s., wsze—*всѣ* (wszelaki и т. п.).

Примѣчаніе. По вопросу объ измѣненіи задненебныхъ въ палатальные ср. Бодуэнъ де-Куртенэ I. F. IV, 45 и сл., Шахматовъ Изв. I (1896) 4 кн., 703 с., Миккола Roczn. Slaw. 1, 7 и сл., Ягичъ Arch. XXIII, 127 с. Zubatý, Sb. Fil. I. 147 и сл; Lehr., R. Sl. IV, 141 и сл. О формѣ кьсь ср. у Ляпунова Изслѣд., 73 с. и у Lorentza K. Z. XXXVII, 264—267 с.

Условія, коими было ограничено вліяніе предшествующаго палатальнаго гласнаго на k, g, ch, точно не опредѣлены (ср. оученикъ, келикъ, рѫчька и т. п.). Значеніе мѣста ударенія (Бодуэнъ де-К.) сомнительно; мысль Шахматова, что палатализаціи не было, если за k, g, ch слѣдовалъ лабіализованный гласный, также встрѣчаетъ значительныя затрудненія. Хронологическое отношеніе 1) и 2) процессовъ спорно и зависитъ отъ взглядовъ на формы loc. s. *otьsi, *ovьsi и съ другой стороны *vьsěmъ instr. s., *vьsěmъ dat. pl. Эпоха перехода k, g, ch въ c, dz, s опредѣляется заимствованными изъ готскаго *cъrkv (др.-ц.-сл. црькы), цата и цѣсарь (ср. по этому вопросу Соболевскаго

Р. Ф. В. LXIII, 92—95; Ляпунова въ Сборникѣ отчетовъ о преміяхъ и наградахъ за 1909 г., 529—530 сс.; Обнорскаго въ Изв. XIX, 4, 100 и сл.). О словацкомъ muse, ženisi ср. замѣчаніе Шахматова въ Изв. XVII, 1, 289.

§ 29. *Измѣненіе гласнаго ē въ ā.* Послѣ j (į) и шипящихъ č, ž, š (изъ k, g, ch) гласный ē измѣнился въ ā: *stojati (др.-ц.-слов. стоꙗти), *slyšati (др.-ц.-сл. слышати), *mlčati (др.-ц.-слов. мльчати), *bĕžati (др.-ц.-сл. бѣжати) съ -ja, -ša, -ža, -ča изъ -jē, -chē, -kē, -gē.

§ 30. *Измѣненіе гласныхъ подъ вліяніемъ* j (į). 1) Гласный *o* послѣ j измѣнялся въ e (возможно,—черезъ посредство ö): ср. прасл. *jego, др.-ц.-сл. іего и др.-инд. yá-s, греч. ὅ-ς. лит. jõ; им. п. ед. ч. *polje, др.-ц.-сл. полѣ (ср. съ *selo, др.-ц.-сл село)—изъ *polj-o.

2) Въ силу 1) дифтонгъ oi послѣ j измѣнялся въ ei, откуда -i (ср. § 14): прасл. *volji (вольи),—дат. ед. ч. отъ *volja,—изъ *voljoi при дат. ед. ч. *vodě (водѣ) изъ *vodoi, а это — изъ *vod-āi, какъ показываетъ сравненіе съ греч. ф. θεᾷ изъ θεᾱι.

3) Гласный ū послѣ j далъ i: прасл. *šiti (шити) ср. съ лит. siúti.

4) Гласный u или ъ послѣ j далъ i или ь: ср. прасл. *igo (иго) и лит. jugum, др.-инд. yugam; начальное i въ *igo могло получиться изъ ju только черезъ посредство jъ—jь (ju—ji).

Примѣчаніе. Гипотеза объ измѣненіи *e* передъ j въ ь (*vьjǫ изъ *vejǫ,— ср. лит. vejù) не всѣми признается: ср. у Эндзелина «Слав.-балт. эт.» 172 с.

§ 31. *Измѣненіе согласныхъ подъ вліяніемъ* j. 1) Согласные k, g, ch, какъ мы видѣли выше (§ 27), въ сочетаніи со слѣдующимъ j давали č, ǧ (>ž), š. 2) Сонорные r, l, n+j давали r′, l′, n′: *morje, *polje, *vonja дали: *mor′e, *pol′e, *von′a (др.-ц.-сл. морѣ, полѣ, конꙗ). 3) Согласные s, z+j давали š, ž: ср. прасл. *pišǫ 1 л. ед. ч. наст. вр. (др.-ц.-сл. пишѫ—*пишу*) изъ *pis-jǫ,— ср. *pisati, *pьsati (др.-ц.-сл. писати, пьсати), прасл. *vęžǫ (др.-ц.-слов. вѧжѫ—*вяжу*) изъ *vęz-jǫ,—ср. *vęzati (др.-ц.-сл. вязати). 4) Согласные t, d+j дали въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ различные результаты: ср. др.-ц.-сл. свѣшта, р. *свѣча*, пол. swieca, серб. svéća изъ прасл. *svĕt-ja; др.-ц.-сл. межда, р. *межа*, пол. miedza, серб. mèđa. Но можно предполагать, что уже въ праславянскомъ сочетанія tj, dj, вслѣдствіе взаимнаго уподобленія обоихъ элементовъ, дали t′t′, d′d′ (двойное или долгое t′, d′), откуда позже явились указанные рефлексы отдѣльныхъ словянскихъ языковъ.

Примѣчаніе. Въ силу долготы палатальный взрывъ сопровождался суженіемъ въ томъ же мѣстѣ, въ силу чего въ однихъ говорахъ изъ t′, d′ получилось t′s′, d′z′, въ другихъ t′š′, d′ž′. Изъ t′s′, d′z′ получились западно-словянскіе c′, dz′, затѣмъ отвердѣвшіе. Изъ t′š′, d′ž′ получились русскіе *ч*, *ж*.

Изъ t′š′, d′ž′ должно вести и др.-ц.-сл. шт, жд: эти сочетанія получились или путемъ перестановки, или же чрезъ посредство š′t′š′, ž′d′ž′. Посредствующую ступень š′t′š′, ž′d′ž′ предполагаютъ: Вондракъ, Vergl. Gr. 276 с. и Лескинъ, Gramm. 39 с. Перестановку Лескинъ считаетъ невозможной въ виду того, что č (=tš), dž изъ kj, gj не подвергались такой перестановкѣ; однако č изъ kj и d͡ž изъ gj могли быть отличными по артикуляціи отъ группъ t′š′, d′ž′, что признаетъ и самъ Лескинъ; поэтому возникновеніе шт, жд путемъ перестановки вполнѣ возможно.

5) Въ судьбѣ сочетаній губной (b, p, v, m)+j между словянскими языками также нѣтъ полнаго согласія: къ прасловянскому періоду можно было бы относить развѣ измѣненіе сочетанія «*губной*+j» въ «*губной*+l′» *въ началѣ слова*: ср. готск. biuds и рус. *блюдо*, серб. bl′udo, пол. bludo или лит. spiáuju—spiáuti и рус. *плюю*, серб. pl′ujem, пол. pluję и т. д.

Примѣчаніе. Внутри слова въ западно-словянскихъ языкахъ (польск., чеш., луж., кашуб.) не находимъ измѣненія группы *губной*+j въ группу *губной*+l′: пол. lubię, ziemia, чеш. země, луж. zemja; въ языкахъ же восточной и южной вѣтви находимъ то же, что и въ начальномъ слогѣ слова: русск. *земля*, *люблю*, *капля* и т. п., серб. zeml′a, словен. zemlja. Большинство говоровъ современнаго болгарскаго языка сближается въ этомъ пунктѣ не съ сербскимъ, словинскимъ и русскимъ, какъ можно было ожидать, а съ зап.-словянскими (сочетанія *губной*+l′ встрѣчаются въ зап.-болгарскихъ говорахъ).

§ 32. *Удлиненіе гласныхъ.* Рядомъ со случаями чередованія долгихъ и краткихъ гласныхъ, полученными изъ индо-европейскаго праязыка, въ прасловянскомъ являлись новые случаи такого чередованія вслѣдствіе удлиненія, происшедшаго на словянской почвѣ. Такимъ образомъ, являлось *a* въ результатѣ удлиненія *o*, y (изъ ū) въ результатѣ удлиненія u, ī—въ результатѣ удлиненія i: ср. *obnavjati (др.-ц.-сл. обнавлѧти) при *obnoviti (др.-ц.-сл. обновити), *nadymajǫ (др.-ц.-сл. надꙑмаѭ) при *dъmǫ (др.-ц.-сл. дꙑмѫ: ꙑ изъ балт.-слов. u), *umirajǫ (др.-ц.-сл. оумираѭ) при *mьrǫ (др.-ц.-сл. мьрѫ: ь въ прослов.—изъ балт.-слов. i).

§ 33. *Измѣненія группъ согласныхъ*: 1) Повидимому, еще въ балт.-словянскую эпоху, начальныя группы vl, vr (или u̯l, u̯r) измѣнялись въ l, r: ср. прасл. *rodъ (др.-ц.-сл. родъ, р. *родъ*) и др.-инд. vradhant- (*выдающійся*).

Примѣчаніе. Ср. Lidén, Ein balt.-slav. Anlautsgesetz. Göteb. 1899 г., Rozwadowski, Quaest. gr. s. alt. 8 с.

2) Группа tt (dt) измѣнилась въ st, можетъ быть, также въ дословянскую эпоху: ср. прасл. *metǫ—*mesti (др.-ц.-сл. метѫ—мести, рус. *мету—мести*) и лит. metù—mèsti (бросать), *vedǫ—*vesti (др.-ц.-сл. ведѫ—вести, р. *веду—вести*) и лит. vedù—vèsti.

3) Группы bs, ps, ts, ds упрощались въ праслов. въ *s*: ср. прасл. *osa (др.-ц.-сл. оса, р. *оса*) и лит. vapsà; форма аориста отъ корня greb- *grĕsъ (др.-ц.-сл. грѣсѫ)—изъ *grēb-s-om; такъ же аористъ *čisъ (др.-ц.-сл. чисѫ)—изъ *keit-s-om; формы 2 л. ед. ч. *vĕsi, *dasi (др.-ц.-слов. вѣси, даси)—изъ *vědsi (ср. 3 л. мн. ч. вѣдѧтъ), *dad-si (3 л. мн. ч. дадѧтъ).

4) Группа ks (изъ ks или gs съ и.-европ. s) измѣнялась въ kch и затѣмъ ch: аористъ *rĕchъ (др.-ц.-слов. рѣхъ) изъ *rēks-om, *žachъ (др.-ц.-сл. жахъ)—изъ *gēgs-om (ža изъ žē,—ср. § 27).

5) Группа kst еще до измѣненія ks въ kch дала st: 2 л. мн. ч. аориста *rĕste (др.-ц.-сл. рѣсте) изъ *rēkste.

6) Группы pt и bt (>pt) дали t: *tep-ti и *greb-ti (infin.) дали *teti и *greti,—ср. др.-ц.-слов. тети, грети при тепѫ, гребѫ 1 л. ед. ч. наст. вр.

7) Группа kt дала t: ср. прасл. *pętъ (др.-ц.-сл. пѧтъ, р. *пятый*) изъ *penktos,—лит. peñktas, прасл. *pletǫtь 3 л. мн. наст. вр. (др.-ц.-сл. плетѫтъ, др.-р. *плетуть*, пол. plotą) изъ *plektǫtь,—ср. лат. plecto.

8) Та же группа kt передъ палатальнымъ гласнымъ давала t′t′ (долгое t′), что получалось и изъ tj (см. § 31): ср. др.-ц.-слов. нощь, р. *ночь*, пол. noc (изъ прасл. *not′t′ь) и лит. naktìs, лат. nox изъ *nokt-s; такъ какъ группа gt должна была измѣниться въ kt, то и она въ тѣхъ же условіяхъ давала t′t′: ср. др.-ц.-сл. мощь, р. *мочь*, пол. moc,—изъ *mog-tь.

Примѣчаніе. Очевидно, изъ *plektǫ—*plekt-e-ši—*plekt-e-tь должно было получиться въ силу 7) и 8): *pletǫ—plet′t′-e-ši, *plet′t′-e-tь, т. е. др.-ц.-сл. формы плетеши, плететъ и т. д. и р. *плетешь, плететъ*, какъ и соотвѣтствующія формы иныхъ словян. языковъ, суть формы нефонетическія (подъ вліяніемъ *pletǫ, *pletǫtь). Сомнительно предположеніе Гуйера, что и передъ твердымъ гласнымъ kt давало то же, что и передъ мягкимъ (Čas. pro mod. fil. III, 356); ср. Соболевскій Р. Ф. В. 1914, № 1, 252 с.

Группа ktt предъ мягкимъ гласнымъ дала kst (ср. 2 п.) и затѣмъ st: ср. *plesti (др.-ц.-сл. плести, р. *плести*) изъ *plekt-ti.

9) Группы pn, bn, tn, dn упростились въ n: прасл. *sъpъ (др.-ц.-сл. сѫнъ, р. *сонъ*, серб. sân) изъ *sъrpъ,—ср. *sъpati (др.-ц.-слов. спати—*спать*), греч. ὕπνος; прасл. *gъnǫti (др.-ц.-слов. гънѫти—*гнуть*) изъ *gъb-nǫ-ti,—ср. сгрѫбати (*сгибать*); прасл. *svьnǫti изъ *svьt-nǫ-ti (др.-ц.-сл. оскъднѫти, серб. osvànuti),—ср. др.-ц.-сл. скитати и рус. *свыстать*; прасл. *prę-nǫ-ti изъ *prę̆d-nǫ-ti (др.-ц.-сл. въз-прѧ-нѫти, р. *воспрянуть*), —ср. др.-ц.-сл. прѧдати, р. (конь) *пряд-е-тъ* (ушами).

10) Группа ss дала s: *jesi изъ *jes-si (др.-ц.-сл. иси, др.-рус. *еси*, чеш. jsi и т. д.),—ср. *jes-mь, *jes-tь.

11) Группа dm дала m: прасл. *da-mъ (др.-ц.-слов. дамь, р. *дамъ*, пол. dam) изъ *dad-mь, *vĕmь (др.-ц.-сл. кѣмь, пол. wiem, чеш. vím) изъ *vĕd-mь,—ср. 3 л. мн. ч. *dadę-tь, *vĕdętь (др.-ц.-сл. дадѧтъ, кѣдѧтъ).

12) Группа bv дала v: *obolko изъ *ob-volko (др.-ц.-слов. облако, р. *оболоко*), *obolstь изъ *ob-vold-tĭ (др.-ц.-сл. область),—ср. др.-ц.-слов. власть, рус. *волость* изъ *vold-tĭ (ĭ=ь).

13) Группа skn упростилась въ sn: *tis-nǫ-ti изъ *tisk-nǫ-ti (др.-ц.-сл. тиснѫти, р. *тиснуть*) при *tiskati (др.-ц.-сл. тискати, р. *тискать*).

14) Группы sk, zg передъ палатальными гласными (не изъ oi, ai) должны были дать sč, zǧ (ср. § 27). Можно думать, что эти послѣднія сочетанія уже въ праславянскомъ измѣнились въ šč, žǧ въ силу уподобленія перваго элемента второму: ср. прасл. *ščigъ,—пол. szczery, малор. *щирий* изъ *skigъ (гот. *skeirs); прасл. žǧ изъ zg сохраняется въ польскомъ móżdżek (мозжечекъ)—отъ *mozgъ (мозгъ).

Примѣчаніе. О группахъ mn, nm ср. у Вондрака V. Gr. I, 322—323 сс. Микколы Ursl. Gr. 66 с., Соболевскаго—Р. Ф. В. 1914. № 2, 434 сс.

Большая часть указанныхъ выше упрощеній въ группахъ согласныхъ была обусловлена закономъ уничтоженія закрытыхъ слоговъ, которымъ вызваны также и другія звуковыя измѣненія праславянской эпохи, какъ образованіе носовыхъ гласныхъ (см. § 16) и отпаденіе конечныхъ согласныхъ (см. ниже, § 35). Въ силу этого закона *grēb-som, *tep-ti, *plek-tǫ, *dad-si, *dad-mь и т. п. измѣнились въ *grē-som, *te-ti, *ple-tǫ, *da-si, *da-mъ и т. п. Отсюда ясно, что *извѣстныя группы согласныхъ*, какъ bs, pt, kt, ds, dm и др., *не могли принадлежать одному слогу*, т. е. невозможны были *gre-bsom, *te-pti, *ple-ktǫ и т. д. Наоборотъ, могли относиться къ одному слогу иныя группы, какъ напримѣръ st, sk, sn, sl, sp, stv, zn, zl, zg, zd, gn, tr, kr и др., т. е. закону открытости слога не противорѣчили слова: *ple-sti, *blĕ-skъ, *pĕ-snь, *ma-slo, *lu-spa (шелуха), *bo-žь-stvo, *bol-ĕ-znь, *žь-zlъ, *mo-zgъ, *mь-zda, *o-gnь, *vĕ-trъ, *mo-krъ и т. п.

Къ одному слогу могла относиться также группа str, какъ показываетъ праславянское развитіе согласнаго взрывного t въ старой группѣ sr: ср. прасл. *struja (др.-ц.-сл. струꙗ, р. *струя*) и лит. sravà (*струя крови*), др.-инд. srávati (течетъ); прасл. *ostrъ (др.-ц.-сл. остръ, р. *остръ*) и лит. aštrùs; прасл. *pьstrъ (др.-ц.-сл. пьстръ, р. *пестрый*, чеш. pstrý) изъ *pьs-trъ,—того же корня, что и *pьs-ati, *pis-ati, греч. *ποικίλος* (пестрый).

§ 34. *Явленія начала слова.* Передъ гласнымъ, начинавшимъ слово, развивались въ праславянскомъ новые неслоговые i̯ (j), u̯ (v): ср. прасл.

*jabl̥ko (др.-ц.-сл. ꙗблъко, р. *яблоко*, пол. jabłko, серб. jȁbuka) и латыш. âbûls, лит. óbůlas, др.-в.-н. apful; прасл. *jagnьcь (др.-ц.-слов. агньць, р. *ягненокъ*, серб. jàgnje) и лат. agnus; прасл. *jęstь (др.-ц.-слов. ѥсть, р. *есть*, пол. jest, серб. jȅst и т. д.) и лит. ẽsti, лат. est, греч. ἐστι, др.-инд. ásti; прасл. *vyknǫ-ti (др.-ц.-слов. выкнѫ-ти, р. *-выкнуть*, пол. wyknąć)—того же корня, что и *na-uka (наука, *наука*), прасл. *vydra (др.-ц.-сл. выдра, р. *выдра*, чеш. vydra, серб. vȉdra) и лит. ůdra, латыш. ūdris; прасл. *vysokъ (др.ц.-сл. высокъ, рус. *высокъ* и т. д.)—ср. греч. ὕψι (вверху) и т. п.

Примѣчаніе. Ср. по этому вопросу Фортунатова Arch. XII, 96 и сл., Педерсена K. Z. 38 т. 311 и сл., Meillet въ Сб. статей по славяновѣд. II, 1906 г., 386 с. Lang S. F. I, 175 и сл. Шахматова въ Энцикл. слав. филологіи, вып. II, 54 и сл.

Начальное сочетаніе i̯ь (jь) какъ со старымъ i̯ (j), такъ и съ i̯ (j) новымъ, развившимся на словянской почвѣ, повидимому, дало i: ср. прасл. *igo (др.-ц.-слов. иго, русс. *иго*) и лат. jugum, др.-инд. jugam; изъ индо-евр. *jugom въ словянскомъ должно было получиться *jъgom, откуда—*jьgo и затѣмъ *igo; далѣе прасл. *imǫ (др.-церк.-слов. имѫ) получилось, очевидно, изъ *i̯ьmǫ съ новымъ i̯: ср. *vъz-ьmǫ (др.-ц.-сл. възьмѫ, р. *возьму*) и лит. imù.

Примѣчаніе. Ср. по этому вопросу у Brückner'a K. Z. XLV, 289 и сл., Шахматова въ Энцикл. слав. филол. вып. 11, §§ 25, 34, Lang'a, Č. M. F. I, 385 и сл. Происхожденіе *e* въ чеш. jeȟla и пол. діалект. jegła неясно,—ср. діал. чеш. jaȟla и пол. діал. i̯aglev´e. Чешскіе jho, jmě, hra, polskra, луж. Škra и т. п. едва ли не вторичны; чеш. jdu могло явиться въ виду po-jdu изъ *po-idǫ и такъ же jhra, затѣмъ hra—въ виду za-jhrati изъ *za-igrati и т. п.,—ср. то же явленіе въ словѣ съ первоначально долгимъ Ī: малор. ськати (*искать*). Иначе—Розвадовскій въ R. Sl. VII, 9 и сл.

§ 35. *Явленія конца слова.* Конечное m, повидимому, уже въ балтійско-словянскую эпоху измѣнилось въ n; это n изъ m сохранилось въ тѣсномъ сочетаніи предлога со слѣдующимъ словомъ: ср. *sъn- въ прасл. *sъn-iti и т. п. съ прусскимъ san- (вмѣстѣ) и др.-инд. sám (съ).

Примѣчаніе. Иначе Эндзелинъ, Слав.-балт. этюды, 28 с.

Конечные согласные въ прасловянскомъ отпали, почему всѣ конечные слоги были открытыми: отсюда въ др.-ц.-слов. всѣ слова оканчиваются на гласный, исключая предлоговъ (из-, къз-, кѣз-, раз-), которые составляли въ живой рѣчи одно цѣлое со слѣдующей формой.

Примѣчаніе. Балтійско-словянское отпаденіе конечныхъ t, d сомнительно (ср. Эндзелинъ, Слав.-балт. этюды, 28 с.).

§ 36. Судьба дифтонга oi (ai) въ концѣ слова не вполнѣ совпадаетъ съ судьбой его въ срединѣ слова (ср. § 14): въ однихъ случаяхъ изъ oi (=oi, ai, ōi, āi) является ě (ѣ), въ другихъ i: ср. дат. ед. ч. *vodě—др.-ц.-сл. водѣ (греч. θεᾷ изъ θεαῑ) и им. п. мн. ч. *stoli—др.-ц.-сл. столи (ср. лит. stalaĩ и окончаніе oi въ греч. ἄνθρωποι), 2 л. ед. ч. повел. накл. *berī—др.-ц.-сл. бери (греч. φέροις). Это колебаніе, повидимому, объясняется различіемъ слогоударенія (интонаціи); однако, точно установить условія этого колебанія трудно.

Примѣчаніе. Считаю болѣе вѣроятнымъ, что i получалось при томъ видѣ долготы, который соотвѣтствовалъ въ словянскомъ литовскому ˜; ср. по этому вопросу у Hujer'a Slov. Dekl. §§ 60—67, Эндзелина Слав.-балт. эт. 147—152 с. и у меня Roczn. Sl. V т. 111 и сл. Тамъ же указана болѣе ранняя литература. Ср. о конечныхъ -ōi и -āi у Meillet: R. Sl. VII, 3 с.

Въ одной формѣ, а именно *mati, *dъkti им. п. ед. ч. (др.-ц.-сл. мати, дъшти) находимъ i вм. ожидаемаго ѣ изъ ē въ концѣ слова: ср. лит. motẽ, duktẽ и др.-инд. mātā́, duhitā́; отсюда—мысль нѣкоторыхъ изслѣдователей, что конечное ē при интонаціи ˜ дало i; однако, форма эта могла возникнуть и нефонетически,—подъ вліяніемъ формъ *bogyni им. ед. ч. ж. р., *vedǫtji им. п. ед. ч. ж. р. прич. наст. вр. и т. п.

Примѣчаніе. Ср. по этому вопросу у Гуйера Slov. Dekl. § 53, Соболевскаго Р. Ф. В. 1914 г. № 2, 432 с.

§ 37. Еще до отпаденія конечныхъ согласныхъ гласный *o* въ конечномъ закрытомъ слогѣ измѣнялся въ u, т. е. ъ, передъ носовымъ -n и, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи,—передъ согласнымъ -s; послѣдній переходъ является спорнымъ; ср. греч. λύκος им. ед. ч., λύκον вин. ед. ч. и прасл. *vъlkъ, др.-ц.-сл. влькъ им. и вин. ед. ч.; отрицающіе измѣненіе -os въ -us объясняютъ форму им. п. *vъlkъ (влькъ) вліяніемъ формы вин. п.; ср. подробнѣе въ морфологіи.

Примѣчаніе. Ср. у Лескина I. F. XXI, 335 и сл., у Гуйера Sl. Dekl., §§ 11—29, у меня R. Sl. V, 106 и сл.; Gauthiot «La fin de mot»,... 48 с.; Agrell «Intonation und Auslaut».... 47 и сл.; Meillet въ R. Sl. VII, 25 и сл. Объ остаткахъ прасл. -os въ ф.ф. rodosь и т. п. см. у Розвадовскаго, R. Sl. VII, 14 и сл.

§ 38. Судьба сочетаній *гласный+носовой согласный* (n) въ конечномъ слогѣ слова значительно отличается отъ судьбы такихъ сочетаній внутри слова; при этомъ факты, относящіеся сюда, какъ связанные съ флексіей, настолько запутаны, что не представляется возможнымъ вполнѣ

выяснить звуковые процессы, происшедшіе въ указанныхъ сочетаніяхъ, и ихъ хронологическую послѣдовательность.

Фактическій матеріалъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

1. Конечное -in (изъ im, in) дало ь: ср. вин. п. ед. ч. *notʹtʹь (др.-ц.-сл. ношть) и лит. nãktį, греч. ὄφιν, лат. turrim, др.-инд. matím.

Такую же судьбу имѣло сочетаніе -in изъ и.-евр. m̥, n̥: ср. вин. п. *kamenь, *materь (основы на согласный) и греч. μητέρα, ἄκμονα, лат. matrem, hominem, др.-и. mātáram, áśmānam, лит. móterį, ãkmenį (лат. -em, греч. α и др.-и. -am—изъ m̥, лит. į—изъ m̥ черезъ посредство -im).

2. Конечное -un (изъ um, un) дало ъ: ср. вин. ед. ч. *synъ (др.-ц.-сл. сынъ) и лит. súnų, греч. πῆχυν, лат. manum, др.-инд. sūnúm.

3. Конечное -on (изъ -om, -on) дало ъ: ср. *vlkъ вин. ед. ч. (др.-ц.-сл. влькъ) и греч. λύκον, лат. lupum (изъ lupom), др.-инд. vṛkam, лит. vilką (ą изъ on).

4. Сочетаніе -ōn съ интонаціей ~ въ концѣ слова дало ъ: ср. род. п. мн. ч. *vlkъ (др.-ц.-сл. влькъ) и греч. λύκων, θεῶν.

Примѣчаніе. Иначе—Meillet: R. Sl. VII, 8 с.

5. Сочетаніе -ōn съ другимъ видомъ интонаціи—', повидимому, дало ǫ, какъ и -ām, -ān съ такой же интонаціей: къ такому -ōn (изъ -ōm) нужно возводить -ǫ въ формѣ 1 л. ед. ч. наст. вр. *vezǫ, *berǫ (др.-ц.-сл. везѫ, берѫ) и т. п.: другіе и.-евр. языки указываютъ на ō: греч. φέρω, лат. ferō, готск. baira, лит. vežù (изъ vežǔ); изъ и.-евр. -ām съ той же интонаціей получилось ǫ въ вин. ед. ч. *vodǫ, *ženǫ (др.-ц.-слов. водѫ, женѫ) и т. п.: ср. греч. θεάν и т. п. То же ǫ изъ -ām находимъ послѣ j въ *voljǫ (др.-ц.-сл. волѭ) вин. п. ед. ч.

Примѣчаніе. О формѣ *katu им. ед. (др.-ц.-сл. камы) ср. въ морфологіи; о формѣ род. мн. на -ъ ср. у Ванъ-Вейка, Изв. XX, 3 кн., 32 с.

6. Сочетаніе -ēn (изъ -ēm, -ēn) дало ę: ср. формы *mę, *tę (др.-ц.-сл. мѧ, тѧ) и др.-инд. mām, tvām.

§ 39. Нѣсколько иной является судьба конечныхъ сочетаній гласный+n (m) передъ согласнымъ.

7. Сочетаніе in+s даетъ i: ср. *gosti вин. мн. ч. (др.-ц.-сл. гости, русс. *въ-гости*) и окончаніе -ins въ готск. anstins, греч. діалект. πόλινς.

8. Сочетаніе un-s даетъ y: ср. *syny вин. мн. ч. (др.-ц.-сл. сыны) и готск. sununs, греч. діал. (критск.) υἱύνς.

9. Сочетаніе -ons дало также -y: ср. *vlky вин. мн. ч. (др.-ц.-сл. влькы) и греч. (критск.) λύκονς, готск. wulfans.

10. Сочетаніе -ont дало ǫ: ср. *mogǫ 3 л. мн. ч. аориста простого изъ *mogont, греч. ἔγνο-ν, ἔλιπο-ν.

11. Сочетаніе -onts, повидимому, дало -ons, откуда -у (ср. 9): *vedy им. ед. м. р. причастія наст. в. (др.ц.-слов. ведꙑ),—ср. др.-инд. bhárąs, лат. ferens, лит. vežąs.

12. Сочетаніе -int изъ -ǫt дало ę въ формѣ 3 л. мн. ч. аориста *dašę (др.-ц.-сл. дашѧ) и т. п. изъ *dach-ǫt.

13. Для сочетанія ān+s нѣтъ вѣрныхъ примѣровъ.

14. Судьба сочетанія -ons послѣ j не вполнѣ ясна: въ формѣ прич. наст. вр. им. п. ед. ч. м. р. *znaję (др.-ц.-сл. знаѧ, р. *зная*) имѣемъ -ję изъ -jon(t)s; въ формѣ вин. п. мн. ч. *konję (др.-церк.-слов. коня) изъ *konjons имѣется то же, но въ др.-русскомъ находимъ форму *конь* и въ польскомъ konie, что заставляетъ нѣкоторыхъ изслѣдователей предполагать въ прасловянскомъ форму *konĕ съ носовымъ ĕ (ѣ), откуда въ др.-ц.-сл. ę, а въ др.-русс. и польскомъ чистое ĕ (ѣ); въ формѣ *znaję (др.-русс. *зная*, пол. znaję) ę, по мнѣнію этихъ изслѣдователей явилось вм. носового ĕ изъ -jons подъ вліяніемъ формъ вродѣ *vidę им. п. ед. ч. прич. (др.-ц.-сл. видѧ, русс. *видя*).

Примѣчаніе. Гипотеза о носовомъ ĕ въ прасловянскомъ принадлежитъ Фортунатову и принимается Ляпуновымъ (Формы склоненія 35 с., Arch. XXXIII, 527 с.), Щепкинымъ (R. Sl. III, 213 с.), Шахматовымъ («Энцикл. слав. фил.» 11,1 вып. § 21) и другими. Шахматовъ предполагаетъ измѣненіе -jons въ -jõns, откуда носовое ĕ (съ отпаденіемъ s). Попытку дать иное объясненіе др.-русскимъ ф.ф. *земль* род. п. ед. ч. и им.-вин. мн. ч. и др.-польскимъ ziemie и т. п. сдѣлалъ Эндзелинъ (Р. Ф. В. 1913 г., № 3, 109 с.; прасл. *konĕ объясняется здѣсь вліяніемъ формъ на ĕ основъ на -ja). Ср. также Gauthiot «La fin de mot», 48 и сл., Hujer'a Slov. Dekl. § 93 и сл. и Diels'a въ Arch. XXXV, 321—324 сс.

§ 40. Сопоставленіе приведенныхъ фактовъ, какъ сказано выше, не даетъ твердыхъ выводовъ относительно различныхъ звуковыхъ процессовъ въ конечныхъ слогахъ съ *n*. Можно думать, что до образованія носовыхъ гласныхъ произошло сокращеніе ōn въ -on въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ долгота имѣла интонацію ˜; то же произошло въ сочетаніи -āi въ концѣ слова: *volj-āi дат. ед. ч. ж. р. (ср. греч. θεᾷ и т. п.) дало очень рано *voljoi; *vъ̨k-ōn (ср. греч. θεῶν) дало *vъ̨kon, между тѣмъ какъ -ōn съ ′ еще сохраняло свою долготу въ ту эпоху, когда *o* послѣ j>e; поэтому дат. ед. *voljoi дало *voljei, откуда *volji (др.-ц.-сл. кои), но *voljān (ср. θεάν) этого измѣненія не претерпѣло и позже дало *voljǫ. Повидимому, еще до образованія носовыхъ гласныхъ и сокращенія ā въ сочетаніи ān и ō въ сочетаніи ōn при интонаціи ′ сочетаніе -on въ конечномъ слогѣ дало ŭn.

Такимъ образомъ, формы вин. п. ед. ч. *noktin (1), *sūnun (2), *vъ̨kun (3) и род. п. мн. ч. *vъ̨kun (4—изъ *vъ̨kōn) стали въ одинъ рядъ, между тѣмъ какъ въ формѣ *vezōn 1 л. ед. наст. вр. и *vodān вин. ед. ч. сокращеніе произошло позже, почему и получились иные результаты, чѣмъ въ 3) и 4). Ясно, что судьба сочетаній -ins,

-uns и -ons была иная, чѣмъ судьба сочетанія -int и -ont, хотя не вполнѣ ясны причины этого различія: повидимому, сочетанія -int (*dachint изъ *dachnt) и -ont (*dvigont) не претерпѣли того удлиненія, которое можно предполагать въ *gostins (7), *sūnuns (8) и *vъlkuns изъ *vъlkons (9), давшихъ *gosti, *syny и *vъlky. Также неясно, какимъ именно путемъ ф.ф. *gostin, *sūnun и *vъlkun дали *gostь, *synъ, *vъlkъ. Бругманнъ (K. V. Gr. 279 c.) предполагалъ отпаденіе конечнаго *n* послѣ краткаго гласнаго предъ паузой (слѣдовательно въ ту эпоху, когда еще было *vodām, *vezōm), но различное развитіе конечныхъ -in, -un и -ān, -ōn (ь, ъ съ одной стороны и ǫ—съ другой) можно объяснять иначе. Не вполнѣ ясно также и развитіе сочетанія -jons. Предполагая измѣненіе -jons и -jon(t)s въ -jens, получимъ форму причастія *znaję им. п. ед. ч. м. р., но останется неяснымъ ě древнерусской формы *конѣ* и польской konie; предположеніе носового ě (изъ -jōns, причемъ мы предполагали бы удлиненіе ō предъ ns) объясняетъ формы *конь*, *земль* и т. д., но заставляетъ считать нефонетической форму *znaję. Форма причастія *modlę, вліяніемъ которой объясняютъ форму *znaję, сама является нефонетической, такъ какъ изъ *modlints черезъ посредство *modlins должно было получиться *modli (ср. *gosti): ę могло явиться изъ косвенныхъ формъ *modlintja и т. д. Формы *znajǫtь (др.-ц.-сл. знаѭтъ) 3 л. мн. ч. наст. вр., *znajǫtja род. п. ед. ч. м.-ср. р. прич. и т. п. указываютъ на образованіе носового гласнаго до измѣненія -jo въ -je, если не объясняются вліяніемъ параллельныхъ формъ *beroть, *beroтja и т. д. Ср. Hirt I. F. II, 337 и сл., Vondrák Arch. XX, 54 и сл., Berneker K. Z. XXXVII, 364 и сл., Pedersen K. Z. XXXVIII, 320 и сл., Brückner K. Z. XLIII, 369 и сл.

§ 41. *Сравнительная хронологія праславянскихъ звуковыхъ явленій.* Сравнительная древность звуковыхъ измѣненій праславянской эпохи въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть опредѣлена болѣе или менѣе увѣренно, въ другихъ случаяхъ она неясна. Упрощеніе группы kst въ st (1) предшествовало измѣненію s въ ch (2), хотя это послѣднее измѣненіе—одно изъ древнѣйшихъ явленій праславянской эпохи: ср. *rěste изъ *rēkste (ср. § 33). Съ другой стороны, легко установить, что измѣненіе s въ ch древнѣе цѣлаго ряда другихъ праславянскихъ звуковыхъ процессовъ: древнѣе первой палатализаціи согласныхъ k, g, ch, т. е. измѣненія ихъ въ č, dž, š (3): ср. *duše изъ *dǫse; вѣроятно, древнѣе измѣненія ū въ y (4): ch на мѣстѣ s послѣ *y* скорѣе всего объясняется тѣмъ, что s>ch еще тогда, когда существовало ū изъ индо-европ. ū; далѣе, переходъ s въ ch древнѣе измѣненія дифтонговъ въ монофтонги (5): ср. *vъlčěchъ изъ *vъlkoi-su; онъ древнѣе также упрощенія группы ts въ s (6): ср. *čisъ изъ *keits-om 1 л. ед. ч. аор. простого (иначе имѣли бы: *čichъ изъ *keisom); если предположить, что упрощеніе группы *ts* въ *s* было одновременно упрощенію другихъ сходныхъ группъ *ds*, *bs*, *ps* и т. д., въ связи съ закономъ уничтоженія закрытыхъ слоговъ, то можно думать, что измѣненіе *s* въ *ch* древнѣе вообще упрощенія группъ, вызваннаго этимъ закономъ, и *быть можетъ* древнѣе иныхъ явленій, связанныхъ съ тѣмъ же закономъ; затѣмъ, измѣненіе *s* въ *ch*, очевидно, древнѣе измѣненія ē въ ā послѣ j, č, (d)ž, š (7), такъ какъ это послѣднее моложе первой палатализаціи (3), точно такъ же переходъ s въ ch древнѣе второй (8) и третьей (9) палатализаціи (*rǫcě изъ *rǫkoi и *ovьca изъ *ovьka), такъ какъ и та, и другая совершились послѣ перехода дифтонговъ въ монофтонги (5), а послѣднее, очевидно, моложе первой палатализаціи (3). Измѣненіе *o* послѣ j въ *e* (10), повидимому, древнѣе перехода дифтонговъ въ монофтонги (5): ср. *volji изъ *voljoi (>*voljei>*volji), но хронологическое отношеніе этого измѣненія (jo>je) къ измѣненію ē въ a (7) и къ другимъ явленіямъ, болѣе *раннимъ*, остается неяснымъ. Измѣненіе jū въ ji (11) и ju въ jь (12 — ср. § 30), повидимому, пред-

полагаетъ *болѣе раннее* измѣненіе ū въ y (4) и u въ ъ. Образованіе носовыхъ гласныхъ, кажется, имѣло мѣсто позже перехода *u* и *i* въ ъ и ь (поэтому, быть можетъ, изъ un, in внутри слова получались ǫ, ę).

§ 42. *Таблица соотвѣтствій др.-ц.-словянскихъ и праславянскихъ звуковъ индо-европейскимъ* *).

Др.-ц.-слов.	Прасл.	Индо-европ.
а (ѓа, ѧа)	a (or, ol)	ā, ō, ē (послѣ j, č, ž, š)
о	o	a, o, ə
е	e	e, o (послѣ j)
ѣ	ě	ē, oi (ōi), ai (āi), əi
и	i	ī, ei (ēi), oi (к. с.), oi послѣ j,
»	»	ū (послѣ j), ins (к. с.), ju (н. с.)
ь	ь, (jъ)	i, e, (e передъ j?), in (к. с.)
ъ	ъ	u, e, on (к. с.), un (к. с.)
ы	y	ū, uns (к. с.), ons (к. с.)
оу [ю]	u [ju]	ou (ōu), au (āu), [eu], əu
ѫ	ǫ	on (ōn), an (ān), un, ṇ
»	»	om (ōm), am (ām), um, ṃ
ѧ	ę	en (ēn), in, ṇ
»	»	em (ēm), im, ṃ
р, л	r, l	r, l
м, н	m, n	m, n
п, б	p, b	p, ph, b, bh
т, д	t, d	t, th, d, dh
к, г	k, g	k, k^u, kh, k^uh, g, gh, g^u, g^uh
к	v	u̯
j (въ ѩ, ю и т. д.)	j	j, i̯
ѕ, з	s; z	s, ḱ, ḱh, (ks); z, ǵ, ǵh
[ѕ]	[s изъ ch п. пал.]	
х	ch	s
ш	š изъ sj	
»	» (изъ ch)	
ж	ž изъ zj	
»	ž изъ ǧ (изъ g)	
ч	č (изъ k)	
ц, ʒ	c, d͡z (изъ k, g)	

*) к. с.=въ конечномъ слогѣ; н. с.=въ начальномъ слогѣ; п. пал.=передъ палатальнымъ.

Чередованіе гласныхъ въ праславянскомъ и др.-ц.-славянскомъ.

§ 43. Какъ показываетъ сравненіе данныхъ отдѣльныхъ индо-европейскихъ языковъ, въ праязыкѣ индо-европейскомъ имѣло мѣсто *чередованіе гласныхъ*, т. е. мѣна гласныхъ въ словахъ одного корня. Чередованіе это было *качественное*, т. е. чередованіе гласныхъ различнаго положенія (e : o), и *количественное*, т. е. чередованіе долгихъ и краткихъ гласныхъ (e : ē, o : ō, a : ā), или гласнаго полнаго образованія съ результатомъ редукціи (ē, ō, ā : ə; e, o : ₒ), или же двухсложнаго комплекса съ односложнымъ; при этомъ результатомъ полной редукціи могло быть также полное исчезновеніе гласнаго. Причины качественнаго чередованія въ индо-европейскомъ праязыкѣ неясны, количественное же чередованіе, повидимому, было связано съ положеніемъ даннаго слога по отношенію къ ударенію слова.

Формы чередованія индо-европейскія были унаслѣдованы праславянскимъ языкомъ, но подверглись въ немъ измѣненіямъ въ силу звуковыхъ измѣненій праславянской эпохи; кромѣ того, по образцу унаслѣдованныхъ—въ праславянскомъ создавались новыя чередованія.

Унаслѣдованныя изъ праславянскаго формы чередованія гласныхъ въ древне-церк.-славянскомъ, въ свою очередь, подверглись извѣстнымъ измѣненіямъ.

§ 44. Основная форма индо-европейскаго качественнаго чередованія—чередованіе *e* и *o*; въ результатѣ редукціи слога было ₒ или же звуковой нуль.

Параллельно чередованію e : o : ₒ (или звуковой нуль) имѣлось чередованіе ē : ō : ə, гдѣ ə было результатомъ редукціи (ослабленія) долгаго гласнаго. Рядомъ можно предполагать чередованіе a : o и ā : ō (ступени редукціи—тѣ же, что и при чередованіяхъ e : o, ē : ō).

Соединеніе качественныхъ и количественныхъ чередованій въ группѣ словъ одного корня давало болѣе сложные ряды чередованій:

ē : ō : e : o : ₒ (или нуль)

ā : ō : a : o : ₒ (или нуль).

При этомъ исчезновеніе гласнаго въ результатѣ редукціи вызывало появленіе новаго слогового звука,—если рядомъ съ гласнымъ, подвергшимся редукціи, находился сонорный r, l, n, m, ṷ или i̯: этотъ сонорный неслоговой становился слоговымъ. Такимъ образомъ *eimés на ступени редукціи давало *imes, *sṷeptós—*suptos: ср. др.-инд. imás (мы идемъ) и греч. ἴ̆μεν (пойдетъ)—со ступенью e, др.-инд. suptás (заснувшій) и старо-исландское suefn (сонъ).

При редукціи долгаго гласнаго неслоговой сонорный элементъ становился слоговымъ долгимъ: *dhēitós въ результатѣ редукціи дало: *dhītós: ср. др.-инд. dhītás (выпившій) и др.-инд. dhāyūš (жаждущій).

При редукціи двухсложнаго звукового комплекса eįə, eųə, enə, erə, emə, elə также являлся долгій сонорный: ī, ū, r̥̄, l̥̄., r̥̄, l̥̄; такъ, при *bhéųətu-m являлось *bhūtó-s: ср. др.-инд. bhávitum (супинъ къ глаголу *быть*) и др.-инд. bhūtás (причастіе отъ того же глагола).

§ 45. Чередованіе e : o : ĕ (или звуковой нуль) отражалось въ праславянскомъ и въ др.-церк.-славянскомъ въ видѣ чередованія e : o : ъ (или нуль): ср. др.-ц.-сл. бредѫ : бродити : непрѣкрьдомъ, р. *бреду : бродить*, др.-чеш. brdu, brdu, слѣд. праслов. *bredǫ : *broditi : *brъdomъ (ср. § 10); примѣромъ ступени редукціи съ полнымъ исчезновеніемъ гласнаго является др.-ц.-сл. сѫтъ, р. *сутъ*, пол. są, серб. (je)su, слѣд., праслов. *sǫtь— при др.-ц.-сл. ѥстъ, рус. есть, пол. jest, серб. je, слѣд. праслов. *jestь (ср. др.-инд. sánti—*сутъ* и ásti—*есть*).

Болѣе сложный рядъ чередованій: ē : ō : e : o : ĕ (или нуль) является въ праславянскомъ вслѣдствіе измѣненія ō въ ā и ē въ ě, ĕ въ ь въ видѣ ряда: ě : a : e : o : ь, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ та или другая изъ этихъ ступеней могла не быть представленной. Такъ, въ праслов. *gnetǫ : *ugnětati, др.-ц.-сл. гнетѫ : оугнѣтати имѣемъ ступени e и ē; въ прасл. *pletǫ : *plotъ : *sъ-plětati, др.-ц.-слов. плетѫ—плотъ—съплѣтати отражаются ступени e : o : ē; въ прасл. *tekǫ : *těchъ (аористъ) : *tokъ : *tьsi др.-ц.-сл. рекѫ—рѣхъ—рокъ (про-рокъ)—рьци (повел. накл.) имѣемъ ступени e, ē, o, ĕ; въ прасл. *bodǫ : *basъ аор., др.-ц.-сл. кодѫ—касъ,— ступени o и ō; въ отношеніи прасл. *sěděti : sadъ, др.-ц.-сл. сѣдѣти—садъ, пол. siedzieć—sad,—ступень ē чередуется со ступенью ō; ступень ĕ Meillet видитъ въ формѣ кѫсѣдлисѧ Праж. листковъ, M. S. L. XIV, 337 с.

§ 46. Сочетанія er : or и el : ol на ступени редукціи являлись въ видѣ r̥, l̥, откуда балтійско-славянскія ir, ur, il, ul и прасл. ьr, ъr, ьl, ъl (ср. § 17); эти послѣднія въ положеніи предъ гласнымъ оставались безъ измѣненія въ праслов. и въ др.-ц.-славянскомъ, но предъ согласнымъ r, l въ сочетаніи ьr, ьl уже въ праславянскомъ стали слоговыми, а въ сочетаніяхъ or, er, ol, el—долгими (діалектически, можетъ быть, слоговыми); въ церк.-славянскомъ-же, какъ мы видѣли выше (§ 3), сочетанія or, er ol, el измѣнились въ такомъ положеніи въ ра, ла, рѣ, лѣ, а въ соотвѣтствіи праслов. ъr̥, ъl̥, ьr̥, ьl̥ въ церк.-славянскихъ памятникахъ находимъ рꙑ, лꙑ, рь, ль. Что касается сочетаній ōr, ēr, ōl, ēl, то они уже въ прасл. сократили свою слоговую часть въ положеніи предъ согласнымъ и дали то же, что и or, er, ol, el (ср. § 14); также уже въ праславянскомъ утрачено было различіе между r̥, l̥ и r̥̄, l̥̄, которые явились въ ре-

зультатѣ редукціи долгаго гласнаго въ сочетаніи съ r, l или же двухсложнаго звукового комплекса ere, ele: различіе между er и ēr, or и ōr, r̥ и r̄, l̥ и l̄ отразилось въ интонаціи ихъ рефлексовъ (ср. § 17).

Примѣры: *berǫ : *borъ : *bьrati, др.-ц.-слов. беръ—(съ)борѫ—бьрати; ступень er предъ согласнымъ—въ *bermę, др.-ц.-сл. брѣмѧ, то же—въ *tьrǫ : *terti : *torъ, др.-ц.-сл. тьръ, р. тереть, др.-ц.-сл. протърѫ, *mьrǫ : *merti : *morъ, др.-ц.-сл. мьръ, мрѣти—р. *мереть*, морѫ; ступень r̥—также въ *sъ-mr̥tь, др.-ц.-сл. съмрьть, р. смерть; *vr̥chǫ : *verchti : *vorchъ, др.-ц.-сл. врьхъ—врѣшти—врахъ, рус. ворохъ; *vr̥t-ě-ti : *verteno : *vort-i-ti, др.-ц.-сл. вртѣти, р. *веретено*—др.-ц.-сл. вратити, р. воротить; ступень *er* также—въ *vertmę, др.-ц.-сл. врѣмѧ, др.-рус. *веремя*, ступень r̥—въ *vr̥sta, др.-ц.-сл. врьста, ср. русс. *с-верст-никъ* съ -ер- изъ -ьг; *dl̥bǫ : *delbto : *dolbto, др.-ц.-сл. длѣбѫ, серб. dlijèto съ ije изъ ě, а -лѣ изъ el, р. *долото* съ *-оло* изъ ol; *do-vьl-ě-ti : *vel-ěti : *volja, др.-ц.-слов. довлѣти : велѣти : воля.

§ 47. Въ положеніи предъ сонорными m, n старая форма чередованія o : e : ѳ (o : e : ь) сохранилась лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда за сонорными m, n слѣдовалъ гласный; предъ согласными сочетанія on, en (om, em) давали носовые гласные ǫ, ę, а ступень редукціи ьn, ъn (ъm, ъn) большею частью являлась также въ видѣ ę (ср. § 16). Такимъ образомъ, двѣ различныя первоначально ступени корня: e и ѳ въ положеніи предъ m, n совпали въ одной. Сочетанія ēm, ēn, ōm, ōn въ положеніи предъ согласнымъ совпали въ прасл. съ em, en, om, on и дали тѣ же носовые гласные ǫ, ę; вѣроятно, различіе между ними отразилось въ различіи интонаціи.

И.-евр. m̥̄, n̥̄ (ступени редукціи долгаго гласнаго въ сочетаніи съ m, n и двухсложныхъ звуковыхъ комплексовъ emə, enə) такъ же совпали (оставляя въ сторонѣ интонацію) съ рефлексомъ и.-евр. m̥, n̥ (ѳm, ѳn).

Такимъ образомъ, въ соотвѣтствіи и.-европ. сочетаніямъ en : ēn : on : ōn : n̥ : n̥̄ и em : ēm : om : ōm : m̥ : m̥̄ въ положеніи предъ согласнымъ, въ праслов. обычно имѣли мѣсто ę и ǫ.

Примѣры: *ženǫ : *gъnati : *goniti, др.-ц.-сл. женѫ—гънати—гонити, гоньць; *na-čьnǫ : *na-čęti изъ *na-čen-ti : *kon-ьсь, др.-ц.-слов. начьнѫ—начати—коньць; *vъz-mǫ : *vъz-ęti, др.-ц.-сл. възмѫ—възѧти; *pьnǫ : *-pona, др.-ц.-слов. пропьнѫ—пропѧти—опона; ступень o (предъ согласнымъ)—также въ *pǫto, др.-ц.-сл. пѫто; *grъměti—*gromъ, др.-ц.-слов. грьмѣти—громъ; *zvьněti : *zvonъ, др.-ц.-слов. звънѣти—звонъ; *blędǫ, *blęsti—*blǫdъ, др.-ц.-слов. блядѫ, блясти—блядъ; *trędǫ, *trędti : *trǫsъ; др.-ц.-слов. трясѫ, трясти—трясъ; *mętǫ, *męsti : *mǫtiti sę, др.-ц.-слов. мятѫ, мясти—мѧтитисѧ.

Примѣчаніе. О *gъnati ср. Arch. XXXIV. 126 и сл. (Oštir).

§ 48. Сочетанія oi̯, ei̯ въ положеніи предъ согласнымъ дали въ прасловянскомъ ě, i, въ др.-ц.-сл. ѣ, и; на ступени редукціи явилось ĭ, т. е. ь, предъ гласнымъ сохранились ei̯, oi̯, причемъ возможно, что ei̯ уже въ прасловянскомъ измѣнилось въ ĭi̯, т. е. ьi̯ (ьj), которое затѣмъ въ церк.-слов. является въ видѣ и+неслоговое i или j (ср. § 30, прим.). Сочетанія ēi̯, ōi̯, предъ согласнымъ дали ei̯, oi̯ уже въ прасловянскомъ (съ инымъ видомъ интонаціи, чѣмъ ei, oi).

Въ результатѣ редукціи долгаго гласнаго въ сочетаніи съ i̯ и двухсложнаго звукового комплекса eiə являлось i (ī), ц.-сл. и.

Примѣры: *bìti : *bьjǫ : *bojь—ср. др.-ц.-сл. бити—биѭ—бои; *počìti : *počьjǫ : *po-kojǫ : *po-kaja-ti, др.-ц.-сл. почити : почиѭ : покоѭ : покаꙗти; *gnìti : *gnьjǫ : *gnojь, др.-ц.-сл. гнити : гниѭ : гнои; *vìti : *vьjǫ : *po-vojь : *vějǫ : *vějьcь, др.-ц.-слов. вити—виѭ—вїиць; *dojǫ : *dějǫ, др.-ц.-сл. доѭ—дѣѭ, гдѣ ě можетъ восходить или къ ē или къ oi̯ предъ согласнымъ; *cvьtǫ : *cvisti : *cvětъ, др.-ц.-сл. цвьтѫ—цвисти—цвѣтъ; *pri-lьpěti : *pri-lipati : *pri-lěpiti, др.-ц.-сл. прильпѣти—прилипати—прилѣпити; *svьtě-ti : *svitati : *světъ, др.-ц.-слов. свьтѣти—свитати—свѣтъ.

§ 49. Сочетанія eu̯, ou̯ въ положеніи предъ согласнымъ дали въ прасл. ju, u, въ др.-ц.-сл. ю, у; на ступени редукціи являлось ŭ, т. е. ъ; предъ гласнымъ eu̯ давало ov, ц.-слов. ок, по крайней мѣрѣ, предъ слогомъ съ веларнымъ гласнымъ.

Ступень редукціи ъ при удлиненіи давала у—др.-ц.-сл. ꙋ.

Сочетанія ēu̯, ōu̯ предъ согласнымъ давали eu̯, ou̯, откуда—ю, у (съ инымъ видомъ интонаціи); предъ гласнымъ—ēu̯ давало ѣк,—ōu̯—ак. Въ результатѣ редукціи долгаго гласнаго въ сочетаніи съ u̯ или двухсложнаго звукового комплекса eu̯ə являлось ū, т. е. у, церк.-сл. ꙋ.

Примѣры: *kovati : *kuję : *kyję : *kъпь, др.-ц.-сл. коꙋати, коꙋѫ; рус. *кую*, др.-ц.-сл. кии, кизнь, русск. *кóзни*; *pluti : *plovǫ : *plaviti : *plъtь, др.-ц.-сл. плоути—плоѭ—плаꙋити—плоть; *slovǫ : *sluti : *slyti : *slava, др.-ц.-сл. слоѭ—слоути (р. слыть, пол. słynąć)—слава; ср. также *sluchъ : *slyš-a-ti, др.-ц.-сл. слоухъ—слышати; *truti : *trovǫ : *trava, др.-церк.-слов. троути : троѭ : трава; *zovǫ : *zъvati : *sъ-zyvati, др.-ц.-сл. зоѭ—зъꙋати—съзꙋати; *bl´ujǫ : *bìlvati, др.-ц.-слов. блоѭ—блꙋати; *pl´ujǫ : *plìvati, др.-ц.-сл. плоѭ—плꙋати; *kryjǫ : *kryti : *krъvenъ : *krovъ, др.-ц.-слов. крыти, крыѭ—съкрꙋенъ—кровь; *u-nyjǫ : *u-naviti, др.-ц.-слов. оуныѭ—оуноꙋити—чеш. unaviti (*утомлять*); *bl´udǫ : *bl´usti : *budìti : *bъděti, др.-ц.-сл. блюдѫ, блюсти—боудити—бъдѣти; *dъchnǫti : *dychati : *duchъ, др.-ц.-сл. дъхноути—дыхати—доухъ; *krušìti : *krъcha, др.-ц.-сл. съ-кроушити :

крѫха; *rušiti : *rychlъ, др.-ц.-слов. рушити—р. *рыхлый;* *stydъ : *studъ, др.-ц.-сл. стыдьнъ (р. стыдъ)—студъ; чередованіе ū̆ или ū̆ā съ ū имѣемъ въ прасл. *chytiti др.-ц.-сл. хытити: ср. *chvatati, др.-ц.-сл. хватати,— и въ прасл. *kys-nǫti, др.-ц.-сл. кыснѫти: ср. *kvasъ, др.-ц.-сл. квасъ.

§ 50. Въ результатѣ редукціи долгихъ гласныхъ являлось въ индоевропейскомъ ə: ср. выше, § 4. Такимъ образомъ, и.-евр. чередованію ē : ō : ə въ прасл. должно было соотвѣтствовать чередованіе ě : a : o. Чередованіе ě : a, можетъ быть, представлено примѣрами: *lězǫ : *laziti, др.-ц.-сл. лѣзѫ—лазити; *rězati : *raziti, др.-ц.-сл. рѣзати—разити; *čadъ : *kaditi,—čadъ изъ čēdъ, а это изъ kēdъ; др.-ц.-слов. чадъ—кадити. Ступень ə въ чередованіи съ ē трудно установить на примѣрѣ; быть можетъ, она сохранилась въ *sporъ, др.-ц.-сл. споръ, р. *спорый*, спориться при *spěti, др.-ц.-сл. спѣти. Чередованіе ā : ə отражается въ *stāti : *stojǫ, др.-ц.-сл. стати—стоѭ.

§ 51. По образцу унаслѣдованныхъ изъ индо-евр. праязыка чередованій возникали новыя чередованія на словянской почвѣ. Такъ, по образцу чередованія e : ē, o : ō въ *pletǫ : *sъ-plětajǫ, *rodjǫ, : *radjajǫ (др.-ц.-сл. плетѫ—сплѣтаѭ, рождѫ—раждаѭ), явились не только *svobadjajǫ при *svobodjǫ (свобождѫ—свобаждаѭ), но и *umirajǫ при *mьrǫ (умираѭ—мьрѫ), *nadymajǫ при *nadъmǫ (надꙋмаѭ—надꙋмѫ).

Примѣчаніе. По вопросу о чередованіяхъ ср. Meillet, Les alternances vocaliques en vieux slave. 1905 г. XIV, 193—209; 332—390.

Замѣчанія объ отдѣльныхъ звукахъ и звуковыхъ сочетаніяхъ др.-ц.-словянскаго языка въ связи съ данными памятниковъ.

§ 52. *Древне-церк.-словянское* ѣ не можетъ быть опредѣлено, какъ звукъ, болѣе или менѣе точно. Въ глаголической азбукѣ для обозначенія ѣ находимъ знакъ ⍋, который въ то же время служитъ для выраженія сочетанія ja (ja); если предположить, что это единство знака для двухъ различныхъ по происхожденію звуковыхъ величинъ отражаетъ лишь неточность слухового воспріятія составителя глаголицы, то фактъ этотъ во всякомъ случаѣ указываетъ на значительную близость въ говорѣ составителя глаголицы между ѣ и ⍋ (послѣ согласныхъ—⍋ съ предшествующей мягкостью); различіе между ними несомнѣнно было, такъ какъ предъ ⍋ въ значеніи кирилловскаго ꙗ въ глаголическихъ источникахъ согласный снабженъ иногда значкомъ мягкости (коⷩѣ, колⷭѣ и т. п.), тогда какъ предъ ⍋ въ значеніи ѣ этотъ знакъ мягкости на предшествующемъ согласномъ не ставится (нѣмъ и т. п.); возможно, что это различіе было

лишь въ томъ, что предшествующій гласному ѣ (изъ прасл. ě) согласный не былъ въ такой мѣрѣ смягченнымъ, какъ въ слогахъ -лꙗ, -рꙗ, -нꙗ; быть можетъ, напримѣръ, др.-ц.-сл. ѣ представляло сочетаніе неслогового *е* и слогового *а* или же неслогового ъ и слогового *а*. Возможно также, что слоговая часть ѣ была не тожественнымъ гласному *а*, но близкимъ ему акустически широкимъ ä. Въ кирилловскихъ памятникахъ для звука ě существуетъ особый знакъ ѣ, отличный отъ ꙗ, но это не противорѣчитъ тѣмъ выводамъ, которые можно сдѣлать на основаніи глаголической графики. Въ кирилловскихъ памятникахъ находимъ, напр., на мѣстѣ этимологическаго ꙗ послѣ смягченныхъ согласныхъ р, л—ѣ. Такъ, въ Савв. книгѣ: морѣ g. s., творѣше, особенно же послѣ л,—колѣ n. s., землѣ, тьлѣ и т. д.; въ Хиланд. лл. погоубльѣ(ѭщи), разарѣеть. Отражаетъ ли этотъ фактъ измѣненіе согласныхъ р, л изъ смягченныхъ въ полумягкіе, вслѣдствіе чего слогъ лꙗ, рꙗ совпалъ со слогомъ рѣ, лѣ, или же здѣсь отражается измѣненіе послѣ данныхъ согласныхъ *а* въ направленіи къ ѣ, но приведенные факты, повидимому, также указываютъ на близость др.-ц.-словянскаго ѣ и ꙗ.

Примѣчаніе. Ср. Лескинъ въ Arch. XXVII, 2, 165 с.; Щепкинъ, Разсужденіе, 275 с.; Roczn. Slaw. III, 212 с.; Фортунатовъ, Составъ Остромирова Евангелія 3 с. (Сборникъ статей въ честь Ламанскаго). Фортунатовъ понималъ написанія лѣ на мѣстѣ лꙗ въ томъ смыслѣ, что «буква ѣ выражала а съ предшествовавшей ему переходною мягкою гласною е или ь неслоговое, развивавшеюся при переходѣ смягченной согласной къ а».

§ 53. *Гласные* ъ, ь опредѣлены выше (§ 2), какъ редуцированные въ количественномъ отношеніи, т. е. болѣе краткіе въ сравненіи съ краткими гласными; въ качественномъ отношеніи эти гласные могутъ быть охарактеризованы лишь въ извѣстной мѣрѣ: повидимому, гласный ъ былъ велярнымъ, а ь палатальнымъ.

Примѣчаніе. Нѣкоторыя явленія, связанныя со звуками ъ и ь въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ (исчезновеніе ъ, ь въ извѣстныхъ условіяхъ; измѣненіе въ малорусскомъ сънъ въ сон при пбп,—затѣмъ пiн,—изъ попъ), не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что главное отличіе ъ и ь отъ иныхъ гласныхъ лежало въ количественной сторонѣ, а не въ сторонѣ экспираторной и не въ качественномъ моментѣ, изъ котораго склоненъ исходить Ягичъ въ Arch. XXII, 559 с.

Въ болѣе точномъ опредѣленіи звуковъ ъ и ь съ качественной стороны въ праславянскомъ изслѣдователи расходятся: ср. Томсона въ Р. Ф. В. 1905 г., № 2, 247 с. и Шахматова въ Энц. слав. фил. 11, вып. 1, 14 с.

Редуцированные гласные ъ и ь, несомнѣнно, были еще живыми звуками въ ту эпоху, когда Кириллъ фиксировалъ письмомъ одинъ изъ

болгарскихъ говоровъ окрестностей Солуня. Возможно, однако, и даже весьма вѣроятно, что и тогда уже звуки эти не были совершенно тожественны въ различныхъ положеніяхъ въ словѣ: на это указываетъ ихъ дальнѣйшая судьба. Можно думать, что ъ и ь были слабыми въ концѣ слова и въ слогѣ, за которымъ слѣдовалъ слогъ съ гласнымъ полнаго образованія или же слогъ съ сильнымъ ъ и ь, причемъ раньше всего ослабились именно конечные ъ и ь. Сильнымъ былъ ъ и ь, если находился подъ удареніемъ или же предъ слогомъ со слабымъ ъ или ь, или же со слабымъ редуцированнымъ ѫ или и (см. ниже, § 55). Ударяемымъ могло быть лишь сильное ъ (ь).

Примѣчаніе. Фортунатовъ предполагалъ, что «изъ общеславянскаго языка перешли въ отдѣльные славянскіе языки ирраціональныя гласныя ъ и ь двухъ видовъ по количеству: бо́льшаго или меньшаго количества». Изв. (1906) XIII, кн. 2, 5 с. прим.; ъ и ь бо́льшаго количества Фортунатовъ предполагаетъ въ положеніи предъ слогомъ съ ъ или ь (или і изъ ь предъ j).

Такимъ образомъ, въ формѣ сѧна—ѧ было слабымъ; въ формѣ сѣнѣма—ъ было сильнымъ въ силу положенія предъ ь слабымъ; въ формѣ сѣнѣмѫ—конечное ъ было слабымъ, ь было сильнымъ, а ъ перваго слога—слабымъ въ силу положенія предъ сильнымъ ь (ср. др.-ц.-слов. снемѫ); въ формѣ дьстиѭ—ь было сильнымъ въ силу положенія предъ слабымъ редуцированнымъ и. Это различіе между сильнымъ и слабымъ ъ или ь и объясняетъ тѣ дальнѣйшія измѣненія, которыя находимъ въ др.-церк.-слов. памятникахъ относительно ъ и ь; разумѣется, измѣненія эти уже не характеризуютъ др.-церк.-слов. языка Кирилла и Меѳодія, а отражаютъ звуковыя явленія болгарскихъ говоровъ XI вѣка.

Кіевскій Миссалъ, древнѣйшій по палеографическимъ и языковымъ признакамъ памятникъ церк.-словянской письменности, въ наименьшей мѣрѣ отражаетъ позднѣйшія измѣненія въ области редуцированныхъ ъ, ь. Какъ ни малъ этотъ памятникъ по своему объему, однако въ немъ находимъ всего свыше 160 случаевъ употребленія ъ и ь, и все, что мы можемъ отмѣтить, какъ отступленіе отъ нормы, это—два случая кꙑсѣхѫ вмѣсто кꙑсѣхѫ (ср. лит. vìsas). Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ ъ и ь правильно находимъ тамъ, гдѣ ихъ можно ожидать въ соотвѣтствіи праславянскимъ ъ и ъ, напримѣръ, на мѣстѣ і и и другихъ индо-европейскихъ языковъ.

Трудно сказать съ увѣренностью, чѣмъ объясняется отмѣченное двукратное отступленіе отъ идеальнаго употребленія ъ и ь, отличающаго Кіевскій Миссалъ; вѣроятнѣе всего, что это ъ вм. ь было связано съ

характеромъ предыдущаго к, который могъ быть билабіальнымъ. Во всякомъ случаѣ мы не находимъ достаточныхъ основаній, чтобы заподозрить въ Кіевскомъ Миссалѣ паденіе ъ и ь, т. е. ихъ отсутствіе въ произношеніи писца Кіевскаго Миссала въ открытыхъ неударяемыхъ слогахъ.

Примѣчаніе. Ср. Шахматова въ Arch. XXXI, 493, 499 сс. Не видимъ въ формѣ чѣстьѣ, милостиѣ, помощьѣ и т. п., какъ Шахматовъ, несомнѣннаго указанія на паденіе въ открытомъ слогѣ «напряженнаго ъ» (т. е. і изъ ь въ положеніи передъ j),—ср. слѣдующій §; затрудняемся объяснить картину употребленія знаковъ ъ и ь въ Кіевскомъ М. точной передачей оригинала или искусственнымъ церковнымъ произношеніемъ; форма подасть—контаминація формъ подаси и подазь.

Иные глаголическіе и кирилловскіе памятники отражаютъ уже различнаго характера измѣненія, которыя произошли съ редуцированными ъ и ь въ болгарскихъ говорахъ XI вѣка.

Эти измѣненія, наблюдаемыя въ др.-церк.-словянскихъ памятникахъ, суть слѣдующія.

1. На мѣстѣ болѣе древняго ъ находимъ ь и, наоборотъ,—на мѣстѣ болѣе древняго ь—ъ: вмѣсто тьма—тъма и вмѣсто зълѣ—зьлѣ; вмѣсто шьдъ—шъдъ.

2. Въ извѣстныхъ условіяхъ знаки ъ и ь пропускаются на письмѣ вовсе, что обозначаетъ исчезновеніе звуковъ ъ и ь въ этихъ условіяхъ въ произношеніи: вмѣсто кьсего, зълока, кѣрьно, тьмьно пишется ксего, злока, кѣрно, тьмно.

Примѣчаніе. Къ числу этихъ случаевъ не относятся такіе факты др.-ц.-слов. памятниковъ, какъ тѣснъ, опрѣснъкъ, гдѣ между с и н, повидимому, никогда не было ь; таковы же—формы словъ десни, пригни, ложесна, желѣзни, кѣстко: ср. Фортунатова «Составъ Остромирова Евангелія» 10 и сл.

3. Въ иныхъ условіяхъ знаки ъ и ь замѣняются знаками о и е, что обозначаетъ измѣненіе въ этихъ условіяхъ звуковъ ъ и ь въ звуки *о* и *е* въ живомъ произношеніи: вмѣсто кьсь пишется кесь, вмѣсто любъкь—любокь.

Примѣчаніе. Слова когда, тогда при къгда, тъгда не представляютъ примѣровъ измѣненія ъ въ о: это—особыя образованія отъ основъ ко-, то-.

То же исчезновеніе ъ и ь *въ извѣстныхъ условіяхъ* и измѣненіе ихъ въ гласные полнаго образованія произошло, какъ извѣстно, и въ русскомъ, а также въ другихъ словянскихъ языкахъ: ср. русс. *все* изъ прасл. *vьse, *весь* изъ прасл. *vьsь, *зло* изъ прасл. *zъlo и *золъ* изъ прасл. *zъlъ.

Эти условія утраты или перехода въ гласные звуковъ ъ и ь въ общемъ тѣ же, что и въ другихъ словянскихъ языкахъ: исчезали ъ и ь

слабые, переходили въ гласные полнаго образованія или же сохранялись ъ и ь *сильные* (ср. выше).

Примѣчаніе. Meillet, Roczn. Slav. VI, 128 с., предполагаетъ, что раньше ъ и ь исчезали тамъ, гдѣ условія для этого исчезновенія были болѣе благопріятны: 1) между двумя глухими согласными, какъ въ пѣсати, пѣтица; 2) между звонкимъ и слѣдующимъ сонорнымъ (r, l, m, n, v), какъ въ дьне, дъва; 3) въ словахъ второстепенныхъ, какъ къде, тъкъмо.

Что касается замѣны въ памятникахъ знака ъ знакомъ ь или наоборотъ, то замѣна эта объясняется а) отчасти дѣйствительными измѣненіями въ произношеніи этихъ звуковъ, b) отчасти же причинами графическаго характера.

а) Дѣйствительныя измѣненія въ произношеніи ъ и ь можно предполагать въ тѣхъ случаяхъ, когда ъ слабое замѣняется черезъ ь предъ слогомъ съ мягкимъ гласнымъ, а ь слабое замѣняется чрезъ ъ предъ слогомъ съ твердымъ гласнымъ; такимъ образомъ вмѣсто стараго кѫдѣти, кънѣ, зълѣ находимъ кьдѣти, кънѣ, зълѣ, а вмѣсто стараго пракъда—пракда. Въ этихъ случаяхъ ъ и ь слабые могли подвергаться вліянію послѣдующаго слога *еще прежде, чѣмъ стали исчезать.*

Примѣчаніе. О кънѣ ср. Zubatý: Сборн. Ягича, 306 с.

Кромѣ того, данныя нѣкоторыхъ памятниковъ позволяютъ предполагать измѣненіе въ нѣкоторыхъ говорахъ ъ въ ѣ подъ вліяніемъ предшествующихъ согласныхъ шипящихъ и группъ шт, жд: шѣдѫ, кнѣждѫ, чѣто, мѣжѫ, сѣштѫ и т. п.

Примѣчаніе. Лескинъ въ Arch. XXVII оспариваетъ предположеніе о фонетическомъ измѣненіи ъ въ ь и ь въ ъ въ зависимости отъ характера гласнаго въ слѣдующемъ слогѣ, полагая, что мѣна знаковъ ъ и ь въ указанныхъ выше условіяхъ—графическое явленіе и обозначаетъ измѣненіе согласныхъ: кърхна означаетъ отвердѣніе р послѣ выпаденія ь, а зълѣ—смягченіе з послѣ выпаденія ъ. Считаемъ толкованіе Лескина неправильнымъ, такъ какъ на измѣненіе ъ въ ь и ь въ ъ указываютъ случаи, когда ь изъ ъ или ъ изъ ь переносились аналогіей въ положеніе сильныхъ. Такъ, въ Савв. книгѣ находимъ кьпль вмѣсто къпль, которому соотвѣтствуетъ средне-болгарское кѣпль, и которое, очевидно, получилось подъ вліяніемъ кьпѫ, кьплю и т. д. Такимъ же образомъ объясняются средне-болг. сѣдокъ, крьтѣпъ вм. ожидаемыхъ сѣдѣкъ, крьтѣпъ (изъ сѣдькъ, крьтьпъ) подъ вліяніемъ сѣдъка, крьтъпа (ъ изъ ь предъ твердымъ слогомъ),—сѣдокъ уже въ Син. Пс. (118, 20); сюда же относится ново-болг. *везми* изъ къзьми (вм. къзъми). Въ русскомъ языкѣ такое толкованіе могутъ получить *тонкій* (изъ тънъкъıи подъ вліяніемъ тънъкъ изъ тьнъкъ), *деберь* (изъ дьбьрь, а это изъ дъбьрь, что въ свою очередь изъ дъбрь: ср. городъ *Добрянескъ* нашихъ лѣтописей). Подробнѣе

объ этомъ см. Щепкина Разсужденіе 209 с., Соболевскаго Р. Ф. В. LXIV, 114 и сл. и Фортунатова въ Изв. XIII т. 2 кн. 4 и сл. Что касается БЕЗДЕНИЕ Супр. рукописи и Син. Псалтыри, на которое указываетъ Вондракъ въ Altk. Gr.², 248 с., то Е здѣсь оправдывается послѣдовательнымъ написаніемъ БЕЗДЬНА въ Савв., Ассем. и Остром. Объ этомъ словѣ ср. у Козловскаго 45 с., Щепкина Савв. кн. 136 с., Ляпунова Изсл. 38 с.

Непослѣдовательность, какую находимъ въ Зогр. и другихъ памятникахъ въ проведеніи мѣны ъ и ь, объясняется тѣмъ, что фонетическій законъ, отразившійся въ нихъ, относится не къ эпохѣ писцовъ этихъ памятниковъ, а къ болѣе ранней; писцы перенесли лишь факты изъ своихъ оригиналовъ, но естественно, отразили и свою эпоху: въ ихъ языкѣ ъ и ь уже не существовали. Наблюдаемая въ памятникахъ непослѣдовательность не объясняется и съ точки зрѣнія Лескина.

b) Графически ъ и ь могли смѣшиваться въ такомъ же положеніи (предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія) въ силу того, что въ произношеніи писца они уже не существовали, т. е. исчезли, и писецъ не имѣлъ живого критерія для правильной постановки этихъ традиціонныхъ знаковъ.

Въ дополненіе къ указаннымъ условіямъ измѣненій, которымъ подвергались ъ и ь, необходимо отмѣтить, что результаты фонетическихъ процессовъ измѣнялись вліяніемъ психологическаго фактора,—аналогіи.

Согласно вышеустановленнымъ условіямъ исчезновенія и вокализаціи (т. е. перехода въ о, е) ъ и ь, форма ПРАКЪДЬНЪ должна была дать ПРАКДЕНЪ, форма же ПРАКЪДЬНИИ—форму ПРАКЕДНИИ; взаимодѣйствіе этихъ формъ создало форму ПРАКЕДЕНЪ (Мар. Ев. 3, 2) или, иначе говоря, подъ вліяніемъ формы ПРАКЕДНИИ явилось ПРАКЕДЕНЪ вм. фонетической ф. ПРАКДЕНЪ. Форма СѢНЬМЪ должна была фонетически дать СНЕМЪ, но рядомъ съ этой формой (СѢНЕМЪ Мар. Ев. 176, 27) находимъ и форму СѢНМЬ (Мар. Ев. 302, 9); эта форма могла явиться подъ вліяніемъ формъ СѢНМА, СѢНМОУ, гдѣ ь правильно выпалъ предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія; форма ДЬНЬТЪ должна была дать ДНЕТЪ, однако подъ вліяніемъ ДЕНЬ явилось ДЕНЕТЪ (Ассем. Ев.).

§ 54. *Остановимся на отдѣльныхъ памятникахъ.* Лучше всего древнее употребленіе знаковъ ъ и ь, отражающее эпоху, когда слабые ъ и ь не исчезали, а сильные не переходили въ *о* и *е*, сохранено, помимо Кіевскаго Миссала, о которомъ уже говорилось, — въ Остромировомъ Евангеліи.

Въ главной, второй его части, списанной съ др.-ц.-слов. оригинала, пропускъ на письмѣ ъ и ь, указывающій на исчезновеніе этихъ звуковъ въ извѣстномъ положеніи (въ положеніи слабыхъ) въ языкѣ, встрѣчается весьма рѣдко, въ единичныхъ случаяхъ. Сильные ъ и ь въ Остромировомъ Евангеліи, вообще говоря, сохраняются безъ измѣненія; исклю-

ченіе представляютъ три примѣра смококьи- (ср. объ этомъ словѣ ниже по поводу Зогр. Ев.); вѣрныхъ примѣровъ замѣны сильнаго ь гласнымъ е не находимъ. Нерѣдки въ Остром. случаи ъ вм. ь послѣ шипящихъ; ср. Козловскій, 38—39 сс.

Примѣчаніе. Пропускъ ъ и ь замѣчается въ Остром. въ 3 словахъ: пѣтица, частицѣ -жьдо и сѣкрекро (сѣкрекрьникъ), и то въ большинствѣ случаевъ слова эти пишутся со знакомъ ъ и ь. На 112 с. находимъ сѣткорѫ, на 211 с.—сѣгнѫкъ. Въ 1-й части Остр., списанной съ русскаго оригинала, пропускъ этотъ встрѣчается чаще; ср. Фортунатова «Составъ Остр. Ев.» 14 и сл.

Въ Зографскомъ Евангеліи находимъ ясные слѣды звукового измѣненія ъ и ь слабыхъ въ зависимости отъ качества слѣдующаго слога: кърати, дърати, пърати, зъдати, къдока, тъма, къдокица, а съ другой стороны—кьдѣти, зьлѣ, кънѣ, зьли, дькѣ и т. п.

Отсутствіе полной выдержанности закона показываетъ, что онъ уже не характеризуетъ языкъ писца, но языкъ его оригинала: ср. дѣшти, кѣзънити; точно такъ же суффиксъ: -ьск- не мѣняетъ своего ь предъ твердымъ гласнымъ. Что означенный законъ ассимиляціи ъ, ь слѣдующему слогу не имѣетъ отношенія къ языку писца Зографскаго Евангелія, показываютъ и частые пропуски ъ и ь въ томъ положеніи, гдѣ соотвѣтствующіе звуки были слабыми: обычно находимъ мнѣ, многъ, пѣати, кто, зло и т. п.; въ то же время ъ и ь сильные измѣнились въ о, е: днесь, кѣсенъ, шедъ, темьниць и т. п.; любокь, црькокь, народо-сь, рако-тъ, оустрѣхшѫ 2 раза, токмо, родось, праздьникось, образось, смококьницеѭ, колиѣ (=кълинъ); впрочемъ, примѣры измѣненія ъ, ь въ гласные полнаго образованія въ Зогр.—довольно рѣдки, и относительно ъ/о возможно сомнѣніе: не ограничивалось ли это измѣненіе извѣстнымъ положеніемъ: народо-сь, рако-тъ; въ словахъ црькокь, любокь, смококьница о вм. ъ могло явиться подъ вліяніемъ образованій съ суфф. -ок- (ср. црькъкьнъ и грѣхокьнъ и т. п.).

Въ Маріинскомъ Евангеліи можно также подмѣтить слѣды закона ассимиляціи ъ и ь слѣдующему слогу, уже въ значительной мѣрѣ затемненнаго писцомъ, который не имѣлъ въ своемъ языкѣ на мѣстѣ слабыхъ ъ, ь никакого звука; пропускъ ъ и ь, гдѣ соотвѣтствующіе звуки были слабыми, въ Маріинскомъ Евангеліи—обычное явленіе. Замѣна ъ и ь буквами о и е не представляетъ рѣдкости: конх, дождь, золх, сотх, токмо, сотьникъ, роптаахѫ, ко кѣсѣхъ, ко мьнѣ, козьми, родо-сь и т. п.; кесь, день, лестьѭ, сѣнемъ, -шедъ и т. д. Законъ измѣненія ь въ ъ подъ вліяніемъ предшествующаго согласнаго датируется такими примѣрами, какъ врачѣнии, кинѣштѣнее, грѣшинѣемь, дажѣникъ, хождѣшоу и т. п. (ср. Arch. XXVII, 336 с.).

Сборникъ Клоца представляетъ слѣды измѣненія ъ, ь какъ подъ вліяніемъ послѣдующаго слога, такъ и подъ вліяніемъ предшествующаго согласнаго (чѧто, наш҃ѣ, мѫжѫ, ѥѫштѣ, рождѣ). Пропускъ ъ, ь и замѣна ихъ черезъ о, е также наблюдается въ Сборникѣ Клоца: крокыѭ, любокы, начѧтокѣ, четкрытокѣ, любокѣнѣмь; чаще—е вм. ь: день, честь, крестѣ, шедѣ и т. п.

Ассеманіево Евангеліе знаетъ не только пропускъ ъ и ь внутри словъ, но часто и въ концѣ слова (прид, сконод, ѥзѣд, придет и т. п.): замѣна ъ, ь чрезъ о, е въ этомъ памятникѣ иллюстрируется значительнымъ количествомъ примѣровъ; мѣна ъ и ь уже не имѣетъ признаковъ какой либо закономѣрности, являясь безпорядочной.

Синайская Псалтырь близко подходитъ въ употребленіи ъ и ь къ Ассеманіеву Евангелію, смѣшивая эти буквы, пропуская ихъ и замѣняя буквами о, е; слѣдовательно, въ языкѣ писца звуки ъ и ь сильные измѣнились въ о, е, а слабые—исчезли.

Синайскій Молитвенникъ, относясь къ числу тѣхъ, въ коихъ ъ, ь пропускаются и замѣняются буквами о, е, не утратилъ однако еще въ употребленіи этихъ буквъ слѣдовъ закона ассимиляціи слабыхъ ъ, ь слѣдующему слогу и представляетъ также примѣры измѣненія ь въ ъ послѣ ш, ж (но не послѣ ч, жд, шт).

Саввина книга выдѣляется изъ среды другихъ др.-ц.-слов. памятниковъ полнымъ отсутствіемъ замѣны ъ черезъ о и несомнѣнныхъ примѣровъ замѣны ь/е (е въ формѣ именемь, людеѭ, людемѣ—можетъ быть, морфологическаго происхожденія); пропускъ ъ и ь—на лицо; рядомъ—примѣры мѣны ъ, ь въ зависимости отъ характера слѣдующаго слога и примѣры измѣненія ь въ ъ подъ вліяніемъ предшествующаго согласнаго (ср. Щепкина Разсужденіе 150 и сл., Leskien Arch. XXVII, 15 и сл.).

Супрасльская рукопись знаетъ замѣну ь чрезъ е, но не замѣну ъ/о: на весь памятникъ находимъ лишь любокыниѥ, смококынааго, крѣпокѣ, каковые примѣры, вѣроятно, не имѣютъ отношенія къ языку писца; замѣна ь/е обычна въ первой части рукописи (1—209 лл. по изданію Миклошича), но—только въ словѣ дьнесь и въ формахъ предъ окончаніями -мь, -мѣ, -хъ основъ на і—нефонетическаго характера. Слѣды закона ассимиляціи ъ, ь слѣдующему слогу—рядомъ съ пропускомъ ъ, ь, который иногда наблюдается въ концѣ слова.

Хиландарскіе листки бо́льшею частью сохраняютъ старое ъ и ь слабые (кънигамѣ, тѣщіеѭ, чьтение, късего, благодатьное и т. п.), но въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняютъ старое ь черезъ ъ: тъмоѭ, непщіекакѣше, грѣхокъное, ракъно и т. п.; сильное ь измѣняется въ Хиландарскихъ листкахъ въ е, случаевъ съ сильнымъ ъ не наблюдается.

Въ листкахъ Ундольскаго замѣна ь чрезъ ъ является обычной: кꙑсѣ, полѣвѣ, пшеницѣ, купино, глинице и т. п.; въ отношеніи къ сильнымъ ъ, ь листки эти—въ такомъ же положеніи, что и Хиландарскіе.

Македонскій глаголическій листокъ знаетъ выпаденіе ъ и ь слабыхъ, въ случаяхъ же ихъ сохраненія обычно ставитъ ь вм. ъ (и передъ слогомъ съ твердымъ гласнымъ); ь сильное сохраняется въ немъ безъ измѣненія (случаевъ съ ъ сильнымъ нѣтъ).

Охридскіе глаголическіе листки отличаются послѣдовательнымъ сохраненіемъ ъ и ь сильныхъ (1 разъ—плана); наблюдаются слѣды мѣны ъ и ь въ зависимости отъ характера слѣдующаго слога и переходъ ь сильнаго въ е (случаевъ сильнаго ъ нѣтъ).

Македонскій кирилловскій листокъ употребляетъ на мѣстѣ ъ и ь исключительно ь, перехода ъ, ь сильныхъ въ о, е не находимъ.

Различія между памятниками относительно измѣненій ь/е и ъ/о, очевидно, основаны на различіи діалектовъ, которые въ этихъ памятникахъ отражаются. Мы видѣли памятники съ общимъ переходомъ ъ въ о и ь въ е, памятники съ переходомъ ь въ е, но съ сохраненіемъ ъ, и памятники, писцы которыхъ, повидимому, не знали въ своемъ говорѣ ни того, ни другого перехода (Савв., 2-я часть Супр., Макед. глагол. и Макед. кирилл. листокъ).

Примѣчаніе. Въ современномъ болгарскомъ языкѣ переходъ ъ сильнаго въ *о* наблюдается преимущественно въ западныхъ говорахъ, въ восточныхъ этотъ переходъ или не встрѣчается или же ограниченъ немногими случаями, напр. случаями съ суффиксомъ -ъкъ, формами *той, този, любовь, упуваніе* (изъ упов-); также переходъ ь въ е въ нѣкоторыхъ восточноболгарскихъ говорахъ ограниченъ суффиксальными слогами; можно думать, что случаи съ -ок въ вост.-болг. говорахъ отражаютъ вытѣсненіе суффикса -ъ*ж* суффиксомъ -ок-; въ примѣрахъ вродѣ родогь о, быть можетъ, праславянскаго происхожденія (ср. Розвадовскій въ Roczn. Slaw. VII, 14 с.; если конечное *os* давало *о*, то оно сохранилось въ родо-сѣ и т. д.; или же *rodosь—изъ *rodos-sĭ, а *orbotъ по аналогіи *rodo-sь и т. п.). По вопросу объ ъ, ь въ др.-ц.-слов. памятникахъ ср. «Studien» Ягича въ Arch. I, II, его же—Die Irrationalen Vocale въ Arch. XXII, Щепкина Разсужденіе, Лескина, Noch einmal ъ und ь in den altkirchenslavischen Denkmälern въ Arch. XXVII, 1—40 сс., 321—350 сс., 481—513 сс., Meillet въ Etudes 107—126 с., Rozwadowski въ Roczn. Sl. VII т. 14—18 с. Болѣе подробный обзоръ фактовъ памятниковъ можно найти также у Вондрака въ его Altkirchensl. Gr.², 268 и сл.

§ 55. Какъ уже было указано (въ § 2), *звуки* ѕ, и др.-ц.-сл. языка были двоякаго характера. Кромѣ рефлексовъ праславянскихъ первоначально-долгихъ у, і, буквы эти обозначали также *особые звуки*, которые нельзя отождествить со звуками указаннаго происхожденія. Звуковое

значеніе буквъ ѧ, и въ такихъ примѣрахъ, какъ бити, бѧти, не можетъ быть то же, что и въ биѭ, бии, крыѭ, крыи. Это видно, во-первыхъ, изъ того, что въ самыхъ др.-ц.-слов. памятникахъ находимъ рядомъ биѭ и бьѭ, чьстиѭ и чьстьѭ, дьние и дьнье, братиа и братьа, а во-вторыхъ, въ соотвѣтствіи др.-ц.-слов. бити, крыти—находимъ въ русскомъ *бить*, *крыть*, а въ соотвѣтствіи биѭ, бии, крыѭ, крыи—*бью*, *бей*, *крою*, *крой*.

Въ другихъ словянскихъ языкахъ на мѣстѣ такихъ др.-ц.-сл. ѧ, и находимъ или ы, и (у, і), или звуковой нуль, какъ въ русскомъ *бью* (=b'ju).

Прежде всего возникаетъ вопросъ о происхожденіи этихъ особыхъ ѧ, и.

Такіе случаи, какъ, напр., добрыи изъ *doьrъ+jь, синии изъ *sinь+jь, дѣлаютъ это происхожденіе яснымъ: ѧ, и въ данныхъ примѣрахъ получились изъ первоначальныхъ праслов. ъ, ь—въ положеніи предъ j.

Примѣчаніе. Формы прилагательныхъ опредѣленныя, какъ извѣстно, образовались прибавленіемъ къ краткой (именной) формѣ соотвѣтствующей падежной формы мѣстоименія *jь, *ja, *je: др.-ц.-сл. и(же), ꙗ(же), ѥ(же).

Такимъ же образомъ и формы род. мн. ч. *doьrъ+jichъ, *sinь+jichъ дали добрыихъ, синиихъ; форма имен. мн. ч. именъ м. р. основъ на -i *gostьje дала гостиѥ; форма род. мн. тѣхъ же именъ *gostьjь дала гостии; форма именъ ср. р. *izbavjenьje и т. п. дала избавленіе; формы им. ед. *bratrьja, *sǫdьji, *mlъnьji дали—братриа, сѫдии, мльнии; форма твор. пад. *kostьjǫ измѣнилась въ костиѭ; въ глагольныхъ формахъ примѣрами могутъ служить биѭ изъ *bjǫ, мыѭ изъ *mjǫ (ср. рус. бью, мою).

Примѣчаніе. Въ формѣ bjǫ—ь въ положеніи предъ j (j) можетъ восходить къ болѣе древнему e, измѣнившемуся въ ĭ, откуда —ь, подъ вліяніемъ слѣдующаго j (j), или же къ i: ср. др.-ц.-сл. биѭ и лит. vejù, но латыш. viju и лит. діал. vijù (ср. Эндзелинъ «Слав.-балт. эт.» 173 с.).

Въ дошедшихъ до насъ др.-ц.-слов. памятникахъ указанные припримѣры съ ѧ, и изъ ъ, ь, какъ уже было отчасти указано, являются также въ нѣсколько иномъ видѣ: рядомъ съ биѥши, костиѭ, братриа или братиа можно встрѣтить бьѥши, костьѭ, братрьа; рядомъ со сѧтыи, колии и т. п. встрѣчаемъ сѧтъи, колъи, а также сѧтои, колеи.

Въ тѣсномъ сочетаніи прѣдамь—и (изъ *perdamь—jь) ь первой формы также находилось предъ j и, слѣдовательно, также измѣнялось въ и; но рядомъ съ сочетаніемъ прѣдами-и мы находимъ также прѣдаме-и.

Какъ же должно понимать эти факты?

Въ такихъ написаніяхъ, какъ колии изъ *bolьjь-jь, синии изъ *sinjьjь, костиѭ изъ *kostьjǫ, биѭ изъ *bjǫ и т. п., очевидно, отражается фо-

нетическое измѣненіе, которое, вѣроятно, было извѣстно и др.-ц.-словянскимъ оригиналамъ. Это звукоизмѣненіе можно формулировать, какъ *переходъ редуцированнаго* ь *въ положеніи предъ* i̯ *или* j *въ гласный* і, переходъ, являющійся результатомъ ассимиляціи звука ь послѣдующему i̯ (j). Въ результатѣ такой же ассимиляціи ъ послѣдующему i̯ (j) получилось ѫ. Однако, это измѣненіе заключалось, повидимому, только въ измѣненіи ъ, ь въ звуки, болѣе закрытые, и не касалось количественной стороны звуковъ ъ, ь: они оставались редуцированными; такъ можно думать въ виду того, что въ живыхъ словянскихъ языкахъ, знающихъ то же измѣненіе ъ, ь въ *у*, *і* предъ i̯ (j), эти у, і въ извѣстныхъ условіяхъ исчезли вовсе: ср. русскія *бью*, *костью*, *ученье*, *братья* и т. п. (=bʹju, kostʹju и т. д.). На то же указываютъ и факты самого др.-ц.-сл. языка: въ Мар. Ев., напримѣръ, находимъ крение на мѣстѣ первоначальнаго крѣнїе; въ Glag. Cloc.—крокиѫ на мѣстѣ крькиѫ, т. е. предъ слогомъ съ и изъ ь—ъ и ь трактуются такъ же, какъ и предъ слогомъ съ редуцированными ъ, ь.

Примѣчаніе. Нѣкоторые изслѣдователи (Фортунатовъ, Шахматовъ, Ляпуновъ, Щепкинъ) принимаютъ, что измѣненіе ъ, ь предъ i̯ (j) въ редуцированные ъі, и произошло уже въ прасловянскую эпоху, такъ какъ эти звуки тамъ, гдѣ они не исчезли, дали почти во всѣхъ славянскихъ языкахъ одни и тѣ же рефлексы (у, і),—только въ великорусскомъ находимъ о, е; однако, эти послѣдніе—великорусскіе факты мѣшаютъ принять гипотезу Фортунатова. Ср. по этому вопросу Томсона въ Р. Ф. В. 1905 г., 250 с.

Редуцированные ѫ и ѭ, подобно редуцированнымъ ъ и ь, въ зависимости отъ положенія, могли быть сильными и слабыми. Сильными они были подъ удареніемъ или въ слогѣ предъ гласными редуцированными; въ такомъ положеніи они достигали полной краткости.

Такимъ образомъ, ѫ изъ ъ въ первомъ слогѣ словъ крькиѫ, мькиѫ, повидимому, было сильнымъ подъ удареніемъ и достигало полной краткости; такими же были ѫ и ѭ въ формахъ добрѫи, синѭи изъ *dobrъ-jь, *sinjь-jь въ виду того, что конечное и изъ jь стало неслоговымъ; то же нужно признать относительно gen. pl. запокѣдии, гостии, гостіи и т. п.

Однако въ др.-ц.-слов. памятникахъ, какъ ясно изъ предыдущаго, встрѣчаемъ и формы типа добрѫи, кольи, запокѣдьи, гостьи; такъ какъ мы не встрѣчаемъ формъ крькиѫ, мькиѫ, а исключительно крькиѫ, мькиѫ, то врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что формы эти,—гостьи, добрѫи и т. п.,—нефонетическаго происхожденія: подъ вліяніемъ формъ гостьмь, гостьхъ могла возникнуть форма гостьи, подъ вліяніемъ запокѣдьмь, запокѣдьхъ—форма запокѣдьи и подъ вліяніемъ краткихъ формъ прилагательныхъ добръ, синь могли возникнуть формы добрѫи, синѭи, съ

нефонетическими ъ, ь. Эти формы затѣмъ давали доброи, сини, гостеи, запокѣдеи.

Такого же нефонетическаго происхожденія приведенная выше форма прѣдамѣ-и (Мар. Ев.) при фонетической прѣдами-і (Glag. Cloz.): здѣсь ь, затѣмъ перешедшее въ е, возстановлялось подъ вліяніемъ формы прѣдамь, употреблявшейся внѣ данныхъ условій.

Въ иныхъ положеніяхъ, т. е. 1) не подъ ударѐніемъ, 2) не предъ слогомъ съ ъ, ь—можно предполагать *слабые* редуцированные ꙑ и и: напр. въ формахъ гостиѥ им. мн. ч., братриꙗ, чьстиѫ, крѣкиѫ, брьниѥ, плътиѫ.

Для слабаго ъі нельзя указать въ древне-церковно-словянскихъ памятникахъ вѣрныхъ примѣровъ.

Примѣчаніе. Въ напечатанномъ Срезневскимъ отрывкѣ Постной Тріоди русскаго извода находимъ: сумлю два раза при шмлѣши и т. п. (Извѣстія И. А. Н. X т., 446, 447 сс.). Но въ др.-церк.-словян. памятникахъ находимъ сумлиѫ, сумлѣши, сумлиѫтъ и т. п. (ср. Мар. Ев. Указатель—596 с.). Если редуцированное ъі было здѣсь первоначально въ положеніи слабаго (изъ *ѫтъjеši), то оно могло быть вытѣснено нефонетически сильнымъ у (ъі), проникшимъ изъ формъ млиѫ, млѣши, или даже у (ы) долгимъ (изъ формъ мліти, млѣхъ и т. п.).

Слабое и редуцированное обозначается въ др.-ц.-слов. памятникахъ чрезъ и и чрезъ ь, причемъ значеніе этихъ и, ь въ отдѣльныхъ памятникахъ не одинаково.

Если предположить, что въ др.-ц.-слов. первооригиналахъ слабое и такъ же, какъ и сильное, обозначалось буквой и, то не исключена возможность, что очень рано на мѣстѣ этого и въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло являться ь.

Не говоря о томъ, что слабое и до своего исчезновенія, хотя бы въ нѣкоторыхъ говорахъ, могло въ акустическомъ впечатлѣніи совпадать со слабымъ ь, формы костьиѫ и т. п. могли явиться подъ вліяніемъ кость или костьми; подъ вліяніемъ формъ гостьи, гостьмъ, гостьхъ (въ первую форму ь проникало изъ послѣднихъ двухъ) могло явиться, по крайней мѣрѣ на письмѣ, гостьѥ. Наконецъ, встрѣчая въ своемъ оригиналѣ, отражавшемъ иной говоръ, гости, съ сильнымъ ь, и имѣя въ соотвѣтствіи этой формѣ въ своемъ говорѣ гостии съ сильнымъ и, писецъ могъ сбиваться и въ написаніи формы им. п. мн. ч. гостиѥ со слабымъ и и писать гостьѥ.

По отношенію къ положенію слабаго и предъ -ії должно замѣтить что въ этомъ положеніи и слабое, повидимому, очень рано стягивалось съ послѣдующимъ і въ одно и вслѣдствіе выпаденія ї: ср. въ др.-ц.-сл.

памятникахъ такіе примѣры, какъ къ отечьствѹ (Acc.), къ ц҃ѹтѹ кѫжи (Савв.), сѫдн им. ед. (Савв.),; на распѫтиѭх (Савв.).

Примѣчаніе. По вопросу о редуцированныхъ ѫ, ѣ ср. въ Разсужденіи Щепкина, 235 и сл., Изслѣдованіи Ляпунова, 119 и сл., у Шахматова, «Къ вопросу о различіи іота и неслогового і» въ Р. Ф. В. за 1903 г., въ его же статьѣ Die gespannten (engen) Vocale $\hat{z}$ und $\hat{ь}$ im Urslavischen, Arch. XXXI, 481 и сл. и въ Энцикл. сл. ф., вып. 11,1 § 32 и сл.; у Вондрака Altkirchensl. Gr.², 222 и слѣд. Освѣщеніе вопроса у Шахматова значительно расходится съ приведеннымъ выше. Мысль Шахматова, что «напряженные ъ и ь» являлись на мѣстѣ первоначальнаго конечнаго -ī, и притомъ не только послѣ j (въ дан, тон изъ *daji̯ī, *toi̯ī), но и послѣ другихъ согласныхъ (въ кѫдн, дати и т. п.), считаемъ недоказанной: *daji̯ī могло дать *daī, откуда *daj; въ Ассем. Ев., гдѣ пропускъ конечныхъ ъ, ь — обычное явленіе, конечное и въ кѫдн, дати и т. п. никогда не пропускается, какъ ожидали бы въ виду предположенія Шахматова; въ Супрасл. рук. также не находимъ такого пропуска, хотя встрѣчаемъ акѣс вм. акыс и т. п. «Напряженные ъ и ь» получались, по Шахматову, также изъ всякаго долгаго у и і передъ j: крѫжѫ, мѫжѫ изъ *krūjǫ, *mūjǫ съ долгимъ у: но здѣсь у редуцированное или напряженное ъ могло получиться и изъ ъ, т. е. ŭ: ср. чередованіе ū въ infinit. и ŭ въ praes. въ латышскихъ формахъ krūtēs, mūtēs infin. при krujuos, mujuos praes. (изъ *mъjǫ въ русскомъ можно было бы ожидать м'ю въ виду переноса ударенія съ краткаго слога на конечный, но форма съ удареніемъ корня могла получиться подъ вліяніемъ такихъ глаголовъ, какъ *знаю, сѣю, вѣю, грѣю* и т. п.). Напротивъ, великорусскіе факты рефлексомъ праславянскаго ū — противорѣчатъ мысли о его редукціи (ср. *кій* лит. kúǰis).

Обратимся къ отдѣльнымъ памятникамъ:

Въ *Кіевскомъ М.* слабое і выражается обычно буквою и: милостиѭ (5 разъ), кѫлитиѣ, избавлениѣ, издрѣшениѣ и т. п.

При этомъ преобладающемъ -и- (28 примѣровъ) находимъ однако ь: милостьѭ (4 раза), помощьѭ, чьстьѭ (2 раза). Такъ какъ К. М. не знаетъ ни одного случая пропуска ъ, ь слабыхъ (ср. выше, § 53), то не должно видѣть въ этихъ послѣднихъ примѣрахъ указанія на исчезновеніе въ языкѣ писца К. Миссала слабаго ь; формы чьстьѭ и т. п. могли явиться подъ вліяніемъ чьсть, чьстьми или же подъ вліяніемъ отношеній гость : гостьмь : гостьми, параллельныхъ отношеніямъ чьсть : чьстьѭ : чьстьми.

Сильное і въ Кіев. М. выражается то буквой и, то буквой ь: зимн, скврьностиѭ, людиѭ и сьи, запокѣдьи.

Примѣчаніе. Глаголическое ⰶ, обыкновенно, передаютъ кирилловскимъ и, глаголическое ⰵ — кирилловскимъ і, а глаголическое ⰻ — знакомъ *ı*, вмѣсто котораго мы будемъ употреблять знакъ і.

Въ послѣднихъ примѣрахъ сильное і редуцированное вытѣснено сильнымъ ь подъ вліяніемъ аналогіи (гь, запокѣдьмѫ—запокѣдьхѫ).

Сильное ѫ редуцированное также вытѣснялось благодаря вліянію аналогіи сильнымъ ъ: въ Кіевскомъ М. находимъ формы: кѣсемогѫи и милостикѫ, кѣсемогѫ, кѣчьнѫ; въ послѣднихъ 3 формахъ ъ, несомнѣнно, обозначаетъ сочетаніе ъ+и (ъ+ji), такъ какъ одинъ звукъ ъ (лат. буква y) обозначается въ этомъ памятникѣ написаніемъ ѫи (напр. ѫи, тѫи, кѫити).

Въ *Зографскомъ Ев.* относительно обозначенія і слабаго (редуцированнаго) замѣчаемъ колебаніе: въ Ев. Матѳея и Іоанна ь наблюдается лишь въ единичныхъ случаяхъ, въ Ев. Марка и Луки, наоборотъ, предпочтеніе отдается ь, хотя нерѣдко наблюдается и и: каменье, знаменье и т. п., но и зѫдание, сѫматинѣ и т. п. При этомъ почти не встрѣчается написаніе -ьи на мѣстѣ -ии, быть можетъ, потому, что въ языкѣ -іji стянулось въ і (ср. Шахматовъ, Arch. XXXI, 490 с.): ср. о оучени, по кѫскрѣсенокени и т. п.

Такъ какъ въ Зогр. Ев. находимъ очень много примѣровъ выпаденія слабыхъ ъ, ь (кто, что, много и т. д.), то написанія знаменье, каменье и т. п. можно читать, какъ znamenje, kamenje; характерны такіе примѣры, какъ колѧкѣ 3 л. ед. ч. аор.=кѫлѧ (кѫлити); измѣненіе кѫ въ ко указываетъ на утрату въ слѣдующемъ слогѣ, т. е. на то, что буква и, какъ и буква ь, не обозначала какого-либо звука въ говорѣ писца.

Сильное и (редуцир.) въ Зографскомъ Ев. отчасти сохраняется въ видѣ и и иногда стягивается съ послѣдующимъ и въ одно и, отчасти вытѣсняется благодаря аналогіи сильнымъ ь, которое измѣняется затѣмъ въ е: колѣни, келѣи и келѣи, третѣи, колѣи и крѣплѣи. Такіе же варіанты находимъ и относительно ѫ сильнаго; очень часто—докрѫі, зѫлѫі и т. п. при болѣе рѣдкомъ когатѫі, благѫі; однажды встрѣчаемъ истинѣнѫин; повидимому, ъі должно читать, какъ ъ+и (ъ+ji), и изъ такихъ формъ получились и встрѣчающіяся въ Зограф. Ев. формы на -ои: сѫатои; между тѣмъ формы когатѫі, благѫі, очевидно, представляютъ въ своемъ ъі—одинъ звукъ ъ (лат. буква y), получившійся чрезъ стяженіе ѫи; написанія ъі встрѣчаются и въ формахъ косвенныхъ падежей: жикѫімь, мрѫтвѫіхѫ и т. п.

Примѣчаніе. Нѣтъ основанія видѣть въ ъі послѣднихъ формъ сокращенное написаніе ъі, какъ думаетъ Лескинъ Handbuch[5], 109 с. въ виду того, что въ основахъ -jo послѣдовательно пишется ии: вѣдь и въ nom. s. написаніе -ьи очень рѣдко, тогда какъ ъі очень часто.

Въ *Маріинскомъ Ев.* и слабое чаще выражается буквой и, рѣже буквой ь: бѣенѫ, дьнье, змьиѫ, аѳье и т. п. при болѣе частыхъ зна-

мение, лиѣти, абие и т. п. Написанія брение, денье, лестьіж, косиѣкъшю, цѣсарестъкье показываютъ, что и буква и, и буква ь въ языкѣ писца, вѣроятно, уже не имѣли звукового значенія: на это указываетъ вокализація ь, ъ въ предыдущемъ слогѣ (брьние, дьние, льстиіж и т. д.).

Примѣчаніе. Иначе пришлось бы видѣть въ такихъ формахъ искусственную комбинацію народнаго и церковнаго произношенія: съ ѣ, о въ первомъ слогѣ изъ народнаго говора и редуцированнымъ и въ слѣдующемъ слогѣ изъ церковнаго произношенія.

Какъ и въ Зогр. Ев., сочетаніе ьи съ конечнымъ і полнаго образованія не встрѣчается,—ии стягивается въ и: къ рождении, къ трапѣни и т. п. Сильное и замѣняется нефонетически сильнымъ ь, которое однако всегда переходитъ въ ѣ: колии и колѣи, людии и людѣи, бжии и божеи. Что касается сильнаго ъі, то Маріинское Ев., въ противоположность Зографскому Ев., обычно употребляетъ формы типа доброіи и доброі,—въ послѣдней формѣ ъі представляетъ, очевидно, результатъ стяженія іи; однако, встрѣчаются въ Мар. Ев. и формы типа скатои, гдѣ -ои получилось изъ ъі. Интересные примѣры измѣненія ъ въ ъі Мар. Ев. даетъ по отношенію къ конечному ъ, когда оно находилось въ тѣсномъ сочетаніи съ послѣдующимъ ji: кіі-истинѣ изъ *vъ-jistině, поставитъі-и изъ *postavitъ+jь и т. п. Если послѣдняя форма параллельна по образованію формѣ скатіи изъ *svętъ-jь, то формѣ колѣи изъ *boljь+jь параллельно сочетаніе прѣдаме-и Маріинскаго Ев. изъ *perdamь+jь: ср. Glag. Cloz. прѣдамі-и.

Въ *Сборникъ Клоца* въ обозначеніи и слабаго преобладаетъ ь, иногда на его мѣстѣ—ъ: абье, порожденью, паданьемѣ, покелѣньемѣ, небіітже, ноштіж; однако встрѣчаются формы съ и: божиѣ, божию, цѣрѣткне и т. п. Стяженныя формы съ и изъ іі—рядомъ съ полными: испитанимь, благцанимь, но—къ смѣрении, къ имѣнии, встрѣчается и -ьи: о прѣданьи, пеаньимъ; вмѣстѣ съ Шахматовымъ (Arch. XXXI, 491 с.) можно разсматривать эти послѣдніе примѣры (-ьи), какъ новообразованія, явившіяся подъ вліяніемъ -ье, -ьіа, -ью. Относительно и, іі сильныхъ находимъ такіе же варіанты, какъ и въ Зогр., Мар.: лоучіи, колии, лоучи, оукрашеи, лоучіи съ ъ на мѣстѣ ь, непракедьніи, блаженіі со стяженіемъ и т. п.

Примѣры: прѣдамі-и, памати-имѣ (вм. память-имѣ), кіі-испракленью, кіі-испазніти, повидимому, перенесены писцомъ изъ оригинала; въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ и, іі изъ ь, ъ были, вѣроятно, слабыми.

Ассем. Ев. отличается отъ другихъ глаголическихъ памятниковъ послѣдовательнымъ употребленіемъ и для обозначенія и слабаго: братиѣ, оученне, пиете, пиіж, субиеши и т. д.

При оцѣнкѣ звукового значенія этихъ написаній слѣдуетъ однако принимать во вниманіе такіе примѣры, какъ денне им. мн. вм. дьнье, лестиѫ вм. льстиѫ, шесткие вм. шьсткие и т. п.—ср. выше по поводу аналогичныхъ формъ Мар. Евангелія.

На стяженіе группы -іїі въ и указываютъ не только такіе примѣры, какъ келиꙗ=келиннꙗ, но и случаи постановки ии на мѣстѣ стараго и: при корении, къ гр҃дциихъ=къ гр҃дцихъ. Сильное и: болии, людии и болеи, дѣтеи. Сильное ꙑ: формъ на -ои не находимъ, а лишь формы на -ꙑ, -ꙑи при болѣе рѣдкомъ -ꙑи; первые два вида написаній -ꙑ, -ꙑи, можетъ быть, выражали стяженное ъı, такъ какъ звукъ ъı (у) въ Ассем. Ев. можетъ обозначаться какъ написаніемъ ъı, такъ и написаніемъ ꙑи; тутъ же находимъ, какъ и въ Мар. Ев., примѣры: ꙑи изъ ъ+jь въ тѣсномъ сочетаніи словъ: оубиѫтъи-ı, къзмꙑи-и.

Въ *Синайской Пс.* въ обозначеніи и слабаго находимъ колебаніе между и и ь, послѣднее, какъ въ Glag. Cloz., можетъ замѣняться чрезъ ъ: достоѣнъе, зъканъе и т. п. Сочетаніе -іїі можетъ являться въ видѣ -ьи: къ хвалены. Сильное и: жрѣкии, жрѣкьи, дьньи gen. pl., кельи, келеи, людеи gen. pl. и т. п. Сильное ꙑ: живꙑи, крꙑкꙑ (стяженіе) и благои, лжкавои, изкедои и т. п.

Синайскій Молитвенникъ послѣдовательно употребляетъ написанія -ие, -иѣ, -иѩ, -иѫ, но въ то же время -ьи, -ью; сочетанія -ьѣ, -ьѩ, встрѣчаются, какъ рѣдкія исключенія, сочетаніе -ии также—рѣдко. Разница въ обычномъ обозначеніи рефлекса слабаго и предъ -i̯і и предъ -i̯ǫ, съ одной стороны, и предъ -i̯е, -i̯а, -i̯ǫ—съ другой, объясняется, по мнѣнію Шахматова (Arch. XXXI, 494 с.), тѣмъ, что въ говорѣ писца предъ -і и й, которое скрывалось (взглядъ Фортунатова) подъ ю, і̯ исчезло, а предъ иными гласными сохранялось, т. е. написанію братиа въ говорѣ писца соотвѣтствовало bratia, а написаніямъ братьи, распѧтью—bratі, raspętiü. Что подъ написаніями -иа, -ие, -иѩ и т. д. скрывались уже сочетанія -i̯а, -i̯е, -i̯ǫ, показываютъ примѣры: любокиѫ изъ любꙑкиѫ, бездениѣ изъ бездьниѣ и т. п. Сильное и: формы съ -ии рѣдки, какъ и формы съ -ьи; обыкновенно находимъ -еи; сильное ꙑ: при рѣдкихъ формахъ на ꙑи довольно часты формы на -ꙑи и еще чаще на ꙑ (стяженіе); -ои Вондракъ Altk. Gr.², 238 с. отмѣчаетъ всего въ двухъ примѣрахъ: приѣнои, сѫтои.

Супрасльская рукопись въ обозначеніи и слабаго распадается на двѣ части: въ первой, бо́льшей по объему, ь употребляется рѣдко, главнымъ образомъ послѣ слога съ ъ или ь (напр. тꙑчьиѫ), обычно же -и (ср. Arch. XXXI, 491 с.); во второй части чаще употребляется ь, иногда оно замѣняется чрезъ ’,—аѣе, испракьиѣиꙗ. Очевидно, что и пришествие

изъ пришьствиѥ, цѣсарьствиѥ изъ цѣсарьствиѥ должно по отношенію къ говору писца читать, какъ prišestvje, cěsarestvje, и здѣсь обязано своимъ существованіемъ графической традиціи. Сильное и, хі: коліи, трєтиі, бжіи, стіхіи, прѣкіи, благіи, слабьніи, встрѣчаются и формы съ ъі, т. е. стяженныя.

Саввина книга въ обозначеніи и слабаго очень послѣдовательно проводитъ одинъ пріемъ: -и. Примѣры—кьлиша, кьпиетъ, кьпиша, кьпишахъ, отмѣчаемые Щепкинымъ, Разсужд. 239 с., не указываютъ на слабое ъ въ слогѣ кх (ср. выше, § 53) и слѣдовательно на сильное (редуцированное) и, такъ какъ -кь могло въ этихъ примѣрахъ явиться подъ вліяніемъ кьлити, кьпити (изъ кхлити, кхпити). Сильное и является въ видѣ и и въ видѣ ь: мьніи, єкиніи и кольи, искрьніи, дьніи gen. pl.; сильное ъі обычно—въ видѣ ъі (изъ стяженія).

Въ *Остромировомъ Ев.* правиломъ является на мѣстѣ слабаго и—и; исключенія единичны: цркъвь 215, обьемлютъ 231. (Ср. Шахматовъ, Arch. XXXI, 487 с.). Сильное и, хі: бжіи, истиньніи, чловѣчіи и видѣкхи, сѣшьдхи, чакчьи.

Хиландарскіе листки въ обозначеніи слабаго и предпочитаютъ и, но изрѣдка имѣютъ ь: зизаньи, дыкола, накіченьиѥ и др. при оученика, крщиѥнье, подобію и т. п. Сильное и, хі: дѣканіи gen. pl., оученіи, благочестьніихъ gen. pl., морскіи nom. s.

Листки Ундольскаго употребляютъ -и на мѣстѣ и слабаго, какъ и *Македонскій кирилловскій* листокъ и *листки Охридскаго Ев.* Въ *глаголическомъ Македонскомъ листкѣ* преобладаетъ ь на мѣстѣ и слабаго, рѣже -и.

Примѣчаніе. Шахматовъ по отношенію къ напряженному ь различаетъ среди др.-ц.-слов. памятниковъ двѣ группы (какъ и Щепкинъ, Разсужд. 239 с.): къ первой относятся Савв. книга и Остромирово Ев., не измѣняющія ъ, ь въ сильной позиціи въ чистое о, е; ко второй—остальные; въ первой группѣ ь напряженное слабое выражается буквой и, во второй находимъ уже ь на мѣстѣ ь напряженнаго слабаго, что Ш. ставитъ въ связь съ исчезновеніемъ въ языкѣ писцовъ какъ ь, такъ и ь напряж. въ слабомъ положеніи.

Однако мы видѣли, что Асс. Ев., относящееся ко второй группѣ, послѣдовательно употребляетъ и на мѣстѣ ь напряж. слабаго. Съ другой стороны, въ Савв. книгѣ пропускъ ъ, ь слабыхъ—такое обычное явленіе, что нельзя сомнѣваться въ исчезновеніи ихъ въ говорѣ писца, а слѣдовательно трудно думать, чтобы въ говорѣ его еще сохранялось слабое ь напряж.; повидимому, и въ Савв. книгѣ въ крьніе и т. п. обозначало то же, что и въ Ассем. Ев.,—і.

§ 56. Въ соотвѣтствіи прасл. слоговымъ *ъr̥, *ъl̥, *ъr̥, *ъl̥, которые имѣли мѣсто между согласными, въ др.-ц.-сл. памятникахъ находимъ написанія рѣ, лѣ, рх, лх. Въ русскомъ языкѣ, въ соотвѣтствіи тѣмъ же прасл. слоговымъ, находимъ сочетанія е, о+р, л, въ др.-русскомъ—ь, ъ+р, л.

Такимъ образомъ, др.-ц.-словянскому ѥмрьть, тврьдъ соотвѣтствуютъ р. *смерть*, *твердъ*; др.-ц.-слов. скрькь—р. *скорбъ*; др.-ц.-сл. влькъ (Зогр. Ев.)—р. *волкъ*; въ соотвѣтствіи др.-ц.-сл. длъгъ—р. *долгъ*.

Предъ нами является вопросъ: что именно скрывалось подъ др.-ц.-словянскими написаніями въ указанныхъ случаяхъ?

Тѣ же написанія рь, ръ, ль, лъ находимъ въ др.-ц.-сл. памятникахъ и въ тѣхъ сочетаніяхъ, кои соотвѣтствуютъ праславянскимъ—гь, гъ, lь, lъ и русскимъ *ре*, *ро*, *ле*, *ло*. Такъ, др.-ц.-сл. крькь, къде-крьвь, плъть, слъза соотвѣтствуетъ русскимъ *кровь*, *воскресъ*, *плоть*, *слеза*.

Однако написанія ръ, рь, лъ, ль въ случаяхъ первой категоріи (ѥмрьть—р. *смерть* и т. п.) и въ случаяхъ второй категоріи (крькь—русск. *кровь* и т. п.) имѣли неодинаковое значеніе. На это указываютъ данныя самихъ др.-ц.-сл. памятниковъ.

Въ Кіевскомъ Миссалѣ еще нельзя подмѣтить никакого различія между примѣрами первой и второй категоріи; ъ и ь не подвергаются въ этомъ памятникѣ никакимъ измѣненіямъ и не смѣшиваются между собою ни въ такихъ случаяхъ, какъ крькь—крьви, ни въ такихъ, какъ ѥмрьть—ѥмрьти; пишется правильно крьви, въплътити (ср. русск. *крови*, *воплотить*), а также: ѥкврьности (ср. р. *скверность*), оутврьдї (ср. р. *утвердить*), срьдьцѣ (р. *сердца*), дрьжимъ (р. *держимъ*), скрьбьнї (р. *скорбный*). Въ словѣ напльнєнї—ь Кіевскаго Миссала является болѣе старымъ, чѣмъ ъ въ др.-русскомъ *пълнъ*: ср. лит. pìlnas.

Обращаясь къ Зографскому Ев., замѣчаемъ уже нѣкоторое различіе между тѣми группами рь, ръ, ль, лъ между согласными, которымъ соотвѣтствуютъ русскія сочетанія *ор*, *ол*, *ер*, *ел*, и тѣми, кои имѣютъ своимъ соотвѣтствіемъ русскія *ро*, *ло*, *ре*, *ле*.

1. Въ группахъ рь, лъ, рь, ль изъ праславянскихъ *гъ, *lъ, *гь, *lь (русск. *ро*, *ло*, *ре*, *ле*), если въ слѣдующемъ слогѣ стоятъ опять таки ъ, ь или редуцированное і—слабые,—ъ и ь всегда строго различаются, никогда не смѣшиваются между собою: пишется крькь (р. *бровь*), крькь (русск. *кровь*), плъть (русск. *плоть*), врьнѣ, трьхъ (русск. *трехъ*); это различіе бо́льшею частью сохранено и въ тѣхъ случаяхъ, когда сочетаніе рь(рь, лъ, ль) стоитъ предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія, хотя въ этихъ случаяхъ изрѣдка находимъ уже смѣшеніе ъ и ь: правильно пишется въ заимствованномъ изъ греческаго языка словѣ крьстъ -ь и такъ же пишется съ ь глаголъ крьстити, правильно пишется блъштати (ср. рус. *блестѣть*), клънѫ (рус. *клену*—старше, чѣмъ *клянy*), трьми (ср. р. *тремя*), плькати (русс. *плевать*); однако находимъ и къде-крьстѧти вмѣсто ожидаемаго къде-крьстѧти.

Значеніе этихъ фактовъ понятно: въ разсматриваемыхъ группахъ ъ и ь имѣли ту же судьбу, что и послѣ иныхъ согласныхъ (ср. § 53); въ положеніи предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія они были слабыми, и потому ь предъ твердымъ слогомъ могло измѣняться въ ъ; но въ положеніи предъ слогомъ съ ъ, ь слабыми—ъ и ь въ указанныхъ сочетаніяхъ ръ, рь, лъ, ль были сильными и потому смѣшиваться не могли.

2. Если бы написанія ръ, рь, лъ, ль въ словахъ второй категоріи (прасл. ъ̯р, ь̯р, ъ̯л, ь̯л, русск. *ор*, *ер*, *ол*) означали въ древне-церк.-славянскихъ памятникахъ то же самое, что и въ словахъ первой (см. 1) категоріи, то ожидали бы столь же строгаго различенія между ъ и ь и тутъ,—въ томъ положеніи, когда далѣе слѣдуетъ ъ, ь. Однако этого какъ разъ и не находимъ: въ Зогр. Ев. пишется прькъ и прькъ,—правильно, конечно, второе (ср. русс. *первый*), срьдьце и срьдьце (ср. русс. *сердце*), смрьть вмѣсто болѣе правильнаго смрьть (р. *смерть*), прьстъ (вм. прьстъ, р. *перстъ*). Такія же формы найдемъ и въ другихъ др.-ц.-сл. памятникахъ: Мар. срьдьце, срьдце, смрьть; въ Остром. Ев.: мрьтвъ, жрьнъвъ, (ср. Дополненія къ грамм. Лескина 1890 г.); Glag. Cloz. срьдьце, срьдца, смрьть; Син. Мол. срьдьце; наоборотъ, въ Савв. кн. находимъ скрькы вм. скрыкы. Такое же неразличеніе ъ и ь найдемъ, конечно, въ этихъ сочетаніяхъ и предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія, т. е. смрьти, жрьтва, дрьжати,—какъ въ Зогр. Ев., такъ и въ другихъ памятникахъ.

Примѣчаніе. Въ Зографскомъ Ев. обычно пишется клькъ, клька и т. п., что является болѣе древнимъ, чѣмъ клъкъ (Маріинск. и др.): ср. польское wilk и лит. vil̃kas. Въ Савв. кн. находимъ также клькъ, но млъчати, тогда какъ въ Зографскомъ—мльчати: ср. пол. milczeć. Повидимому, въ нѣкоторыхъ говорахъ, отражающихся въ др.-ц.-слов. памятникахъ, старое ъ̯л сохранялось въ условіяхъ приблизительно тѣхъ же, что и въ польскомъ языкѣ (послѣ губныхъ не передъ твердымъ зубнымъ): ср. van Wijk въ I. F. XXXV, 342—346 сс. Передъ твердымъ зубнымъ ъ̯л измѣнялось въ ъ̯л: фонетической является форма Зогр. и Савв. плъкъ и т. п. при испльнити и т. п.; подъ вліяніемъ плъкъ и т. п. являлись, однако, и формы вродѣ напльнити очень рано.

Ясно, что въ случаяхъ второй категоріи (р. *ор*, *ол*, *ер*) написанія ръ, рь, лъ, ль обозначали не то, что въ случаяхъ первой категоріи. Выводъ этотъ подтверждается еще однимъ обстоятельствомъ: въ случаяхъ первой категоріи ъ и ь въ положеніи предъ слогомъ съ ъ и ь (или i+j) могутъ измѣняться въ др.-ц.-сл. памятникахъ въ о, е, какъ и послѣ иныхъ согласныхъ: въ Мар. Ев. находимъ крѣние изъ *Ьгьпье, кѣкрѣсѣ изъ болѣе древняго кѣкрьсѣ, въ Glag. Cloz. находимъ крестъ изъ

крьсти, кробиѭ изъ прасл. *krъvьjǫ, кѣкрѣсѣшюмоу изъ кѣкрьсѣшюмоу, въ Асс. Ев.—кѣкрѣсѣ, въ Син. Пс. кренне, слезѣ (изъ слѣзѣ), кѣкрѣсѣ, кровь, плѣть (изъ плѣть), поскрежьштетѣ изъ поскрьжьштетѣ, въ Син. Мол. кренне, слезѣ.

Между тѣмъ ни въ одномъ изъ указанныхъ памятниковъ, несмотря на ихъ значительный объемъ, нельзя указать положительно ни одного примѣра, гдѣ бы такому измѣненію въ такомъ же положеніи подвергся ъ или ь въ сочетаніяхъ рѫ, рь, лѫ, ль второй категоріи, т. е. изъ прасл. *ŕ и т. п. (р. *ор* и т. д.); невозможно какое-нибудь *скробъ*, *чревъ* изъ скрѫбь, чрѣвь. Изъ этого ясно, что въ написаніяхъ скрѫбь, чрѣвь, плѣнь, тврьдь, смрьть и т. п. ъ и ь не обозначали слоговыхъ звуковъ, которые въ силу ослабленія конечныхъ ъ, ь могли усилиться и измѣниться въ гласные полнаго образованія.

Повидимому, подъ написаніями рѫ, рь, лѫ, ль въ такихъ словахъ (скрѫбь, чрѣвь и т. п.) скрывались слоговые r̥, l̥ различной звуковой окраски или, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи,—слоговые r, l, сопровождавшіеся переходнымъ неслоговымъ гласнымъ, твердымъ или мягкимъ.

Разумѣется, звуковые элементы, скрывавшіеся подъ написаніями рѫ, рь, лѫ, ль въ словахъ скрѫбь и т. п., не были вполнѣ тожественными съ сочетаніями гъ и т. д. въ крѣвь, крѣви и т. п., но тѣ и другія были въ извѣстной степени сходными на слухъ, чѣмъ и объясняется одинаковое изображеніе ихъ въ др.-ц.-словянской письменности.

Примѣчаніе. Ср. по этому вопросу у Фортунатова «О составѣ Остромирова Ев.», 22 с.; Meillet въ Gött. g. Anz., 1910 г. № 5, 370 с.; Шахматова въ Энцикл. слов. ф. 11,1 в., 48 с.

§ 57. Относительно болѣе поздней эпохи въ др.-ц.-сл. письменности можно предположить отожествленіе r̥, l̥ различной звуковой окраски и сочетаній гъ, гь, лъ, ль въ живомъ произношеніи писцовъ, какъ основаніе одинаковаго правописанія.

Въ текстахъ XI вѣка—въ Маріинскомъ Ев., Клоц. Сб., Ассем. Ев., Синайск. Пс., Синайск. Мол., Супр., Савв. и др.—первоначальное различіе между ъ и ь въ формѣ типа крѣви, крѣсти, плѣти утрачено. Въ Мар. пишется крѣстишѧ, крѣштѣше, слѣзами, дрѣколѣми—съ ѣ вм. ь (ср. соотвѣтствующія русскія формы), въ Glag. Cloz.—крѣстѣ (и подъ вліяніемъ такихъ формъ—крѣсти), въ Ассем. крѣстити, кѣкрѣснѫти, въ Син. Псал. поскрѣснѫти, кѣкрѣсни и, наоборотъ,—крьви вм. крѣви; въ Хил. л.л. крѣщение, крѣстикѣмъ; въ Савв. кн.—крьве, крьви при крѣви, крѣсть при плѣть и слѣзами при слѣзами; въ Супр. рук. крѣста и крѣста,

скрижетх, крщтенна и плъть; даже въ Надписи 993 г. читаемъ на крщтѣхх.

Примѣчаніе. Если въ Супрасл. рукописи и можно подмѣтить въ большинствѣ случаевъ постановку ъ вм. ь передъ твердымъ слогомъ, то немалое количество отступленій указываетъ на то, что это вліяніе слѣдующаго слога имѣло мѣсто не въ говорѣ писца, а въ языкѣ его оригинала. Иначе—Обнорскій въ Изв. XVII, 4 кн., 333—384 сс.

Съ нѣкоторой вѣроятностью можно предполагать, что въ этихъ фактахъ отражается измѣненіе первоначальныхъ группъ ръ и т. д. съ неслоговыми r, l—въ слоговые ŗ, ļ. Такое предположеніе поддерживается и нѣкоторыми иными фактами. 1. Въ памятникахъ XI вѣка встрѣчаемъ, правда, небольшое количество случаевъ пропуска ъ, ь въ разсматриваемыхъ группахъ на письмѣ; такъ, въ Мар. Ев. Ягичъ отмѣчаетъ—крк, кретителѣ, сутрни; то же—въ группахъ рх, рь и т. д. изъ праслов. ъr, ьr и т. д.: милосрдоуіѫ, милосрдокахъ, скрнаштаа, о цркки Мар. Ев. 433 с. Въ Glag. Cloz. находимъ крстх (2 раза), крста (2 раза), крстѣ; въ группахъ рх, рь изъ прасл. ъr, ьr —то же: цркки, кх цркки.

Сами по себѣ приведенные случаи настолько немногочисленны, что могли бы быть приняты за описки, если бы на измѣненіе группъ рх, рь и т. п. въ слоговое ŗ не указывалъ также Македонскій листокъ,—памятникъ, по палеографическимъ примѣтамъ, XI вѣка: въ немъ находимъ написанія кьрхъ, пьлти, дьрзостиѫ, дьрзь, гьрдь, дьлжаіе; въ формахъ 1, 3, 4, 5, 6 написанія ьр, ьл обозначаютъ ŗ, ļ, явившіяся изъ старыхъ сочетаній рх, лх съ искони слоговыми ŗ, ļ, (ср. русск. верхъ, дерзкій, гордый, долгъ); форма пьлти показываетъ, что такое же ļ явилось и на мѣстѣ стараго лх съ неслоговымъ l.

Для XII—XIII вѣка ŗ, ļ на мѣстѣ прасл. гъ, l, гь, lь въ болгарской письменности уже не подлежатъ сомнѣнію. Явившись первоначально предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія, эти слоговые ŗ, ļ затѣмъ проникли и въ тѣ положенія, гдѣ фонетически получилось ро, ре, ло, ле, т. е. подъ вліяніемъ крки, крста со слоговымъ р явились и крк(ъ), крст(х), вытѣснивъ фонетическое крокъ (или крхкъ со слоговымъ нормальной краткости ъ), крст(х). Отражаетъ-ли крстх Сборника Клоца живое krst, или же р представляетъ лишь графическую аналогію, рѣшить трудно.

Примѣчаніе. По отношенію къ Савв. книгѣ, изъ которой выше было приведено скрькь, должно замѣтить, что написаніе рь въ этомъ памятникѣ вообще сильно преобладаетъ надъ рх, какъ въ примѣрахъ типа крхки, такъ и въ примѣрахъ типа скрхки, (что Щепкинъ объясняетъ особой природой слогового р, получившагося въ тѣхъ и другихъ сочетаніяхъ.—Разсужденіе, 219 с.).

Ср. по данному вопросу—о сочетаніяхъ плавныхъ съ ъ, ь и слоговыхъ r, l—Ляпунова: Изслѣдованіе, 245 и сл., Шахматова: Къ исторіи звуковъ рус-

скаго языка. О полногласіи, 1 и сл., 137 и сл., 178 с., Лескина: Handbuch[5], 34—39 сс. и Grammatik 64 с.; Вондрака: Altk.-sl. Gr.[2], 160 и сл.

§ 58. *Праслов.* ǫ, ę сохранялись въ др.-ц.-сл. языкѣ, какъ носовые о, е; это ясно изъ анализа глаголическихъ начертаній для носовыхъ звуковъ: первую часть глаголическаго ѫ (ǫ) составляетъ буква о, первую же часть глаголическаго ѧ (ę)—буква ѥ. Вторая часть этихъ знаковъ—Ꙗ первоначально, повидимому, обозначала носовой характеръ гласнаго, и знакъ Ꙗ одинаково обозначалъ ѧ и ѩ, (какъ Э обозначало ѥ и ѥ): въ древнѣйшемъ церк.-слов. памятникѣ—Кіевскомъ М. находимъ именно такое употребленіе этого знака; въ другихъ памятникахъ онъ употребляется лишь для обозначенія ѩ, а вторая часть его—для обозначенія ѧ. Ту же, болѣе древнюю, стадію развитія глаголической графики, что и Кіевскій Миссалъ, отражаютъ Синайская Псалтырь, Охридское Ев., Пражскіе Отрывки.

Въ дошедшихъ до насъ памятникахъ др.-ц.-слов. языка находимъ факты, указывающіе на измѣненія въ первоначальномъ употребленіи носовыхъ ǫ и ę. Однако факты эти не характеризуютъ языка первоначальныхъ кирилло-меѳодіевскихъ переводовъ; они отражаютъ явленія болѣе поздней эпохи, относящіяся къ говорамъ писцовъ.

Уже въ Кіевскомъ М. находимъ форму нєвєѣьскоуѫ твор. п. ед. ч., однако здѣсь врядъ ли можно видѣть замѣну ѫ чрезъ оу—въ виду того, что, вообще говоря, носовые въ Кіевскомъ М. употребляются вполнѣ правильно; скорѣе здѣсь оу является опиской вмѣсто о, т. е. нєвєѣьскоѫ: ср. кѣчьноѫ въ томъ же памятникѣ (Грунскій «Памятники и вопросы» III, 28 с.).

Въ другихъ памятникахъ замѣчаемъ или случаи замѣны ѫ чрезъ оу и о, ѧ—чрезъ ѥ, или же случаи смѣшенія ѧ и ѫ.

Въ Зографскомъ Евангеліи кромѣ обыкновенныхъ знаковъ для носовыхъ, встрѣчается еще особый знакъ носового Ѧ, который употребляется въ одной опредѣленной категоріи случаевъ, а именно въ формѣ им. ед. м. р. прич. наст. вр., оканчивающихся обыкновенно на ъı: вмѣсто граждıи, жикшıи, сшıи, ѣдıи, несııи находимъ формы съ указаннымъ знакомъ, замѣняющимъ обычное ъı. Тотъ же знакъ и въ такихъ же формахъ находимъ въ Маріинскомъ Ев., причемъ въ послѣднемъ памятникѣ встрѣчаются и формы сѫи, жикѫи, а также гражданı съ обыкновеннымъ знакомъ ѧ; въ Клоц. Сб. находимъ въ соотвѣтствіи этимъ формамъ гражданı, въ Син. Молитв. жикѧи и сѫи, въ Син. Пс. гражи, въ Савв. кн. жикѧи, сѧи, въ Супр. жирѧ, кѣдѧ.

Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что въ данныхъ формахъ старое ъı было вытѣснено дѣйствительно носовымъ гласнымъ подъ вліяніемъ формъ кидѧ, глаголѧ и т. п.

Однако трудно рѣшить вопросъ, какого именно характера носовой гласный здѣсь произносился.

Ягичъ,—Зографское Ев. XXIV,—склоненъ предполагать въ этихъ формахъ глухой звукъ, какой имѣемъ на мѣстѣ ѫ въ современномъ болгарскомъ языкѣ. Лескинъ—Handbuch[5] 91 с.,—полагаетъ, что указанныя формы Зогр. и Мар. Ев. возникли въ ту эпоху, когда на мѣстѣ ѫ явился гласный съ характеромъ ъ. Щепкинъ (Разсужденіе, 89 с.) видитъ въ особомъ знакѣ Зографскаго и Маріинскаго Ев. ę безъ предшествующей мягкости. Предположеніе о столь раннемъ измѣненіи ѧ въ гласный съ характеромъ ъ, во всякомъ случаѣ не обосновано и не вѣроятно.

Примѣчаніе. Въ Зографскомъ Ев. Ягичъ—Зографск. Ев. XX с.,—отмѣчаетъ слѣдующіе примѣры неправильнаго употребленія ѫ и ѧ: 1) оужасише (вм. -ша), 2) етѫ (вм. ѥтѫ), 3) отѧмлѣштааго (вм. -оте), 4) каштѣдьнѫ (вм. ѥ), 5) кѫкѫша—nom. pl. masc. gen. вм. -ѣ), 6) сѫноке каша вм. каши, 7) ми вм. мѧ, 8) си вм. сѧ, 9) придѫтѫ вм. прѧдѫтѫ, 10) осѫдѫтѫ вм. осѫдитѫ, 11) скѫрѫнѫтѫ вм. скѫрѫнитѫ, 12) сѫлазѫтѫ вм. сѫлазитѫ, 13) оузѣритѫ вм. оузѣрѧтѫ, 14) кодѫі кѫслѣплѧштѫѣѫ вм. -штѧѣѧ, 15) кѣземлѧѫ part. praes. act. (вм. -ѫ), 16) июдеѣѫ вм. июдеѣѧ, 17) градоушт'ю вы. градѫштѫ, 18) іноудоу вм. іноѫдоу, 19) отѫтоудоу вм. отѫтѫдоу, 20) аѝдрѣоу вм. аѝдрѣѫ. Иные примѣры, приводимые Ягичемъ,—явныя описки. Грунскій,—Сборн. 83 № 3, 25 с.,—указываетъ: 21) прииѧше вм. -ша, 22) ї обь...мѫ ѥ...кѫзлагаѣѧ рѫцѣ на нѣ, 23) кѫ лѫже кльнеши. Кромѣ того, можно отмѣтить въ I главѣ отъ Марка: 24) кѫ блнжьѣѫ кси 37 ст. и 25) падаѫ вм. падаѣѧ 40 ст. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ примѣровъ, вѣроятно, имѣетъ мѣсто неправильное пониманіе писцомъ текста; такъ, въ 22) писецъ могъ написать ѥ, ѥ въ виду предшествующаго ...ѣко отроча; сомнительно значеніе тѣхъ случаевъ, гдѣ на мѣстѣ ѧ является и или наоборотъ; опиской является, быть можетъ, 23): если писецъ списывалъ строка въ строку, то -же вм. ѫѫ могло явиться въ виду же въ концѣ сосѣдней строки. Въ Мар. Ев. довольно часто встрѣчается смѣшеніе ѫ и оу, ѣѫ и ю: мѫжѣѫ вм. мѫжю, кѫ немѫ, грѣшьнѫ дат. ед. ч. м. р., кѣрѫѫште вм. кѣроу-, лѫкѫке, кѫ коупѣли, люблю, кьметаемоу вин. ед. ч. ж. р. и т. п.; см. Ягича Маріин. Ев. 423 с. Нѣсколько случаевъ замѣны ѫ чрезъ о въ Маріин. Ев., вѣроятно,—описки: начертанія ѫ и о въ глаголицѣ близки. Случаи смѣшенія ѣ и ѧ въ Мар. Ев.—скѣзакше (вм. сѫказакше) и кѣсѧ, сѣдѣштемѫ (вм. сѣдѧштемѫ),—повидимому,—описки, а иные случаи, указанные Ягичемъ, имѣютъ иное значеніе: ср. Фортунатова «О составѣ Остромирова Ев.» 57 с. Единичное (и ѥсѧ и) юношѧ вм. юношѫ Мар. XIV, 51, вѣроятно,—описка. Въ Ассем. Ев. находимъ нѣсколько примѣровъ ѧ на мѣстѣ ѫ и наоборотъ: плачѧшти, лѫжѧ-

ште, приемлатъ, късплачатъсѧ, помажатъ и, съ другой стороны,—творѧштѫѭ (вм. творѧштѫѭ), отъстоѭштѫѭ (вм. отъстоѧштѫѭ). Въ Синайской Псалтыри о на мѣстѣ ѫ встрѣчается настолько часто, что возможно предполагать въ этомъ отраженіе діалектическаго произношенія ѫ, какъ о, которое наблюдается въ извѣстной части говоровъ современнаго болгарскаго языка. Въ Синайск. Молитв. встрѣчаемъ иногда о, оу вм. ѫ: отрокѫ вм. жтрокѫ, лоуцѣ вм. лѫцѣ; ѧ на мѣстѣ ѣ—въ приматаѧх. Въ Glag. Cloz. наблюдается смѣшеніе ѫ и оу: моукы, моуцѣ, моука, разлючаете и др.,—ср. изданіе Вондрака 5 с. Въ Савв. кн. достовѣрными можно признать лишь два случая смѣшенія ѫ и ѧ: стоѭцѭѧ вм. стоѭцѭѫ и ѭѫ вм. ѭѧ acc. pl.,—ср. Разсужденіе Щепкина, 72 и сл. Въ Супрасл. рукоп. встрѣчаются случаи оу вм. ѫ, какъ кажоуштоу, миноукшоу, дрѧзноукъ, имоуштоуѫмоу, и, наоборотъ, - ѫштѫ вм. ѫштоу; впрочемъ, большая часть этихъ случаевъ похожа на описки; ѥ вм. ѭѧ въ ѥзыкъ, обадише (вм. шѧ) и единичные случаи ѧ вм. ѣ, ѭѧ вм. ѭѫ—скорѣе всего описки; ср. Лескина Handbuch[5], 42 с.

Фортунатовъ предполагаетъ случаи смѣшенія оу и ѫ въ др.-ц.-слов. оригиналѣ Остромирова Ев.: «О составѣ Остромирова Ев.» 52 и сл.

При анализѣ примѣровъ смѣшенія носовыхъ гласныхъ съ чистыми должно исключить случаи, въ которыхъ имѣло мѣсто чередованіе ǫ и u, ę и ě въ корнѣ въ еще праславянскомъ: таковы нѫжда и ноужда, гнѫшати и гноушати, сѫмьнѣти и соумьнѣти, мѫдити и моудити, помѧнѫти и помѣнѫти. Точно такъ же нѣтъ смѣшенія ѫ и ѧ въ тъıѧшта и тъıѫшта: ср. серб. tȉsuća, но рус. *тысяча*.

§ 59. Какъ мы видѣли выше (§ 3), изъ *праславянскихъ группъ* or, ol, er, el *передъ согласнымъ* въ др.-ц.-сл. языкѣ получились съ удлиненіемъ гласнаго и перестановкой—ра, ла, рѣ, лѣ,—какъ послѣ согласнаго, такъ и въ началѣ слова. По отношенію къ судьбѣ сочетаній or, ol, er, el между согласными съ др.-ц.-словянскимъ языкомъ сходятся южнословянскіе языки вообще и изъ зап.-словянскихъ—чешскій; въ польскомъ въ такихъ случаяхъ имѣемъ ró, ló, ré, lé (изъ rō, lō, rē, lē) или ro, lo, re, le (въ результатѣ сокращенія rō, lō, rē, lē); въ русскомъ имѣемъ *полногласныя* формы (oro, olo, ere, ele).

Въ судьбѣ тѣхъ же сочетаній въ началѣ слова передъ согласнымъ отношенія словянскихъ языковъ, какъ извѣстно, иныя: въ сербскомъ языкѣ, какъ и въ др.-ц.-словянскомъ, изъ начальнаго or, ol—получилось ra, la: rásti, lâkat (прасл. *orsti, *olkъtь), то же—въ словинскомъ; въ русскомъ находимъ *ра, ла* и *ро, ло*: ср. великор. *робить, робкій, робѣть, ростъ, ровный, локоть, лодка* и,—съ другой стороны,—*рало, ратай, лакомый, лань*. Ту же двойственность обнаруживаютъ и зап.-слов. языки: чеш. roь, пол. roь, верхнелуж. roьoła; чеш. role, пол. rola, луж. rola; чеш. rovný, пол. równy, нижнелуж. rowny; чеш. loket, пол. łokieć,

в.-луж. łokć, а съ другой стороны—чеш. rádlo, пол. и луж. radło; чеш., пол. и н.-луж. rataj; чеш. lákati, пол. łakomy, в.-луж. łačny.

Примѣчаніе. Эту двойственность $^{ra}/_{ro}$, $^{la}/_{lo}$ въ русскомъ и зап.-слов. языкахъ объясняютъ различно: ср. Tore Torbiörnsson, Die Gemeinslavische Liquidametathese I (1901); Эндзелинъ, Сборникъ статей, посвященныхъ Ф. Ѳ. Фортунатову, 560 и сл. Для начальныхъ сочетаній er, el несомнѣнныхъ примѣровъ указать нельзя.

Др.-ц.-сл. языкъ въ судьбѣ начальныхъ праслов. сочетаній *or, *ol примыкалъ къ другимъ южно-слов. языкамъ, т. е. имѣлъ на ихъ мѣстѣ ра, ла, каковое находимъ обычно въ др.-ц.-сл. памятникахъ: ракъ, ралиꙗ, растн—растѫ, растъ, ладии, лакать, рало, ратаи, лакати—лачьнъ—лакота, ланита.

При этомъ, однако, встрѣчаемъ въ единичныхъ случаяхъ группу ал-: въ Зогр. къ алдии Марк. I, 19 при—къ ладии Марк. 1, 20; въ Маріин. алчѫща, алчѫштеи, алчѫштѣѫ (Ягичъ, Мар. Ев. 478 с.)., Остром. кꙁалкахъ 121^{a}, 121^{г}, 151^{б}, 122^{a}, кꙁалка 127^{б}, 261^{б}, кꙁалка 93^{в}, алчѫ 239^{б}, алчѫща 121^{б}, 122^{a}, 161^{в}, 152^{в}; кꙁалꙗкати 20^{a},—ср. кꙁалака Зограф.; въ Супр. алчеиъ, алчька, алъчька (Leskien, Handbuch^{4}, 32 с.); въ Син. Эвхол. алък-, алъч- 69^{б}, 90^{a}, 103^{б}, 104^{a}; Савв. алчѫща, алчѫщеи (Щепкинъ, Савв. кн. 153 с.); въ иныхъ памятникахъ ц.-слов. письменности встрѣчается также алꙗнии при лании (или алꙗньи, ланьи). Условія возникновенія этихъ формъ безъ перестановки не выяснены; нужно думать, что первоначальными среди варіантовъ съ алъ-, ал-, ал-—являются варіанты съ ъ, который отражалъ неполнаго образованія звукъ, развившійся между л и слѣдующимъ согласнымъ и обусловившій отсутствіе перестановки. Кромѣ указанныхъ отступленій отъ обычныхъ др.-ц.-сл. ра, ла изъ начальныхъ or, ol должно отмѣтить примѣры съ ро: въ Супр. находимъ рокъ, рокота, роз-, розкѣ, (при ракъ, разкѣ): ср. Vondrák, Altk. Gr.^{2}, 349 с. По отношенію къ Супрасл. рукописи можно допустить въ данномъ случаѣ вліяніе словянскихъ говоровъ, относящихся къ западнымъ или восточнымъ вѣтвямъ: ср. Вондракъ въ Sitzungsber. 122 т., Облакъ въ Arch. XV, 338 и сл.

Примѣчаніе. То обстоятельство, что прасл. or, er при перестановкѣ получило удлиненіе *o* въ *a* и *e* въ ē=ě, указываетъ на глубокую древность этого измѣненія праслов. сочетаній; обыкновенно, считаютъ южно-слов. и чешское га, ла, гě, лě діалектическимъ явленіемъ праславянской эпохи. При этомъ въ наукѣ существуетъ теорія, что различные рефлексы праслов. сочетаній or, ol, er, el въ отдѣльныхъ слов. языкахъ, т. е. южно-слов. ра, ла, пол. го, ło, русск. *оро, оло*, кашубское аг,—всѣ прошли чрезъ посредствующую ступень o̯o, l̥o съ слоговыми r, l; по этой теоріи, слѣдовательно, и др.-ц.-слов. ра, ла получилось непосредственно изъ o̯o, l̥o; Torbiörnsson Die gemeinslav. Liquida—

metathese I—II (1901, 1903 гг.). Теорію эту, однако, не считаемъ доказанной; ср. по этому вопросу Tore Torbiörnsson'a въ B. B. XX, 124—148, XXX (1906 г.), 62—99 сс. Mat. i pr. IV (1909 г.), 25 и сл., Krit. Bemerk. (1914 г.), 136 и сл., Osten-Sacken Arch. XXXIII т., 1—7 с., Brückners въ K. Z. XLII (1908 г.) 39—52 сс. Объ алзкати ср. K. Z. XXXVIII, 314 с., Фортунатова «О составѣ Остромирова Ев.» 21 с. Относительно жлаждь, встрѣчающагося въ Супр. при жлѣждь (изъ *želdǫ)—ср. Meillet въ Götting. gelehrt. Anz. 1910, № 5, 372 с.: предполагается измѣненіе el послѣ смягченныхъ č, ž, š въ ol, откуда затѣмъ ol и, наконецъ, la. Иначе—Вондракъ, Altk. Gr.², 352 с. Относительно др.-ц.-слов. чловѣкъ, р. *человѣкъ* ср. Leskien'a Gramm. 62 с., Шахматова Къ исторіи звуковъ, 1903 г. 58 с., Фортунатова «Составъ Остром. Ев.», 30 с., Вондрака Altk. Gr.², 355 с.

§ 60. *Вопросъ*, что именно *имѣлось въ древне-церк.-словянскомъ языкѣ—j или же i неслоговое*, не можетъ быть рѣшенъ ни въ ту, ни въ другую сторону: анализъ графики древне-церковно-словянскихъ памятниковъ не даетъ для этого никакихъ опредѣленныхъ указаній. Въ глаголицѣ йотація при гласныхъ ѥ, ѧ, и, ь не обозначается вовсе: ю выражается простымъ ѥ, ѩ—знакомъ ѣ; первоначально не знала глаголица особаго знака и для ѭ (ср. выше); знаки глаголицы, соотвѣтствующіе кирилловскимъ ю и ѭ, неясны. Въ кириллицѣ находимъ йотацію выраженной при а (ѧ), е (ѥ), оу (ю), ѧ (ѭ) и ѫ (ѯ); при этомъ ясно, что j или i̯ въ этихъ сложныхъ знакахъ выраженъ знакомъ і, который въ отдѣльномъ употребленіи выражалъ і слоговое. Отсутствіе въ глаголицѣ и кириллицѣ особаго знака для j, на которое указываетъ Meillet, объясняется естественнѣе всего отсутствіемъ такого знака въ греческомъ алфавитѣ, и дѣлать изъ этого отсутствія какія-либо заключенія о природѣ др.-ц.-сл. рефлекса прасловянскаго j (i̯) было бы рискованно. Наличность въ др.-ц.-словянскихъ памятникахъ такихъ формъ, какъ сѣаніе (Мар.), чаніе (Мар., Остр., Савв.), дѣаніе (Glag. Cl.), добраѧго, добраѹѹмоу, добраго, добраумоу, получившихся изъ *dobra-jego, *dobru-jemu, или формъ: подобаатѫ, вѣраѹѹте, бѫкаатѫ (Мар.) изъ *podobajetъ, *vĕrujete, *bъvajetъ указываетъ, что др.-ц.-сл. языкъ *въ извѣстныхъ условіяхъ* утратилъ полученное изъ прасловянскаго j (i̯); возможно предположеніе, что изъ прасловянскаго др.-ц.-словянскимъ было получено j въ однихъ положеніяхъ и i̯ въ другихъ, и что исчезало именно i̯, причемъ слѣдствіемъ этого исчезновенія была ассимиляція гласныхъ: аѥ измѣнялось въ аа, оуе—въ ѹѹ, откуда затѣмъ ѧ, оу. Однако условія, въ которыхъ въ прасловянскомъ являлось j съ одной стороны и i̯—съ другой, или иначе,—условія исчезновенія прасловянскаго j или i̯—остаются невыясненными.

Тамъ, гдѣ прасл. j или i̯ не исчезало, въ немъ слѣдуетъ различать по происхожденію два звука: j или i̯, полученное праславянскимъ изъ индо-европейскаго, и j или i̯, развившееся впервые на славянской почвѣ.

Указанія на такую двойственность происхожденія праславянскаго j (i̯?) даютъ намъ нѣкоторые факты др.-ц.-славянскихъ памятниковъ.

На мѣстѣ этимологическаго ja или i̯a въ глаголическихъ памятникахъ, какъ извѣстно, находимъ знакъ ⰰ (ѧ). И вотъ въ то время, какъ одни слова пишутся въ глаголическихъ памятникахъ всегда съ начальнымъ ⰰ, а въ кирилловскихъ всегда съ начальнымъ ꙗ,—въ другихъ словахъ находимъ колеблющееся правописаніе какъ въ глаголическихъ, такъ и въ кирилловскихъ памятникахъ: въ первыхъ ⰰ и а, во вторыхъ—ꙗ и а. Кромѣ того, въ кирилловскихъ памятникахъ, какъ различающихъ ѧ и ꙗ, можно установить еще третій разрядъ словъ: съ колебаніемъ начальнаго ѧ и ꙗ.

Наличность этихъ трехъ разрядовъ фактовъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ объясняется различнымъ происхожденіемъ др.-церк.-славянскаго ꙗ. 1. Въ однихъ случаяхъ начальное ꙗ восходитъ къ прасл. ja изъ индо-европ. jē, jō или jā съ индо-евр. j или i̯ (ср. § 25); таково напр. др.-ц.-сл. ꙗкъ изъ прасл. *jakъ,—ср. лит. joks; повидимому, такое же старое j индо-европейскаго происхожденія содержатъ въ себѣ др.-ц.-сл. ꙗма и ꙗрк, ꙗрость (ср. греч. ζωρός)). Въ такихъ словахъ находимъ всегда въ глаголическихъ памятникахъ ⰰ, въ кирилловскихъ—ꙗ.

2. Въ иныхъ случаяхъ ꙗ восходитъ къ прасл. ō или ā, предъ которыми развилось i̯ или j на славянской почвѣ; таковы др.-церк.-слов. ꙗблъко — ср. латыш. ábele, лит. óbůlas, др.-ц.-сл. ꙗгода, — ср. лит. ůga, др.-ц.-сл. ꙗгнѧ,—ср. лат. agnus; др.-ц.-сл. ꙗкити, ꙗкѣ,—ср. др.-инд. āviš (*очевидно*); сюда же относится др.-ц.-сл. ꙗкиѥ при ѧкиѥ и ꙗзъ—ѧзъ.

Примѣчаніе. О формѣ ѧзъ—прасл. *ažъ ср. подробнѣе въ отдѣлѣ морфологіи (о личныхъ мѣстоименіяхъ, § 89).

3. Третій рядъ представляютъ слова, въ которыхъ начальное ꙗ восходитъ къ болѣе древнему ě (различнаго происхожденія), предъ которымъ на славянской почвѣ развилось новое i̯ или j. Въ такихъ словахъ находимъ въ кирилловскихъ памятникахъ колебаніе между ꙗ и ѣ; таковы ꙗсти при ѣмь, ѣсти,—ср. лит. ėdu (ėmi, ėdmi), ėsti; ꙗдъ,—ср. греч. οἶδος (опухоль), ꙗзва,—ср. лит. aižýti (вылущивать).

Памятники представляютъ въ этомъ отношеніи слѣдующіе факты.

Въ Кіевскомъ Миссалѣ встрѣчаемъ два раза ѧ (союзъ) послѣ паузы (V 5, 16). Въ Маріинскомъ Ев. начальное ѧ находимъ въ словахъ ѧкиѥ—

при ѣкше (1 разъ), акити, акление, акѣ—рядомъ съ ѣкити, ѣкление, ѣкѣ, азъ рядомъ съ ѣзъ (1 разъ), аште—рядомъ съ ѣште, агода, аице, али (союзъ); слова ѧко, ѧкъ, ѧма, ѧможе, ѧрость, ѧрх, ѧрьмьничь встрѣчаются только съ ѧ, какъ и различныя образованія отъ корня ѧд- (изъ ĕd-). При этомъ формы глагола ѧкити находимъ (съ ѧ) не только послѣ паузы, но и въ срединѣ фразы: ѣко плъть и крѣкъ (sic) не ѧкы тебѣ (Мар. Ев. 56, 13) и т. п.

Въ Зографскомъ Ев. также находимъ ѣкнти и акнти, а (союзъ), аште, акше, аица, акъı, но ѣко.

Въ Glag. Cloz. пишется ѧ (союзъ), аште, ашютъ, акше, азъ, агньць—рядомъ съ ѣгньць, но ѣкити, ѣклѣти, ѣкѣ, ѣдъ, ѣдро, ѣсли, ѣсти, ѣзъка, ѣко, ѣрость.

Въ Ассем. Ев. ѧкы, ѧкити—обычны,—при рѣдкомъ ѣкы, азъ, агньць, аица.

Въ Саввиной книгѣ находимъ исключительно ѧкше, агньць, агода, азъ, аице, али (союзъ), аице; при этомъ ѧ является не только послѣ паузы, но и внутри фразы: и ѧкше, речетъ емоу ѧкше (64ᵇ), и аице что... (56ᵇ), и азъ камъ... (67) и т. п.; съ другой стороны, въ Саввиной книгѣ употребляется исключительно глаголъ ѧкити въ различныхъ формахъ, исключительно ѧко и ѧкоже, ѧзка, ѧможе, ѧрьмьникъ, ѧсли, ѧсти (ѧмь, ѧстъ, ѧдите, ѧдатъ и т. д.)—при ѣдь, ѣмь, ѣдѣхъ, ѣшѧ, ѣдѧшихъ (Щепкинъ Савв. книга, указатель). Въ Остромировомъ Ев. всегда пишется ѧ, ѧкше, азъ, аица, аице, но ѧкити, ѧможе, ѧцѣмь же, въ Хиландарскихъ Листкахъ находимъ ѧ послѣ паузы (II, 13б 12), аице въ сочетаніи: да аице (Аа 5—6); въ Супрасльской рук.—ѧште и, подобно Савв. и Остром., ѣд-. Въ Листкахъ Ундольскаго нѣсколько разъ встрѣчается ѧ послѣ паузы: ѧкше и азъ, ѧ выражается знакомъ ѣ: ѣко, ѣкшѧ.

Конечно, греческія слова съ начальнымъ α сохраняютъ свою форму какъ въ глаголическихъ, такъ и въ кирилловскихъ памятникахъ: ѧнгѣлъ, ѧпостолъ и т. п.

Параллельно колебанію ѧ и ѧ въ началѣ слова въ нѣкоторыхъ др.-ц.-сл. памятникахъ находимъ колебаніе между начальнымъ е и ѥ. Въ глаголическихъ памятникахъ е безъ предшествующаго j (i) и съ таковымъ вообще не различаются: ихъ выражаетъ одинъ и тотъ же знакъ. Отчасти ту же черту находимъ и въ кирилловскихъ памятникахъ: въ Хиланд. листкахъ ѥ обычно замѣнено знакомъ е и въ началѣ, и внутри слова; въ Листкахъ Ундольскаго е имѣетъ значеніе е и ѥ; въ Савв. книгѣ ѥ употребляется сравнительно рѣдко. Но въ Супрасльской рукописи, гдѣ въ началѣ слова и внутри слова послѣ гласнаго обычно употребляется ѥ, въ извѣстныхъ случаяхъ находимъ е въ началѣ слова:

въ словѣ ѥѕѥ въ началѣ фразы при ѩѕѥ внутри фразы. Повидимому, колебаніе между начальнымъ ѥ и ѩ имѣло мѣсто въ случаяхъ, гдѣ начальное ⁱ̯(j) было не стараго, а новаго происхожденія, т. е. возникло на словянской почвѣ во избѣжаніе зіянія, когда слово съ начальнымъ ѥ находилось внутри фразы. Послѣ паузы, въ началѣ фразы такія слова первоначально не должны были имѣть ѩ, но затѣмъ первоначальныя отношенія могли быть нарушены, и слова съ новымъ ⁱ̯ могли обобщиться въ томъ или другомъ видѣ, т. е. съ ѥ или съ ѩ.

Примѣчаніе. Ср. Meillet въ «Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію» II в. (1906 г.), 388 стр. Такіе же моменты могли имѣть значеніе по отношенію къ колебанію между ѧ и ѩ въ началѣ слова.

Несомнѣнно, въ такихъ случаяхъ, какъ ѥѕѥ Супр. рукописи, въ живомъ произношеніи, дѣйствительно, слышалось *e* безъ предшествующаго ⁱ̯ или j (ѥ въ ѥѕѥ ср. съ *э* въ р. *э-тотъ* и *e* въ греч. *ἐ-κεῖ*, лат. e-quidem). Въ Остромировомъ Ев., также отличающемъ ѥ отъ ѩ, находимъ ѥ въ началѣ слова въ слѣдующихъ примѣрахъ: ѥда, ѥдꙗка, ѥгда, ѥи, ѥзеро (ср. лит. ežeras), ѥльма, ѥтерѣ, ѥщѥ (ср. др.-и. áti, греч. ἔτι или же лат. ad, гот. at) при ѩщѥ. Относительно Остромирова Ев. трудно, конечно, сказать, отражаютъ ли приведенные примѣры черту языка писца или же произношеніе оригинала. Слова ѥда, ѥи, несомнѣнно, относятся къ числу такихъ, которыя обычно употребляются въ началѣ фразы. Слова ѥтерѣ, ѥзеро, по правильному замѣчанію Мейе (loc. cit.), были чуждыми живому языку русскаго писца, который зналъ на ихъ мѣстѣ нѣкыи, озеро.

Примѣчаніе. Трудно согласиться съ Мейе, по мнѣнію котораго глаголическая графика (Ⰵ = ѥ и ѩ) предполагаетъ произношеніе *e* послѣ согласныхъ такое, какъ въ русскомъ (*небо*) и польскомъ (niebo); предположеніе такого южно-слов. говора IX вѣка врядъ ли можно обосновать (Götting. gelehrt. Anzeig. 1910 № 5, 367—368 сс.).

По вопросу о начальномъ ѧ—ѩ и объ j (ⁱ̯) ср. Ягича Arch. VI, 76 с., Фортунатова въ Arch. XII, 96 с. и «Отчетѣ о 26 присужденіи наградъ гр. Уварова» 1884 г., 17 с., Pedersen'a K. Z. XXXVIII т., 311 и сл., Соболевскаго въ Сборникѣ въ честь Ягича, 204—205 сс., Ляпунова въ Arch. XXXIII, 520 и сл., Meillet'a въ «Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію» II в., 388 с.

§ 61. *Праслов. r′, l′, n′*, получившіеся изъ rj, lj, nj, повидимому, были и въ др.-ц.-словянскомъ языкѣ смягченными. Въ глаголическихъ памятникахъ эта мягкость выражается надстрочнымъ знакомъ надъ указанными согласными или тѣмъ, что послѣ нихъ ставится знакъ йотованнаго гласнаго: послѣднее имѣетъ мѣсто при ⱛ, ⱜ и ⱑ въ тѣхъ памятникахъ, которые различаютъ ⱑ и ⱘ, и отчасти при ⱑ (послѣ н).

Такимъ образомъ, въ Зогр. Ев. находимъ морѣ, сочетаніе ѓа выражается написаніемъ рѣ (форма ѣсѣара предполагаетъ им. ед. ѣсѣарѫ); слогъ ѓи выражается обычно написаніемъ рю, слогъ ѓǫ — написаніемъ рѭ; иногда находимъ и надстрочный знакъ, и йотованный гласный. Такъ же въ Мар. Ев. находимъ написанія р҃ѣ, рю, рѭ, въ Ассем. р҃ѣ (ѣсѣара, лазара предполагаютъ ѣсѣарѫ, лазарѫ), рѭ, рю—при рѣдкомъ роу.

Въ кирилловскихъ памятникахъ—тѣ же два пріема обозначенія мягкости указанныхъ согласныхъ: надстрочный знакъ и соединеніе съ йотованными гласными. Въ Савв. книгѣ обычно являются написанія рѣ, лѣ, нѣ; въ Супр. рук. при обычномъ рѣ находимъ однако столь же обычное роу и преобладающее рѫ. Въ Остр. Ев. случаи необозначенія мягкости при л, н весьма рѣдки, но при рѣ нерѣдко встрѣчается ра, обычно роу (рѣдко рю), преобладаетъ рѫ; для выраженія смягченнаго л въ 4 случаяхъ употребляется особое л съ приставнымъ значкомъ мягкости:—ср. у Козловскаго, 20 с. Приставной значекъ мягкости при л, написанія рѣ, лѣ, нѣ—находимъ въ Хиланд. Отр. Судя по этимъ даннымъ, можно предполагать, что исконная мягкость р, л, н (изъ rj, lj, nj) не въ одинаковой мѣрѣ сохранялась въ говорахъ, отразившихся въ нашихъ памятникахъ: нѣкоторое отвердѣніе р, повидимому, относится къ весьма древней эпохѣ въ жизни болгарскихъ говоровъ.

Наоборотъ, согласный н въ Савв. кн., повидимому, имѣлъ бо́льшую степень мягкости сравнительно съ р и л, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется правописаніе Савв. книги: нѣ при рѣ и лѣ.

Примѣчаніе. Ср. Фортунатова «О происх. глаголицы», 32 с.

§ 62. Какъ мы видѣли выше (§ 31), *въ началѣ слова группы b, p, v, m+j* дали уже въ праславянскомъ bl′, pl′, vl′, ml′, внутри же слова отдѣльные славянскіе языки имѣютъ различные рефлексы сочетаній *губной+j*.

Древне-церк.-славянскіе памятники въ этомъ отношеніи представляютъ слѣдующій матеріалъ.

Въ Кіевскомъ Миссалѣ находимъ исключительно сочетанія *губной+л* передъ гласными и, ь, е, ѫ: пріемлемъ, пріемлѧ, изпаклениѣ, пріемлѭце, земьскаѣ; послѣдняя форма, повидимому, имѣла независимый варіантъ: земьскъ,—ср. русск. *земскій*.

Въ Остромировомъ Ев. употребленіе группъ *губной+л* внутри слова строго выдержано, что врядъ ли можетъ быть объяснено исключительно вліяніемъ говора писца; въ Остром. находимъ 1 разъ земьскаѧ, но такія образованія извѣстны и другимъ др.-ц.-славянскимъ памятникамъ, основа корабиц- (3 раза) также представляетъ образованіе не отъ основы *корабjо-, а отъ основы *корабi-.

Въ Зографскомъ Евангеліи въ положеніи предъ ѥ, ѣ (=ꙗ), ѩ, ѫ, ю сочетаніе «губной+l'» является почти безъ исключеній: 1 разъ лишь находимъ приставенье. Форма благословенѫ—врядъ ли находится въ связи съ общимъ явленіемъ фонетическаго исчезновенія l' въ разсматриваемыхъ группахъ, какое наблюдаемъ въ иныхъ памятникахъ XI в. Вондракъ, Altk. Gr.² 324 с., объясняетъ исчезновеніе л въ формѣ благословенѫ слоговой диссимиляціей: предшествующій слогъ -сло былъ, по его мнѣнію, причиной измѣненія слога сле- въ -се. Возможно, что слово это особенно рано подверглось вліянію формъ благословити, благословиѫ, благословикѫ и т. д.

И въ положеніи предъ и, ь нерѣдко находимъ еще л̂: кьзлюбл̂ь, авраамл̂ь, кипл̂ь, древл̂ьниѫ, корабл̂ь, земл̂и, корабл̂и, крѣпл̂ии и т. п., но рядомъ находимъ уже и сочетанія кь, кь, пь, мь, ви, пи, ки, ми: акьша гм̂, корабь, остакьши, земи и т. п.

И Маріинское Евангеліе еще сохраняетъ довольно часто группу «губной+л̂» во всѣхъ другихъ положеніяхъ, опуская л̂ лишь въ положеніи предъ и и ь. Приблизительно таково же употребленіе л̂ въ сочетаніи съ губными въ Glag. Cloz. и въ Синайскомъ Молитвенникѣ; въ послѣднемъ находимъ одинъ разъ—древье и нѣсколько разъ—благословенѫ. Въ Хиландарскихъ отрывкахъ находимъ сочетанія «губной+л̂» (но корабь). Судя по этимъ даннымъ, можно думать, что исчезновеніе л̂ въ сочетаніяхъ съ губными имѣло мѣсто въ болгарскихъ говорахъ раньше въ положеніи предъ и и ь. Другіе памятники XI вѣка датируютъ слѣдующую стадію въ судьбѣ группъ кл̂, пл̂, кл̂, мл̂: въ Ассеманіевомъ Ев. находимъ не только остакъше, прѣломь, земи и т. п., но и кьзлюбенѫ, оглавеномоу, любѣаше, зема, кьзлюкѫ и т. д. На той же ступени стоятъ Синайская Псалтырь и Саввина книга.

Въ Синайской Псалтыри находимъ, кромѣ такихъ примѣровъ, какъ проглакѣѥми, нѣкокѫ, оуглекѫ, также написанія иного рода: земкѫ, изкакѫ, земкѣ, земьѫ, глоумженикѣ. Также въ Саввиной книгѣ, рядомъ съ кьзлюбенѫ, проглакенѫ, ѥкение и т. п., встрѣчаемъ—земьа, земьѫ. Въ Супрасльской рукописи примѣры типа кьзлюбенѫ являются единичными, а нормальными—такія написанія, въ которыхъ губной отдѣленъ отъ слѣдующаго гласнаго буквой ь или ъ: пристакьюнѫ, крѫкъма, капъма, корабъю и т. п. Написанія этого рода совершенно аналогичны такимъ, какъ оученье, и врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что писецъ Супрасльской рукописи произносилъ: kar-ja, kogaь-ju и т. п. Возможно, что и писецъ Саввиной книги также произносилъ zem-ję. Что касается формъ Саввиной книги типа проглакенѫ, то онѣ могли возникнуть въ силу вліянія формъ проглакити, проглакиши и т. д.

Вообще исчезновеніе ѧ̂ въ группѣ «губной+ѧ̂» (чрезъ посредство «губной+і̯» или безъ этого посредства) въ положеніи предъ ѣ, а, оу, ѧ, ѫ могло быть результатомъ вліянія аналогіи со стороны иныхъ формъ того же слова безъ такого ѧ̂ (или і̯); ср. Вондракъ Altk. Gr.² 339 с.

Сопоставляя факты различныхъ памятниковъ, можно прійти къ мысли, что говоръ Кирилла и Меѳодія послѣдовательно употреблялъ группы «губной+ѧ̂» (ср. особенно данныя Остром. Ев.), и что дошедшіе до насъ памятники отражаютъ процессъ постепенной утраты его древне-болгарскими говорами.

Примѣчаніе. Фактическій матеріалъ изъ др.-ц.-словянскихъ памятниковъ собранъ въ статьѣ Орѣшкова «Отношенията на старобългарскитѣ паметници къмъ епентетично л» въ Извѣстия на семинара по славянска филология при университета въ София, кн. II 1907 г., 1—65 сс. Тамъ же указана и литература вопроса; ср. также его же «Древнеболгарское эпентетическое л» въ Р. Ф. В. LXI (1907 г.) 97 и сл.

§ 63. Согласные ш, ж, по своему происхожденію, были мягкими (ср. §§ 27, 31). Мягкость эта еще сохраняется древнѣйшимъ по языку памятникомъ, Кіев. М., который имѣетъ въ большинствѣ случаевъ написанія шѣ: мьшѣ (7 разъ), нашѣ (4 раза), дoушѣми, но при этомъ сѣгрѣшати (2 раза), и папежа.

Написанія шѣ, жѣ можно встрѣтить и въ другихъ памятникахъ, глаголическихъ и кирилловскихъ, но уже рѣдко: обычными являются написанія жа, ша; напр. въ Зогр. Ев. оужасише, мнoжаиша, каша и т. п. (но и покажѣте Лук. XX, 24), Мар. Ев. каша, доуша, слышати, оужасѧ и т. п. (но и—можѣахѫ Лук. VIII, 19, покажѣте Лук. XX, 24, мнoжѣишаѧ Матѳ. XI, 20), Cloz. доуша, послоушаи, оужасесѧ; Савв. каша, слышаѣ, оужасаитесѧ (но—мнoжѣиша Матѳ. XXI, 36); Син. Пс. жабами, но жѣбы 77.45, бѫ оужасѣ 30.23, пожѣгаѧ 82.15, бѫжѣша 73.7, покажѣте 2.10, рoжѣны (трѫбы) 97.6 (ср. дш̃ѧ 38.12); Хиланд. притажание, д̃ша, (стѫ)жабѫ, слышати и т. п. Въ Син. Мол. мнoжѣишиѣ 76; часты написанія -шѧ, -жѧ: чашѧ 46б, бѫкоушѧ 47а, дш̃ѧ 57, положѧ 73б, истажѧ 82б и т. п.

Написанія -ша, -жа, повидимому, указываютъ на отвердѣніе въ говорахъ, отразившихся въ нашихъ памятникахъ,—согласныхъ ш и ж. При этомъ въ тѣхъ же памятникахъ, въ которыхъ преобладаютъ написанія ша, жа, а также обычны шѧ, жѧ, шѫ, жѫ,—обыкновенно пишется послѣ ш, ж—ю, а не оу: Зогр. мѫжю, Матѳ. VII, 24. 26, Мар. шюмѫ, Лук. IV, 37 жюпелѫ, Лук. XVII, 24, Савв. шюма 69б и т. п. (шюща, рекѫшю, бѫпадѫшю).

Этотъ фактъ графики др.-ц.-словянскихъ памятниковъ, повидимому, объясняется тѣмъ, что буква ю въ этихъ написаніяхъ выражала глас-

ный, качественно отличный отъ оу,—а именно извѣстнаго рода ü (объясненіе Фортунатова, ср. Щепкина Разсужденіе, 291 с.). Это предположеніе не относится къ Супрасл. рук. и оригиналу Остромирова Ев.: въ этихъ памятникахъ находимъ обычно жоу, шоу (въ Остром. Козловскій отмѣчаетъ лишь кꙁдакшю). Въ Ассем. находимъ мжжоу 81, о шоуѭ 94 и о шюѭ 95 и др. (нѣсколько разъ).

Примѣры, хотя бы и рѣдкіе, написаній шѣ, жѣ, шѭ въ такихъ памятникахъ, какъ Зогр., Мар., Син. Пс., позволяютъ предполагать, что мягкость согласныхъ ш, ж еще сохранялась въ говорѣ Первоучителей.

Примѣчаніе. Иначе—Соболевскій: Ж. М. Н. Пр., 1915, № 7, 177 с.

§ 64. На ряду съ ш, ж, получившимися еще въ праславянскую эпоху изъ s+j, z+j или изъ ch, g въ положеніи предъ j и палатальными гласными, въ др.-ц.-сл. языкѣ находимъ ш, ж новаго происхожденія: они получаются изъ с, з въ положеніи предъ смягченными согласными. Такъ, въ Кіев. М. находимъ кѫжлюблении V b, 5 изъ кѫзлюблении, беж-їего же VI, 15 изъ без- їего же; въ Зогр. Ев. иж-їего Мар. I, 26, кѫжлюблѫ Іоа. XIV, 21; въ Мар. Ев. беж- їего 314, 4 (по изд. Ягича), иж-їемѣ 184, 7, иж-їего 118$_{10}$, 209$_{7}$, помышленіе, помышлѣти—всегда, ср. мꙁслѣ, мꙁслити; послѣднія формы (мꙁслѣ, мꙁслити) показываютъ, что такое измѣненіе согласныхъ с, з въ ш, ж имѣло мѣсто лишь предъ сильно смягченными согласными л̂, й̂ (изъ lj, nj).

§ 65. Др.-ц.-сл. группы шт, жд имѣютъ различное происхожденіе.

1. Какъ мы уже видѣли (§ 31 и § 33, п. 8), группы эти получились изъ первоначальныхъ tj, dj, а шт также изъ kt передъ палатальнымъ гласнымъ: напр. въ скѣшта (изъ tj), штоуждь (изъ *tjudjos), межда (изъ dj), нощть (изъ kt).

Примѣчаніе. О штоуждь при тоуждь ср. замѣчанія Обнорскаго въ Р. Ф. В. 1915, № 1, 82 с.

2. Др.-ц.-сл. шт, жд получались изъ праславянскихъ šč и žǧ, которые явились въ результатѣ вліянія на группы sk, zg слѣдующаго палатальнаго гласнаго или j (ср. § 3 и § 33, п. 14): др.-ц.-сл. штирх—пол. szczery, малор. щирий; др.-ц.-сл. дѫштица,—ср. р. *дощечка*; др.-ц.-сл. рождиє изъ *rozgьje; ср. розга; можданх изъ *mozgēpъ; иждикениє изъ *iz-givenьje.

3. Сочетанія шт, жд получались въ др.-ц.-слов. также изъ группъ st+j, zd+j въ силу того, что tj, dj давали t′, d′ и затѣмъ t′š′, d′ž′, слѣдовательно, stj измѣнилось въ st′š′, и затѣмъ š′t′š, а zdj—въ zd′ž′ и затѣмъ въ ž′d′ž; эти группы š′t′š, ž′d′ž′ упрощались въ š′t′, ž′d′. Такъ по-

лучились др.-ц.-сл. пригкожденѣ,—форма причастія отъ глагола пригкоздити, получившаяся изъ *prigvozdjenъ, и крѣщеніе изъ *krъstjenje.

Наконецъ, сочетанія шт, жд получаются въ др.-церк.-словянскомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда согласные т, д или группа ст, зд подвергаются вліянію послѣдующихъ сильно смягченныхъ согласныхъ: 1 л. ед. ч. наст. вр. отъ глагола острити—ощрѭ (т. е. ощтрѭ)—изъ *ostrjǫ, та же форма отъ пьстрити—пѣщрѭ—изъ *pьstrjǫ, отъ съмотрити—съмощрѭ—изъ *sъmotrjǫ, отъ хытрити—хѣщрѭ—изъ *chytrjǫ, отъ мѫдрити—мѫждрѭ—изъ *mǫdrjǫ, отъ бъдрити—бъждрѭ—изъ *bъdrjǫ.

Группы шт, жд въ др.-ц.-сл. языкѣ первоначально, нужно думать, были также смягченными, какъ и согласные ш, ж. Однако въ памятникахъ находимъ обычно написанія шта, жда: въ Зогр. ѿпоуштаемѫ, ѿкѣштакъ, отемлѫштааго, раждаетъ и т. под.; въ Мар. — ѿкѣшта — (всегда), ѿпоушта—(всегда), раждаетъ, раждаатъ (см. указатель Ягича). Примѣры, подтверждающіе мысль о первоначальной мягкости группъ шт, жд вообще, рѣдки: въ Зогр. ништѣте Матѳ. VI, 33; Лук. XII, 29; хождѣаше Іоа. XXI, 18; кьждѭждетъ Іоа. IV, 13; Ассем. плаштѣницѫ 14; плаштѣницѣѫ 124; Син. Пс. пищѭ 103.21; бъсплещѣте 46.2; бъзищѣте 104.4 (bis); къздеждѣте 113.2; хождѭ 42.2; къзкѣщѭ 54.17; Син. Мол. надеждѣ 79б; часты написанія -ждѭ: жаждѭ 29б и т. п. Но при этомъ въ тѣхъ же памятникахъ обычны написанія штю (щю), ждю; такъ, напримѣръ, въ Мар. и Савв. находимъ всегда междю, въ Мар. ощютиша, съньмиштю, ѿпоуштю, биѭштюмоу, имѭштю и т. д., въ Савв. книгѣ нищюмоу, глѭщю и т. п. Въ Супр. и Остром. -штоу, -ждоу.

Къ этому различію въ обозначеніи первоначально смягченныхъ шт, жд предъ гласнымъ а и предъ гласнымъ оу—приложимо то же объясненіе, какое дано относительно написаній шю, жю при ша, жа (§ 63).

Особое положеніе среди древне.-церк.-слов. памятниковъ занимаетъ Кіевскій М., въ которомъ на мѣстѣ шт, жд изъ tj (kt), dj находимъ щ, ж (подажь, отъдажь, помощьѭ и т. п.), — а на мѣстѣ шт изъ sk, st предъ j (или,—при sk,—предъ палатальнымъ гласнымъ)—шч: зашчити, очишчение.

§ 66. Первоначально смягченными были въ древне-церк.-словянск. языкѣ, вѣроятно, и согласные ц, ѕ, ч. По отношенію къ ц, ч наблюдается въ др.-ц.-сл. памятникахъ то же явленіе, что и относительно согласныхъ ш, ж, шт, жд: частое употребленіе написаній цю, чю при обычныхъ ца, ча и рѣдкихъ цѣ, чѣ. Такъ, въ Мар. Е. находимъ притъча, притъчами, притъчахъ, чаание, чаати, часъ, чаша и т. п. (однако,—къ чѣсѣ Лук. IV, 5, тачѣе Іоа. II, 10), но чюдо, чюдитиѧ, чюти, чюхъ, чюете, и т. д. при рѣдкомъ -чоу (чоудити); такъ же—отьца, отъца, отца очень

часто, отцамъ, отцахъ, но отьцю, отцю, отцю (18 примѣровъ) при отцоу, отцоу (4 примѣра). То же, напримѣръ,—въ Савв. книгѣ. Въ Зогр. находимъ чѣсъ Марк. XIV, 35, чюетъ Матѳ. VI, 3, чюеши Матѳ. VII, 3. Въ Син. Пс.—чѣшѧ 10.6, 15.5; чѣша 22.5, 74.9; исконьчѣѭтъ сѧ 101.28; грѣшьничѣ 108.2 (но чашѫ 115.4); чюдеса 9.2, 25.7, 39.6 и др.

Въ Син. Мол. чѣша 47а, горчѣе 69б. Въ Ассем.—чѣетъ 100, чловѣчѣ acc. s. m., запечѣтьлѣкъше 125. Въ Остром. всегда -цоу, цю лишь въ одномъ случаѣ: слѧньцю, также одинъ разъ чюдо-, обычно—чоу-. Объясненіе этого явленія—то же, что и выше (въ § 63). Въ Кіев. М. два раза находимъ цѣ: срьдьцѣ IIb, 15, VIIb, 12. Сочетанія ѕа, ѕоу или ѕѣ, ѕю—сравнительно рѣдки. Въ Зогр. Ев. встрѣчается одинъ разъ ѕа, въ Мар. 4 раза—ѕа, 3 раза ѕоу и 1 разъ ѕю, въ Асс. 4 раза ѕоу и 2 раза ѕа, въ Син. Пс. часто находимъ ѕѣ: стьѕѣхъ, стьѕѣмъ и т. п., въ Савв. кн. ѕ замѣнено чрезъ з, при этомъ 2 раза находимъ—за (кнѧза, пѣнѧза): ср. Разсужденіе Щепкина 290 с. Въ Остромиров. Ев. кнѧза, пѣнѧза, польза, ѭза, кнѧзоу, пѣнѧзоу (ср. Козловскаго Изслѣд., 31 с.). По отношенію къ мягкому с замѣчаемъ разницу между памятниками въ правописаніи мѣстоименной формы кьсѣ (им. ед. ж. р., им.-вин. мн. ср. р.) и мѣстоименной основы кьсѣк- и нарѣчія кьсѧдѣ: въ глаголическихъ памятникахъ находимъ кьсѣ, кьсѣк-, въ Савв. и Супр. -кьса, кьсак-, въ Остромир. преобладаютъ кьса, кьсак-, но нерѣдко и кьсѣ, кьсѣк- (ср. Козловскаго, Изслѣд. 31 с.).

Звукъ ѕ, получившійся изъ прасл. dz, сохранялся въ др.-ц.-слов. языкѣ, т. е. въ языкѣ Кирилла и Меѳодія, какъ особый звукъ, какъ видно изъ того, что въ глаголической азбукѣ имѣется для него особый знакъ, отличный отъ з. Въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ кирилловскихъ памятникахъ (напр. въ Хиланд. лл.) звукъ этотъ означается особымъ знакомъ: ѕ. Однако въ отдѣльныхъ болгарскихъ говорахъ звукъ этотъ (dz) измѣнился въ з, и это измѣненіе отражается уже въ древне-церк.-словянскихъ памятникахъ.

Изъ глаголическихъ памятниковъ правильнымъ употребленіемъ знака ѕ отличается Ассеманіево Ев., Син. Пс. и поздняя часть Зографскаго Ев., въ нихъ ѕ употребляется правильно въ такихъ словахъ, какъ ѕѣѕда (ср. пол. gwiazda), ѕѣло, кнѧѕь, стьѕа и въ формахъ loc. s., nom. pl. мноѕѣ, мноѕи, краѕѣ, краѕи, nom. dual. ноѕѣ и т. п. Въ Маріинскомъ Ев. бо́льшею частью ѕ сохранено, но нерѣдко оно замѣнено знакомъ з. Такъ, напримѣръ, различныя формы слова кнѧѕь 14 разъ написаны черезъ ѕ и 7 разъ черезъ з.

Древнѣйшая часть Зограф. Ев. часто употребляетъ вмѣсто ѕ—з: мнози, польза, кнѧзь и т. п. Клоц. Сб. и Синайскій Требникъ знака ѕ въ

буквенномъ значеніи не употребляютъ. Въ крупныхъ кирилловскихъ памятникахъ: Савв. и Супр. также звукъ ѕ обозначается знакомъ з, что указываетъ на упрощеніе въ говорѣ писцовъ dz въ z; Остромирово Ев. знаетъ знакъ ѕ только въ числовомъ значеніи; повидимому, и древне-болгарскій говоръ, отразившійся въ оригиналѣ этого памятника, не зналъ звука ѕ=dz.

Въ Хиланд. листкахъ звукъ этотъ въ двухъ случаяхъ правильно обозначается знакомъ ѕ (мнноѕи, бѣѕѣ); этотъ же знакъ извѣстенъ и Листкамъ Ундольскаго и Македонскому листку.

Изъ этихъ данныхъ ясно, что сохраненіе dz и совпаденіе его съ z было въ древне-болгарскомъ языкѣ діалектическимъ явленіемъ: одни говоры потеряли различіе между ѕ и з (dz и z) очень рано, другіе сохраняли его позже, нѣкоторые сохранили до сихъ поръ. При этомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ развилось новое ѕ (dz) на мѣстѣ прасл. z: такое фонетическое значеніе имѣетъ, очевидно, прозѣбе въ Ассем. Ев. (Матѳ. 13, 26) и въ лл. Ундольскаго, такъ какъ прозѣбнѫти находимъ и въ нѣкоторыхъ средне-болгарскихъ памятникахъ, вообще различающихъ z и dz, напримѣръ, въ Болонской Псалтыри (Щепкинъ, Болонская Псалтырь, 209).

Что касается Кіевскаго Миссала и Пражскихъ листковъ, то въ послѣднихъ, какъ чешской копіи съ др.-ц.-сл. оригинала, естественно не находимъ ѕ,—оно замѣнено черезъ з, а въ Кіевскомъ Миссалѣ нѣтъ вовсе формъ съ прасловянскимъ dz.

§ 67. Группа sk въ положеніи предъ ě, і изъ дифтонговъ oi, ai является въ др.-ц.-словянскихъ памятникахъ, дошедшихъ до насъ, въ видѣ ѕц или въ видѣ ст. Въ Кіевскомъ М. находимъ нєвєѕьѕцѣи III b, 23; въ Зогр. Ев.,—въ древнѣйшей его части,—находимъ почти исключительно ѕц (галилеистѣмь Матѳ. XV, 29 ст.); Мар. Ев. предпочитаетъ ѕц: земьѕции, елеоньѕцѣ, морьѕцѣемь и т. п., но употребляетъ и ст: людьстии, архиереистии, фарисеистии, морьстѣи и т. д. Иногда писецъ пишетъ стц: июдеистцѣи, или же пишетъ ц надъ группой ст (Ягичъ, Мар. Ев. 435 с.). Въ Клоц. Сборникѣ, въ Савв. книгѣ, Син. Мол. послѣдовательно употребляется ѕц; наоборотъ, въ Ассем. и Супр.—всегда почти ст; въ Остромировомъ Ев.—ст (14 разъ) рядомъ съ ѕц (12 разъ); въ Син. Пс.—ѕц и ст—рядомъ. Сочетаніе ст является упрощеніемъ ѕц (=s͡ts), которое аналогично упрощенію группы šťš въ шт въ формѣ ишта, иштеши и т. п. (ср. выше, § 65): такъ какъ k предъ палатальными гласными изъ дифтонговъ измѣнилось въ ц, то изъ группы sk въ такомъ положеніи получилось sc: форма мѣстн. п. ед. ч. отъ людьскъ давала людьсцѣ, форма им. мн.—людьсци. Судя по показаніямъ большин-

ства старѣйшихъ евангельскихъ текстовъ (Зогр., Мар., Савв.) первоначальные др.-ц.-сл. оригиналы знали группу ⁖ц; нѣкоторые древне-болгарскіе говоры сохраняли эту группу и въ XI в., другіе упростили ее въ ⁖т.

Примѣчаніе. Иначе—Соболевскій: Ж. М. Н. Пр. 1915 г. № 7, 177 с.

Параллельно группѣ sk, группа zg въ положеніи предъ палатальными гласными изъ дифтонговъ давала z͡dz, такъ какъ g измѣнялось въ такомъ положеніи въ dz (ср. § 28). Группа эта упрощалась въ др.-ц.-слов. языкѣ въ zd такъ же, какъ группа ždž—въ žd (ср. выше, § 65). Въ этомъ отношеніи въ др.-ц.-сл. памятникахъ нѣтъ колебаній: мѣстн. ед. ч. отъ дрѧзга—дрѧздѣ (Супр.).

Примѣчаніе. Написаніе ⁖тц и ⁖т съ ц надъ т Ягичъ, Мар. Ев. 435 с., понимаетъ въ смыслѣ исправленія писцомъ ⁖т своего оригинала на ⁖ц своего говора, что весьма сомнительно: скорѣе писецъ выправлялъ проскользнувшую черту своего говора въ угоду оригиналу.

§ 68. Задненебные согласные k, g, если они отдѣлены отъ послѣдующихъ палатальныхъ гласныхъ согласнымъ v, имѣли различную судьбу въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ; въ западно-словянскихъ группы kv, gv оставались безъ измѣненія: ср. пол. gwiazda, kwiat, чеш. hvězda, květ; въ русскомъ языкѣ и южно-словянскихъ группы эти подвергались вліянію послѣдующаго палатальнаго слога, несмотря на отдѣлявшее ихъ отъ этого слога v: ср. рус. *цвѣтъ*, *звѣзда*,—во второмъ примѣрѣ имѣемъ упрощеніе dz въ z; то же наблюдается въ болгарскомъ и сербскомъ и то же находимъ и въ др.-ц.-словянскомъ ѕ҃вѣзда, цвѣтъ, цвѣтѫ—цвѣсти. Такимъ же образомъ др.-ц.-слов. цвилѣти, ѕ҃виждати соотвѣтствуетъ чешскимъ kviliti, hvizdati.

Группа chv имѣла ту же судьбу въ древне-церк.-словянскомъ: им. мн. ч. отъ кльхъ—кльси, причемъ встрѣчается форма зват. п. кльше (Супр. рук.). При этомъ остается неяснымъ, имѣло ли мѣсто измѣненіе группъ kv, gv въ cv и z͡dzv только передъ палатальнымъ изъ дифтонга, или же предъ всякимъ палатальнымъ гласнымъ. Въ первомъ случаѣ пришлось бы объяснять цвѣтѫ и цвѣсти вліяніемъ цвѣтъ, считая форму кльше фонетической и отражающей болѣе древнее измѣненіе группы chv- въ šv-; во второмъ случаѣ формы цвѣтѫ, цвѣсти были бы фонетическими, форма же кльше—нефонетической: она могла явиться при формахъ кльхъ : кльси по аналогіи отношеній доухъ : доуси : доуше.

§ 69. Предлоги без, къз, раз-, из въ древнѣйшихъ церк.-словян. памятникахъ пишутся всегда безъ ъ въ концѣ, т. е. являются въ видѣ без, къз, раз, из: ср., напримѣръ, въ Мар. Ев. без отца 32₁₄ (изд. Ягича), без народа 297₆, из неи 2₁₉, из облака 237₈, къзведе 58₁ къзкрати 102₈₋₉,

кꙁгласи 73₃₋₄, раздѣлитꙫ см 125₂₄₋₂₅, разкраштенꙫ 237₂₇ и т. п. Въ Кіевскомъ Миссалѣ, который въ иныхъ словахъ не знаетъ ни одного случая пропуска ъ или ь,—находимъ: издрѣшенїѣ II 10, V 69, изколи II b 12, кꙁздрастетꙫ III 15, ꙁбакі III, 22, кꙁможемꙫ IIIb 12, V 7, V 23, VI 16, кꙁмѫли IIIb 20, ꙁбакленїѣ IV 10, ꙁбаки IV 24, раздрѣшение V 15, кꙁдкігні V 20, ꙁбакі Vb 14, кꙁкеселілꙫ VII 12; ср. съ этими примѣрами: отꙁдазь VIb 10, надꙫ оплатꙫмь III 24 и др., блізꙫ насꙫ IIb 19, отꙫ грѣхꙫ Ib 14, кꙫ чьсти и т. п.

Эти факты дѣлаютъ несомнѣннымъ, что предлоги без, из, кꙁ, раз, были получены др.-ц.-сл. языкомъ изъ прасловянскаго безъ конечнаго ъ съ окончаніемъ на согласный. Согласный этотъ не отпалъ по общему закону отпаденія конечныхъ согласныхъ въ виду того, что фактически онъ никогда въ живой рѣчи не былъ конечнымъ: предлоги примыкали къ слѣдующей именной формѣ и составляли съ ней одно цѣлое: из-кодѫ, без-рѫкꙁ.

Такимъ образомъ, др.-ц.-сл. языкъ получилъ различныя группы согласныхъ, состоявшихъ изъ конечнаго з предлоговъ без, раз, кꙁ, из и начальнаго согласнаго именной или глагольной формы. Въ этихъ группахъ затѣмъ происходили различныя измѣненія: ассимиляціи, упрощенія или же развитіе новаго гласнаго. Нѣкоторыя изъ этихъ измѣненій уже были отмѣчены.

Такимъ образомъ, изъ соединеній из-ѥго, без-ѥго, кꙁлюбленꙫ получились сочетанія иж-ѥго, беж-ѥго, кꙁжлюбленꙫ.

Соединенія z+g еще въ прасл. давали z+ǧ (dž), откуда затѣмъ въ др.-церк.-словянск. жд (чрезъ посредство ždž): иждену, кꙁждѣлѣнїе, раждегѫ, иждити—иждикѫ (ср. женѫ—гънати, желѣти, жегѫ, жити—жикѫ). Соединенія z+č давали въ др.-ц.-слов. s+č, затѣмъ š+č и, наконецъ, št (черезъ посредство štš): иштистити, кештисльнꙫ, иштезнѫти, иштѧдиѥ (ср. чистити, числьнꙫ, чезнѫти, чѧдо).

Въ положеніи предъ согласнымъ глухимъ з измѣняется въ с: искоусити, испльнити, испокѣдати, истешти, кѣскрѣсити, кѣскѫ, кѣспитѣти, расточити, расхытити, ис-кораблѣ, бес-плода и т. п.

Если послѣдующее за предлогами слово начинается согласнымъ з или с, то конечное з предлога исчезаетъ вовсе: безаконие изъ беззаконие, расыпати, расѣяние, расѫждати изъ раз-сыпати, раз-сѣяние, раз-сѫждати; бе-страха, бе-зълобꙑ изъ без-страха, без-зълобꙑ, и-сѣньмишта (Мар. 118₁₇).

То же происходитъ, если начальнымъ согласнымъ слѣдующаго за предлогомъ слова является ш: раширѣти изъ раз-ширѣти (з+ш, с+ш, ш+ш, ш) ишьдꙫ—ишьдъше изъ изшьдꙫ—изшьдъше.

Изъ сочетанія з+ц получается въ силу ассимиляціи с+ц: исцѣлити изъ из-цѣлити. Въ говорахъ, въ которыхъ сц упрощалось вообще говоря въ ст, исцѣлити давало истѣлити (Супрасл. рук.). При исцѣлити, исцѣлѣти находимъ однако ицѣлѣ (Мар. Ев. 276$_{16}$); форма эта получилась при простомъ цѣлѣти подъ вліяніемъ отношеній ишьдѫ при шьдѫ, такъ какъ внѣ соединеній съ предлогомъ ис (=из) группа сц нигдѣ не даетъ ц. Такъ же нефонетически явились формы вечьсти (Мар. 135$_{6}$), ичистити (Ассем.), и-чрѣка (Мар. 66$_{25}$), вечисльнх изъ из-чистити, без-чьсти, из-чрѣка, без-числьнх.

Фонетически, какъ мы видѣли, группа з+č давала шт, и рядомъ съ указанными формами находимъ иштистити, вештьсти, иштрѣка, вештисльнх. Форма и-чрѣка и т. п. получилась, быть можетъ, подъ вліяніемъ формъ ишьдѫ, и-сѫньмишта и т. п., форма вечисльнх подъ вліяніемъ безъ-локъ и т. п.

Наконецъ, въ сочетаніи конечнаго з предлога съ начальнымъ р слѣдующаго слова развивалось новое д: при переходѣ отъ зубного суженія (з) къ слѣдующему р образовался зубной взрывъ (д); такъ получились формы др.-цер.-слов. памятниковъ: издрѣшеніѣ Кіевск. Мис., къздрастетъ Кіев. М., без-д-разоума Мар. Ев., къздрастъ Мар. Е., къздрадокатисѧ Мар. Ев., къздрѫдати Мар. Ев. и т. п.

При обх (обь), быть можетъ, еще въ прасл., было об-, почему въ др.-ц.-сл. памятникахъ находимъ обетъшати изъ *ob-vetъšati: ср. об онх полх, об ношть, об-лѣкѫ, об-ити—обидѫ. Рядомъ съ отх существовало, быть можетъ, от-, къ силу чего находимъ оходити, ошьдѫ (изъ *otchoditi *otšьdъ), окрѫженіе, остѫпаѭть (Остром. Ев.).

§ 70. Предлоги къ, съ, къ первоначально оканчивались согласнымъ носовымъ п: прасл. *vъп, *sъп, *kъп,—ср. греч. ἐν, лат. in; др.-и. sám; др.-и. kám.

Въ положеніи предъ гласнымъ конечное п этихъ предлоговъ сохранялось, и такимъ образомъ въ др.-церк.-словян. памятникахъ находимъ правильно кънити, сънити, которыя слѣдуетъ понимать какъ къп-ити, съп-ити. Въ Син. Пс. (17.7) находимъ: къп-оуши его. Сохранялось п и въ положеніи предъ j+гласный, измѣняясь въ п̑ (смягченное п): къп̑емь, съп̑имь, къп̑емоу, которыя получились изъ *vъп-jetъ, *sъп-jitь, *kъп-jemu.

Въ положеніи предъ иными согласными (не предъ j) находимъ эти предлоги безъ конечнаго п: ср. къ бозѣ, къ селѣ, сътворити, къ доброу и т. п.

Примѣчаніе. Формы *vъ, *sъ, *kъ могли получиться изъ *vъп, *sъп, *kъп въ ту эпоху, когда эти послѣднія формы еще употреблялись въ роли нарѣчій не въ тѣсномъ сочетаніи со слѣдующимъ словомъ (иначе—Вондракъ въ Altk.

Gr.², 129 с.). Въ сложныхъ словахъ передъ согласнымъ конечное n предлоговъ этихъ сливалось съ предыдущимъ гласнымъ въ носовое ǫ: ср. *sǫsědъ (др.-ц.-сл. сѫсѣдъ, пол. sąsiad), *ǫdolь (др.-ц.-сл. ждоль -долина). Праслов. SǪ- получилось изъ *son-: ср. лит. san-dora (согласіе), прусск. san (вмѣстѣ); праслов. ǫ, вѣроятно,—изъ *on- (лит. in—изъ ǫ).

Въ виду такихъ сочетаній, какъ къ носѣ, къ селѣ и т. п.—н въ сочетаніяхъ къ нѣмь, съ нимь, къ-нѣмоу въ сознаніи говорящихъ относилось къ послѣдующему слову, т. е. сочетанія эти дѣлились въ сознаніи говорящихъ на части такимъ образомъ: къ-нѣмь, съ-нимь, къ-нѣмоу. Этимъ объясняется появленіе н въ такихъ сочетаніяхъ какъ прѣдъ-нимь, отъ него, доньлѣже, доньдеже при болѣе старой дондеже изъ (*do-jь-de-že). Такое же отнесеніе н, принадлежащаго предлогамъ кън, сън, кън, находимъ въ русскомъ *ньдра*, серб. njȅdra, чеш. ňádra; послѣдняя форма (чешская) представляетъ контаминацію формъ jadra и nědra. Форма nědra отвлечена изъ сочетанія vъn-ědra, существовавшаго при jadra.

Примѣчаніе. Ср. Meillet въ Götting. gelehr. Anz. 1910 г. № 5, 373 с.

МОРФОЛОГІЯ.

§ 71. Древне-церковно-словянскій языкъ, наряду съ другими словянскими языками, получилъ свою систему формъ изъ прасловянскаго языка, который въ свою очередь унаслѣдовалъ эту систему изъ индо-европейскаго языка.

Въ области формъ такъ же, какъ и въ области звуковъ, др.-церк.-слов. языкъ очень близко,—въ силу своей древности,—подходитъ къ тому состоянію, какое мы можемъ предполагать по отношенію къ прасловянскому языку эпохи, непосредственно предшествовавшей его распаденію на отдѣльные языки. *Въ силу этой близости др.-ц.-слов. языкъ почти всегда можетъ замѣнить прасловянскій при сопоставленіи съ системой формъ другихъ индо-европейскихъ языковъ.*

Въ немъ мы находимъ ту же систему чиселъ и падежныхъ формъ, какую можемъ предполагать въ прасловянскомъ, тѣ же основные типы именного склоненія, тѣ же формы мѣстоименнаго и сложнаго склоненія, ту же систему глагольныхъ формъ, тѣ же глагольныя основы и тѣ же *въ общемъ* личныя окончанія.

Разумѣется, въ памятникахъ, дошедшихъ до насъ, мы находимъ иногда и факты, представляющіе отступленія отъ прасловянской старины, но формы эти, *обыкновенно*, отражаютъ явленія болгарскихъ говоровъ XI вѣка и не могутъ быть приписаны языку Кирилла и Меѳодія. Въ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, случаяхъ факты др.-церк.-славянскаго языка не могутъ быть названы явленіями первоначальными съ точки зрѣнія сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, однако возникновеніе ихъ можетъ быть все же отнесено къ прасловянской эпохѣ въ качествѣ факта діалектическаго.

I. Прасловянскія явленія въ области формъ.

Въ системѣ формъ, какую находимъ въ древне-церк.-слов. языкѣ, замѣчаются довольно значительныя измѣненія и передвиженія сравнительно съ той системой формъ, какую можно предполагать въ языкѣ

индо-европейскомъ, и какую, слѣдовательно, унаслѣдовала изъ эпохи индо-европейскаго единства словянская языковая вѣтвь. Эти измѣненія восходятъ, однако, къ эпохѣ *праславянскаго* единства и касаются какъ области именныхъ, такъ и области глагольныхъ формъ.

Именныя формы.

§ 72. Праславянскій языкъ получилъ изъ индо-европейскаго нѣсколько типовъ именного склоненія, и эти типы можно еще вполнѣ ясно различить въ дошедшихъ до насъ др.-церк.-словянскихъ памятникахъ. Эти типы—слѣдующіе:

1) Склоненіе именъ съ основой на -ā (-i̯ā), какъ жена, слоуга, земла; 2) склоненіе именъ съ основой на -ū, какъ сквекрꙑ (изъ *svekrū); 3) склоненіе именъ съ основой на -o (-i̯o), какъ богъ, конь (изъ *bogo-s, *konjo-s), село, поле (изъ *selo-m, *poljo-m); 4) склоненіе именъ съ основой на -i, какъ гость, кость (изъ *gosti-s, *kosti-s); 5) склоненіе именъ съ основой на -ŭ, какъ сꙑнъ (изъ *sūnu-s); рядомъ существовали, вѣроятно, тѣ же основы на -u послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ (-i̯u), но такія имена не сохранились въ словянскихъ языкахъ; 6) наконецъ, склоненіе именъ съ основой на согласный, какъ камы—камене, имѧ—имене, телѧ—телѧте, слоко—слокесе, мати—матере (основа kamen-, imen-, telęt-, sloves-, mater-).

Изъ индо-европейскаго праславянскимъ языкомъ было получено различіе въ формахъ склоненія чиселъ единственнаго, множественнаго и двойственнаго и падежей: именительнаго, родительнаго, дательнаго, винительнаго, творительнаго и мѣстнаго, а также особая звательная форма.

Эту систему чиселъ и падежей мы находимъ и въ древне-церковнословянскомъ языкѣ. Особая форма *отложительнаго* падежа, существовавшая въ индо-европейскомъ, была утрачена уже въ праславянскомъ.

Полученныя изъ индо-европейскаго праязыка окончанія отдѣльныхъ падежей претерпѣли значительныя измѣненія и замѣны отчасти въ силу причинъ фонетическихъ, отчасти же въ силу вліянія психологическаго фактора—аналогіи.

Примѣчаніе. О словянскомъ именномъ склоненіи ср. Ляпунова «Формы склоненія въ старословянскомъ языкѣ», 1905. Одесса и Hujer'a «Slovanská deklinace jmenná» 1910 г. Praha.

§ 73. Форма *им. п. ед. ч.* въ основахъ на ā (-i̯ā) не имѣла особаго окончанія: ср. лит. ranka, лат. aqua, греч. θεά; что касается -i̯ā, то этотъ суффиксъ на ступени редукціи (ср. § 44, 49) являлся въ видѣ ī: ср. богыни, влдыи при кола, жена.

Не имѣли особаго окончанія также формы им. п. ед. ч. основъ ср. рода на -os (чередующееся съ -es): ср. греч. *ἔπος, κλέος, νέφος* и т. п. Имена ср. рода съ основой на *-o* въ им. и вин. п. ед. ч. имѣли окончаніе -m (n), которое отпало: иго, р. *иго* ср. съ греч. *ζυγόν*, лат. jugum. Форма им. п. ед. ч. основъ на -i, -u, -ū и на -o муж. рода имѣла окончаніе -*s*, которое отпало (см. § 35): ср. лит. aki-s, sūnu-s, vilka-s, лат. ovi-s, manu-s, socr-us (основа на -ū), lupus (изъ lupo-s), греч. *πόλις, πηχῦς, χέλυς*, съ одной стороны, и прасл. *gostь, *synъ, *svekry, *bogъ,—очевидно изъ *gostis, *sūnus, *svekrūs, *bogos,—съ другой.

Въ формѣ *bogos, очевидно, явилось вмѣсто первоначальнаго -os—us, тогда какъ въ формѣ им. ед. ср. р. *slovos -os дало затѣмъ -o: ср. др.-ц.-сл. слоко, небо, рус. *слово, небо*,—прасл. *slovo, *nebo съ греч. *κλέος, νέφος*. Противорѣчіе между этими фактами: *bogъ изъ *bogos при *slovo изъ *slovos объясняется различно, въ зависимости отъ взгляда на условія измѣненія -o въ -u въ конечномъ закрытомъ слогѣ, какъ отъ этого взгляда зависитъ и объясненіе формы *igo изъ *igo-n: ср. греч. *ζυγόν* и лат. jugum (изъ *jugom). Какъ показываютъ формы вин. п. ед. ч. основъ на -o—*bogъ изъ *bogon (ср. греч. *λύκον* и лит. lupun изъ *lupom), -o въ закрытомъ конечномъ слогѣ передъ -*n* давало -u (ъ); слѣд. форма *igom должна была дать *igъ, и форма *igo—нефонетическая; отрицающіе законъ измѣненія -o въ конечномъ закрытомъ слогѣ и передъ -s объясняютъ *igo—вліяніемъ *slovo, считая послѣднюю форму фонетической (изъ *slovos), форму же *bogъ им. ед. ч. (изъ *bogos) считаютъ возникшей подъ вліяніемъ вин. п. ед. ч.—*bogъ (изъ *bogon). Признающіе законъ измѣненія конечнаго -os въ -us, считая форму *bogъ им. п. ед. ч. фонетической, объясняютъ *slovo (вмѣсто ожидаемаго *slovъ изъ *slovos)—и *igo (вмѣсто *igъ) вліяніемъ мѣстоименной формы *to (изъ *tod, съ очень раннимъ отпаденіемъ d).

Рѣшить съ увѣренностью спорный вопросъ трудно; первоначальныя отношенія фактовъ, очевидно, спутаны вліяніями аналогіи, направленіе которыхъ невозможно разгадать на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ (литература вопроса указана въ § 38).

Въ формѣ konjo-s изъ -jos получилось ь: др.-ц.-сл. конь,—которое можно понимать различно; если jo>je раньше, чѣмъ -on>-un (-os>-us?), то въ формѣ *konjъs явилось -jъs вмѣсто -jes нефонетически подъ вліяніемъ именъ типа *bogŭs (изъ *bogos) или же подъ вліяніемъ именъ на -jus, которыя слились съ именами на -jos, оставивъ свой слѣдъ въ формѣ зват. п. ед. ч. (*učitelju—др.-ц.-сл. оучителю, какъ *synu—др.-ц.-сл. сыноу: ср. *orbe—др.-ц.-слов. рабе). Если же предполагать, что законъ измѣненія -on въ -un (-os>-us?) древнѣе, чѣмъ переходъ jo въ je, то

форма конь является фонетической: *konjъs > *konjьs > *konjь или же объясняется вліяніемъ вин. п. *konj-un изъ *konj-on (ср. Ляпуновъ Arch. XXXIII, 531, 534 с.); ср. поле изъ *poljon.

Основы средняго рода на -n оканчивались въ праслов. на -ѧ: ср. др.-ц.-сл. сѣмѧ; это ѧ скорѣе всего получилось изъ -ēn (ср. лат. nōmen).

Примѣчаніе. Иначе—Pedersen K. Z. 38 т. 323 с. Вондракъ В. В. 29 т., 215 с.; ср. также Миккола въ В. В. 22 т., 253 с. и Hujer Slov. Dekl. § 47.

То же окончаніе ѧ было въ им. ед. ч. основъ на -nt: *telę (др.-ц.-слов. телѧ) — изъ *telent; подробнѣе объ этой формѣ см. у Гуйера Slov. Dekl. § 48.

Основы муж. р. на -n оканчивались въ прасл. на -y: ср. др.-ц.-сл. камы при род. п. камене, причемъ происхожденіе этого -y не вполнѣ ясно; словянскія формы на -y можно сопоставлять съ греческими на -ōn (ἄκμων) или же съ греческими на -ō, какъ ἀηδώ (ср. лит. akmů, лат. homo, гот. guma). Среди различныхъ объясненій (о нихъ—ср. у Hujer'a, Slov. Dekl. §§ 33—38) болѣе правдоподобны два: одно ведетъ -y (ъı) изъ конечнаго ō съ нисходящей интонаціей (˜),—ср. лит. akmů; другое—изъ -ōns, причемъ предполагается, что праслов. *katōn получило подъ вліяніемъ другихъ формъ им. ед. ч. м. р. (*sūnus, *gostis, *bogos) конечное s, т. е. измѣнилось въ *katōns (о судьбѣ конечнаго -ons ср. въ § 39, о судьбѣ конечнаго -ōn—въ § 38).

Основы жен. рода на -r оканчивались въ прасл. въ им. ед. на i: ср. др.-ц.-сл. мати, дъшти (при род. п. матере, дъштере), чеш. dcі, máti, болг. діал. *мати, дъшти*, серб. màti, kćī, словин. máti, hćī. Эти формы, безъ конечнаго -r, соотвѣтствуютъ литовскимъ motẽ, dukt̃ė и др.-инд. mātā́, duhitā́; одни изслѣдователи объясняютъ слов. i изъ ē съ интонаціей ˜, другіе—предполагаютъ вліяніе такихъ именъ, какъ *bogyni (ср. § 36).

Родит. п. ед. ч.

§ 74. Окончаніемъ род. п. ед. ч. въ именномъ склоненіи, судя по показаніямъ иныхъ индо-европейскихъ языковъ, было -es или -s. Окончаніе -es, повидимому, имѣемъ въ словянской формѣ род. п. ед. ч. основъ на согласный: др.-ц.-сл. камене, матере, имене, телате изъ *kamen-es, *mater-es и т. д. въ силу отпаденія конечнаго -s; ср. лит. akmeñs—изъ болѣе древняго akmenes, встрѣчающагося въ древнѣйшихъ памятникахъ литовскаго языка.

Окончаніе -s отражается въ основахъ на -i и -u, причемъ тематическій гласный этихъ основъ является въ сильномъ видѣ, т. е. въ видѣ

дифтонга: др.-ц.-сл. гости восходитъ къ *kostei-s или *kostoi-s, если -ois при извѣстномъ видѣ долготы давало -i (ср. форму повел. наклон.: вѣри изъ *bherois): готск. -ais въ этой формѣ восходитъ къ -ois, а лит. -ės скорѣе къ -eis (ср. Эндзелинъ, Слав.-балт. этюды 149 с.). Прасл. *synu (др.-ц.-сл. сынъ) восходитъ, повидимому, къ *sūnoųs: ср. лит. sūnaũs, гот. sunaus.

Менѣе ясны по происхожденію формы род. п. ед. ч. отъ основъ на -ā и основъ на -o.

Въ основахъ на -ā ожидали бы окончанія -a изъ болѣе древняго -ās: ср. греч. χώρας, μιᾶς, лат. familias, лит. gaĩkos, др.-инд. bṛhatjās; имѣемъ же окончанія -y, а въ мягкихъ основахъ -ę при діалектическомъ (др.-русскомъ и польскомъ) -ě: др.-ц.-сл. коды, женꙑ, землѧ, др.-русс. земль, пол. ziemie. Старое окончаніе -ās въ данныхъ формахъ было, повидимому, вытѣснено новообразованіемъ -ons, изъ котораго въ твердыхъ основахъ получилось -y, въ мягкихъ -ę (-i̯ons, -ions, -i̯ę); причиной вытѣсненія старой формы (на -a изъ -ās) было, вѣроятно, ея неудобство въ силу совпаденія съ формой им. п. ед. ч.

Примѣчаніе. По вопросу о происхожденіи новообразованія -ons въ данной формѣ ср. у Ляпунова, Формы склон., 36 с.; Hujer'a Slov. Dekl. § 109; Meillet допускаетъ фонетическое измѣненіе конечнаго -ās въ y (R. Sl. VII, 6—7 с.). Объ -ę и -ě изъ -jons ср. въ § 39; къ приведенной тамъ литературѣ должно добавить Ванъ-Вейка въ Arch. XXXVI, 460 и сл.

Род. п. ед. ч. основъ на -o оканчивался на -a: др.-ц.-слов. бога. Словянская форма не соотвѣтствуетъ ни др.-индійской vṛkasja—съ окончаніемъ *-si̯o, перенесеннымъ изъ мѣстоименнаго склоненія, ни латинской — lupī, но вполнѣ соотвѣтствуетъ литовской — vil̃ko и объясняется различно; одними — изъ предполагаемой индо-европейской формы на -i̯o (*vˢl̥ko-i̯o > *vˢl̥ko-o > *vˢl̥kō = волка,—Фортунатовъ), другими—изъ утраченной въ словянскомъ формы отложительнаго на -ōd.

Примѣчаніе. Ср. по этому вопросу у Hujer'a Slov. Dekl. § 113, Эндзелина Слав.-балт. этюды, 132 и сл.

Дат. п. ед. ч.

§ 75. Окончаніемъ дат. п. ед. ч. въ основахъ на согласный, основахъ на -i и на -u являлось -i: др.-церк.-слов. камени, гости, сынови, причемъ происхожденіе этого -i неясно.

Въ -i основъ на согласный (*kameni) и основъ на -u (*synovi) видятъ рефлексъ индоевропейскаго -ai: ср. древне-инд. šunē, mātrḗ, sūnávē (-ē изъ -ai), лат. homin-ī, mātrī, manuī; однако въ лит. формахъ герундія lėidžanti-s, sùkanti-s (=dat. s.), сохраненіе -i предъ -si

(форма возвратнаго залога) указываетъ на происхожденіе его изъ -ĭ, а не изъ дифтонга.

Параллельно *sūnęu̯-ai ожидается въ словянскомъ *gostei̯-ai, изъ котораго нѣкоторые изслѣдователи ведутъ форму *gosti, какъ результатъ гаплологіи. По мнѣнію другихъ, форма *gosti, *kosti — нефонетическаго происхожденія: -i перенесено изъ формы основъ на согласный, или же форма *gosti представляетъ собственно мѣстный падежъ, получившій также функцію дат. п. подъ вліяніемъ основъ на -a, гдѣ въ дательномъ и мѣстномъ падежахъ имѣлась одинаковая форма: *vodě, *vol'i.

Примѣчаніе. Если вѣрно второе предположеніе, то форму основъ на согласный *kamen-i, *materi можно было бы считать результатомъ вліянія основъ на -i, какъ допускаетъ Brugmann.

Ср. Brugmann K. V. Gr. 383—384 сс.; Ляпуновъ, Формы склоненія, 50 и сл.; Hujer, Slov. Dekl. 124 и сл.; Вондракъ I. F. X, 113 с.; Vergl. Sl. Gr. I, 61 и сл.; Leskien, I. F. X, 259 и сл.; Zubatý, R. Sl. II, 2 с.; Meillet, Mém. S. L. XVIII, 1—2 сс.

Основы на -ā имѣли въ праслов. окончаніе -ě: др.-церк.-слов. кодѣ: ср. греч. χώρᾳ, θεᾷ, лат. terrae, гот. gibai, лит. gaĩkai; ě получилось изъ -āi (а это изъ -ā основы+окончаніе -ai): -āi>aį>oi>ě (ср. § 14 и § 36).

Въ тѣхъ же основахъ на -ā послѣ смягченныхъ согласныхъ закономѣрно имѣется -i: др.-ц.-сл. коли; *voljoi>*voljei>*volji.

Примѣчаніе. Какъ показываетъ греческій языкъ, ā въ формѣ дат. п. и въ формѣ вин. п. ед. ч. имѣло различное слогоударѐніе; ср. θεᾷ и θεάν. По-видимому, при слогоударѐніи, соотвѣтствующемъ греческому ~, долгота гласнаго предъ į, и очень рано сократилась въ праславянскомъ (Brugmann, K. V. Gr., 279 с.), т. е. *voljāį>*voljaį=*voljoį (ср. § 14); *voljoi>*voljei (ср. § 30), откуда коли. Но *voljām давало *voljǫ, ибо въ эпоху, когда jo>je, здѣсь еще не было сокращенія ā въ a=o. Позже въ вин. п. ударѐніе, соотвѣтствующее греческому ´, замѣнилось ударѐніемъ иного типа (греч. ~).

Въ дат. п. ед. ч. основъ на -o въ праслов. имѣлось окончаніе -u: др.-ц.-сл. рабу. Въ греч. имѣемъ θεῷ, гдѣ ῷ—изъ и.-евр. -ōi (съ ō), въ др.-лат. — populoi, въ др.-прусс. — wirdai, въ литовскомъ — vilkui: -ui изъ -ûi, а это—изъ ōi; ōį съ извѣстнымъ видомъ долготы (слогоударѐнія) получилось изъ тематическаго o+ai. Словянское -u, обычно, получается изъ oų (ср. § 15). Отношеніе къ и.-евр. -ōi остается неяснымъ.

Примѣчаніе. По Фортунатову и Ляпунову -ōi измѣнилось въ ōй, затѣмъ въ -ōų, oų, откуда -u. По мнѣнію Meillet, конечное -ōi фонетически давало -u (R. Sl. VII, 3—4 сс.).

Иные изслѣдователи ищутъ морфологическаго объясненія формы *orĭbu, видя въ формѣ дат. п. ед. ч. -orĭbu первоначальную форму мѣстн. над. ед. ч. основъ на -o: эта-де форма на -oų существовала рядомъ съ формой на -oį,

и такъ какъ форма дат. п. на -ōi совпала съ формой мѣстн. п. на -oį, то неудобство этого совпаденія было устранено перенесеніемъ формы мѣстн. пад. на -oų въ форму дат. п. Hujer, Slov. Dekl. § 132 и сл.; нѣсколько иначе— Эндзелинъ, Слав.-балт. этюды, 160 с.

Вин. пад. ед. ч.

§ 76. Вин. п. ед. ч. основъ на -i, u имѣетъ окончанія -ь, -ъ, восходящія къ -im, -um: др.-ц.-слов. гость, сынъ,—ср. лит. ãkį, súnų, лат. turrim, portum, греч. *πόλιν*, *γλυκύν*, др.-инд. agnim, sūnúm (ср. § 38).

Вин. п. ед. ч. основъ муж. рода на -o оканчивался на -ъ, восходящее къ -on изъ -om: др.-ц.-сл. богъ изъ *bogon,—греч. *ἵππον*, лат. equum изъ equom, лит. tãką; о измѣнилось въ й до отпаденія конечнаго n (ср. § 38).

Въ тѣхъ же основахъ послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ имѣлось окончаніе -jь изъ -jon; если конечное -on переходило въ -un (-ъn) позже, чѣмъ jo>je, то *konjun (вм. *konjen) могло явиться подъ вліяніемъ *bogun.

Въ основахъ на -ā имѣлось окончаніе -ǫ: др.-ц.-сл. женѫ,—восходящее къ и.-евр. -ām (ср. лат. terram, лит. gaĩką, греч. *χώραν*). То же -ǫ имѣлось послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ: др.-ц.-слов. колѭ изъ *voljām (ср. § 40 и § 75 прим.).

Вин. п. ед. ч. муж. и жен. рода основъ на согласный въ прасл. оканчивается на -ь: ср. др.-ц.-сл. камень, матерь; это -ь, повидимому, восходитъ чрезъ посредство -im къ индо-европ. -m̥, на которое указываютъ лат. matrem, hominem, греч. *μητέρα*, *ἄκμονα*, др.-инд. mātáram, áśmānam, лит. móterį, ãkmenį (ср. § 38, п. 1).

То же окончаніе -ь изъ -m̥ имѣлось въ основахъ на -ū: др.-ц.-сл. кръвь: ср. др.-инд. tanúvam, śvaśrúvam (ср. у Hujer'a Slov. Dekl., § 90).

Твор. п. ед. ч.

§ 77. Въ большинствѣ основъ окончаніемъ твор. п. ед. ч. является -mь: др.-ц.-сл. пѫтьмь, каменьмь, сынъмь, рабомь. Только въ основахъ ж. р. на -i, основахъ на -a, на согласный и ū, находимъ иныя формы: др.-ц.-сл. костїѭ (изъ *kostьjǫ), рыбоѭ, матерїѭ, скекрыкїѭ. Окончаніе -mь вполнѣ соотвѣтствуетъ литовскому -mi въ формахъ твор. пад. naktimì, sūnumì, akmenimì и, въ извѣстной степени, греч. -*οφι* въ *θεόφι* (греческое *φ*—изъ *bh). Окончаніе это непервоначально въ основахъ на -o (*orbomь): ср. ведійск. vṛkā, авест. vəhrka, гот. wulfa, лит. vilkù. Очевидно, основы на -o получили -mь въ словянскомъ подъ вліяніемъ -i и -u-основъ,—въ силу параллелизма отношеній въ иныхъ падежныхъ формахъ (*synъ : *pǫtь : *orb(h)ъ=*synъ-mъ : *pǫtь-mъ : *orbo-mъ—дат. п. мн. ч.=*synъ-mь : *pǫtь-mь : *orbō; вм. послѣдней явилось *orbo-mь). Относительно формы основъ на согласный (камен-ь-мь) слѣдуетъ замѣтить,

что форма эта подверглась вліянію основъ на -i, получивъ предъ окончаніемъ -mь тематическое -i. Ср. Hujer, Slov. Dekl. § 151.

Форма рѫкоѭ не соотвѣтствуетъ формамъ ближайше родственныхъ языковъ: латыш. на -u (изъ -ām), лит.—на -à (rankà при діалект. на -ù). Въ виду этихъ показаній балтійскихъ языковъ приходится думать, что и въ праслов. окончаніемъ -ā основъ въ твор. п. ед. ч. было -ām, которое вытѣснено было въ прасловянскомъ же окончаніемъ -ojǫ: форма *ryьojǫ получилась при им. п. *ryьa, вин. п. *ryьǫ по аналогіи отношеній *ta, *tǫ, *tojǫ (ср. др.-ц.-сл. та, тѫ, тоѭ). Точно такъ же др.-и. áśvayā объясняютъ вліяніемъ мѣстоименнаго tayā. Діалектическія др.-ц.-сл. формы типа рѫкѫ, вѣроятно, имѣютъ ѫ изъ -ojǫ (стяженіе), какъ и пол. rybą, чеш. rybou. Подробнѣе—у Гуйера Slov. Dekl. § 159.

Подъ вліяніемъ формы *ryьojǫ возникли и формы *kostьjǫ, *materьjǫ, *svekrъvьjǫ: др.-ц.-сл. костиѭ, материѭ, свекрѫвиѭ; ср. лит. naktimì, moterimì.

Мѣстн. п. ед. ч.

§ 78. Сравненіе съ иными индо-европ. языками указываетъ, что въ формѣ мѣстнаго падежа ед. ч. имена имѣли окончаніе -i, или же представляли чистую основу.

Формы мѣстн. п., представлявшія чистую основу, сохранились въ ведійскомъ udán (въ водѣ), греч. *αἰέν* (всегда), *ἔν-δον* (внутри), лат. penes (предлогъ—у), греческихъ формахъ инфинитива—*δόμεν*, *τιθέμεν* и т. п. Окончаніе -i, присоединенное къ основѣ, отражается въ греч. *οἴκοι* (*οἰκο-|-ι*).

Въ словянскомъ формы мѣстн. п., представлявшія чистую основу, сохранились въ основахъ на -i и на -u; въ основахъ на -i въ праслов. имѣлось окончаніе -i, въ основахъ -u—окончаніе -u: др.-ц.-сл. кости, сынѹ.

Въ формѣ *kosti -i можетъ восходить къ ēi̯ или ei̯, которое и представляетъ полный видъ тематическаго элемента: гласный же i (=ь) есть ступень редукціи дифтонга -ei (ср. § 48).

Въ формѣ сынѹ -u- можетъ одинаково восходить какъ къ -ēu̯, такъ и къ -ōu̯, или же къ -eu̯, -ou̯: ср. др.-инд. sūnāu и vástō, гот. sunau, лат. lacū и литовскія діалектическія Wilnuo, dangu̇o-je (-uo изъ -ōu или изъ ō).

Примѣчаніе. Ср. Ляпуновъ, Формы склоненія, 49 с., Hujer Slov. Dekl. § 140—142; Эндзелинъ, Слав.-балт. этюды, 179 с.

Возводя форму *synu къ *sūnēu, пришлось бы предполагать, что -u вм. ожидаемаго изъ -ēu -ju явилось подъ вліяніемъ остальныхъ падежей. О формѣ мѣстн. п. ед. на -ō, отражающейся въ нарѣчіи *doma (р. *дома*), ср. у Hujer'a Slov. Dekl. § 142.

Формы мѣстн. п. ед. ч. съ окончаніемъ -i имѣлись въ основахъ на -o и на -ā. Основы на -o оканчивались, такимъ образомъ, на -oi, откуда

-ě: др.-ц.-сл. рабъ, рус. *рабъ*; въ мягкихъ основахъ изъ -i̯oi̯ правильно получилось -ei и затѣмъ -i: др.-ц.-сл. конѣи.

Точно такъ же въ основахъ на -ā изъ -ā+i (*vodā-i) получилось -ě (др.-ц.-сл. водѣ), въ мягкихъ основахъ -i (др.-ц.-сл. кони).

Примѣчаніе. Подробнѣе ср. у Гуйера Slov. Dekl. § 135 и сл. и у меня Roczn. Sl. V т. 113 с.

Основы на согласный и на -ū имѣли въ мѣстн. п. ед. ч. окончаніе -e: др.-ц.-сл. камене, небесе, телѣте, цр҃кви. Это окончаніе -e объясняютъ какъ частицу, присоединенную къ формамъ *kamen, *telęt и т. д.,— представлявшимъ чистую основу. Частицу эту сопоставляли съ предлогами: греч. *ἐν*, др.-прусск. en, лат. in, слов. *vъ (изъ болѣе древняго *on), съ др.-инд. постпозитивнымъ -ā́.

Примѣчаніе. Ср. J. Schmidt K. Z. XXVII, 307 с., Погодинъ Р. Ф. В XXXV, 137 с.; Фортунатовъ—Ляпуновъ Формы склоненія 57 с.; Brugmann Grundr. II¹, 520, 598, 610, 618 и сл., 690 и сл., 710, 767; K. V. G. 385, 465 Grundr. II², 2, 178, 179, 185 сс.; Meillet Introd.² 260 с., Vondrák Vgl. Gr. I' 34, II, 5 с. Иначе—Гуйеръ, Slov. Dekl. § 145.

Звательная форма.

§ 79. Особая звательная форма, не совпадающая съ формой им. п., существуетъ лишь для единственнаго числа. Эта форма въ основахъ на -o муж. рода оканчивалась въ праслов. на -e: др.-ц.-сл. раче; гласный -e представляетъ однако не окончаніе, а иной видъ тематическаго гласнаго: въ данныхъ основахъ -o чередовалось съ -e. Словянская форма вполнѣ соотвѣтствуетъ греч. *λύκε*, лат. lupe, др.-инд. vṛ́ka, лит. dẽvè.

Основы на -i̯o имѣли, повидимому, уже въ прасловянскомъ, звательную форму на -i̯u: др.-ц.-сл. конію; это окончаніе основы на -jo, очевидно, получили отъ основъ на -i̯u, которыя потеряли свое самостоятельное склоненіе, слившись съ основами на -i̯o въ одну группу.

Примѣчаніе. Ср. Leskien, Bildung der Nomina 328, Berneker K. Z. XXXVII, 382 с.; иначе—Meillet, Recherches, 52 и Фортунатовъ,—ср. Ляпуновъ, Формы склоненія, 32 с.

Звательная форма основъ на -a представляетъ основу съ конечнымъ гласнымъ -o, т. е. съ гласнымъ основы въ ослабленномъ видѣ: др.-ц.-сл. жено,—ср. греч. *νύμφα*; слов. -o можетъ восходить къ прасловянскому ā или же къ ə.

Звательная форма основъ на -i оканчивается на -i, которое, повидимому, восходитъ къ -ei: др.-ц.-сл. гости изъ *gostei; такимъ же образомъ зват. форма основъ на -u: др.-ц.-сл. сыну—представляетъ старую основу *sūnęu или *sūnou̯ (лит. sūnaũ); ср. Vondrák, Vrgl. Gr. II, 5, Leskien, Gramm. 111.

Въ именахъ ср. рода основъ на -о и основахъ на согласный и ū звательная форма не отличается отъ формы им. падежа.

Имен.-вин.-зв. п. двойств. числа.

§ 80. Форма им.-вин. п. дв. числа въ основахъ на -о муж. рода имѣла въ прасловянскомъ окончаніе -а: ср. др.-ц.-сл. рака, дъва. Это -а естественнѣе всего возвести къ индо-европ. -ō, на которое указываютъ греческія формы λύκω, τώ, лат. duo, ambo, ведійскія формы на -ā и литовскія на -u (vilkù).

Та же форма въ основахъ на -о средняго рода имѣетъ окончаніе -ě: др.-ц.-слов. лѣтѣ, и то же окончаніе находимъ и въ основахъ на -ā: др.-ц.-слов. рыкѣ. Это тожество окончанія въ -о-основахъ ср. рода и -ā-основахъ наблюдается также въ арійскихъ языкахъ: др.-инд. yugé, авест. χšaϑre и áśvē (ē изъ -ai). Словянское -ě въ данныхъ формахъ восходитъ къ дифтонгу, къ какому именно, oi или ai,—неясно, такъ какъ oi и ai въ словянскомъ совпали; на дифтонгъ указываетъ измѣненіе к въ ц: рыцѣ; ср. по данному вопросу у Гуйера Slov. Dekl., § 77.

Форма им. п. дв. ч. -i основъ оканчивалась на -i, въ -u-основахъ на -y: ср. др.-ц.-слов. гости, гости, сыны. Эти окончанія обычно объясняютъ, какъ возникшія по аналогіи отношеній им. и вин. п. ед. ч. и им.-вин. п. дв. ч. основъ на -о: по аналогіи отношеній *orъos : *orъom : *orъō явилось *sūnū, *gostī при *sūnus, *gostis и *sūnum, *gostim: ср. Meillet, Introduction², 263 с.

Въ основахъ на согласный мужескаго и женскаго рода окончаніемъ им. п. дв. ч. является -i: ср. др.-ц.-сл. камени, матери. Пра-индо-европейская флексія не можетъ быть съ увѣренностью установлена (ср. др.-инд. pādā, греч. πόδε, κύνε, авест. pāδa), но во всякомъ случаѣ иные индо-европейскіе языки не даютъ права предполагать первоначальную флексію -i, а потому словян. формы *kameni, *materi разсматриваются какъ результатъ вліянія -i основъ, сказавшагося и въ другихъ падежахъ (ср. instr. s. камень-мь, dat. pl. камень-мъ, loc. pl. камень-хъ). Основы на согласный средняго рода имѣютъ окончаніе i: ср. др.-ц.-сл. имени, тѣлеси, отрочати,—въ согласіи съ иными индо-европейскими языками: ср. др.-и. nāmanī, авест. vī-saiti, лат. viginti. Формы им. п. дв. ч. на -ě: др.-ц.-сл. именѣ, тѣлесѣ должно считать поэтому новообразованіями (подъ вліяніемъ п. dual. -о-основъ ср. рода: ср. др.-ц.-сл. лѣтѣ).

Род.-мѣстн. п. двойственнаго числа.

§ 81. Форма род.-мѣстн. п. дв. ч. во всѣхъ основахъ оканчивалась на -u: ср. др.-ц.-сл. богу, рыбу, камену, костию, сыноку. Словянское -u, очевидно, восходитъ къ дифтонгу -оц, — ср. др.-инд. -ōs и авест. окончаніе мѣстн. дв. ч. -ō (изъ дифтонга).

Примѣчаніе. Ср. по этому вопросу Meringer K. Z. XXVIII, 233 с., B. B. XVI, 227 с., Brugmann Grundriss II², 2, 207 с., Zubatý I. F. VIII, 215 с.

Дат.-твор. п. двойств. ч.

§ 82. Формы дат. и творит. пад. двойств. числа имѣли одно и то же окончаніе -ma во всѣхъ именахъ: др.-ц.-слов. рѫкама, рабома, гостьма, сынъма, каменьма. Въ литовскомъ имѣется окончаніе -m, — послѣ -m отпалъ гласный (иначе -m измѣнилось бы въ -n); въ авестійскомъ находимъ -bja, въ др.-инд. -bhyām. Общую праиндоевропейскую форму, такимъ образомъ, нельзя установить.

Въ словянскихъ формахъ основъ на согласный (*kamenьma) сказалось вліяніе -i основъ (-ь-ma), въ формахъ основъ на -o др.-инд. указываетъ на долгій гласный въ исходѣ основы (vṛkābhyām), почему видятъ въ словянскомъ -o-ma результатъ вліянія формы дат. п. мн. ч. (*vьlkomъ); подробнѣе см. у Hujer'a § 153—154.

Именит. п. мн. ч.

§ 83. Въ *им. п. мн. ч.* въ большинствѣ основъ праслов. языкомъ была получена флексія -es: ср. греч. πόλεις, крит. τρεες, лат. hostēs, др.-инд. mā́tayas, trā́yas. Конечное -s въ этой флексіи отпало; такъ получилось -e въ др.-ц.-сл. камене изъ *kamenes; сквекрѣке изъ *svekrъves. Такимъ же образомъ объясняются формы им. п. мн. ч. основъ на -i, -u: др.-ц.-сл. пѫтиѥ изъ *pǫteįes или *pǫtiįes и *synove (др.-ц.-сл. сыноке) изъ *sūneues.

Примѣчаніе. Отрицающіе звуковой переходъ eį—въ iį (передъ гласнымъ), какъ Эндзелинъ (Слав.-балт. эт. 172 и сл.), предполагаютъ форму *pǫtiįes (ibid. 174 с.), — ср. выше, § 29, прим. Форма *sūneu-es (-eu полный видъ тематическаго суффикса, -u—ступень редукціи) измѣнилась въ *sūnoues подъ вліяніемъ род. мн. *sūnou-ōm, гдѣ -ou—изъ -eu передъ слогомъ съ твердымъ гласнымъ (см. § 15).

Въ основахъ на -o въ праслов. и др.-ц.-сл. находимъ флексію -i: др.-ц.-сл. раби; эту флексію нельзя сближать съ и.-евр. -ōs (ср. др.-инд. vṛkās, гот. wulfōs), а необходимо вести изъ мѣстоименнаго окончанія -oi (ср. греч. τοί, лат. istī, древне-прусск. stai), затѣмъ перешедшаго въ именное склоненіе (лит. vilkaĩ, греч. θεοί, лат. lupī): о переходѣ конечнаго -oi въ -i ср. выше, въ § 36; что і здѣсь—изъ -oi, показываетъ измѣненіе передъ нимъ k въ c (ц): ср. § 28. Им. п. мн. ч. основъ на -ā оканчивался въ праслов. на -y: др.-ц.-сл. жены. Послѣ мягкихъ неслоговыхъ тѣ же -ā основы имѣли окончаніе -ę: др.-ц.-слов. земль, но др.-русскій и зап.-слов. языки имѣли окончаніе -ѣ, -ě. Между тѣмъ иные и.-евр. языки указываютъ на окончаніе -ās: др.-инд. áśvās, гот. gibōs,

лит. meřgos. Большинство изслѣдователей видятъ въ окончаніяхъ -у, -ę, -ě им. падежа мн. ч. собственно окончаніе вин. п. мн. ч., перенесенное сюда въ силу совпаденія между им. п. ед. ч. *ženā и им. п. мн. ч. *ženā съ ā изъ -ās, быть можетъ, также подъ вліяніемъ -і основъ, гдѣ им. п. мн. ч. и вин. п. мн. ч. имѣлъ одно окончаніе (*kosti): ср. Hujer, Slov. Dekl. § 68. О происхожденіи -у, -ę, -ě въ вин. п. мн. ч. ср. ниже, § 86. Meillet, наоборотъ, предполагаетъ фонетическое измѣненіе конечнаго -ās въ -у (ъі),—R. Sl. VII, 6 с.

Им. п. мн. ч. именъ средняго рода во всѣхъ основахъ имѣлъ въ праслов. окончаніе -а: ср. др.-ц.-сл. мѣста, имена, слокеса, телата. Это же окончаніе (ā) находимъ и въ иныхъ индо-европейскихъ языкахъ, но не во всѣхъ основахъ: въ основахъ на согласный въ арійской вѣтви имѣлось окончаніе -і, или же удлиненіе исходнаго гласнаго основы безъ всякаго окончанія (др.-инд. bhárantі, авест. manā съ долгимъ -ā изъ -ās). Окончаніе -ā обобщилось не только въ словянскомъ, но также въ латинскомъ и греческомъ: лат. verba, genera, nomina (a изъ ā). Окончаніе им. п. мн. ч. ср. р. -ā считаютъ по происхожденію тожественнымъ съ -ā въ им. п. ед. ч. именъ женскаго рода съ основой на -ā: первоначально им. п. мн. ч. на -ā средняго рода представлялъ им. п. ед. ч. ж. р. со значеніемъ *собирательнаго;* въ силу такого значенія и выработались формы остальныхъ падежей съ окончаніями множ. числа; ср. J. Schmidt, Pluralbildungen der idg. Neutra.

Род. п. мн. ч.

§ 84. Форма род. п. мн. ч. во всѣхъ основахъ оканчивалась на -ъ, а послѣ j на -ь (-jь изъ -jъ,—ср. § 30): др.-ц.-сл. коѥ, конь, рыкы, дошть, гостии, гостии (изъ *gostьjь), сынокъ, каменъ, матерь. Эта флексія -ъ восходитъ къ первоначальной индо-европейской -ōt съ нисходящей интонаціей, какъ показываетъ греческое θεῶν, ποδῶν и т. п.; греческимъ формамъ на -ῶν соотвѣтствуютъ латинскія на -um: deum, pedum и т. д. и литовскія на -ū: vilkū, mergū (діалектически на -ų, -un). Въ словянскомъ -ъ получилось въ силу сокращенія -ōn (изъ -ōt) при нисходящей интонаціи въ -on, откуда -un и затѣмъ u, т. е. ъ (ср. § 38). Форма *kostьjь получилась изъ *kosteį̯-ōm или *kostiį̯ōm (kostiį̯-om>*kostьį̯ъ> *kostьįь); форма *synovъ—изъ *sūneų̯-ōm (ср. § 15).

Примѣчаніе. Форму *kostiį̯ōm предполагаетъ Эндзелинъ, отрицающій переходъ -ei- въ -ii- (Сл.-балт. эт. 174 с.). Ср. о формѣ род. мн. у Ляпунова, Формы скл. 20 с. и Гуйера, Slov. Dekl. § 120, Meillet, R. Sl. VII, 8 с. (отрицая измѣненіе ōn>on, ведетъ слов. ъ изъ предполагаемаго имъ въ род. мн. для и.-европ. праязыка рядомъ съ -ōn, -on).

Дат. п. мн. ч.

§ 85. Окончаніемъ дат. п. мн. ч. во всѣхъ основахъ было -mъ: др.-ц.-сл. рыбамъ, рѣкамъ, гостьмъ, сынъмъ, каменьмъ. Форма основъ на согласный, очевидно, подверглась вліянію -i-основъ; впрочемъ, въ отдѣльныхъ языкахъ сохранились, повидимому, слѣды старой формы основъ на согласный: на -n-+mъ: таковы древне-сербскія формы градѣмъ, доброчьчамъ—изъ *gordjan-mъ, *dobrovъčan-mъ (въ грамотѣ 1189 г.), словинское goričam изъ *goričan-mъ, содомлямъ въ Арханг. Ев.—изъ *sodomjan-mъ.

Примѣчаніе. Ср. Даничича Историја облика, 95, 118, 135; Соболевскаго Лингвист. и археологич. замѣтки, 63 с., Ягича Arch. VI, 295 с.

Окончаніе -mъ одни изслѣдователи (Фортунатовъ, Ляпуновъ) возводятъ къ прасл. *-mos, которое сопоставляютъ съ окончаніями балтійскихъ языковъ -ms, -mas, др.-инд. -bhyas, лат. -bos, -bus, кельтск. *-βo;* другіе (Гуйеръ) предполагаютъ болѣе древнюю флексію -mom, которую сопоставляютъ съ др.-инд. -bhyam въ мѣстоименномъ склоненіи (túbhyam, yušmábhyam); третьи отожествляютъ словянское -mъ съ литовскимъ -mus (Эндзелинъ).

Примѣчаніе. Подробнѣе см. у Hujer'a Slov. Dekl. § 155. Эндзелина, Сл.-балт. этюды, 158 и сл. и у меня въ Roczn. Slaw. V, 108 с.

Вин. п. мн. ч.

§ 86. Формы основъ на -i и -u: др.-ц.-сл. гости, сыны, повидимому, восходятъ къ *gostins, *sununs (ср. § 39).

Примѣчаніе. Процессъ измѣненія конечнаго сочетанія -ins, -uns въ ī, ū (y) представляютъ различно: -ins, -ьns, ī (Streitberg I. F. I, 288 с.); ins-īs-ī, uns-ūs-ū (Vondrák B. B. XXIX, 220 с.); ins-įs-īs-ī, uns-ųs-ūs-ū (Фортунатовъ—Ляпуновъ Формы склон. 43 с.); ins-īns-įs-īs-ī, uns-ūns-ųs-ūs-ū (Leskien Gram. 51).

Въ основахъ на -o муж. р. послѣ твердыхъ неслоговыхъ звуковъ имѣлось окончаніе -y, послѣ мягкихъ -ę: др.-ц.-сл. коги, конѩ. Однако языки русскій и польскій указываютъ на параллельное -ę окончаніе въ -jo-основахъ -ě: др.-русс. *конь*, пол. koniе.

Тѣ же окончанія -y въ твердыхъ основахъ, -ę и -ě въ мягкихъ имѣлись въ -ā основахъ: др.-ц.-слов. рыкы, душѧ, др.-русс. *земль*, пол. ziemie.

Словянское окончаніе -y въ основахъ на -o, будучи сопоставлено съ -ę мягкихъ основъ, очевидно, указываетъ на болѣе раннее -ons и со-

отвѣтствуетъ окончаніямъ греч. діалект. (критск.) *λύκονς*, лит. lupõs изъ lupons, готск. wulfans, др.-прусс. deiwans. Окончаніе -ę въ конѩ, очевидно, получилось изъ -jons (>-jens).

То же окончаніе -y, а послѣ мягкаго неслогового -ę въ основахъ на -a представляетъ уже нѣкоторыя затрудненія для своего объясненія. Др.-инд. áśvās, гот. gibōs, лит. -ās (вост.-лит. -as), латыш. -as указываютъ на индо-европ. окончаніе -ās.

Въ словянскомъ вм. -ās, повидимому, подъ вліяніемъ иныхъ основъ, имѣвшихъ въ вин. мн. ч. -ns, получилось -āns: ср. греч. діалект. (критск.) *τιμάνς*, др.-прусс. rankans: на это указываетъ параллельное окончанію -y твердыхъ основъ окончаніе мягкихъ основъ -ę. Это -āns, повидимому, нефонетически замѣнилось окончаніемъ -ons подъ вліяніемъ основъ на -o, откуда -y.

Примѣчаніе. Иначе—Вондракъ, Vergl. Gr. I, 53 с., Hujer Slov. Dekl., § 94; ср. у меня въ R. Sl., V т. 114 с.

Что касается флексіи -ě въ др.-русс. *конь*, *земль* и т. п., то ея отношеніе къ др.-ц.-сл. -ѧ въ конѩ, земльѩ остается неяснымъ: ср. объ этомъ выше,—въ § 39, п. 14 и § 74.

Вин. п. мн. ч. основъ на согласный муж. и жен. р. оканчивался въ праслов., судя по показаніямъ др.-церк.-слов. языка, на -i: др.-ц.-сл. камени, матери; это -i соотвѣтствуетъ индо-европейскому -ņs (греч. *πατέρας*, *ἄκμονας*, *μητέρας*, лат. patrēs, podēs, лит. šunìs, ākmenis, móteris, готск. fadruns, fōtuns); -ņs, являвшееся на словянской почвѣ въ видѣ -ĭns (-ьns), должно было дать то же, что и -ĭns въ формѣ *gostins, т. е. ī (иначе Ляпуновъ, Формы склоненія 62 с., Vondrák, Vgl. Gram. II, 9 с.).

Твор. п. мн. ч.

§ 87. За исключеніемъ основъ на -o всѣ основы имѣли въ прасл. окончаніе -mi: др.-ц.-сл. рѣками, гостьми, сѣнѩми, каменьми. Въ формѣ основъ на согласный -ь между основой и окончаніемъ, очевидно, перенесено изъ основъ на -i. Остатки старыхъ формъ безъ этого ь видятъ въ др.-р. формахъ вродѣ полями (=*poljan-mi), египтями (ср. Miklosich Vrgl. Gr. III², 16 с.). Словян. окончаніе -mi соотвѣтствуетъ литовскому -mis, которое также имѣетъ мѣсто во всѣхъ основахъ, кромѣ основъ на -o: rañkomis, sūnumìs, naktimìs, akmenimìs. Однако установить праиндоевропейское окончаніе, изъ котораго получилось слов. -mi, трудно. Обыкновенно предполагаютъ общее балтійско-словянское окончаніе -mīs: ср. латыш. формы на -mis. Съ балтійско-словянскимъ -mīs можно сопоставить авест. -bīš. Подробнѣе—у Гуйера Slov. Dekl. § 152.

Въ отличіе отъ всѣхъ иныхъ основъ, основы на -o (какъ мужескаго, такъ и средняго рода) имѣли въ праслов. окончаніе -y: др.-церк.-слов. рабы, села. Окончаніе это до сихъ поръ остается загадочнымъ по происхожденію. Въ литовскомъ языкѣ въ соотвѣтствующей формѣ имѣется окончаніе -ais (vilkaĩs), въ арійскихъ языкахъ -āis, въ латинскомъ -īs (lupīs), въ языкѣ осковъ -uis, въ греч. -οις (θεοῖς). Изъ предполагаемой въ виду этихъ фактовъ индо-европ. флексіи -ōis ожидали бы въ словянскомъ или -ě, или -i, но не -y. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изслѣдователи пытаются вывести словян. -y изъ -ōis; скорѣе, однако, слов. -y не имѣетъ непосредственной связи съ индо-европ. окончаніемъ и представляетъ словянское новообразованіе морфологическаго или же синтактическаго происхожденія.

Примѣчаніе. Изъ -ōis съ интонаціей ~ ведетъ словян. y (ъі) Pedersen въ K. Z. XXXVIII, 325 с. (-ōis>-ūis>-ūus>-ūs>ū=y), Meillet въ R. Sl. VII, 5 с. Фортунатовъ объяснялъ -y изъ и.-европ. -åhis, откуда двухслоговое -oïs, затѣмъ -uïs, -uus -us (ср. Ляпуновъ, Формы склон. 24 с.). Hujer, Slov. Dekl. 164 с., предполагаетъ, что форма *orby возникла при закономѣрной формѣ *konji мягкихъ основъ (i изъ -i̯ois) по аналогіи отношеній: *orbъ—*konjь, *orbomь—*konjemь; Эндзелинъ, Слав.-балт. этюды 164 с. строитъ объясненіе формы *orby на почвѣ синтактическихъ отношеній, видя въ этой формѣ первоначальную форму вин. п. мн. ч.

Мѣстн. п. мн. ч.

§ 88. Въ формѣ мѣстн. п. мн. ч. во всѣхъ основахъ имѣлось окончаніе -chъ: др.-ц.-сл. рабѣхъ, кодахъ, костьхъ, сѣнѣхъ, каменьхъ.

При этомъ форма основъ на согласный получила свое -ь изъ основъ на -i, а форма o-основъ явилась подъ вліяніемъ мѣстоименной формы на -oi-su (ср. *tĕchъ, др.-ц.-сл. тѣхъ; первоначальная форма была бы *orbo-sъ). Словянскому -chъ соотвѣтствуетъ -su иныхъ языковъ (др.-инд., авест., др.-литов.); изъ -su на славянской почвѣ получилось -chъ въ силу измѣненія s въ ch послѣ i, u, слѣд. въ основахъ на i, u и -o, получившихъ -oi-su вм. первоначальнаго -osu (ср. § 26). Изъ этихъ основъ ch проникло и въ форму a-su основъ на -ā, гдѣ ожидали бы -a-sъ.

Старая форма окончанія сохранилась въ нѣкоторыхъ именахъ съ основой на согласный: ср. др.-чеш. Dol'as изъ *Doljansъ, Vrbčas, Lužas и т. п. (Gebauer, Hist. Mluvn. III, 1, 77 с.), причемъ -ja вм. ожидаемаго -iǫ обязано своимъ происхожденіемъ вліянію иныхъ падежей (*poljamъ, *poljami).

Примѣчаніе. Ср. Zubatý Arch. XV, 498 с., L. Fil. XXIX, 327 с.; Ильинскій, О нѣкоторыхъ архаизмахъ и новообразованіяхъ, 1902 г., 32 и сл., Hujer Slov. Dekl § 147.

Мѣстоименныя формы.

Среди словянскихъ мѣстоименій съ точки зрѣнія морфологической можно различить двѣ большихъ группы: мѣстоименія личныя и неличныя (указательныя, вопросительныя, притяжательныя).

Личныя мѣстоименія.

§ 89. Словянскія формы личныхъ мѣстоименій, какъ и соотвѣтствующія формы другихъ индо-европ. языковъ, отличаются одна отъ другой не столько окончаніями, сколько основой: ср. др.-ц.-сл. азъ, мене, мънѣ, мы, насъ, ты, тебѣ, вы, васъ.

Др.-ц.-сл. азъ, рѣже язъ (болг. азъ, русск. я, серб. ја, словин. jaz, пол. ja, чеш. já, луж. ja) значительно отличается отъ формъ другихъ индо-европ. языковъ, которыя предполагаютъ праиндоевроп. *eg̑h-, *eg̑-: лат. ego, греч. ἐγώ, прусск. es, старолит. esz=ež; словянская форма предполагаетъ начальное o съ удлиненіемъ (ā) и развившимся предъ нимъ уже на словянской почвѣ j, какъ показываетъ колебаніе въ этой формѣ между а и я (ср. § 60).

Примѣчаніе. И.-европ. *og̑h- должно было дать на словянской почвѣ *oz-; Фортунатовъ и за нимъ Ляпуновъ предполагали въ составѣ формы *azъ частицу -zъ; изъ *oz+zъ съ удлиненіемъ o, причины котораго трудно съ увѣренностью установить, получилось *azъ и съ новымъ j—*jazъ; ср. Ляпуновъ въ Arch. XXXIII, 124 с.

Др.-ц.-сл. мене соотвѣтствуетъ авест. формѣ mana, но въ формахъ *tebe, *sebe согласный b, повидимому, явился на мѣстѣ болѣе первоначальнаго v: ср. др.-инд. и авест. tava, лит. діалектическое tavè; полагаютъ, что это -b проникло въ форму род. п. изъ формы дат. п.

Др.-ц.-сл. мънѣ вполнѣ точныхъ соотвѣтствій въ иныхъ индо-европ. языкахъ не имѣетъ: въ лат. находимъ mihi, въ гот. mis, въ лит. mán, въ латыш. man, въ прусскомъ mennei, жемайт. mùn и вост.-латыш. mun; послѣдняя форма поддерживаетъ ъ словянской формы. Ср. объ этой формѣ у Hujer'a I. F. XXX, 49 с.

Др.-ц.-сл. тебѣ, себѣ (дат.-мѣстн.) ближе подходятъ къ лат. tibī изъ *tebei, sibī изъ *sebei и къ прусскому tebbei, sebbei; объясненія требуетъ лишь конечное -ĕ, которое не можетъ восходить къ -ei и явилось въ формахъ *mъnĕ, *tebĕ, *sebĕ, повидимому, нефонетическимъ путемъ: быть можетъ, подъ вліяніемъ *ženĕ (ср. Vondrák, Vergl. Gr. II, 84 с., Leskien, Gramm. 130 с.).

Примѣчаніе. Форму мѣстн. пад. *soьь видитъ Соболевскій въ выраженіяхъ за-собь, на-собь: Р. Ф. В. 1914, № 2, 449 с.

Др.-ц.-сл. мн, тн, сн, употребляющіяся параллельно формамъ *тъпѣ, *тебѣ, *себѣ въ дат. падежѣ, соотвѣтствуютъ греч. μοι, σοι, οι.

Формы вин. п. мѧ, тѧ, сѧ восходятъ къ *mēm, *tēm, *sēm: ср. санскр. mām, tvām; очевидно *tēm получилось изъ болѣе древняго *tųēm; со словянскими формами тожественны и прусскія формы miẽn, tiẽn, siẽn (=mīn, tīn, sīn), получившіяся изъ болѣе древнихъ *mēn, *tēn, *sēn; ср. Эндзелинъ, Слав.-балт. этюды, 181 с.

Формы твор. п. мнои̯ѫ, тобои̯ѫ, собои̯ѫ не имѣютъ точныхъ соотвѣтствій и представляютъ словянскія новообразованія: въ окончаніи, повидимому, отразилось вліяніе формъ *ženojǫ и *tojǫ.

Формамъ мы, кы соотвѣтствуютъ въ литовскомъ mẽs, jūs, въ готскомъ weis, jūs. Словянское *vy могло бы быть возводимо къ *ųūs, которое отличается отъ литовскаго jūs и готскаго jūs лишь начальнымъ ų предъ ū. Въ формѣ *my,—ср. лит. mẽs, -y могло явиться или подъ вліяніемъ *vy изъ *ųūs или подъ вліяніемъ вин. п. *ny.

Примѣчаніе. Ср. Meillet, Recherches 95 с., Leskien Gramm. 130 с., Эндзелинъ, Слав.-балт. этюды, 184 с.

Форма вин. п. мн. ч. ны, кы не можетъ быть сопоставляема съ др.-инд. nas, vas и лит. nōs, vōs, такъ какъ фонетическимъ путемъ невозможно выводить -y изъ -ōs; правильнѣе видѣть въ формахъ *ny, *vy словянское новообразованіе и возводить ихъ къ *nons, *vons: ср. прусское wans (ср. Эндзелинъ, Слав.-балт. этюды, 185 с.). Формы ны, кы употреблялись энклитически и въ функціи дат. падежа. Формы род. и мѣстн. п. мн. ч. нась, кась представляютъ соединеніе основы *nas-, *vas- съ окончаніемъ -sъ (изъ -sōm и -su), которое находимъ въ тѣхъ же падежахъ въ склоненіи мѣстоименій неличныхъ—ихъ, сихъ, тѣхъ (съ прасл. измѣненіемъ -s въ -ch). По аналогіи отношеній *toisъ—*toimъ—*toimi (тѣхъ—тѣмъ—тѣми), *jeisъ—*jeimъ—*jeimi (ихъ—имъ—ими) образовались далѣе формы *namъ, *nami, *vamъ, *vami.

Примѣчаніе. Ср. Эндзелинъ, Слав.-балт. этюды, 185 с.; иначе—Leskien Gramm., 131 с. и Vondrák Vrgl. Gr. II, 87 с.

Форма им. п. дв. ч. 1-го лица кѣ соотвѣтствуетъ литовской формѣ vẽ-du, форма же вин. п. на соотвѣтствуетъ греческой формѣ им.-вин. п. дв. ч. νώ и въ извѣстной мѣрѣ др.-инд. nāu (вин., род. и дат. п. дв. ч.); форма на употребляется въ древне-церковно-словянскомъ также какъ энклитическая форма дат. падежа.

Примѣчаніе. Ср. Соболевскій, Лингвистическія и археологическія замѣтки, 64—65 сс.

Форма им.-вин. дв. ч. 2-го лица ва также является новообразованіемъ: ср. др.-инд. yuvám, гот. ju-t, лит. jù(du); форма эта, какъ и форма 1-го лица *na (на) употребляется энклитически въ функціи дат. пад. Остальныя формы образованы отъ основъ na-, va-: наю, каю; нама, кама.

Мѣстоименія указательныя, вопросительныя и притяжательныя.

§ 90. Всѣ остальныя мѣстоименія,—указательныя (A), вопросительныя (B) и притяжательныя (C),—могутъ быть разсматриваемы совмѣстно, такъ какъ имѣютъ одинаковыя падежныя окончанія.

Сюда относятся слѣдующія мѣстоименныя основы.

A. 1. Основа *to- (и.-европ. *to-); ср. др.-инд. tám, греч. τόν, лат. is-tum вин. п. (*to-n); др.-ц.-сл. тѫ им. п. ед. ч. м. р., то ср. р., та ж. р. Въ словянскомъ, какъ и въ балтійскихъ языкахъ, основа to- проникла въ им. п. изъ косвенныхъ падежей: ср. др.-инд. sá, sā. Форма тѫ получилась изъ *to-s, та изъ *tā, то изъ *tod: ср. лат. is-tud.

2. Основа *ono- (и.-евр. *ono-); ср. лит. anás, др.-инд. aná-, др.-ц.-слов. онъ, оно, она.

3. Основа *ovo-: ср. авест. ava, др.-инд. avŏš- род. п. дв. ч.; др.-ц.-сл. окъ, око, ока.

4. Основа *(i̯)i- (и.-евр. *i-): ср. др.-инд. im-ám вин. п., сред. рода id-ám, лат. is им. ед. м. р., готск. is, лит. jis; сюда можетъ относиться им. ед. ч. м. р. и-же, хотя эта форма можетъ быть производима и отъ основы *i̯o-: *i̯o-s>*i̯us>*jъ>*jь>*i.

5. Основа *i̯o- (и.-евр. *i̯o-): ср. др.-инд. yás им. п. ед. ч. муж. р., yad им. п. ед. ч. ср. р., греч. ὅς. Отъ основы *i̯o- образованы всѣ иныя падежныя формы мѣстоименія *(i̯)i: им. п. ж. р. и-же, ср. р. иже, род. пад. іего, дат. п. емоу и т. д. Форма *i̯e (иже)—изъ *i̯od: ср. древне-инд. yad.

6. Основа *sь- (ин.-евр. *k̑i): ср. лит. šis, лат. ci-tra (по сю сторону), др.-ц.-слов. сь, се, си. Форма ср. рода *se, повидимому, явилась при *sь по аналогіи *i̯e при *i̯ь (*i̯i). Форма женскаго рода *si — си (изъ *k̑ī) соотвѣтствуетъ литовской ši изъ *šī́. Въ иныхъ падежныхъ формахъ этого мѣстоименія находимъ отчасти основу se-: др.-цер.-слов. сего, семоу, семь, сеѥ, сеѭ, сеи, сею, отчасти основу *sьjo-: др.-ц.-слов. сьѥ, сьѭ, сьıа или сиѥ, сиѭ, сиıа. Нужно думать, что формы, содержащія основу *se- такъ же, какъ и *se, возникли подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ формъ мѣстоименія *i̯ь—*i̯a—*i̯e; такое же объясненіе приложимо къ формамъ *sim̃ь твор. п. ед. ч., *sich̃ъ род.-мѣстн. мн. ч.,

*simъ дат. мн. ч., *simi твор. мн. ч., *sima дат.-твор. дв. ч. (др.-ц.-сл. симь, сихъ, симъ, сими, сима): ср. *i̯imь, *i̯ichъ, *i̯imъ, *i̯imi, *i̯ima.

Примѣчаніе. О мѣстоименіи *sь—ср. у Hujer'a въ Sborn. Fil. II т., 188 и сл. Не всѣ предположенія Гуйера пріемлемы.

В. 7. Основа *ko- (и.-евр. *q^{u}o-): ср. др.-инд. ka-s; греч. нарѣчіе ποῦ (гдѣ), лат. quo-d, лит. kàs; прасл. *къ,—въ др.-ц.-сл. кѫ-то,—изъ *ko-s.

Та же основа содержится въ косвенныхъ падежахъ сложнаго мѣстоименія *kъjь: *kojego, *kojemu и т. д. (др.-ц.-сл. коего, коемоу и т. д.), им. п. ср. р. *koje (др.-ц.-сл. кое), ж. р. *kaja (др.-ц.-сл. кая); однако нѣкоторыя формы этого мѣстоименія подверглись вліянію сложнаго склоненія прилагательныхъ (др.-ц.-сл. кѫимь, кѫихъ, кѫимъ, кѫими).

8. Основа *čь (и.-евр. *q^{u}i-): ср. др.-инд. ci-d (*-нибудь*), авест. čiš (кто), греч. τις, лат. quis—quid; прасл. *čь изъ *čьd, содержащееся въ др.-ц.-слов. чьто. Косвенныя формы этого мѣстоименія образуются отъ основы *če- (изъ *q^{u}e-): *česo, *čemu и т. д. (др.-ц.-сл. чего, чемоу и т. д.).

С. 9. Основы *moje-, *tvoje-, *svoje-: ср. прусс. mais, twais, swais изъ *majas, *twajas, *swajas, лат. meus, tuus, suus; др.-цер.-слов. мои, моя, мое и т. д. Словянское *mojь является древнимъ (изъ *mojos), и ему въ литовско-латышскомъ соотвѣтствуетъ новообразованіе manas; наоборотъ, словянскія *tvojь, *svojь (изъ *tvojos, *svojos) представляютъ словянскія новообразованія по образцу *mojos (то же въ прусскомъ): ср. болѣе древнія литовско-латышскія tavas, savas.

10. Основы *naše-, *vaše-: др.-цер.-слов. нашь, наша, наше, вашь, ваша, ваше.

Притяжательныя основы *moje-, *tvoje-, *svoje- образованы, повидимому, отъ основы *moi̯-, *tu̯oi̯-, *su̯oi̯-; такимъ же образомъ *naše-, *vaše- получилось изъ *nas-, *vas-- прибавленіемъ jo-.

11. Основа притяжательно-вопросительнаго мѣстоименія *čьje (др.-ц.-сл. чии) образована, повидимому, изъ основы *q^{u}i—помощью суффикса -jo.

Примѣчаніе. Ср. Meillet, Études 377 с.; Ильинскій, Сложныя мѣстоименія 1905 г., 43 с., Vondrák Vergl. Gr. I, 404 с.; иначе—Hujer L. Fil. XXXV, 217 с., Leskien Gramm. 139 с.

Основы *kotero-, *kotoro-, *jetero- склоняются по именному склоненію. По мѣстоименному склоненію измѣнялись, кромѣ указанныхъ выше основъ,—*samo- (др.-ц.-сл. самъ, сама, само), *jedino- (др.-ц.-сл. единъ, едино, една), *tako-, *kako-, *jako- *vьsako- (др.-ц.-сл. такъ, какъ, якъ, кьгакъ) и *vьso- (др.-ц.-сл. кьсь, кьсе, кьса и кьсѧ).

Основа *vьso- устанавливается сопоставленіемъ слав. *vьsь съ лит. visas: въ силу измѣненія -s послѣ -ь въ ch, vьso- должно было измѣ-

ниться въ *vьcho-; отъ этой основы правильно образованы формы твор. пад. ед. ч. кы҃кмь, дат. п. мн. ч. кы҃кмъ, им. мн. ч. кыи, род.-мѣстн. кы҃кѫ, твор. пад. мн. ч. кы҃кми изъ *vьcho-i-mь, *vьcho-i-mъ, *vьcho-i, *vьcho-i-sōm, *vьcho-i-su, *vьcho-i-mi,—въ силу измѣненія ch предъ i, ě изъ дифтонга въ s (ср. § 28 и формы *tětь, *tětъ, *ti, *těchъ, *těmi,— см. ниже, § 91). Въ иныхъ формахъ ch перешло въ s подъ вліяніемъ предшествующаго палатальнаго ь (ср. § 28), причемъ съ этимъ переходомъ было связано и измѣненіе формъ *vьchogo, *vьchomu, *vьchoję и т. д. (ср. *togo, *tomu, *toję), въ формы *vьsego, *vьsemu, *vьseję и т. д. (др.-церк.-слов. кыего, кыемоу, кыеіѧ). Ср. K. Z. XXXVII т., 264 с. и M. S. L. XI, 8 с.

Примѣчаніе. Литературу вопроса о формахъ мѣстоименія кыи см. въ § 28.

§ 91. Въ склоненіи мѣстоименій неличныхъ наблюдаются нѣкоторыя своеобразныя флексіи, отличныя отъ флексій именного склоненія.

Такъ, въ формѣ род. п. ед. ч. м. и ср. рода находимъ два окончанія: -go и -so,—ср. др.-ц.-сл. того, кого, іего, чего и чьто; флексія -so сохранилась также въ польскомъ и чешскомъ со изъ *čьso. Окончаніе формы *česo представляетъ старую и.-евр. флексію *-so рядомъ съ *-si̯o (ср. др.-инд. tásya и прусск. stesse, гдѣ -sse, вѣроятно,=śe изъ *-si̯a). Что касается флексіи -go, то, повидимому, она представляетъ частицу, которая первоначально была присоединена къ формѣ отложительнаго падежа *ta (ср. лит. tõ, латыш. tà); форма *tago была замѣнена формой *togo подъ вліяніемъ иныхъ формъ, гдѣ была основа to-, и вытѣснила старую форму род. п. *toso. Частицу эту находимъ также въ серб. пјѐго, др.-инд. gha и пр. an-ga.

Примѣчаніе. Иначе—Фортунатовъ въ B. B. XX, 182 с.; ср. Эндзелинъ Слав.-балт. этюды, 186 с.; о česo—Бернекеръ, Сборникъ Фортун. 219 и сл.

Форма дат. п. ед. ч. муж. и ср. рода имѣетъ окончаніе -mu—тому; ср. лит. tãmui и латыш. tam, но—др.-инд. tasmāi (изъ *tosmōi); литовско-латыш. и слов. формы представляютъ утрату, нефонетическимъ путемъ, согласнаго s, и словянская, повидимому, также нефонетическую замѣну окончанія -ōi черезъ -oų, изъ котораго -u, какъ и въ склоненіи именъ съ основой на -o. Форма съ -s еще сохраняется въ прусскомъ: stesmu, kasmu.

Примѣчаніе. Ср. B. B. XXII, 182 с., Grundr. Бругманна II, 362 с., Gramm. Leskien'a 133 с., Слав.-балт. этюды Эндзелина, 189 с.

Въ формѣ мѣстн. ед. ч. м. и ср. р. наблюдается такая же утрата -s-, какъ и въ дат. п.: ср. др.-ц.-сл. томь и др.-инд. tásmin; насколько

слов. ь въ томь соотвѣтствуетъ др.-индійскому -in въ tásmin, сказать трудно: ср. авест. aē-taĥmi.

Форма твор. п. ед. ч. м. и ср. р. *těmь (тѣмь) имѣетъ то же окончаніе -mь, что и именное склоненіе (*orbo-mь, *gostь-mь, *synъ-mь), причемъ основа to- замѣнена основой toi-; полагаютъ, что это toi- вм. to- явилось первоначально въ формѣ твор. мн. ч. *toi-mi (откуда *těmi) вм. *to-mi, — подъ вліяніемъ формы им. п. мн. ч. *toi (откуда *ti); затѣмъ подъ вліяніемъ *toi-mi явилась и форма ед. ч. *toimь, откуда *těmь; ср. van-Helten, I. F. XXVI, 180 с.

Ту же основу toi- находимъ въ формахъ: a) род. п. мн. ч. *těchъ (тѣхъ) изъ *toi-sōm (ср. древне-инд. tēšām, греч. *-σων, лат. -rum изъ *sōm, прусс. ste-i-son); b) дат. п. *tě-mъ (тѣмъ); c) мѣстн. п. *tě-chъ (тѣхъ) изъ *toi-su; d) дат.-твор. дв. ч. *tě-ma (тѣма) изъ *toi-ma; e) въ род. мѣстн. дв. ч. *toiu (тою). Въ формахъ род. п. мн. ч. -ōm сократилось такъ же въ -om, откуда ъ, какъ и въ именномъ склоненіи (ср. § 84); o -ch вм. -s ср. § 88.

Форма вин. мн. ч. *ty (ты) восходитъ къ *tons. Формы женскаго рода ед. ч. *ta, *tǫ вин. п. (та, тѫ) параллельны именнымъ формамъ ā-основъ, такъ же какъ и иныя (род., дат., твор., мѣстн.), только эти послѣднія образованы отъ основы *toiā-. Въ дат. п. ед. ч. форма *toi̯āi̯,— откуда *toi̯i (тои), — могла возникнуть вмѣсто старой *tosi̯āi̯ (ср. др.-прусс. stesiai) при *toi̯ām твор. над. по образцу отношенія *genāi̯ къ *genām. Въ силу тѣхъ же вліяній могло исчезнуть s въ формѣ род. п. ед. ч. жен. рода *tosi̯ās (*toi̯ās, откуда нефонетически *toi̯ę); ср. Эндзелинъ, Слав.-балт. этюды, 189 с.

Формы мѣстоименія *i, *ja, *je вполнѣ соотвѣтствуютъ формамъ мѣстоименія *tъ, *ta, *to; должно имѣть лишь въ виду измѣненія, связанныя съ вліяніемъ j: jo- даетъ je, joi—jei—ji; jĭ въ им. п. ед. ч. м. р. является подъ удареніемъ въ видѣ i, въ винительномъ же падежѣ ед. ч. м. р. въ энклитическомъ положеніи въ видѣ -jь: ср. др.-ц.-слов. кнѩ изъ *vъn-jь.

Въ склоненіи мѣстоименія *kъ-(to) должно имѣть въ виду законъ измѣненія k предъ ě изъ дифтонга, почему въ твор. п. ед. ч. м. и ср. рода находимъ *cětь (др.-ц.-сл. цѣмь) изъ *koi-mь.

Примѣчаніе. Ср. Meillet «Sur la flexion des démonstratifs slaves au féminin pluriel et duel.» въ M. S. L. XVIII.

Склоненіе прилагательныхъ.

Прилагательныя опредѣленныя.

§ 92. Особенностью словянскихъ и балтійскихъ языковъ является существующее рядомъ съ именнымъ склоненіемъ прилагательныхъ сложное склоненіе прилагательныхъ опредѣленныхъ. Если прилагательное относилось къ опредѣленному, извѣстному предмету, то къ его падежной формѣ присоединялась соотвѣтствующая форма мѣстоименія *i, *i̯a, *i̯e. Это мѣстоименіе по своей роли соотвѣтствуетъ члену нѣмецкаго языка (der, die, das). Именная форма прилагательнаго, безъ прибавленія мѣстоименной, соотвѣтствуетъ по употребленію нѣмецкой формѣ съ неопредѣленнымъ членомъ (ein).

Такимъ образомъ получаются формы им. п. ед. ч. *dobrъ-i̯i, *dobra-i̯a, *dobro-i̯e, которымъ соотвѣтствуютъ литовскія geràs-is, geró-ji.

Остальныя падежныя формы образуются по такому же принципу: род. п. м. и ср. рода *dobra-i̯ego, дат. п. *dobru-i̯emu, вин. п. муж. рода *dobrъ-i̯ь и т. д.

Въ формахъ род., дат., твор. и мѣстн. падежей ед. ч. ж. р. мѣстоименныя формы являются въ сокращенномъ видѣ: *i̯ę, *i̯i, *i̯ǫ, *i̯i вм. *i̯ei̯ę, *i̯ei̯i, *i̯ei̯ǫ и *i̯ei̯i: *dobry-i̯ę, *dobrě-i̯i, *dobroi̯ǫ-i̯ǫ, *dobrěi̯i (др.-ц.-сл. добрыѧ, добрѣи, доброѭ, добрѣи); то же въ род. п. дв. ч. *dobrui̯u (др.-ц.-сл. добрую) вм. *dobru-i̯ei̯u. Отступленія отъ общаго принципа образованія формъ опредѣленнаго прилагательнаго находимъ въ твор. п. ед. ч. м. и ср. рода, дат. п. мн. ч., твор. п. мн. ч. ж. р., мѣстн. п. мн. ч., дат.-твор. п. дв. ч.

Вмѣсто твор. п. ед. ч. м. и ср. р. *dobrǫtь-i̯imь находимъ *dobry-i̯imь—др.-ц.-сл. добрымь, въ дат. мн. ч. вм. *dobrǫtъ-i̯imъ — *dobry-i̯imъ—др.-ц.-сл. добрымъ, въ твор. п. мн. ч. ж. р. вм. *dobrami-i̯imi—*dobry i̯imi—др.-ц.-сл. добрыми, какъ и въ формѣ муж. и ср. рода; въ мѣстн. п. мн. ч. вм. *dobrěchъ-i̯ichъ—*dobryjichъ—др.-ц.-слов. добрыхъ и въ дат.-твор. дв. ч. *dobry i̯ima—др.-ц.-сл. добрыма вм. *dobroma-i̯ima.

Можно полагать, что старая форма твор. п. мн. ч. муж. и ср. рода *dobry-i̯imi повліяла и на иныя формы множ. числа, которыя представляли неудобство повтореніемъ слоговъ -mъ, -mi, -chъ, -ma (Вондракъ).

По аналогіи мѣстоименнаго склоненія, гдѣ формы мн. ч. всѣхъ трехъ родовъ имѣютъ одинаковыя окончанія (*tѣmi, *i̯imi и т. п.), и форма женскаго рода *dobrami-i̯imi была вытѣснена формой *dobry-i̯imi.

Далѣе по аналогіи отношеній *tѣmi, *i̯imi: *tѣchъ, *i̯ichъ мѣстн. п.: *tѣmъ, *i̯imъ—могли возникнуть и формы *dobry-i̯ichъ мѣстн. п., *dobry-

i̯imъ дат. п. при *doьry-i̯imi. Въ виду тожества мѣстн. п. и род. п. мн. ч. въ мѣстоименномъ склоненіи (*těchъ, *i̯ichъ) и форма *doьrъ-i̯ichъ могла быть замѣнена формой *doьry-i̯ichъ.

Наконецъ, подъ вліяніемъ отношеній *těmь, *i̯imь твор. ед. ч. и *těmъ, *i̯imъ дат. мн. ч. могла явиться и вытѣснить старую, неудобную своей сложностью форму,—форма *doьryi̯imь въ твор. п. ед. ч.

Примѣчаніе. Ср. Vondrák, Zur Deklination des zusammengesetzten Adjectivums, Arch. XXII; иначе—Ильинскій, Къ исторіи сложнаго склоненія прилагательныхъ именъ,—въ Научно-литературномъ Сборникѣ т. II (1902 г.) кн. 2. Если принять гипотезу о прасл. измѣненіи ъ+j (i̯) въ y+j (i̯), то можно исходить изъ род. п. мн. ч. *doьry-i̯ichъ, какъ дѣлаетъ Лескинъ Gramm. 145 и сл. Формы ц.-слов. памятниковъ добрꙑ-іхъ, мрьтвꙑ-іхъ род. п. мн. ч., на которыя указываетъ Ильинскій, являются результатомъ вліянія формъ прилагательныхъ неопредѣленныхъ добрꙑ, мрьтвꙑ род. мн., какъ и въ им. ед. сватъі и т. п. Отсюда ъ вм. ъі могло явиться и въ иныхъ формахъ.

Степени сравненія.

§ 93. Формы сравнительной степени прилагательныхъ образовывались въ словянскомъ помощью суффиксовъ -jьs или -ějьs, присоединенныхъ къ корню, причемъ въ соотвѣтствующихъ формахъ положительной степени часто имѣемъ суффиксъ -ък-, -ok-, -ьk-. Такимъ образомъ получалась основа сравнительной степени *chud-jьs—при основѣ положительной *chudo-, *dorg-jьs—при основѣ положительной *dorgo-, *sold-jьs- при основѣ положительной *soldъko-, *vys-jьs—при *vysoko-, *nov-ějьs—при *novo-.

Форма им. п. ед. ч. м. р. сравнит. степени оканчивалась въ прасл. на -jь: *bogatě-jь, *nově-jь, *mьnjьjь, *chudjьjь (др.-ц.-сл. богатѣи, новѣи, мьнии, хоудии). Суффиксъ сравнит. степ. -i̯os/-i̯es на ступени редукціи являлся въ видѣ -is; въ результатѣ контаминаціи -i̯os и -is,—изъ коихъ одно являлось въ однѣхъ падежныхъ формахъ, а другое въ другихъ,—и получился словянскій суффиксъ сравн. степени -jis, который въ формѣ им. п. ед. ч. м. рода далъ -jь; при этомъ форма *chudjь (изъ *chudjьs) получила еще -jь подъ вліяніемъ формъ *novějь, *bogatějь, ср. Leskien Gramm. 125 с. Иначе—Вондракъ Vrgl. Gr. I, 495 с. Форма им. п. ср. рода первоначально оканчивалась на -i̯os (лат. majus изъ majos); изъ -jos въ словян. -je; но формы на -je получили значеніе нарѣчія: др.-ц.-сл. кѣше, хоудѣ; взамѣнъ ихъ явились новообразованія на -jьs-je при формахъ муж. р. на -jьs: *chudjьše, *novějьše—др.-ц.-сл. хоудьше, новѣише.

Происхожденіе -ě въ основѣ *novějьs- остается неяснымъ.

Здѣсь слѣдуетъ лишь указать, что основа сравнительной степени муж. и сред. рода въ косвенныхъ падежахъ осложняется еще суффик-

сомъ -jo. Такимъ образомъ при формахъ им. п. ед. ч. м. р. *novějь изъ *novějьs и ср. р. *nověje, *novějьše имѣемъ род. п. ед. ч. м. и ср. рода— *novějьša изъ *novějьs-ja (ср. *konja), дат. п. *novějьšu изъ *novějьs-ju (ср. *konju) и т. д., иными словами, формы муж. и ср. рода аналогичны по образованію формамъ отъ основъ на -jo (*konjo-). Только форма им. п. мн. ч. м. р., повидимому, сохраняла еще старую флексію -e и имѣла предъ нимъ то же š, что и иныя формы: *novějьše изъ -jьse (-jьche), ср. др.-ц.-сл. нокѣше; та же форма сред. рода соотвѣтствовала формѣ отъ основъ на -jo средняго рода (*polja): др.-ц.-сл. нокѣша.

Формы ж. р. сравнит. степени получили добавочный суффиксъ -i̯ā (въ им. п. ед. ч. ступень редукціи -i), и такимъ образомъ склоненіе ихъ было аналогично склоненію такихъ основъ на -i̯ā, какъ *pustyni: им. п. *novějьši, *tьnjьši изъ *novějьs-i, *tьnjьs-i (-si>chi>ši); род. п. *novějьšę, *tьnjьšę: др.-ц.-сл. нокѣшѧ, мьньшѧ, дат. п. *novějьši, *tьnjьši: др.-ц.-сл. нокѣши, мьньши и т. д.

Формы превосходной степени отличались отъ формъ сравнительной степени лишь приставнымъ *naji-: *najinovějь и т. п.

Что касается -ě въ суффиксѣ сравнительной степени -ějьs-, то происхожденіе его ясно лишь въ той мѣрѣ, что онъ несомнѣнно восходитъ къ ē, а не къ дифтонгу, какъ показываетъ -ča въ основѣ *mękъčajьs— (др.-ц.-сл. мѧкъчаіѥ) и т. п.

Примѣчаніе. Ср. Štrekel въ Arch. XXVI, 569 с.

Глагольныя формы.

Праславянскій языкъ получилъ въ наслѣдство отъ индо-европейской эпохи весьма сложную систему глагольныхъ формъ,—въ которой можно различить формы вида, формы залога, формы наклоненій, формы времени, лица и числа. Въ этой системѣ на славянской почвѣ произошелъ цѣлый рядъ передвиженій и измѣненій, нерѣдко утратъ, касающихся какъ глагольныхъ основъ, такъ и личныхъ окончаній.

Основы глагола.

§ 94. Сопоставленіе показаній др.-ц.-слов. языка и живыхъ славянскихъ языковъ позволяетъ предполагать въ праслов. языкѣ слѣдующіе типы глагольныхъ основъ.

1. Основа *настоящаго времени* безъ прибавленія суффиксальнаго элемента (или тематическаго гласнаго),—равная односложному корню. Такая основа сохранилась въ славянскомъ всего лишь въ нѣсколькихъ

глаголахъ: a) основа *i̯es- изъ индо-европ. *es-: др.-ц.-слов. ѥсмь,—ср. др.-и. ásmi, греч. εἰμί; b) основа *ĕd-, *i̯ad- изъ и.-евр. *ēd-: др.-ц.-сл. ѣмь—ѧмь изъ *i̯ad-mь, а это изъ *i̯ēd-mь (ѣмъ); ср. древне-инд. ádmi, лит. ėd-mi; c) основа *vĕd-: др.-ц.-сл. вѣмь изъ *vĕd-mь.

Къ этому типу примкнула въ словянскомъ первоначальная основа наст. времени *dedō-: ср. др.-инд. dádā-mi; въ формахъ множ. и дв. ч. эта основа являлась въ слабомъ видѣ: *ded- (др.-инд. dad-más, dat-tha, dádati); въ словянскомъ основа *ded- обобщилась во всѣхъ формахъ наст. времени, получивъ при этомъ *a* изъ иныхъ формъ, какъ аористъ *dachъ, инфинитивъ *dati; такимъ образомъ въ словянскомъ явилась основа наст. времени *dad-: др.-ц.-сл. дамь изъ *dad-mь; ср. то же въ балтійскомъ: лит. dúmi.

2. Къ предыдущему типу примкнула въ словянскомъ также двухсложная *основа настоящаго* времени *ima-: др.-ц.-слов. имамь.

Примѣчаніе. Основы *i̯es-, *vĕd-, *ĕd-, *ima- были основами несовершеннаго вида, основа *dad- совершеннаго вида.

3. Основа *настоящаго времени* на тематическое e/o; этотъ типъ основъ представленъ въ словянскомъ довольно значительнымъ количествомъ примѣровъ. Сюда относятся такіе глаголы, какъ плетѫ—плетеши, кедѫ—кедеши, водѫ—водеши, жьрѫ—жьреши и т. д.,—отчасти совершеннаго, отчасти несовершеннаго вида.

4. Основа *настоящаго времени* съ суффиксомъ *no/ne: др.-ц.-слов. дкыгнетъ, дрьзнетъ, дѫнетъ, коснетъ, плюнетъ (плинетъ), станетъ, тлъкнетъ и т. п.—бо́льшею частью совершеннаго вида; ср. греч. πίνω, лит. aunù (одѣваюсь), арм. dnem (изъ *dinem—*кладу*).

Примѣчаніе. Ср. замѣтку Эндзелина объ этихъ глаголахъ въ Р. Ф. В. 1912 г. № 4, 380 с.

5. Основа *настоящаго времени* съ суффиксомъ -i. Сюда (A) относятся словянскія основы настоящаго времени, обозначающія состояніе, въ которыхъ отражается суффиксъ *-je : *-i (*ī): др.-цер.-слов. мьнитъ, мрьдитъ, вѣдитъ и т. п.; ср. др.-инд. budh-yá-te—пробуждается, pū-ya-ti—воняетъ и лит. smìrdi (въ литовскомъ суффиксъ является въ видѣ -ĭ). Въ формѣ 1 л. ед. ч. въ словянскомъ находимъ -jǫ (изъ i+ǫ) вм. -i-mь: *mьnjǫ. Гласный корня въ этихъ основахъ чаще всего—на ступени редукціи: ср. кромѣ указанныхъ—дрьжитъ, зьритъ, кѣнитъ, льститъсѧ, мльчитъ, скьтитъ, скрѣбитъ, слышитъ, стыдитъсѧ и др. Видовое значеніе этихъ основъ—имперфективное (несовершенный видъ).

Примѣчаніе. Ср. объ этихъ глаголахъ Reichelt'a въ B. B. XXVII, 63 и сл., Vondrák въ Arch. XX, 406 с., въ Сборникѣ Ламанскаго I, 190 и сл. и Мейе (Meillet) Введеніе², 180 с.

Ту же основу наст. времени на -i представляютъ (B) словянскіе глаголы, соотвѣтствующіе индо-европейскимъ основамъ наст. времени съ винословнымъ (каузативнымъ) или кратнымъ (итеративнымъ) значеніемъ, основамъ, заключавшимъ въ себѣ суффиксъ *-eje : *i (*ī). Таковы, напримѣръ—др.-инд. vartáyati—вращаетъ, svāpáyati—усыпляетъ, patáyati—летаетъ, греч. *φορέω*—ношу, *φοβέω*—пугаю, лат. moneo—увѣщеваю, noceo—врежу, spondeo—обѣщаю. Въ ф. I л. ед. ч. въ словянскомъ -jǫ.

Характерной чертой этихъ основъ является гласный o (ō) въ корнѣ, и эта черта сохранена въ извѣстной мѣрѣ и въ словянскомъ: ср. др.-ц.-слов. кратити изъ *vortiti, купити изъ *koupiti, просити, родити, ѣздити, козити, носити, поити и др. Нѣкоторыя изъ основъ этого типа являются производными отъ именныхъ основъ, какъ ѫкалити, гостити, плѫнити (ѫкала, гость, плѫнъ). Видовое значеніе этихъ основъ—не однородное, отчасти совершеннаго, отчасти несовершеннаго.

Кратное (итеративное) значеніе сохранено основами *nosi-, *vodi-, *vozi-, винословное (каузативное)—основой *poji-: ср. др.-церк.-словян. носити, козити, водити, поити.

6. Основа *настоящаго времени* съ суффиксомъ -je изъ индо-европ. *-je. Этотъ типъ основъ представленъ особенно большимъ количествомъ примѣровъ; между прочимъ, большинство производныхъ глаголовъ какъ отыменныхъ, такъ и отглагольныхъ относится именно къ этому типу.

Видовое значеніе основъ съ суффиксомъ -je вполнѣ опредѣленное: онѣ обычно—несовершеннаго вида: ср. др.-ц.-сл. грѣютъ, биютъ, пиютъ, мелютъ, дѣлаютъ и т. п. Основы съ долгимъ кореннымъ гласнымъ (*mētaje-, *gnētaje-) имѣютъ значеніе многократнаго вида.

Примѣчаніе. Въ др.-ц.-слов. памятникахъ нѣкоторые (немногіе) глаголы этого класса имѣютъ значеніе совершеннаго вида: доньдеже кончаатъ=ἕως τελησθῇ: лобьжѫ=φιλήσω; разоумѣѭ=συνήσω (Псалт.).

7. Иные виды основъ *настоящаго времени*, имѣвшіеся въ индо-европейскомъ праязыкѣ, исчезли въ словянскомъ, какъ особые типы, оставивъ лишь спорадическіе слѣды своего былого существованія. Такъ, суффиксъ *-ske- имѣется въ словянскомъ въ основѣ *iske- (др.-ц.-слов. ищетъ, р. ищетъ): ср. др.-в.-нѣм. eiskōn (спрашивать) и др.-инд. icchāti. Основа, представлявшая удвоенный корень, осложнившаяся суффиксомъ -je, сохранилась въ слов. *golgolje- (др.ц.-сл. глаголютъ 3 л. ед. ч. наст. вр.). Суффиксъ *dho-, *dhe-, который можно предполагать въ виду гре-

ческихъ (дорич.) *ἔσ-θω*—ѣмъ, *πλή-θω*—я полонъ, *σχέ-θω* (сослагат. аориста)—удержу, *πελάθω*—приближаюсь и т. п.,—отражается, повидимому, въ слов. *volde- (др.-ц.-сл. кладетъ): ср. лит. véldu, гот. walda и лат. volo, слов. *volja (воля); ср. также слов. *kladǫ (др.-ц.-слов. кладѫ, русс. *кладу*) и лит. klóju, латыш. klàju.

§ 95. Рядомъ съ основами наст. времени находимъ въ словянскомъ глагольныя основы иного рода, которыя можно опредѣлить, какъ основы *инфинитива;* отъ этихъ основъ прибавленіемъ извѣстныхъ формальныхъ элементовъ образуется форма *аориста.*

8. При основѣ настоящаго времени на тематическое e/o—основа *инфинитива* представляетъ a) чистый корень или же b) корень, осложненный прибавленіемъ ā: a) основа инфинитива *ved- при основѣ наст. вр. *vede- (*vesti изъ *ved-ti); основа инфинитива *plu- (изъ *ploų-) при основѣ наст. врем. *plove- (изъ *ploų-e): ср. др.-ц.-сл. плути—плокетъ; b) основа инфинитива *bьga- при основѣ наст. вр. *bьge-: ср. др.-ц.-сл. бьрати—берѫ. При этомъ основа инфинитива безъ -ā характеризуется гласнымъ корня *e* и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ основѣ наст. вр. коренной гласный находится на ступени редукціи: *ver- при *vьr-e, *žer- при *žьr-e-, *mer- при *mьr-e-, *verg- при *vъrž-e- (изъ *vъrg-e-) и т. п.: ср. др.-ц.-сл. крѣти, жрѣти, мрѣти, крѣшти при кьретъ, жьретъ, мьретъ, крьжетъ 3 л. ед. ч.

Основа инфинитива съ -ā- характеризуется обычно, въ противоположность предыдущей, гласнымъ корня на ступени редукціи при основѣ наст. вр. съ гласнымъ корня *-e:* бьрати—беретъ, гънати—женетъ и т. п.

9. При основѣ *настоящаго времени* съ суффиксомъ *ne- основа *инфинитива* представляетъ тотъ же корень съ суффиксомъ *nǫ-: коснѫти—коснетъ, дъгнѫти—дъгнетъ и т. п.

Примѣчаніе. О происхожденіи суффикса -nǫ- ср. у Эндзелина въ Р. Ф. В. 1912, № 4, 380 с.: повидимому -nǫ- получилось изъ -nu вслѣдствіе насализаціи *u.*

10 При основѣ наст. времени съ суффиксомъ -i, отражающимъ индо-европ. суффиксъ -je : -i,—см. 5 (A),—основа инфинитива оканчивается на -ē (изъ -ē): др.-ц.-сл. мънѣти—мънитъ 3 л. ед. ч., бъдѣти—бъдитъ, видѣти—видитъ, рѣже—на -a, какъ гънати—гънитъ; первыя ср. съ лит. tek-ē-ti (бѣжать), лат. tacē-re (молчать) и т. п.

Основа наст. времени съ такимъ же суффиксомъ -i, характеризующаяся обычно гласнымъ корня *o,*—см. 5 (B),—является въ то же время и основой инфинитива.

11. При основѣ наст. времени съ суффиксомъ -je (см. 6) основа инфинитива представляетъ a) чистый корень или же b) основу на -ē изъ -ē или, наконецъ, c) основу на -a.

Основы, представлявшія чистый корень, могли оканчиваться гласнымъ или согласнымъ: *grě-ti при *grě-je- (др.-ц.-слов. гр҃ти—гр҃кѫ); *mel-ti при *mel-je-,—др.-ц.-сл. мл҃ти—мелѣтъ, р. молóть—мéлетъ).

Основы на -ā въ однихъ случаяхъ цѣликомъ входили въ составъ основы настоящаго времени: *dě̄la-ti—*dě̄la-je-tъ,—въ другихъ существовали при основѣ настоящаго времени безъ -ā: *pьs-a-ti—*piše-tъ (изъ *pis-je-tъ), *lizati—*liže-tъ (изъ *liz-je-tъ), *klevet-a-ti—*klevet-je-tъ (др.-ц.-слов. клеветати—клевештетъ). Особый видъ основы инфинитива на -a при основѣ настоящ. времени на -aje- представляетъ основа съ долгимъ кореннымъ гласнымъ, означающая многократный видъ: *mě̄ta-ti, *gnětа-ti,—*mě̄taje-, *gnětaje-. Съ этими основами можно сравнить латыш. mētā-t—бросать и латин. cēlāre—скрывать. Глаголы, въ которыхъ основа наст. времени имѣетъ предъ суффиксомъ -je -u (изъ -oų), въ основѣ инфинитива имѣетъ -ova- (изъ -oųa-): *kupov-a-ti при *kupuje-. Основы инфинитива на -ě̄ входили въ основу наст. вр. на -je: *želě̄-ti—*želě̄-je-, *imě̄-ti—*imě̄-je-.

Примѣчаніе. О глаголахъ этого класса ср. Rozwadowski «Zu den slavischen Iterativa» I. F. IV, 406—412; Sommer «Das slavische Iterativsuffix -vati» I. F. 1900, XI t.; Meillet «Sur les verbes en -ovati, -ujǫ» Études 147—149 cc.; Meillet «Slav. želěti, pitěti» M. S. L. XI, 14—15 cc.; Osten-Sacken «Die sogenannte Dehnung in der Wurzelsilbe der slav. Iterativa» Arch. XXXII, 321 и сл.

Что касается глаголовъ, указанныхъ въ § 94 (1), коихъ основа наст. времени представляетъ чистый корень или двухсложную базу на -ā, то каждый изъ нихъ нуждается въ особомъ замѣчаніи: къ основѣ наст. времени *jes- инфинитивъ образованъ отъ иного корня (*bу-ti); основа *ěd- является также основой инфинитива, при основѣ наст. времени *vě̄d- основа инфинитива—*vědě- (*vědě-ti), при основѣ *dad- основа инфинитива *da- (*da-ti), при основѣ *ima- основа инфинитива—также *imě- (*imě-ti).

Личныя окончанія.

§ 96. Словянскій праязыкъ въ общемъ потерялъ особыя окончанія средняго залога, а также спеціальныя окончанія перфекта и повелительнаго наклоненія. Въ словянскомъ находимъ лишь окончанія дѣйствительнаго залога,—первичныя и вторичныя.

Первичныя окончанія, имѣвшія мѣсто въ формахъ настоящаго времени, были слѣдующія.

Въ 1 л. ед. ч. глаголовъ нетематическихъ, т. е. не имѣвшихъ предъ личнымъ окончаніемъ тематическаго гласнаго (o/e), окончаніемъ было -mь, изъ индо-европейскаго -mi: ср. др.-ц.-слов. ѥсмь съ древне-инд. ás-mi, греч. ἐ-μι.

Въ глаголахъ тематическихъ окончаніемъ было -o, въ которомъ нельзя отдѣлить собственно окончаніе отъ тематическаго гласнаго. Происхожденіе слов. -o не вполнѣ ясно: иные индо-евр. языки указываютъ на -ō: ср. греч. *φέρω*, лат. ferō, готск. baira, лит. vežù (изъ *vežŭ); вѣроятно, въ словянскомъ форма на -ō получила еще -m, перенесенное изъ прошедшихъ временъ, гдѣ это -m было вторичнымъ окончаніемъ 1 л. ед. ч. (иначе—Лескинъ Gramm. 190 с.).

Окончаніемъ 2 л. ед. ч. въ праслов. было въ нетематическихъ основахъ *-si, въ тематическихъ *-ši и *-šь: *jesi изъ *jes-si, *nesešì и *nesešь (др.-ц.-сл. ѥси, несеши, р. несешь, чеш. neseš, пол. niesiesz, серб. nȅsēš и т. д.). Эти словянскія окончанія могутъ быть сопоставлены съ индо.-евр. окончаніемъ *-si дѣйствительнаго залога (др.-инд. é-ši—идешь, греч. гомеровское ἐσ-σι—еси, др.-и. bhára-si—несешь) и съ окончаніемъ *-sai средняго залога (греч. τίθε-σαι, др.-инд. bhára-se). Такъ какъ и.-евр. *-si должно было дать на словянской почвѣ *sь, то сопоставляютъ слов. -si въ *je-si съ индо-европ. окончаніемъ средняго залога *-sai (то же—въ балтійскихъ языкахъ: ср. др.-прусс. assai 2 л. ед. ч. съ окончаніемъ средн. залога и т. п.,—ср. Trautmann Die altpr. Spr.-Denk. § 230 и слѣд.). Вѣроятнѣе, однако, мысль, что въ слов. *neseši и т. п. i вм. ь (изъ ĭ) явилось подъ вліяніемъ исчезнувшей формы на -ei: *berì изъ *berei (ср. лит. neszì). Что касается š на мѣстѣ s, то оно могло получиться изъ и.-евр. *-si въ основахъ на -i—въ силу измѣненія s послѣ i въ ch, а затѣмъ изъ основъ на -i это š могло проникнуть и въ иныя основы: *pleše-, *stane-, *melje-, *dělaje- и т. д.

Примѣчаніе. Подробнѣе по этому вопросу ср. у van Wijk'a въ Arch. XXXVI (1914 г.), 111 и сл.

Окончаніемъ 3 лица ед. ч. въ праславянскомъ языкѣ, повидимому, были *-tь и рядомъ *-tъ: окончаніе *-tь отражается въ древне-русскихъ формахъ на *ть*, тогда какъ др.-ц.-слов. памятники указываютъ на *-tъ формами несетъ, молитъ, дѣлаѥтъ и т. д.

Окончаніе *-tь является рефлексомъ индо-европейскаго окончанія 3 л. ед. ч. *-ti: ср. др.-инд. ás-ti, греч. ἐστι, др.-инд. váha-ti. Что касается окончанія *-tъ, устанавливаемаго др.-ц.-сл. языкомъ, то вопросъ о его происхожденіи вызвалъ цѣлый рядъ объясненій и предположеній.

Наиболѣе правдоподобнымъ должно признать взглядъ на происхожденіе *-tъ въ 3 л. ед. ч. Фортунатова: окончаніе -tъ получилось въ формѣ 3 л. ед. ч. наст. вр. подъ вліяніемъ формъ 3 л. ед. ч. аориста, сохраненныхъ намъ въ др.-ц.-словянскихъ питъ, покитъ, клатъ, оумьрѣтъ и т. п.; окончаніе *-tъ въ этихъ послѣднихъ, аористныхъ, формахъ—

одного происхожденія съ оконч. прусскихъ формъ 3 л. ед. ч. на -ts изъ tas (po-quoitēts, dinkowats, dinkauts и т. п.) и представляетъ не что иное, какъ мѣстоименіе *tъ (изъ *tos), усиливавшее форму 3 л. ед. ч. аориста, съ отпавшимъ фонетически вторичнымъ окончаніемъ -t; разсматриваемое явленіе въ формахъ аориста Фортунатовъ относитъ къ балтійско-словянской эпохѣ (Изв. XIII, кн. 2, 1—44 сс.; иначе—Leskien Gramm. 190 с., Meillet, Études I, 134 с.; ср. van Wijk, Arch. XXXVI, 116 с.).

§ 97. Окончаніемъ 1 л. мн. ч. было въ праславянскомъ *-mъ: др.-ц.-сл. ѥсмъ, несемъ, р. несемъ и рядомъ *-mo, *-me (ср. серб. и малор. формы на -mo, чеш., болг. діал. и среднеболг. формы на -me). Иные индо-европ. языки указываютъ на *-mos (лат. -mus), *-mes (гр.-дорическое -μες), *-men (греч. -μεν). Объясненіе этихъ окончаній находится въ зависимости отъ взгляда на судьбу сочетанія -os въ конечномъ закрытомъ слогѣ въ праслов. языкѣ; если принять законъ измѣненія -os въ -us, откуда ъ, то праслов. *-mъ можно сравнить съ латинскимъ -mus изъ *-mos, тогда какъ *-me можно сопоставить съ греч. -μεν и -μες или лит. -me, въ окончаніи же *-mo пришлось бы въ такомъ случаѣ видѣть индо-европ. варіантъ *-mo, который можетъ скрываться столь же, сколько и *-me, въ арійскомъ -ma. Отрицающіе законъ os>us ведутъ слов. *-mъ изъ предполагаемаго и.-европ. *-mon.

Примѣчаніе. Ср. Hujer Slov. Dekl. § 16; ср. R. Sl. V, 107 с.

Окончаніе 2 л. мн. ч. *-te,—др.-ц.-слов. ѥсте,—соотвѣтствуетъ лит. -te, греч. -τε и др.-инд. -tha.

Въ 3 л. мн. ч. окончаніемъ, полученнымъ изъ индо-европейскаго, было *-nti, причемъ въ положеніи послѣ согласнаго,—въ формахъ отъ основъ нетематическихъ,—n было слоговымъ: *-n̥ti; однако рядомъ съ -tь и въ 3 л. мн. ч.,—повидимому уже въ праслов. языкѣ,—подъ вліяніемъ формы 3 л. ед. ч. получилось -tъ; такимъ образомъ, въ глаголахъ съ нетематической основой наст. вр. въ 3 л. мн. ч. имѣлись формы на *-ętь и *-ęt̨ъ, гдѣ ę могло получиться изъ n̥ (чрезъ посредство -ьn): *dadętь и *dadęt̨ъ (изъ *dad-n̥ti), *ědętь и *ědęt̨ъ (изъ *ěd-n̥ti); впрочемъ *-ętь въ глаголахъ нетематическихъ могло получиться и изъ *-enti: ср. др.-и. adánti, ср. греч. дорич. ἐντί, умбр. sent, др.-инд. sánti изъ праиндоевр. *senti. Въ глаголахъ тематическихъ съ основой e/o получилось *-ǫtь и *-ǫt̨ъ изъ *-o-nti: *nesǫtь и *nesǫt̨ъ; такъ же въ нетематическомъ глаголѣ съ основой *es-: *sǫtь и *sǫt̨ъ изъ *s-o-nti (съ полной редукціей гласнаго корня, т. е. его исчезновеніемъ). Въ глаголахъ съ основой на -i получилось *-ętь и *-ęt̨ъ: *chvalętь и *chvalęt̨ъ. Происхожденіе этого *-ętь спорно въ связи съ вопросомъ о томъ, что давало -in внутри слова.

Мы считаемъ форму *prosęťь изъ *prosinti закономѣрной, полагая, что -in внутри слова давало фонетически -ę (ср. § 16).

Примѣчаніе. Иначе—Hujer въ L. Fil. XXXIX, 211 и сл.

Форма глаголовъ съ суффиксомъ -jo/-je—*znajonťъ дала др.-ц.-слов. знаѭтѫ,—ср. § 40.

§ 98. Для 1-го лица дв. ч. можно предположить въ праславянскомъ окончаніе: *-vě (др.-ц.-сл. -кѣ), для 2-го л. *-ta (др.-ц.-сл. -та); для 3-го л. др.-ц.-сл. памятники знаютъ -тє и -та; первое преимущественно предъ вторымъ употребляютъ глаголическіе памятники, кирилловскіе же памятники знаютъ второе.

Окончаніе 1 л *-vě не имѣетъ соотвѣтствій въ иныхъ индо-европ. языкахъ: въ др.-инд. находимъ -vas (вторичное -vā), въ литовскомъ -va; возможно, что слов. окончаніе явилось подъ вліяніемъ формы личнаго мѣстоименія *vě (ср. Leskien Gramm. 192 с.).

Что касается окончанія 2 и 3 л., то окончаніе *-ta можетъ быть сопоставлено съ литовскимъ -ta (2 л.); въ др.-инд. окончаніемъ 2 лица первичнымъ было -thas, вторичнымъ -tam; окончаніемъ 3 л.—первичнымъ -tas, вторичнымъ tām. Долгота гласнаго въ словянскомъ *-ta заставляетъ сопоставлять его съ др.-инд. -tām и греч.-дорич. *ταν* (вторичное окончаніе 3 лица), причемъ отношеніе слов. *-ta къ др.-инд. *-tām таково, какъ и отношеніе словян. *-ma въ дат.-твор. дв. ч. и др.-инд. -bhyām. Словянское -te можетъ быть сопоставлено съ др.-инд. -thas и -tas и греческимъ *-τον* (второго лица первичное и вторичное и первичное 3 лица), т. е. можетъ восходить къ *-tes (ср. др.-инд. -thas, -tas) или же *-ten, въ которомъ гласный e находился въ чередованіи съ -o (греч. *-τον*).

Примѣчаніе. Ср. Meillet «Sur les désinences de 2-e et 3-e personnes du duel en Slave» (Zbornik u slavu Vatroslava Jagića, 1908 г., 201 с.).

§ 99. Вторичныя окончанія употреблялись въ формахъ прошедшаго времени (также въ формахъ желат. наклоненія).

Однако въ словянскомъ особыя вторичныя окончанія, отличныя отъ тѣхъ, кои употребляются въ формахъ наст. времени, имѣются лишь въ 1, 2 и 3 л. единств. числа и въ формѣ 3 л. мн. ч.

Въ формахъ же 1 и 2 л. множ. ч. и въ формахъ двойств. числа словянскому языку извѣстны лишь тѣ окончанія, которыя разсмотрѣны были выше подъ именемъ первичныхъ, какъ употребляющіяся въ формахъ настоящаго времени.

Окончаніемъ 1 лица ед. ч. было полученное изъ и.-евр. эпохи *-m, затѣмъ отпавшее: словян. *mogъ 1 л. ед. ч. аориста (др.-ц.-слов. могѫ) изъ *mogo-m: ср. др.-инд. a-vaha-m, греч. *ἔ-φερο-ν* и т. п.

Окончаніе 2 л. *-s и 3 л. *-t также отпали по законамъ словянской фонетики: др.-ц.-сл. можє 2 л. изъ *moge-s; также въ повелит. наклоненіи (по происхожденію желательномъ): др.-ц.-сл. кѣди изъ *vedoi-s; др.-ц.-сл. можє изъ *moge-t: ср. др.-инд. áḅhara-s—ты несъ; греч. ἔφερε-ς; греч. φέροι-ς 2 л. ед. ч. желат. накл.; древне-инд. áḅhara-t—онъ несъ, греч. ἔφερε изъ *ἔφερε-τ.

Въ 3 л. мн. ч. было получено изъ индо-европейскаго окончаніе *-nt, а послѣ неслогового звука -n̥t: др.-ц.-сл. падѫ 3 л. мн. ч. аориста изъ *pado-nt,—ср. греч. ἔ-φερο-ν (съ отпаденіемъ t), др.-церк.-слов. молиша изъ *moli-s-n̥t, откуда *moli-ch-ъnt, а затѣмъ *molišę.

Образованіе формъ времени, наклоненія и залога.

§ 100. Формы настоящаго времени, какъ ясно изъ предыдущаго, представляли соединеніе основы настоящаго времени и первичныхъ окончаній. Однако всѣ словянскіе языки (ср. пол. niesie, niosą, серб. nèsē, nèsū, великор. діал. *несё*, *летя* и т. п.) и въ томъ числѣ др.-ц.-словянскій, даютъ указанія на то, что рядомъ съ такими формами наст. времени въ прасловянскомъ существовали также формы 3 л. ед. и мн. ч. со вторичными окончаніями: *neset, *moli-t и т. п., откуда др.-ц.-слов. несѣ, моли и т. п., *sont, откуда сѫ и т. п.; ср. ниже § 138.

Примѣчаніе. Это объясненіе,—Фортунатова,—формъ безъ -tъ въ словянскихъ языкахъ предпочитаемъ мысли объ отпаденіи -t(ь), которой противорѣчатъ изолированныя образованія вродѣ др.-ц.- сл. опать, къспать, р. *опять*, *отнюдь* и т. п. Формы 3 л. мн. пол. niosą, чеш. nesou могли получить долготу конечнаго Ǫ подъ вліяніемъ формы *SǪ 3 л. мн. ч. изъ *sons (а односложныя слова сохраняли, повидимому, долготу гласнаго); это вліяніе было естественно, такъ какъ иначе ф. 1 л. ед. и ф. 3 л. мн. на -Ǫ совпадали. По вопросу о формахъ 3 л. ед. и мн. ч. на -tъ, -tь и безъ окончанія ср. у Фортунатова въ Изв. XIII, к. 2, 1 и сл. Тамъ же указана предшествующая литература. Иначе—Hujer (L. Fil. XL, 1913 г., 370—371 сс.).

Изъ формъ прошедшаго времени праслов. языкъ сохранилъ индоевропейскія образованія аориста (основы аориста обозначали дѣйствіе безъ оттѣнка длительности или однократное). Эти образованія двухъ типовъ: аористъ такъ называемый простой и аористъ сигматическій.

Аористъ простой образуется путемъ прибавленія къ основѣ тематическаго гласнаго o/e и вторичныхъ окончаній. Онъ имѣетъ мѣсто только въ тѣхъ глаголахъ, въ которыхъ основа инфинитива (аориста) оканчивается на согласный; такимъ образомъ, формы настоящаго времени этихъ глаголовъ отличались отъ формъ аориста простого главнымъ образомъ окончаніями, вѣроятно, также мѣстомъ ударенія. Отъ основы инфини-

тива-аориста *mog- получилась форма 1 лица ед. ч. аориста простого *mog-o-n, 2 л. *mog-e-s, 3 л. *mog-e-t и т. д., откуда получилось затѣмъ—др.-ц.-сл. могѫ, можє, можє.

Отъ основы *nes- форма аориста, образованная по тому же принципу, была бы *nes-o-n, т. е. *nesъ, однако въ дѣйствительности такія формы—отъ основъ-корней съ гласнымъ корня -e не засвидѣтельствованы. Имѣются лишь формы 2 и 3 л. ед. ч. *nese, *nese (др.-ц.-сл. несє, несє), однако эти формы, какъ и ф.ф. *može, *može, могутъ быть разсматриваемы, какъ остатки старыхъ образованій имперфекта: основа *nes- является въ то же время основой наст. времени, и старый имперфектъ образовывался отъ этой основы такъ же, какъ и аористъ простой, ср. греч. *ἔ-φευγ-ο-ν* (имперфектъ) при *φεύγω* (наст. врем.) и *ἔ-φυγ-ον* (аористъ); форма аориста отличалась отъ имперфекта кореннымъ гласнымъ на ступени редукціи въ аористѣ при гласномъ *e* въ имперфектѣ.

§ 101. Рядомъ съ формами аориста простого прасл. языку извѣстны были и образованія аориста сигматическаго. Въ этихъ образованіяхъ признакомъ формы аориста являлось -s, откуда и названіе этого типа аориста.

При этомъ сигматическій аористъ въ прасловянскомъ, какъ и въ индо-европейскомъ, имѣлъ разновидности:

А. Суффиксъ могъ являться въ нетематическомъ видѣ -s: ср. др.-инд. á-bhār-š-am 1 л. ед. ч., гдѣ -am получилось изъ -m̥, á-bhār-š-ma 1 л. мн. ч., греч. *ἔ-γραψ-α*, гдѣ въ согласномъ *ψ* имѣемъ соединеніе согласнаго корня и признака -s, а въ *α*—окончаніе 1 л. ед. ч. (m̥).

В. Суффиксъ аориста могъ являться въ тематическомъ видѣ -so/se: ср. др.-инд. á-dik-šā-ma 1 л. мн. ч., греч. *ἔ-γραψε* 3 л. ед. ч., гдѣ въ слогѣ *-ψε* скрывается суффиксъ -se-.

Къ этимъ основнымъ различіямъ можно прибавить еще нѣкоторыя указанія. Въ коренномъ слогѣ основы сигматическаго аориста имѣло мѣсто колебаніе между ступенью удлиненія и ступенью редукціи; первая имѣла мѣсто, повидимому, въ формахъ единств. числа, вторая въ формахъ множ. и двойств. числа дѣйств. залога, также въ формахъ средн. залога: ср. др.-инд. á-rāuts-am 1 л. ед. ч. дѣйств. залога, но á-ruts-i (средн. зал.).

Однако въ этомъ отношеніи очень рано произошли обобщенія, и въ словянскомъ въ образованіяхъ аориста съ удлиненіемъ коренного гласнаго—это удлиненіе проведено во всѣхъ лицахъ.

Оба указанные выше типа сигматическаго аориста отражаются и въ словянскомъ, однако не въ чистомъ, первоначальномъ видѣ: между ними произошло извѣстное сближеніе и взаимное вліяніе, нѣкоторыя

формы того и другого типа исчезли совершенно и замѣнились формами аориста простого.

А. Образованіе аориста помощью нетематическаго суффикса -s имѣетъ мѣсто въ словянскомъ какъ отъ основъ-корней (на гласный или на согласный), такъ и отъ основъ на -a, -i, -ě. Однако формы этого типа засвидѣтельствованы въ словянскомъ лишь по отношенію ко 2 л. мн. ч., 2 и 3 л. дв. ч. и 3 л. мн. ч; при этомъ въ основахъ типа nes-, ved- коренной гласный является долгимъ, а кромѣ того—въ 3 л. мн. ч. въ извѣстныхъ условіяхъ s (послѣ k, r, i, u) является въ видѣ š, въ силу фонетическаго измѣненія s въ ch, а этого послѣдняго въ š передъ ѫ (изъ ǫ).

Такимъ образомъ имѣемъ:

1. 2 л. мн. ч. и 3 л. дв. ч. кѣсте (изъ *vědˇ-s-te), 2 л. дв. ч. кѣста (изъ *vědˇ-s-ta), 3 лицо мн. ч. кѣсѧ (изъ *vědˇ-s-ѫt); пасте, паста, пасѧ (изъ *pēn-s-te, *pēn-s-ta, *pēn-s-ѫt); грѣсте, грѣста, грѣсѧ (изъ *grěb-s-te *grěb-s-ta, *grěb-s-ѫt).

2. 2 л. мн. ч. рѣсте (изъ *rěk-s-te); 2 л. дв. ч. и 3 л. дв. ч. рѣста (изъ *rěk-s-ta); 3 л. мн. ч. рѣшѧ (изъ *rěk-s-ѫt, чрезъ посредство *rěk-ch-ѣnt); такимъ же образомъ—*mēr-s-te, *mēr-s-ta, *mēr-š-ę (изъ *mēr-ch-ѣnt)—ср. др.-ц.-сл. мрѣсте, мрѣста, мрѣшѧ.

3. бисте, биста, бишѧ (изъ *bi-s-ѫt чрезъ посредство *bi-ch-ѣnt).

Подъ вліяніемъ формъ бишѧ, крышѧ, плашѧ (изъ *ploǫ-s-ѫt) явилось и (*daste)—дашѧ вм. ожидаемаго *da-sę (изъ *da-s-ѫt).

4. молисте, молиста, молишѧ (изъ *moli-s-ѫt, чрезъ посредство *moli-ch-ѣnt).

5. видѣсте, видѣста и, подъ вліяніемъ *moli-š-ę, также видѣшѧ.

Такимъ же образомъ—подъ вліяніемъ приведенныхъ формъ явились на словянской почвѣ формы *bьraste, *bьrasta, *bьraste, *bьrašę, *dělaste, *dělasta, *dělaste, *dělašę и *minǫste, *minǫsta, *minǫste, *minǫšę.

В. Образованіе аориста помощью тематическаго суффика -so имѣется въ формахъ 1 л. ед., дв. и множ. числа отъ всѣхъ тѣхъ основъ, которыя во 2 и 3 л. дв. и множ. числа образуютъ формы аориста посредствомъ суффикса -s: 1. кѣхъ 1 л. ед. ч. (изъ *vědˇ-s-om), кѣхомъ 1 л. мн. ч. (изъ *vědˇ-so-mъ), кѣховѣ 1 л. дв. ч. (изъ *vědˇ-so-vě).

2. рѣхъ 1 л. ед. ч. (изъ *rěk-so-m чрезъ посредство *rěk-ch-ъ), рѣхомъ (изъ *rěk-so-mъ), рѣховѣ (изъ *rěk-so-vě).

3. бихъ (изъ *bi-so-m), бихомъ (изъ *bi-so-mъ), биховѣ (изъ *bi-so-vě). Такъ же—крыхъ, плухъ, дахъ.

4. молихъ, молихомъ, молиховѣ (изъ *moli-so-m и т. д.).

5. видѣхъ, видѣхомъ, видѣховѣ (изъ *vidě-so-m,—по аналогіи *molichъ и т. д.).

Такимъ же образомъ—подъ вліяніемъ *molichъ, *molichomъ, *molichově, *bichъ, *bichomъ, *bichově и т. д. явились и *bьrachъ, *bьrachomъ, *bьrachově, *čitachъ, *čitachomъ, *čitachově и *minǫchъ, *minǫchomъ, *minǫchově.

§ 102. С. Кромѣ типовъ А и В на словянской почвѣ явился новый, третій типъ сигматическаго аориста, образующійся помощью суффикса -os-, который возможенъ лишь отъ основъ на согласный, т. е. отъ основъ, равныхъ корню; таковы основы *nes-, *vez-, *rek-, *id- и т. п.; этотъ же типъ аористическихъ образованій извѣстенъ глаголамъ, имѣющимъ основу наст. врем. на -ne и основу инфинитива на -nǫ: суффиксъ -os- присоединяется непосредственно къ корню. Типъ этотъ является, быть можетъ, соотвѣтствіемъ др.-инд. формамъ вродѣ abodhiśam, если не представляетъ контаминацію формъ аориста простого и сигматическаго: *greb-o-n и *grēb-s-o-n, откуда *greb-o-son и позже *greb-o-chъ, съ ch, перенесеннымъ аналогіей изъ другихъ формъ.

Парадигма аориста этого типа такъ же, какъ и предыдущихъ, не представляетъ единства; въ формѣ 1 л. ед., дв. и мн. чиселъ суффиксъ -os получаетъ тематическое -o, т. е. является въ видѣ -oso-, въ формахъ 2 и 3 л. дв. и мн. чиселъ суффиксъ -os является безъ тематическаго -o. При этомъ признакъ аориста -s нефонетически, подъ вліяніемъ иныхъ аористическихъ образованій, какъ *bichъ, *krychъ, *pluchъ, *rěchъ, *mergchъ (съ -eg изъ -ēr), *molichъ и т. п., является въ видѣ ch во всѣхъ формахъ, кромѣ 2 л. мн. ч. и 2, 3 л. дв. ч., гдѣ s сохраняется и въ иныхъ типахъ аориста. Такимъ образомъ, имѣются формы съ суффиксомъ -os-o: ведохъ (изъ *ved-os-o-m) 1 л. ед. ч., ведохомъ (изъ *ved-os-o-mъ) 1 л. мн. ч. ведохокѣ (изъ *ved-os-o-vě) 1 л. дв. ч., а съ другой стороны—ведосте 2 л. мн. ч. и 3 л. дв. ч., ведоста 2 л. дв. ч., ведошѧ (изъ *ved-os-nt чрезъ посредство *ved-och-ьnt). Точно такъ же отъ основы *dvig- образуются формы аориста движохъ, движохомъ, движосте и т. д.; эти образованія, очевидно, старше присоединенія къ корню *dvig- суффикса nǫ-, хотя затѣмъ и вошли въ систему формъ глагола *dvig-nǫ.

§ 103. Въ предыдущемъ анализѣ формъ сигматическаго аориста не были упомянуты формы 2 и 3 л. ед. ч.; формы эти нуждаются въ особомъ разсмотрѣніи.

Въ глаголахъ съ основой, равной корню и оканчивающейся на согласный, какъ при формахъ типа А—В, такъ и при формахъ типа С, т. е. при формахъ *nĕsъ, *rĕchъ и при формахъ *nesochъ, *rekochъ форма 2 и 3 л. ед. ч. была одна и та же: *nes-e, *reč-e (изъ *nes-e-s, *reč-e-s 2 л. ед. и *nes-e-t, *re-č-e-t 3 л. ед.). Форма эта, очевидно, не

представляетъ сигматическаго образованія аориста, но есть форма 2—3 л. ед. ч. аориста простого или имперфекта.

При 1 л. ед. ч. *bichъ, *krychъ, *pluchъ, *dachъ — форма 2—3 л. ед. ч. являлась въ видѣ *bi, *kry, *plu, *da; при 1 л. *molichъ—*moli, при *vidĕchъ—*vidĕ, при *čitachъ—*čita, при minǫchъ—*minǫ (ср. др.-ц.-сл. бихъ—би, крыхъ—кры, плоухъ—плоу, дахъ—да, молихъ—моли и т. д.).

Формы эти допускаютъ различное толкованіе.

Можно видѣть въ формахъ *da, *sta, *bi, *klę и т. д. аористическія образованія несигматическаго типа: *da-s 2 л. ед. ч., *da-t, *sta-s, *sta-t и т. д.,—ср. греч. ἔ-στη-ς, ἔ-στη изъ *ἔ-στη-τ, ἔ-βη-ς, ἔ-βη изъ *ἔ-βητ и т. п. Но столь же возможно, что въ нихъ (формахъ *da, *bi, *sta, *klę и т. д.) кроются сигматическія формы: *da-s-s, *da-s-t, *sta-s-s, *sta-s-t и. т. п., такъ какъ формы *sta-s и *sta-s-s, *sta-t и *sta-s-t должны были дать одни и тѣ же результаты.

Рядомъ съ формами 2—3 л. ед. ч. *da, *bi, *klę и т. п., именно въ тѣхъ случаяхъ, когда форма эта была односложна (наличность или отсутствіе префикса не принимается въ расчетъ)—существовала, вѣроятно, уже въ прасловянскомъ форма съ прибавленіемъ суффикса -tъ, которому въ нѣкоторыхъ формахъ предшествуетъ элементъ -s: *dastъ, *jastъ, *bystъ, *bitъ, *klętъ, *pitъ, *u-mer-tъ и т. п. (др.-ц.-слов. дастъ, ястъ, бысть, битъ, клатъ, питъ, оумрѣтъ и т. п.). Объ этомъ -ть ср. выше, § 96. Иначе—Leskien Gramm. 200, Meillet, Études, 138 с.

§ 104. Формы аориста имѣли значеніе прошедшаго времени недлительнаго вида. Для выраженія же прошедшаго съ оттѣнкомъ длительности въ прасловянскомъ языкѣ существовали формы имперфекта, представляющія словянскія новообразованія.

Можно думать, что поводомъ къ появленію этихъ новообразованій послужило совпаденіе въ звуковой сторонѣ имперфекта и аориста простого въ тѣхъ первичныхъ глаголахъ, въ которыхъ было утрачено чередованіе гласныхъ въ корнѣ: ср. аор. *nes-ъ и имперф. *nes-ъ.

Примѣчаніе. Первоначально аористъ такихъ глаголовъ отличался отъ имперфекта именно гласнымъ корня; ср. Фортунатовъ въ Сборн. Отд. LXIV т. (разборъ изслѣдованія Ульянова), 42 с.

Что же касается вопроса, какъ именно и изъ какихъ морфологическихъ элементовъ возникли словянскія новообразованія имперфекта, то вопросъ этотъ доселѣ нельзя признать рѣшеннымъ. Несомнѣнно, формы словянскаго имперфекта сложились уже въ прасловянскую эпоху, такъ какъ въ общемъ показанія отдѣльныхъ слов. языковъ по отношенію къ этимъ формамъ сходны.

Въ сравненіи съ формами сигматическаго аориста слов. имперфектъ характеризовался морфологически звуковымъ комплексомъ -ĕach-, -aach-: *nesĕachъ, *viděachъ, *bьraachъ, *dělaachъ и т. п.

По отношенію къ основѣ первоначально между аористомъ сигматическимъ и новообразованіемъ имперфекта различія не было: и тѣ, и другія формы связаны были съ основами инфинитива; формы имперфекта, связанныя съ основами наст. времени, повидимому, явились позже; ср. др.-ц.-сл. берѫ—бьрати—аор. бьрахъ, имперф. бьраахъ; зокѫ—зкати—аор. зкахъ, имперф. зкаахъ; вєсѣдоуѫ—вєсѣдокати—аор. вєсѣдокахъ—имперф. вєсѣдокаахъ; кыждѫ—кидѣти—аор. кидѣхъ—имперф. кидѣахъ; ср. др.-чеш. формы имперфекта vidjech, brách, vzyvách, kupovách, др.-пол. siedziesze. Формы, которыя связаны съ основами наст. вр. въ др.-ц.-словянскомъ, относятся главнымъ образомъ къ Супрасльской рукописи гдѣ въ соотвѣтствіи съ зкаашє Зогр. и Мар. Ев. имѣется зокѣашє, также вєсѣдоуѫахъ, ємлѣашє; въ той же Супр. рук. находимъ и иныя новообразованія, какъ приходѣахѫ вм. стараго приходаахѫ (подъ вліяніемъ кидѣахѫ, вєсѣахѫ).

Форма имперфекта отъ глаголовъ непроизводныхъ съ основой наст. вр. на -e(o) имѣла суффиксъ -ēach-, если въ корнѣ былъ гласный e, o: ср. др.-ц.-сл. вєсѣахъ, можаахъ (изъ *mogēachъ) и лит. nesziaũ—nẽszė; если же гласный корня представлялъ ступень редукціи, то суффиксъ былъ -aach-: ср. бьраахъ, жьдаахъ и лит. lìpo, bùvo, sùko (ср. Фортунатова разборъ изслѣдованія Ульянова, 57—58 с.).

Форма имперфекта отъ глаголовъ съ основой наст. врем. на -пе и основой инфинитива на -пǫ—аналогична формѣ отъ глаголовъ съ основой наст. вр. на -e: ср. др.-ц.-сл. сѫчѣахъ: *sъchпe- и вєсѣахъ: *nese-. Глаголы съ основой на -i въ наст. врем. и инфинитивѣ, имѣвшіе въ 1 л. ед. ч. основу на -jo, получили въ формѣ имперфекта į или j предъ -ēach-: *modljǫ—*modliti—*modlj̨ēachъ, откуда *modljaachъ,—ср. др.-ц.-сл. молиаахъ, рождаахъ.

Существеннымъ отличіемъ имперфекта отъ аориста является тематическая форма суффикса -ēach-, -aach- во всѣхъ лицахъ: *-ēachъ (изъ *-ēachon), *-ēaše (изъ *-ēache-s), *-ēaše (изъ *-ēache-t), *-ēachomъ, *-ēašete, *-ēachǫ (изъ *-ēacho-nt) и т. д.

Въ рѣшеніи вопроса, что такое представляетъ по своему происхожденію -ēach-, -aach- имперфекта, можно различить два направленія: одни изслѣдователи видятъ въ словян. формѣ имперфекта сложеніе, второю частью котораго является нѣкогда самостоятельная форма прош. времени отъ корня -es (быть), другіе видятъ въ комплексѣ -ēach-, -aach- лишь совокупность морфологическихъ признаковъ, не имѣвшихъ самостоятель-

наго значенія, а въ самой формѣ имперфекта разновидность сигматическаго аориста. Послѣднее мнѣніе можно признать болѣе вѣроятнымъ.

Примѣчаніе. По вопросу объ имперфектѣ ср. Wiedemann «Beiträge zur altbulgarischen Conjugation» 113—126, Vondrák въ B. B. XXIX, 295—305 и Vergl. Slav. Gr. II, 167 и слѣд.; Jagić Arch. XXVIII, 27—35; Baudiš I. F. XXIII, 135—151 с. На русскомъ языкѣ обзоръ теорій до 1905 г. у Грунскаго «О происхожденіи имперфекта др.-церк.-слов. памятниковъ». Уч. Зап. Юрьевунив. 1905 г. Къ числу ученыхъ, которые видятъ въ словянскомъ имперфектѣ сложеніе, аналогичное латинскому faciēbam, относятся: Bopp Vergl. Gr. II³, 403 с., Schleicher Formenlehre der ksl. Spr. 369 и сл. и Compendium⁴, 825 с., Даничић Историја облика 299 и сл., J. Schmidt K. Z. XXVI, 394 и слѣд., Wiedemann Beitr. zur altbulg. Conjug. 124 с., Ягичъ Arch. XXVIII, 33 с., Leskien Gramm. 196 с., Meillet Études, 140 с. Къ числу противниковъ этой мысли, стремящихся объяснить слов. имперфектъ безъ помощи сложенія, принадлежатъ: Брандтъ Р. Ф. В. VI, 259—264, 335 и слѣд., Соболевскій Р. Ф. В. VII, 269 и слѣд., Ульяновъ Основы, 183 и сл., Фортунатовъ въ разборѣ сочиненія Ульянова «Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-словянскомъ языкѣ» Сборн. отд. LXIV (и отдѣльно, 1897 г.), 39—42 и 55 и сл., Horák L. Fil. XXIX, 232—238 сс. (Vondrák въ B. B. XXIX, иначе въ Vergl. Slav. Gr.), Baudiš въ I. F. XXIII, 135 и сл.

По мнѣнію Baudiš'a, слов. *nesēachъ, *vidēachъ, *zijaachъ заключаютъ въ себѣ основы инъюнктива *nesēa-, *vidēa-, *zijaa-, которыя онъ сравниваетъ съ литов. veizdėjo, žijójo и латин. videa- въ videam (подъ инъюнктивомъ разумѣются лишенныя приращенія формы изъявит. наклоненія, соотвѣтствующія формамъ съ приращеніемъ; они употреблялись отчасти въ смыслѣ прош. времени); эти основы инъюнктива на -ējā-, -ājā- нельзя, конечно, приписать и.-евр. эпохѣ, но изъ старыхъ элементовъ, которые находимъ въ индо-европ. основахъ инъюнктива на -ē и на -ā, по мнѣнію Baudiš'a, возникли вторичныя основы на -ējā- и -ājā-.

Отличительная черта имперфекта,—тематическая форма суффикса,—не характеризуетъ слов. формы *bĕchъ (др.-ц.-сл. кѣхъ, кѣ, кѣ); но эта форма, хотя и употреблялась въ значеніи имперфекта, по своему происхожденію была формой аориста отъ основы *bhųe-, въ словянскомъ *bĕ-; ср. прусс. be, bēi.

§ 105. Старыя индо-европ. формы перфекта, давнопрошедшаго и будущаго исчезли въ словянскомъ. Отъ формъ перфекта въ словянскомъ осталась лишь форма *vědě (др.-ц.-сл. кѣдѣ) съ окончаніемъ 1 л. ед. ч. средняго залога -ě изъ и.-евр. -ai (ср. др.-инд. tu-tud-ē, лат. tutud-ī).

Указанія на праславянскій рефлексъ индо-европ. формы будущаго времени сохранились лишь въ скудныхъ остаткахъ причастія будущаго времени кѫшѧ—кѫшѧшти—кѫшѧ въ древне-русскихъ спискахъ церковно-слов. текстовъ; эти причастныя формы предполагаютъ форму будущаго времени съ суффиксомъ -s: *bysiǫ, *bysiši, *bysitъ и т. д., откуда затѣмъ *byšǫ, *byšiši, *byšitъ и т. д. (-y+s> —y+ch> —y+š); ср. лит. búsiu, bús (i), búsiva, búsita, búsime, búsite.

Примѣчаніе. Ср. Ягича въ Arch. XXVIII, 35–36 сс., гдѣ собраны примѣры причастій отъ основы будущаго времени.

Взамѣнъ исчезнувшихъ формъ перфекта, давнопрошедшаго и будущаго въ праслов. языкѣ были созданы новые способы выраженія соотвѣтствующихъ грамматическихъ категорій. Форма перфекта выражалась соединеніемъ причастія прошедшаго на -lъ съ глаголомъ *jesmь: ср. др.-ц.-сл. пришьлъ иcмь и такіе же обороты др.-русскаго, сербскаго, польскаго и чешскаго языковъ. Категорія давнопрошедшаго нашла себѣ выраженіе въ соединеніи того же причастія на -lъ съ формой имперфекта *bѣašče. Форма будущаго времени представляла соединеніе инфинитива съ формой наст. времени глаголовъ *bǫdǫ, *imamь, *chotjǫ, *načьnǫ. Въ то же время значеніе будущаго получила форма настоящаго отъ глаголовъ совершеннаго (перфективнаго) вида.

§ 106. Изъ старыхъ формъ наклоненій, полученныхъ изъ индо-евр. языка, праславянскій сохранилъ, кромѣ формъ изъявительнаго наклоненія, почти исключительно формы желательнаго наст. врем., получившія однако на славянской почвѣ значеніе повелительнаго; при этомъ формы 1 л. ед. и 3 л. мн. ч. почти не оставили слѣдовъ. По отношенію къ формѣ 1 л. ед. ч. повелит.-желательнаго указываютъ форму отъпадѣмь въ текстѣ Псалтыри: отъпадѣмъ (съ ъ вм. ь) въ Син. Пс. (7, 5)=*ἀποπέσοιμι*. Въ Толстовской Псалтыри (184) находимъ бѫдѣмь (Соболевскій, Лекціи[3], 346 с.); то же—въ Болон. Пс. (Щепкинъ, Болон. Пс., 227 с.).

Суффиксомъ желательнаго наклоненія въ глаголахъ тематическаго спряженія было -i, а въ глаголахъ нетематическихъ *-jē, а на ступени редукціи -ī (ср. лат. s-iēm, s-ī-mus, греч. *θε-ίην*, *θε-ῖ-μεν*).

Въ основахъ наст. вр. на e/o (и no/ne) формы желательнаго наклоненія представляли, такимъ образомъ, основу на -oi- съ прибавленіемъ вторичныхъ окончаній: 2 л. ед. *beroi-s, 3 л. ед. ч. *beroi-t, откуда др.-ц.-сл. бери 2 и 3 л. ед. ч., во множ. ч. *beroi-mъ (1 л.), *beroi-te 2 л., откуда др.-ц.-сл. берѣмъ, берѣте, въ двойств. ч. *beroi-vě, *beroi-ta— др.-ц.-сл. берѣвѣ, берѣта. Въ формахъ единств. числа -i изъ oi связано съ извѣстнымъ качествомъ долготы (ср. § 36).

Въ основахъ наст. времени на -jo/je изъ -joi получилось -jei, откуда -ji во всѣхъ формахъ: пиши изъ *pisjo-i-s, *pisjo-i-t и т. д.

Въ глаголахъ нетематическаго спряженія суффиксъ ī (на ступени редукціи) находимъ въ формахъ множ. и двойств. числа: др.-ц.-сл. ѣдимъ, ѣдите; дадимъ, дадите, но во 2 и 3 л. ед. ч. находимъ *vědjь, *jadjь, *dadjь (др.-ц.-сл. вѣждь, ѣждь, даждь, др.-чеш. jěz, daz, věz, пол. jedz, русс. ѣшь изъ ѣжь и т. д.); между тѣмъ такія формы не могли бы по-

лучиться чисто фонетическимъ путемъ изъ *dad-i̯ē-s, *dad-i̯ē-t и т. п. Происхожденіе формъ *dadjь, *vědjь, *jadjь неясно.

Примѣчаніе. Быть можетъ, форма *void-jē получила вм. -ē—ī изъ формы повел. накл. на -dhi. Иначе—Vondrák «Die imperative daždī, věždī u. s. w. und die Genitive rabŭ, ženŭ, selŭ u. s. w.» въ Arch. XX, 54 с. и въ Сборн. Ламанскаго I, 191 с. Форму даждь (Син. Мол.) не считаемъ старой; иначе—Horák въ Arch. XX, 409 с.

Въ основахъ наст. времени на -i формы желательнаго (повелительнаго) представляли также основы на -i съ присоединеніемъ вторичныхъ окончаній: *chvali, *chvalimъ, *chvalite и т. д. (др.-ц.-слов. хвали—хвалимъ—хвалите и т. д.). Это -ī получилось, повидимому, изъ стяженія -i основы наст. времени и того же суффикса желат. накл., который находимъ въ формахъ *dadimъ, *dadite и т. п.

Примѣчаніе. Ср. Meillet, Études, 143—145 сс. Характеръ слогоударенія въ -i повелительнаго накл. былъ иной, чѣмъ въ изъявительномъ: ср. р. хва́лите и хвали́те и серб. chvâlī—chvâlī-te изъявит. накл. и chváli—chválite повелит.

Слѣды сослагательнаго наклоненія нѣкоторые изслѣдователи, повидимому, правильно видятъ въ др.-ц.-сл. формахъ повелительнаго накл. отъ глаголовъ 3 класса на -ѣмъ, -ѣте, -амъ, -ате, о которыхъ ср. ниже,—въ § 155. Въ др.-ц.-сл. памятникахъ встрѣчается также форма 3 л. мн. ч. сослаг. наклоненія бѫдѫ (ср. § 163).

Для выраженія условнаго наклоненія, повидимому, еще въ праславянскомъ употреблялось соединеніе причастія прошед. времени на -lъ съ формой *bъ̀ti, *bi, *bi, *bъ̀tъ 1 л. мн. *bǫ 3 л. мн., которая представляетъ прош. вр. отъ основы *bhu̯ei- или *bhu̯ī- (корень *bhū-); въ 1 л. ед. ч. -ть, вѣроятно,—подъ вліяніемъ *jesmь; 3 л. мн. ч. *bǫ изъ *bhu̯ānt или *bhu̯ont; въ др.-ц.-сл. подъ вліяніемъ аориста бѣсте, бѣша явилось бисте (вм. ожидаемаго *бите) и биша.

§ 107. Категорія залога, поскольку она не выражается самой глагольной основой (ср. *nes-ti, *vidě-ti, *sъ̀ra-ti, *bъ̀dě-ti), имѣетъ свое выраженіе въ прибавленіи возвратнаго мѣстоименія *sę (вин. п.) къ формѣ дѣйствит. залога для обозначенія средняго или страдательнаго: ср. др.-ц.-сл. чьтетъ и чьтетъсѧ. Категорія страдат. залога выражается также соединеніемъ причастія прош. страд. залога съ формой глагола *jesmь—*byti: оубиенъ бѣсть и т. п.

Всѣ эти способы выраженія категоріи залога, какъ видно изъ согласныхъ показаній отдѣльныхъ слов. языковъ,—праславянскаго происхожденія.

Именныя формы глагола.

§ 108. Именными формами глагола, т. е. формами склоняемыми, или же первоначально склоняемыми, вошедшими въ систему глагольныхъ формъ, являются формы инфинитива, супина и причастій.

Формы инфинитива и супина представляютъ окаменѣлыя падежныя формы существительныхъ, произведенныхъ отъ глагольныхъ основъ. Суффиксъ инфинитива въ прасловянскомъ -ti (ср. лит. -ti) представляетъ форму мѣстнаго падежа отъ существительнаго съ основой на -ĭ,—им. ед. ч. -tis, (иначе—Hujer Slov. Dekl., 144 с., Lorentz Arch. XIX, 343 с.). Форма супина, соотвѣтствующая балтійской на *-tun изъ *-tum, латинской на -tum, представляетъ, повидимому, вин. п. ед. ч. отъ основы на -ŭ (-tŭ): *nes-tъ, *pi-tъ, *vidě-tъ и т. д. Иную падежную форму (род. или мѣстн. п. ед. ч.) представляетъ встрѣчающаяся въ памятникахъ (XIII словъ Григорія Назіанзина) въ значеніи инфинитива форма кѵитоу.

§ 109. Формы причастія настоящаго времени дѣйств. зал. образовывались помощью суффикса -nt; основы причастій отъ глаголовъ съ тематическимъ гласнымъ o/e оканчивались на -ont; основы глаголовъ на jo—je оканчивались на -jont и основы глаголовъ на -i—на -int. Форма им. п. ед. ч. муж. рода оканчивалась на -y въ первомъ случаѣ (др.-ц.-сл. несѫ), во второмъ на -ję (др.-ц.-сл. знаѭ), въ третьемъ—на -ę (др.-ц.-слов. молѧ).

Форму на -y (*nesy) большинство ученыхъ объясняетъ изъ -onts, откуда съ упрощеніемъ группы согласныхъ -ons и затѣмъ -y, какъ въ формѣ вин. п. мн. ч. основъ на -o (ср. выше, § 86). Иначе—Zubatý, Arch. XV, 503 с. Подробнѣе см. у Hujer'a Slov. Dekl. § 43—44.

Формы им. п. м. р. ед. ч. на -ję (*znaję: др.-ц.-сл. знаѭ) объясняются изъ -jonts (>-jons),—ср. вин. п. мн. ч. коньѧ изъ *konjons.

Тѣ же формы отъ глаголовъ съ основой настоящаго времени на -i оканчивались на -ę, которое восходитъ къ первоначальному -ints: *modlę (др.-ц.-сл. молѧ). Фонетически изъ -ints должно было получиться -ĭ: ср. *gosti вин. мн. ч. изъ *gost-ins; должно думать поэтому, что -ę въ формѣ *modlę и т. п. явилось изъ формъ косвенныхъ падежей (*modlętja и т. д.), гдѣ ę правильно явилось изъ -in- (ср. § 16).

Форма причастія им. п. ед. ч. ср. рода отъ глаголовъ съ основой настоящаго времени на -o/e оканчивалась, какъ и форма муж. р.,—на -y: *vedy (др.-ц.-сл. вѣдѧ), хотя иные индо-европ. языки указываютъ на -nt и -ont (др.-инд. bhárat, греч. *φέρον*, лит. veža); ни изъ -nt, ни изъ -ont не могло получиться -y (ср. § 39).

Такимъ образомъ, форма им. п. ед. ч. ср. р. *vedy является нефонетической, и появленіе ея объясняютъ вліяніемъ совпаденія формъ им. ед. ч. муж. и ср. рода въ глаголахъ типа *znati и типа *modliti, гдѣ это совпаденіе болѣе отвѣчало фонетическимъ законамъ: znajonť—дало *znaję, *modlint (фонетически или нефонетически)—*modlę; ср. Leskien Gramm. 205 с. Иные изслѣдователи указываютъ на вліяніе совпаденія формъ им. п. ед. ч. мужескаго и средняго рода причастія прошедшаго врем.: ср. ниже (Такъ Meillet, De quelques innovations 18, Brugmann Grundriss II², 2, 147 с.). Форма прич. наст. вр. ж. р. представляла основу, осложненную суффиксомъ -i̯ā, который въ им. п. ед. ч. являлся на ступени редукціи, т. е. въ видѣ -ī: ср. др.-ц.-сл. бєрѫштн, знаѭштн, молѧштн (шт изъ -tj). Косвенные падежи муж. и ср. рода также получили добавочный суффиксъ -i̯o и склоняются, какъ конь, поле: бєрѫшта, знаѭшта, молѧшта род. п. ед. ч. и т. д.

Старая форма им. п. мн. ч. м. р. *bergie (склоненіе основъ на согласный) также получила tj вм. t подъ вліяніемъ иныхъ падежей: бєрѫште (также знаѭште, молѧште).

§ 110. Формы прич. прош. вр. дѣйств. зал. образовались помощью суффикса -u̯os/-u̯es, на ступени редукціи -us, откуда въ словянскомъ -ъ: др.-ц.-сл. кєдъ изъ *ved-us (ср. др.-инд. vidús-). Послѣ гласныхъ находимъ -vъ изъ -vъs: др.-ц.-сл. кидѣкъ; -v могло получиться изъ -u̯ въ тѣхъ формахъ, гдѣ суффиксъ являлся въ видѣ -u̯os/-u̯es, затѣмъ обобщиться,—ср. J. Schmidt K. Z. XXIII, 366 с.; иначе—Ляпуновъ, Формы склоненія, 67 с., Brugmann Grundr². II, 1, 572 с. Им. п. ед. ч. ср. р. кєдъ могъ получиться изъ -os: ср. греч. εἰδός. Иначе приходится предполагать въ праиндоевропейскомъ для этой формы параллельное -us (такъ Гуйеръ Slov. Dekl. 56 с.). Форма ж. рода кєдъши представляетъ осложненіе причастной основы суффиксомъ -i̯ā—въ им. п. ед. ч. на ступени редукціи, т. е. ī: *ved-ъs-ī (>*vedъchī>*vedъšī); род. п.—кєдъшѧ изъ *ved-ъsi̯ę, ср. *zemi̯ę—др.-ц.-слов. землѧ и т. д. Въ косвенныхъ падежахъ муж. и средн. рода также находимъ добавочный суффиксъ -i̯o: кєдъша изъ *ved-ъsi̯a, кєдъшєѵ изъ *ved-ъsi̯u и т. д. Форма им. мн. ч. м. р. сохранила еще флексію стараго склоненія на согласный: кєдъше (*vedъs-e>*vedъche>*vedъše). Отъ глаголовъ типа молити при моликъ находимъ моль—изъ *modli̯-ъs (-i предъ гласнымъ является неслоговымъ).

Функцію причастія дѣйств. залога прош. времени получила также именная форма съ суффиксомъ -lъ (женск. р. -la, ср. р. -lo): др.-ц.-сл. кидѣлъ, молилъ, читалъ и т. д. Эта форма причастія, повидимому, уже въ прасловянскомъ потеряла склоненіе и измѣнялась лишь по родамъ и числамъ.

§ 111. Форма причастія наст. вр. страд. залога образуется помощью суффикса -mo-: ведомъ, движимъ, знаемъ, молимъ: ср. лит. sùkamas.

Форма прич. страдат. залога прош. времени образуется помощью суффикса -to или суффикса -no; ср. лит. -tas и -nas, причемъ формы на -nas теперь извѣстны лишь, какъ прилагательныя. Суффиксъ -to образуетъ причастія страдат. отъ глаголовъ съ основой инфинитива на носовой, r или гласный корня: *klьnǫ—*klęti—*klę-tъ: др.-ц.-слов. клатъ, *stьrǫ—*sterti—*stъrtъ: др.-ц.-сл. стрьтъ, *bjǫ—*biti—*bitъ: др.-ц.-сл. битъ, *pojǫ—*pěti—*pětъ: др.-ц.-сл. пѣтъ.

Первоначально суффиксъ -tъ былъ, повидимому, болѣе распространенъ: ср. др.-ц.-сл. отъкрьтъ (корень *vъrz-), оузлъ (корень *vęz-) и лит. kéltas, riñktas отъ keliù—kélti, renkù—riñkti (ср. Leskien Gramm. 210 с.). Суффиксъ -no находимъ при основахъ инфинитива на -a, -ě: читанъ, данъ, сѣнъ, бьранъ, куповань, писанъ (пьсанъ), видѣнъ, также при основѣ инфинитива на -l: *kolti—*koljǫ—*kolnъ: др.-ц.-слов. клань; въ иныхъ случаяхъ онъ присоединенъ къ основѣ настоящаго вр. на -e: др.-ц.-сл. веденъ, жьренъ, движенъ, бьенъ; аналогичны формы — крьженъ, закъженъ отъ исчезнувшихъ основъ *krъve-, *bъve-; быть можетъ, отсюда былъ отвлеченъ суффиксъ -eno, который находимъ въ формахъ *боренъ (ср. борение въ Супр.), коленъ (при клань); отъ основы на -je—образована форма причастія страдательнаго въ глаголахъ съ основой инфинитива и наст. врем. на -i: др.-ц.-сл. хваленъ, молень.

II. Формы древне-церковно-словянскаго языка.

§ 112. Судя по дошедшимъ до насъ древнѣйшимъ церковно-словянскимъ памятникамъ, языкъ Кирилла и Меѳодія IX вѣка въ общемъ сохранялъ унаслѣдованныя изъ праславянскаго языка отношенія въ области формъ со значительной вѣрностью, но въ то же время эти памятники заключаютъ въ себѣ вмѣстѣ съ немногими измѣненіями весьма древняго происхожденія черты новыя, характеризующія болгарскій языкъ XI столѣтія. Бо́льшая часть этихъ новыхъ явленій относится къ области склоненія.

Склоненіе именъ.

Въ склоненіи именномъ въ древне-церковно-словянскомъ можно различить тѣ же 6 главныхъ типовъ, что и въ праславянскомъ: 1) склоненіе основъ на согласный, 2) склоненіе основъ на -ū, 3) склоненіе основъ на -i, 4) склоненіе основъ на -u, 5) склоненіе основъ на -ā и 6) скло-

неніе основъ на -о. Система падежей, родовъ и чиселъ древне-церковнословянскаго языка совпадала съ прасловянской.

Примѣчаніе. О церковно-словянскомъ склоненіи, кромѣ указанныхъ работъ Ляпунова и Гуйера, ср. Scholvin «Beiträge zur Deklination in den pannonisch-sloven. Denkmälern» въ Arch. für Slav. Phil. II, 482—569.

Склоненіе основъ на согласный.

§ 113. Къ основамъ на согласный относились слѣдующія имена.

б) Имена муж. р. съ основой на -n, какъ дьн-, камен-, корен-, пламен-, ремен-, степен-, юлен-; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ пламен-, содержатъ въ основѣ суффиксъ -men.

Сюда же относятся *въ формахъ множ. числа* имена муж. р., содержащія въ формахъ единственнаго числа сложный суффиксъ -ino- и обозначающія общественное положеніе или національность лица. Во множественномъ числѣ такія имена не имѣли суффикса -ino- и склонялись, какъ имена съ основой на согласный. Таковы имена: коларинх, гражданинх, кластелинх, жителанинх (*женецъ*) и имена собственныя,—галилѣанинх, жидовинх, іерусалимлянинх, гоморянинх, иродианинх, єгіптянинх, корунднанинх, римлянинх, персинх, руминх, содомлянинх, сраценинх, солунянинх, херсонянинх. Не всѣ эти имена однако представлены въ памятникахъ формами множ. числа съ флексіями основъ на согласный.

Сюда же относятся имена муж. рода съ суффиксомъ -ĕljo- и -arjo-, сохранившіе слѣды склоненія во множественномъ числѣ по типу именъ съ основой на согласный. Таковы: мытарь, цѣсарь, благодѣтель, дѣлатель, жатель, сѣдѣтель, тѫжатель, законоучитель, подражатель, мѫчитель, писатель, родитель, сказатель, самодрьжитель, хранитель, сѣтитель.

b) Имена средняго рода съ основой на -n, отчасти содержащія суффиксъ -men: имен-, крѣмен-, крѣмен-, чисмен-, писмен-, сѣмен-, племен-, глѣмен- (бревно, балка), тѣмен-.

c) Имена средняго рода съ основой на -t, содержащія въ основѣ суффиксъ -ęt: агнят-, клюсят- (вьючное животное), козлят-, осьлят-, отрочат-, окъчят-, жрѣбят-.

d) Имена средняго рода съ основой на -s: чюдес-, лютес- (трудъ, усиліе), колес-, небес-, слокес-, дивес-, дѣлес-, дрѣвес-, нетес- (нетеса—почки), личес-, очес-, тѣлес-, ушес-.

e) Имена женскаго рода съ основой на -r: матер-, дъштер-.

§ 114. а.

	Ед. ч.	*Множ. ч.*
Им.	камы, дьнь	— дьне
Вин.	камень, дьнь	камени, дьни
Род.	камене, дьне	каменъ, дьнъ
Дат.	камени, дьни	каменьмъ, дьньмъ
Твор.	каменьмь, дьньмь	каменьми, дьньми
Мѣстн.	камене, дьне	каменьхъ, дьньхъ

Двойств. ч.

Им.-Зв.-Вин.	камени, дьни
Род.-Мѣстн.	— дьнсу
Дат.-Твор.	каменьма, дьньма

Основы на согласный, какъ указано выше (§§ 77, 82, 85, 87), еще въ прасловянскую эпоху подверглись вліянію основъ на -і и въ нѣкоторыхъ падежахъ имѣли тѣ же флексіи, что и послѣднія.

То же вліяніе имѣло мѣсто и въ др.-церк.-словянскомъ языкѣ въ рядѣ иныхъ падежей.

Такъ, старое окончаніе *им. п. ед. ч.* ы основъ на -п сохранилось лишь въ двухъ именахъ: камы и пламы и притомъ только въ Супр. рук., въ остальныхъ же памятникахъ находимъ лишь камень, пламень, какъ и ремень, степень, корень. Такъ какъ древнѣйшіе евангельскіе тексты, равно какъ и Син. Пс., вовсе не знаютъ формы камы или пламы, то можно думать, что въ языкѣ Кирилла и Меѳодія эти формы им. п. на -ъ были уже вытѣснены формами вин. падежа. Съ другой стороны, въ Супр. рук. находимъ форму камы, пламы въ функціи вин. п. ед. ч.: и камы великъ възложити на прьси 104, 27 и т. п. Можно думать, что замѣна формы имен. п. формой вин. п. произошла прежде всего подъ вліяніемъ тожества им. и вин. п. ед. ч. въ основѣ на -і (гость), по аналогіи отношеній камени : гости, каменьмь : гостьмь, каменьмъ : гостьмъ, каменьхъ : гостьхъ; эта аналогія поддерживалась такимъ же совпаденіемъ им. и вин. п. ед. въ основахъ на -о и -и (рабъ, сынъ); тѣмъ же совпаденіемъ им. и вин. ед. ч. м. р. объясняется появленіе ф. камы, пламы въ Супр. рук. въ функціи вин. п. ед. ч.

Подъ вліяніемъ тѣхъ же основъ на -і, при старой формѣ *род. п. ед. ч.* на -е, явилась новая,—на и; въ Супр. рук. камени, въ Мар. крѣмени, въ Зогр. Мар. Асс. Супр. Остром. дьни; такія формы на и обычны въ Син. Пс. и Син. Тр.

То же—въ формѣ *мѣстн. п. ед. ч.:* (при формахъ на е) въ Зогр. камени, въ Ассем. пламени, камени, корени, въ Савв. пламени, въ Супр. дьни, пламени, камени, въ Остр. дьни—обычно.

Въ *им. п. мн. ч.* старое окончаніе -е засвидѣтельствовано памятниками лишь для имени дьнь и для именъ на -инъ, -арь, -тель, склонявшихся по типу именъ на согласный лишь во множ. числѣ; но рядомъ съ формой дьне имѣется въ памятникахъ и новая—дьньıе, дьнıе, получившаяся подъ вліяніемъ соотвѣтствующей формы основъ на -і—гостьıе, (гостıе); дьньıе и дьнıе встрѣчается въ Зогр., Асс., Супр., Савв., Остром.

Примѣчаніе. Примѣры формы им. п. мн. ч. е отъ именъ на -инъ, -арь, -тель: въ Зогр. іерусалимлѣне, галилѣане, граждане, самарѣне, римлѣне, жидове, єѵкѣдѣтеле, дѣлателе, мıтаре, тѫжателе, благодѣтеле; въ Glag. Cloz. жидове, мıтаре; въ Assem. самарѣне, римѣне, граждане, жителѣне, іерусалимлѣне, єѵкѣдѣтеле, мıтаре, цѣсаре, дѣлателе, оучителе, законоучителе; въ Супр. граждане, жителѣне, болѣре, властеле, жидове, содомьıне, римьıне, херсоиѣне; въ Савв. мıтаре, дѣлателе, іерусалимлѣне, дѣлателе, подражателе, єлокописателе, шарописателе, хранителе, цѣсаре, самодрьжителе, єѵкѣдѣтеле, єѵказателе, мѫчителе, родителе; въ Мар. мıтаре; въ листкахъ Ундольскаго жителе. Въ формахъ на -аре, -теле мягкость согласныхъ перенесена аналогіей изъ формъ единственнаго числа.

Въ формѣ *род. п. мн. ч.* такимъ же образомъ по аналогіи гостıи или гостьı является форма дьнıи или дьньı рядомъ со старой формой дьнъ,—ср. русс. *дён*ъ; старыя формы род. п. мн. ч. основъ на согласный представляютъ также формы: житель (Зогр. Лук. XV, 15), тѫжатель (Зогр. Марк. XII, 2), дѣлатель (Маріин. Матѳ. XX, 1) и т. п. Въ род. п. дв. ч. при дьнıу встрѣчается форма дьньıю, дьнıю, въ Остр. дьнıѭ (ѭ вм. ю); въ Супр. также іелению.

Съ другой стороны, наблюдаются однако случаи, правда, единичные, вліянія на имена муж. рода съ основой на согласный со стороны основъ муж. рода на -о: въ Зогр. встрѣчается форма твор. п. мн. ч. дьньı (Мар. XIV, 58; Іоа. II, 19) рядомъ со старой формой дьньми.

Имена съ суффиксами tel-, -ar-, обычно, имѣютъ въ твор. множ. флексію -ıı: дѣлателıı (Зогр. Матѳ. XX, 2), родителıı (Маріин. Лук. XXI, 16), єѵкѣдѣтелıı (Син. Мол. 93 об.), мıтарıı (Савв. 35 об.). Эти формы могли явиться при формахъ род. множ. ч. на -ъ по образцу отношеній формъ род. и мѣстн. мн. въ основахъ на -о: рабъ—рабıı (см. ниже, § 123).

Примѣчаніе. Въ формахъ дат. п. мн. ч., твор. п. ед. ч., мѣстн. п. мн. ч. флексіи -ѣмъ, -ѣмь, -ѣѭ въ нѣкоторыхъ памятникахъ являются въ видѣ -емъ, -емь, -ѣѭ въ силу фонетическаго измѣненія ѣ въ е въ закрытомъ слогѣ. Встрѣчающаяся въ Син. Пс. форма камнı мѣстн. п. ед. ч. при камень, какъ и русское *камня, камню* и т. д., возникла по аналогіи отношенія день (изъ дьнь) -дьнı (въ русскомъ *день*:*дня*); иначе—Лескинъ Handbuch[5], 70 с.;

отсюда и камьнѣкъ род. п. ед. ч. отъ каменьие, если это не простая описка; приводимыя Лескинымъ l. c. крѣмна, знамнеі могутъ быть описками. Впрочемъ, ср. латыш. akmins—камень при akmens. Встрѣчающаяся въ Остромировомъ Ев. 242 форма роумѣхъ (Козловскій, 75 с.) также скорѣе всего описка: пропущенъ слогъ -не-.

§ 115. b—c—d.

	Единств. ч.		*Мн. ч.*	
Им.-Вин.-Зв.	имѧ, отрочѧ, слоко.		имена, — , слокеса.	
Род.	имене, отрочѧте, слокесе.		именъ, отрочѧтъ, слокесъ.	
Дат.	имени, — , слокеси.		именьмъ, — , слокесьмъ.	
Твор.	именьмь — , слокесьмь.		— , — , слокесѣі.	
Мѣстн.	имене, отрочѧте, слокесе.		именьхъ, — , слокесьхъ.	

Двойств. ч.

Им.-Вин.-Зв. имени, (именѣ), — , тѣлеси, (слокесѣ)
Род.-Мѣстн. — , — , — , — , слокесу
Дат.-Тв. — , именьма, — , — , —

Какъ и въ формахъ на согласный муж. рода, при формахъ род. п. и мѣстн. п. ед. ч. на -е встрѣчаются и формы на -и, какъ крѣмени род. ед. въ Мар., имени, крѣмени мѣстн. п. въ Остром., отрочѧти мѣстн. ед. въ Мар., жрѣкѧти мѣстн. п. въ Супр., слокеси род. п. въ Асс. (рѣдко) и Син. Псал., Син. Требн. (послѣдовательно).

Съ другой стороны, имена сред. рода съ основой на согласный сближались съ основами на -о средняго рода; поэтому вмѣсто ожидаемаго тѣлесьми находимъ лишь формы тѣлесѣі и т. п. (ср. селѣі); въ силу того же вліянія основъ на -о находимъ въ памятникахъ формы им.-вин.-зват. дв. ч. именѣ, тѣлесѣ (ср. селѣ). Въ Супрасл. рукоп. находимъ, однако, старую форму имени (113, 29), тѣлеси (270, 28).

Наконецъ, сближеніе основъ на согласный средняго рода и основъ сред. р. на -о сказывается въ колебаніяхъ въ склоненіи однихъ и тѣхъ же именъ между основой на -s и основой на -о.

Такъ, рядомъ съ формами тѣла род. ед. (Зогр., Клоц., Асс., Супр., Остр.), тѣлу дат. ед. (Клоц., Остром., Савв.), тѣломь твор. над. ед. ч. (Клоц., Супр., Зогр., Савв.), тѣлѣмь (Остр.) или лицемь, лици, лица (Савв.), дрѣка (Савв.), дрѣкѣмь (Пражск. лл.) и т. п. находимъ—дрѣкесе, дрѣкеса, дрѣкесѣі, дрѣкесехъ, личесе, личеса, тѣлесе, тѣлесьмь, тѣлеси, тѣлеса и т. п. (см. Scholvin Arch. II, 497, 534 и сл.); рядомъ съ небеса, слокесе, очеси, чудеси и т. п.—нѣку дат. ед., слока вин. мн., слокомь твор. ед., оцѣ мѣстн. ед. Зогр., слокомь твор. ед., оцѣ мѣстн. ед. Мар., слоку дат., слокомь твор. Асс., слока род. ед., слоку, чуду, небу дат. ед., слокомь твор. ед.,

слока им.-вин. множ. Супр., некоу дат. ед., слокомь твор. ед. ч. Савв., слокомь и слокѣмь Остр., оц҃ѣ Остром.

Имена око, ухо въ двойственномъ числѣ имѣютъ флексіи -і основъ: им.-вин. очи, уши, род.-мѣстн. очію, ушію, дат.-твор. очима, ушима (съ и подъ вліяніемъ им.-вин. дв. ч.). Формы слокесьмь, именьмь, слокесьмѣх, именьмѣх, слокесьхъ, именьхъ и т. п. являются въ памятникахъ также въ видѣ слокесемь, именемь, слокесемѣх и т. д., т. е. съ е вм. ь. Въ памятникахъ, гдѣ ь фонетически переходитъ въ е, такія формы вполнѣ понятны. Однако и въ Савв. и Остром., гдѣ ь сильное въ иныхъ случаяхъ сохраняется, находимъ: именемь, крѣменехъ, ѭкесехъ, слокесьмѣх, (Савв.), слокесехъ и ѭкесехъ (Остром.). Въ этихъ памятникахъ формы съ е вм. ь должно, повидимому, объяснять нефонетически. Окончанія -емь, -емѣх раньше всего могли явиться вм. -ьмь, -ьмѣх въ основахъ на ї: ср. людемь дат. мн. (sic) въ Савв.,—подъ вліяніемъ основъ на -jo (отьцемь, отьцемѣх); при старыхъ формахъ гостьхъ и т. п. явилось затѣмъ гостехъ подъ вліяніемъ гостемѣх. Изъ основъ на -і—флексіи -емь, -емѣх, -ехъ могли проникнуть затѣмъ въ основы на согласный м. р., а оттуда и въ имена ср. р. на согласный. Подтвержденіемъ такого предположенія является форма дьнехъ Остромирова Ев. 279б. Иначе—Щепкинъ, Разсужд. 107 с.

§ 116. е.

	Ед. ч.	*Мн. ч.*
Им. Зв.	мати	матери
Род.	матере	матерѣ
Дат.	матери	матерьмѣх
Вин.	матерь	матери
Твор.	материѫ	матерьми
Мѣст.	матери	—

Формы двойств. числа и мѣстн. п. множ. ч. памятниками не засвидѣтельствованы.

Въ нѣкоторыхъ падежахъ замѣчается продолженіе того процесса вліянія на разсматриваемыя основы со стороны основъ на -і женскаго рода, которое проявилось уже въ праславянскую эпоху. Такъ, въ болѣе позднихъ памятникахъ,—Син. Пс. и Син. Требникѣ, обычно род. п. ед. ч. оканчивается на -и (матери), въ единичныхъ случаяхъ также въ Супр., въ формѣ р. п. мн. ч. въ Син. Пс. встрѣчается окончаніе -еи: дѫштереи (ср. костеи при костьи, костии).

Что касается формы вин. п. ед. ч., то она въ нѣкоторыхъ памятникахъ замѣняется формой род. п. ед. ч.—матере, дѫштере (Савв., Супр.,

Син. Пс., Син. Эвхол.), но эта черта врядъ ли характеризовала языкъ Кирилла и Меѳодія: въ Зогр., Мар. и Асс.,—старѣйшихъ евангельскихъ текстахъ,—ея нѣтъ. Наоборотъ, въ Остром., какъ и въ Савв., матере обычно, а старая форма вин. пад. матерь (матерѫ) встрѣчается гораздо рѣже (въ Савв. 4 раза, въ Остром. 3 раза).

Склоненіе основъ на -ū.

§ 117. Къ основамъ на -ū въ древне-церк.-слов. относились имена: ѕѣкерꙑ (ѕѣкерꙑк-), неплодꙑ (неплодꙑк-), любꙑ (любꙑк-), цѣлꙑ (цѣлꙑк-)—исцѣленіе, кукꙑ (кукꙑк-), крадꙑ (крадꙑк-)—топоръ, жрꙑнꙑ (жрꙑнꙑк-), локꙑ (локꙑк-)—болото, ѕмокꙑ (ѕмокꙑк-), црькꙑ (црькꙑк-), *крꙑ (крꙑк-), ѥтрꙑ (ѥтрꙑк-), тꙑкꙑ (тꙑкꙑк-).

Основа косвенныхъ падежей на -ꙑц въ силу измѣненія въ -ъv предъ гласнымъ окончанія стала основой на согласный, и склоненіе этихъ именъ въ общемъ совпадаетъ со склоненіемъ основъ на согласный, только въ формахъ дат. и мѣстнаго падежей множ. числа имена съ основой на -ū подверглись вліянію основъ женскаго рода на -а (можетъ быть уже въ прасловянскую эпоху).

	Ед. ч.	*Мн. ч.*
Им.-Зв.	црькꙑ	црькꙑкꙑ
Род.	црькꙑкѣ	црькꙑкъ
Дат.	црькꙑкꙑ	црькꙑкамъ
Вин.	црькꙑкь	црькꙑкꙑ
Твор.	црькꙑкꙑѫ	*црькꙑками
Мѣстн.	црькꙑкѣ	црькꙑкахъ

Примѣчаніе. Форма твор. мн. ч. отъ основъ на -ū древнѣйшими памятниками не засвидѣтельствована, но можно предполагать форму на -ами въ виду соотвѣтствующихъ формъ дат. и мѣстн. мн. ч. и ф. твор. мн. кукками въ Слѣпченск. ап. II, 2 и кукьками въ сербскомъ текстѣ апостола—Шишатовацкомъ (ср. Vondrák Altk. Gr.², 427 с.).

Основа *кгū—не сохранила старой формы им. п. ед. ч. *кгу (ср. др.-пол. кгу), замѣнивъ ее формой вин. падежа крꙑкь; вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть въ силу своей двухсложности, основа эта тѣснѣе сблизилась въ своемъ склоненіи съ основами женскаго рода на -і; поэтому въ формѣ род. п. мн. ч. вмѣсто окончанія -ъ, обычнаго въ иныхъ именахъ даннаго типа, находимъ -ьи: крꙑкьи, а въ дат. твор. и мѣстномъ падежахъ множ. числа -ьмꙑ, -ьми, -ьхъ: крꙑкьмꙑ, крꙑкьми, крꙑкьхъ.

Подобно основамъ на согласный, основы на -ū въ нѣкоторыхъ памятникахъ имѣютъ форму род. п. ед. ч. на -и рядомъ съ формою на -ѥ:

ѩокѵкы въ Син. Тр., цркѵкы въ Син. Пс., кркы при кркѣ въ Остр. Ев., то же—въ мѣстн. п. ед. ч.: цркѵкѣ, ѩокѵкѣ (при формахъ на -ѣ) въ Зогр. Ев., ѩокѵкѣ въ Ассем., цркѵкѣ, смокѵкѣ, ѩокѵкѣ въ Супр., цркѣ въ Савв.. ѩокѵкѣ, цркѵкѣ въ Остром.; такія же формы—въ Мар., Син. Пс. Син. Треб.

Форма род. п. ед. ч. на -ѣ: цркѵкѣ и т. п. употребляется также въ функціи вин. п. въ Зогр., Клоц., Син. Пс., Савв., Супр., Остром.

Примѣчаніе. Въ оборотѣ ѩокѵ дѣти, прѣѩокѵ ѥѵткорити, вѣроятно, сохранилась старая форма на -ūm, параллельная латинской socrum и греч. ἑχθύν. Ср. Соболевскій, Ж. М. Н. Пр. 1904 г. № 3, 180 с.; Meillet, Recherches, 73 с.; Vondrák Vergl. Gr. II, 50 с. Иначе—Ильинскій Р. Ф. В. LX, 435 и сл. Некрасовъ, Изв. XIV, 4, 165 и сл. Ср. также Hujer Slov. Dekl. § 90.

Формы двойств. числа въ древнѣйшихъ церковно-словянскихъ памятникахъ не засвидѣтельствованы.

Склоненіе основъ на -i.

§ 118. 1. Къ основамъ на -i муж. рода относились имена: болѣ—больной, гвоздь, голѣнь, господь, гость, грѣтань, дрѣколь, зѣрь, зѧть, лакѵть, медѣдь, ногѵть, огнь, печать, пѧть, тать—воръ, тѣсть, ѹшидь, чрѣвь, жгль; во множ. числѣ—людіе. Въ именахъ зѧть, лакѵть, ногѵть, тѣсть, тать содержится суффиксъ -ьѣ.

Если принять во вниманіе показанія болѣе позднихъ церк.-словянскихъ текстовъ, то можно прибавить еще лось, рысь, моль.

2. Основы на -i женскаго рода представлены бо́льшимъ количествомъ именъ. Сюда относятся: а) имена съ тематическимъ -i: блѧдь—заблужденіе, ошибка, водоносъ—ведро, кувшинъ, кѣсь—село, крѣкъ (Остром. кѣркъ)—веревка, кѣдь—знаніе, дѣвръ, жалъ=гробъ, гробиште (памятникъ), зълъчь—желчь, зълъ—зло, исплтъ—изысканіе, капь—изображеніе, жрѣдь—жердь, ковь—гаданіе, волхвованіе, ковь—путо, конь—начало (ср. искони), мѣдь, мышь, прѣсь—грудь, пропадь—пропасть, пѧдь—пядь, рѣчь, скрѵнь, соль, стоудень (отъ стоудень)—стужа, тварь, тврѣдь, хоть—желаніе, чѧдь—собирательное къ чѧдо (домочадцы), ѣдь—кушанье; въ болѣе позднихъ текстахъ церковно-словянскихъ находимъ еще: гнѣсь—грѣхъ, голь—вѣтка, гжсь, гржда, ось, ржжь; b) имена съ суффиксами -lь, -slь, -пь, -ть.

Примѣчаніе. Имена съ суффиксомъ -lь, -slь: гжсли им. мн., мышль, -рясль въ лѣто-рясль, отъряслъ, покорясль, ясли, гнѣздѣль, кѫпѣль, дѣтѣль, мльчаль, откуда—мльчальнѣ и мльчальникъ, обитѣль, обрѣтѣль—находка, печаль, пищаль, скрижаль, свирѣль, тврьдѣль—твердыня.

Имена съ суффиксомъ -пь (-snь, -znь): крань, дань, длань, голѣнь, станъ въ без прѣстани, сѣнь; пѣснь, повазнь, жизнь, казнь, каазнь (покаяніе), приказнь; въ болѣе позднихъ церк.-слов. текстахъ находимъ еще: аблань (каблань)—яблонь, каснь.

Имена съ суффиксомъ ѣь (-osti): -кзить въ забзить—забвеніе, кисть въ закисть, класть, кѣсть (некѣсть), кизбить—рожденіе, ростъ (проценты), благодѣть, благодать, ужасть, жить—жизнь, кость, клѣть, масть, мьсть, лѣть—возможность, мошть, съ-мрьть, памать, напасть, пешть, пасть, прясть, сласть, страсть, сѣть, сыть: ср. до-сыти (досыта), трясть, чьсть, часть, ржкоимть (ржкобать); въ болѣе позднихъ памятникахъ находимъ еще: кить—свитое, крысть—возрастъ, нить, рить—podex, по-стать—часть, способъ, грясть, срысть—шерсть.

Особую группу составляютъ имена со сложнымъ суффиксомъ -osti: бѣлость, благость, баюсть—глупость, доблесть, добрость, дрьзость, горюсть, граждость, жестость, крѣпость, кротость, лѣность, лютость, мждрость (цѣломждрость), милость, мрьткость, мздьлость — праздность, лѣность, безпечность, мрьзость, нагость, нѣмость, острость, пакость, прилость—постоянство, простость—простота, радость, рькьность, скждость, скпость, скорость, старость, стыдость, сквтлость, сытость, скатость, теплость, тягость, тврьдость, тихость, худость, хытрость, чистость, ярость, юность.

§ 119. а.

	Ед. ч.	*Мн. ч.*
Им.	пѫть	пѫтиѥ (пѫтыѥ)
Род.	пѫти	пѫтии (пѫтьи)
Дат.	пѫти	пѫтьмъ
Вин.	пѫть	пѫти
Твор.	пѫтьмь	пѫтьми
Мѣстн.	пѫти	пѫтьхъ
Зват.	пѫти	
		Двойств. ч.
Им.-Вин.-Зв.		пѫти
Род.-Зв.		пѫтию (пѫтью)
Дат.-Твор.		пѫтьма

Въ силу измѣненія ѣ въ извѣстномъ положеніи въ ѥ, рядомъ съ формами пѫтьмь, пѫтьи, пѫтьхъ можно встрѣтить въ памятникахъ и пѫтемь, пѫтеи, пѫтехъ. Иное значеніе имѣютъ примѣры людемъ дат. мн., людехъ, маслехъ въ Савв. кн. и людемъ, маслехъ въ Остр., гдѣ ѣ не измѣняется фонетически въ ѥ,—ср. выше, § 54.

Совпаденіе окончаній именъ муж. р. на -і въ нѣкоторыхъ падежахъ съ окончаніями основъ на -jo (им. и вин. ед.) вызвало замѣну старыхъ формъ род. и дат. ед. отъ нѣкоторыхъ основъ на -і новыми,—по образцу -jo основъ. Такъ, въ Супр. находимъ нерѣдко род. п. зкѣрѣ, огнѣ или огня, дат. п. огню, въ Зогр. встрѣчаются формы—господѣ род. п., господю дат. п. Особо стоятъ формы господа род. п. (Супр., Остр.), господу дат. п. Супр., пѫтоу дат. п. Клоц., лакѣтъ род. мн. Ассем., Савв., Супр., печатомъ дат. мн. Клоц., ногѣтьі, лактьі твор. мн. Супр.

Формы господа, господу, вѣроятно, возникли въ обычномъ сочетаніи съ формами кога, кого; форма лакѣтъ представляетъ форму род. мн. ч. отъ основы на согласный (-t); при формѣ лакѣтъ род. мн. возникла форма твор. мн. лакѣтьі (ср. рабъ : рабьі). Такъ же и твор. п. ногѣтьі предполагаетъ основу на согласный, а печатомъ явилось по аналогіи рабомъ : рабъ при формѣ род. мн. печатъ (им. мн. печате).

§ 120. b.

	Единств. ч.	*Множ. ч.*
Им.	кость	кости
Род.	кости	костіи (костьи)
Дат.	кости	костьмъ
Вин.	кость	кости
Твор.	костію (костью)	костьми
Мѣстн.	кости	костьхъ.
Зват.	кости	

	Двойств. ч.
Им.-Вин.-Зв.	кости
Род.-Мѣстн.	костію (костью)
Дат.-Твор.	костьма.

При формахъ костьи, костьмъ, костьхъ, въ силу измѣненія ь въ е,—въ памятникахъ находимъ костеи, костемъ, костехъ.

Склоненіе основъ на -u.

§ 121. Основы на -u представлены въ др.-церк.-слов. памятникахъ весьма небольшимъ количествомъ именъ, причемъ не всѣ формы этого склоненія могутъ быть документированы примѣрами. Къ основамъ этимъ относились: колъ, крьхъ, домъ, медъ, полъ; быть можетъ, также ледъ, чинъ, санъ, садъ, грѣхъ, гроздъ, ладъ и др.: ср. Meillet Études IV, 242 с., 453 с. и R. Sl. VI, 129 и сл.

Провести границу между основами на -u и основами на -o (см. § 122), вообще говоря, трудно.

	Единств. ч.	*Множ. ч.*
Имен.	сънъ	сънове
Род.	сънъ	сънъ
Дат.	сънови	—
Вин.	сънъ	сънъ
Твор.	сънъмь	сънъми
Мѣстн.	сънѣ	домѣхъ.
Зват.	сънѣ	

Двойств. ч.

Им.-Вин.-Зв.	сънъ
Род.-Мѣстн.	сънову
Дат.-Твор.	сънъма.

Такимъ образомъ, не документирована старая форма дат. мн. ч. Въ Остромировомъ Ев. находимъ сънъмь, домъмь твор. ед., въ иныхъ же памятникахъ лишь сънъмь и т. п.; для дат. п. мн. ч. имѣется лишь форма сънъмъ; въ мѣстн. мн. ч. въ Остром. находимъ домѣхъ, между тѣмъ какъ въ иныхъ памятникахъ—лишь домохъ, сънохъ; однако показаніе Остромирова Ев. поддерживается формой Син. Пс. дарѣхъ: возможно, что даръ также относилось къ основамъ на u,—ср. прилагательное дарокитъ.

Имѣя въ виду соотвѣтствіе домѣхъ Остромирова Ев. формѣ домохъ иныхъ памятниковъ, а также соотвѣтствіе сънъмь, домъмь (твор. ед. ч.) Остромирова Евангелія формамъ типа сънъмь иныхъ памятниковъ, можно предполагать и въ формѣ дат. мн. форму сънъмъ въ виду наличности въ памятникахъ сънъмъ.

Отъ иныхъ, указанныхъ выше, основъ на -u (колъ, крьхъ, домъ, медъ, полъ), въ памятникахъ засвидѣтельствованы слѣдующія формы (ср. Scholvin въ Arch. II, 507—508 сс.): колу род. ед. Зогр., Асс., Савв., Остр., крьху (крѣху) род. ед. Остр., Хиланд., Зогр., Мар., дому род. ед. Зогр., Клоц., Асс., Супр., Остр., полу род. ед. Зогр., Остр., Унд., Асс., Супр., Савв., меду род. ед. Супр., домоки дат. п. ед. ч. Зогр.; колу мѣстн. п. Зогр., крьху (крѣху) мѣстн. п. Асс., Супр., дому мѣстн. ед. Зогр., Остром., Мар., Асс., Супр., Савв., полу мѣстн. ед. Зогр., Асс., Супр., Савв., Остром., колокъ, домокъ род. мн. Супр., им.-вин. дв. полъ въ Супр., дат.-твор. дв. ч. полъма Савв., Супр., Асс.

Что касается второй категоріи именъ, которыя съ меньшей увѣренностью могутъ быть отнесены къ -u-основамъ, то относительно грѣхъ имѣется указаніе въ видѣ формы грѣховѣ род. мн. Мар., Асс., Син. Мол., Супр., грѣхмь твор. ед. въ Сб. Клоца и прилагательнаго грѣховьнъ; относительно гроздъ имѣется свидѣтельство Син. Тр.: гроздьми твор. мн., гроздовъ род. мн.; отъ ледъ имѣется мѣстн. п. ед. ч. ледоу (Супр.) и прилагательное ледовьнъ: ср. латыш. ledus; отъ санъ—мѣстн. ед. сноу, род. мн. сановъ (Супр.) и прилагательное сановитъ, сановьнъ; отъ садъ—садове им. мн., садовъ род. мн. (Супр.) и прилагательное садовьнъ; отъ ладъ—род. ед. ладоу (Супр.) и прилагательное ладовитъ; о принадлежности къ основамъ на -u имени чинъ говорятъ формы: мѣстн. п. чиноу Зогр., Мар., Асс., Супр., им. мн. чинове Супр., род. мн. чиновъ Супр. Отъ даръ (ср. даровитъ) находимъ мѣстн. ед. дароу въ Супр., им. мн. дарове въ Супр., род. мн. даровъ въ Син. Мол., твор. мн. дарьми въ Син. Мол., уже приведенное дарѣхъ въ Син. Пс. Отъ миръ, въ которомъ Meillet склоненъ также подозрѣвать суффиксъ -rĭ, встрѣчаемъ мѣстн. ед. мироу въ Супр., дат. ед. мирови въ Ассем. Отъ плодъ (ср. плодовитъ) имѣемъ плодовъ въ Супр. (род. мн.), отъ судъ (ср. судовьнъ)—им. мн. судове въ Супр., род. мн. судовъ въ Супр. и Син. Мол., твор. ед. судьмь въ Син. Мол.

Примѣчаніе. Къ основамъ на -u не принадлежитъ *кратъ, на которое указываетъ форма кратьі въ дъва кратьі, три кратьі, мънога кратьі Зогр.: ср. род. п. мн. ч. кратъ (см. Беличъ въ Изв. IV, 4 кн., 1185 с.). Нарѣчныя формы долоу Зогр., низоу Зогр., Асс., кыноу Зогр. не даютъ твердыхъ основаній заносить въ списокъ основъ на -u долъ, низъ, кынъ, такъ какъ эти формы могли быть созданы по образцу крѣхоу (ср. Meillet, Études IV, 242 с.).

При старыхъ формахъ отъ именъ съ основой на -u въ памятникахъ нерѣдко находимъ новыя—съ флексіями основъ на -o; эти новыя формы показываютъ, какъ рано начался въ слов. языкахъ процессъ смѣшенія основъ на -u съ болѣе многочисленными o-основами, приведшій къ полному исчезновенію особаго склоненія основъ на -u во всѣхъ словянскихъ языкахъ. Въ Зогр. находимъ род. п. ед. ч. сына, крьха, дома, дат. домоу, мѣстн. сынѣ, зват. сыне, им. мн. сыни, им. дв. ч. сына; въ Мар. дома род. ед., домоу дат., сына им. дв., въ Клоц. сына род., сыноу дат.; въ Асс. сына, дома, крьха род., сыноу, домоу дат., сыне зват., сына им. дв. ч., сыноу род. дв.; въ Супр. сына, дома, сана, крьха, чина род., сыноу, домоу, полоу, чиноу дат., сыне, чине зват., въ Савв. сына род., домоу, сыноу дат., сынѣ мѣстн., сыне зват., въ Остром. сына род., сыноу

дат., сѣнѣ мѣстн., сѣне зват., сѣна им. дв., сѣноу род.-мѣстн. дв., крьха род.

Можно замѣтить, что раньше другихъ подверглась вліянію -о-основъ форма род. ед. ч.: въ древнѣйшихъ текстахъ находимъ почти исключительно—сѣна (сѣноу 1 разъ въ Савв.-Матѳ. I, 1 и въ Син. Пс. 9. 1); форма дат. п. сѣноу встрѣчается чаще, чѣмъ сѣноки въ евангельскихъ текстахъ (сѣноу : сѣноки = 8 : 4), и притомъ во всѣхъ текстахъ въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, — слѣдовательно, форма эта была уже въ языкѣ Кирилла и Меѳодія.

Въ мѣстн. п. ед. ч. находимъ 2 раза форму сѣнѣ согласно въ Зогр. и Мар. и 1 разъ Зогр., Мар., Асс. и Сав.; однажды читаемъ сѣноу въ Маріин. (Зогр.—сѣнѣ). Зват. форма сѣноу замѣняется формой сѣне въ тѣхъ случаяхъ, когда рядомъ—другая форма зват. на -е (Исоусе, Іосифе). Форма им.-вин. сѣнѣі замѣнялась формой сѣна подъ вліяніемъ рядомъ стоявшаго дъка.

Примѣчаніе. Ср. Arch. II, 510—511 сс. и Дополненія къ русскому переводу грамматики Лескина 1890 г. 179 с. Указанія мѣстъ, гдѣ встрѣчаются въ памятникахъ приводимыя формы, можно найти у Вондрака (Altkirchsl. Gr.^{2}, 398 и сл., 419 и сл.).

Склоненіе основъ на -о.

§ 122. Склоненіе основъ на -о охватываетъ наиболѣе значительное количество словянскихъ именныхъ образованій. Сюда относятся:

А. *Имена существительныя муж. рода:* а) съ тематическимъ гласнымъ о/е. Таковы: богъ, бѣгъ, -бои (разбои, убои), влждъ, влѣкъ, -боръ (сѣборъ), бракъ, бродъ, -брауъ (убрауъ), карь, кѣкоуъ, -кѣтъ (прикѣтъ, обѣтъ), кои—воинъ, -колъ (доколѣ—довольство), кратъ—шея (воротъ), гноі, грѣмъ—кустарникъ, западъ, лисъ—лиса, облакъ, отхлѣкъ, платъ—рубище, плюскъ—шумъ, пьсъ—пёсъ, прахъ, покои—повязка, позорь—зрѣлище, послоухъ—свидѣтель, прѣлогъ—перемѣна, причьтъ, подратъ—край одежды, кайма, ржгъ—насмѣшка, сѣсъ—сосокъ, скѣтъ, сподъ, скарь—сраженіе, сладъ, сньмъ, трясъ—землетрясеніе, тукъ—жиръ, ткорь, трждъ—болѣзнь, тртъ—отрядъ, стража, трхгъ—площадь, базаръ (ср. однако лит. turgus), укроі—погребальныя пелены, укропъ — кипящая вода и т. д.; b) съ суффиксами -arjo-, -to-, -teljo-, -ko-, -jo-, -go-, -tajo-, -ro-, -lo-, -mo-, -no-.

Примѣчаніе. Имена съ суффиксомъ -arjo-: мѣітарь, рѣібарь, кинарь, крьтоградарь, грънчарь, клекетарь, кратарь; въ болѣе позднихъ ц.-слов. текстахъ находимъ еще устмарь; съ суффиксомъ -to: жикотъ, потъ, кльчьтъ,

клопотъ, кокотъ, рѵпитъ, скрѣжѣтъ, шѣпитъ, трепетъ, стрѵпѣтъ, мѣчѣтъ=φαντασία; съ суффиксомъ -teljo- (въ единственномъ числѣ): дателѣ (подателѣ, прѣдателѣ), благодѣтелѣ, дѣлателѣ, подражателѣ, обрѣтателѣ, глокописателѣ (шаропописателѣ), подражателѣ, приятелѣ, сѣдѣтелѣ, тажателѣ, блюстелѣ, жителѣ, цѣлителѣ, чистителѣ, хранителѣ и т. п.; съ суффиксомъ -ko (-ьniko): сѣдоки, избитки, начатки, недостатки, сѣкитки, четврѣтки, пятки, глазутки—горохъ, станки, опрѣснки, пѣски, сплетки—connexio, шипки—роза, ѩзики, камики, мѣсяць, заѧць; незаконьники, хѵштьники, дажьники, грѣшьники, каженики—скопецъ, кънижьники, настакьники и т. п.; близньць, чрьньць, хѵтрьць, юньць, мрѣтвьць, глѣпьць и т. п.; съ суффиксомъ -jo: любодѣи, сѣпьрь, стражь, кождь, крачь, кличь, ключь, кошь, краи, ножь, плашть, раи, конь, крабии, змии, гвоздии, жрѣбии, приключаи—случай; съ суффиксомъ -go: острогъ, кобычегъ, кладязь; -gjo: мѧжь, матежь; съ суффиксомъ -tajo-: ходатаи, покодатаи—поводырь, позоратаи—зритель; съ суффиксомъ -ro (-rjo): дарь, миръ, пиръ (возможно, однако, что въ нихъ скрывается суффиксъ -ru-); аштерь—ящерица, аворь—яворъ, гокорь, коурь—пѣтухъ, одрь, сѣкерь, стежерь—cardo, таурь, вечерь, кепрь; съ суффиксомъ -tro: кѣтрь; съ суффиксомъ -lo (-ljo): калъ, козьлъ, крастелѣ, орьлъ, оселъ, пѣкелъ, столъ, тулъ—колчанъ, жьзлъ, съ суффиксомъ -mo: храмъ, дымъ, грѣмъ, карьмъ, срамъ, шоумъ, оумъ; съ суффиксомъ -no: блазнь—соблазнъ, члѣнъ, глѣнь—φλέγμα, остѣнь—остріе, окѣнь, плѣнь, сѣнь, трѣнь; -ino: болярынь, господинъ, гражданинъ и т. п.,—ср. выше, § 113).

B. *Имена существительныя средняго рода*: a) съ тематическимъ гласнымъ -o/e: чело, гнѣздо, иго, мясо, перо, тѣло, уста им. мн., кѣко; b) съ суффиксами -to, -ьstvo, -dlo, -ko, -vo, -jo, -ro, -lo, -mo, -no.

Примѣчаніе. Имена съ суффиксомъ -to: блато, злато, ѧто—хлѣбъ, пѧто, крата им. мн., злато, жито; съ суффиксомъ -ьstvo: безочьство, божьство, цѣсарьство, чистителѣьство, чловѣчьство, ѵждожьство, ходатаиство, дѣиство, дѣкьство, дяконьство, ѥстьство, иночьство, лѫкавьство, мѧжьство, мѫножьство, неплодьство, некърьство, пророчьство, рождьство, сѵбинство и т. п.; съ суффиксомъ -dlo: крѣсало—кисть, почрьпало, чрьнило, грѣло, кадило, крило, мѣрило, начѧло, накосало—наковальня, носила им. мн., одѣало, рало, рѣло, сѣдало, сило—веревка, стакило, стрѣкало—острая палка, сушило, сѣтило, скатило, точило, жало, зрѣцало; съ суффиксомъ -ko (ce): чядьце, лице; глинъце, срѣдьце; съ суффиксомъ -vo: сѣчиво, быть можетъ, сюда же относится чрѣво; съ суффиксомъ -jo (-ьjo): жѧ—цѣпь, ложе, морѥ, плеште, полѥ, кѣште—вѣче; -ьje:

ждолиѥ, крꙋселиѥ—черепица, шестрастиѥ, шестоудиѥ, благокѣриѥ, богочьстиѥ, брьниѥ, вѣлиѥ, весселиѥ, кѣиѥ, гобьзиѥ—изобиліе, дѫбиѥ, зелиѥ, копиѥ, корениѥ, камениѥ, иштѧдиѥ, листкиѥ, наслѣдиѥ, некѣриѥ, обиланиѥ, остриѥ, отишиѥ, подроужиѥ и т. п.; съ суффиксомъ -ro: бедро, гадра им. мн., ꙗзеро, ребро, кедро—вёдро, ютро; съ суффиксомъ -lo: число, масло, весло, дѣло, солило; съ суффиксомъ -mo: рамо—плечо, съ суффиксомъ -no: колѣно, сѣно, стегно—бедро, соукно, зрьно.

С. *Имена прилагательныя мужескаго и средняго рода:* а) съ тематическимъ -o/e: хромъ, глоухъ, слѣпъ, любъ, лѣпъ, скѫдъ—скудный, сложьк—согнутый, блѣдъ, соухъ, дрьзъ, щрьбъ—ср. русс. щербатый, зълъ, дльгъ, гржвъ, грязь, крѣпъ—крѣпкій, лютъ, скѫпъ, тѫпъ, нѣмъ, прѣмъ (быть можетъ, съ суффиксомъ -mo) и др.; b) съ суффиксами: -to-, -do-, -ko-, -vo-, -jo-, -ьjo-, -ro-, -lo-, -no-.

Примѣчаніе. Имена съ суффиксомъ: -to- (-ato-, -ito-): чьтъ, чистъ, истъ, скатъ, сытъ (несытъ), тлѣтъ, жльтъ, богатъ, крилатъ, мѫжатъ, перьнатъ, сжкатъ, маститъ, именитъ, нарочитъ, домокитъ, надокитъ, плодокитъ, трѫдокитъ, сановитъ; съ суффиксомъ -do-: ткрьдъ, худъ, радъ, сѣдъ; съ суффиксомъ -ko: инокъ, жзькъ, кридькъ—острый, гладькъ, горькъ, кратькъ, крѣпькъ, кротькъ, льгькъ, мягькъ, мрьзькъ, низькъ, плазькъ—скользкій, рѣдькъ, сладькъ, сльзькъ—скользкій, стыдькъ, тѫжькъ, вльгькъ—влажный, кратькъ—поворотливый, жидькъ; глъбокъ, грѣстокъ—трудный, широкъ, кысокъ, жестокъ; келикъ, прокъ—остальной, прѣкъ—противный; -lsko-: чловѣчьскъ, дѣтьскъ, мѫжьскъ, небесьскъ, земльскъ, людьскъ, пророчьскъ и т. п.; съ суффиксомъ -vo-(-ivo-, -avo-, -ovo-): крикъ, лѣкъ, праки, сѫдракъ, трѣзькъ, жикъ, плакъ—бѣлый; чьстикъ (благочьстикъ), лѣникъ, льстикъ, лѫжикъ, памятикъ, подражикъ—подражательный, призазникъ, жродикъ, гжзникъ—косноязычный, гладикъ, крѣкоточикъ, лопотикъ—завка, недѫжикъ, опасикъ—περίεργος, пѣготикъ—прокаженный, пронзирикъ—негодный, рькьникъ, страшикъ, строупикъ, жестосрьдикъ, жикоткорикъ, обидьликъ, закидьликъ—молчаливый, скврьнакъ, тинакъ; лькокъ, китокъ, югокъ, патриархокъ, прѣдадителекъ, сѫдельникокъ, оучителекъ, зминекъ и т. п.; съ суффиксомъ -jo-, -ьjo-: цѣсарь, чловѣчь, дѣкичь, дивколь, господинь, гокажд, юньчь, козьль, кнѧжь, лобьчь, матерь, младьньчь, орьль, отьчь, окьнь, прабьдьничь, пророчь, протикьничь, сѫдельничь, ткорьчь, оученичь, вѣдокичь; божии, коурии, лисии, отрочии, пьсии, рабии, кражии; безратии, безоумль, боуи, бѫждь—бодрый, дикии, добль, инорожь, негыбль—негнущійся, пѣшь, питии, полоудьнь, рыжд—рыжій,

гоуи – напрасный, тоуждь (штоуждь), шоуи, тишть, келии; сюда же относятся прилагательныя съ суффиксомъ -ĵo- и -ьjo-: ништь, обьштъ, ближьнь, дьньсьнь, дрекьнь, искрьнь, нижьнь, окрьстьнь, послѣдьнь, прѣдьнь, прѣмьнь—находящійся напротивъ, оутрьнь, ѩзъзьнь—узникъ, кнѧжтрьнь, кѹшьнь, кладѧчьнь, кратрьнь, господьнь, домаштьнь, кромѣшштьнь, кънѣштьнь, кьчерашьнь, нѧнѧшьнь, домашьнь, кромѣшьнь, кънѣшьнь; съ суффиксомъ -ro-: добрх, кѫдрх, кѹстрх, гарх, мѫдрх, мокрх, острх, сирх, старх, сѹрх, хѹитрх, штедрх; съ суффиксомъ -lo-: дрѧхлх—унылый, цѣлх, кѹселх, милх, обилх—обильный, ѩкѣтьлх; топлх, кеселх; съ суффиксомъ -no- (-eno-, -ino-ьno-): десѧнх, инх, камѣнх, лѣнх, пламѣнх, пльнх, пространх, рѣсѧнх, роумѣнх, сланх, стоуденх, тѣсѧнх, зеленх, желѣзнх, чрьнх, цѣкѣтьчанх, дрѣкѣнх, ѩчьнѣнх, льнѣнх, мѣдѣнх, можданх (отъ мозгъ), оцьтѣнх, олокѣнх, рожанх, трьнѣнх, оусниманх; класѣнх, коєкодинх, ионинх, илинх; кештѧдьнх—бездѣтный, безоумьнх, бѣдьнх, вѣсьнх, рабьнх и т. п.

D. Къ склоненію основъ на -o относятся, наконецъ, числительныя порядковыя съ различными суффиксами: -vo-, -ro-, -to-, -ĵo-: прьвх, вторх, третии, четврьтх, пятх, шестх, десѧтх, десятх, также седмх и осмх (ср. о послѣднихъ Meillet, Études 426 c.).

§ 123. Въ склоненіи именъ съ основой на -o въ церк.-словянскомъ можно различить 4 типа: a) имена муж. рода съ твердымъ согласнымъ предъ -o; b) имена муж. р. съ мягкимъ согласнымъ предъ -o; c) имена сред. рода съ твердымъ согласнымъ предъ -o; d) имена сред. рода съ мягкимъ согласнымъ предъ -o.

a—b.

	Единств. ч.	*Множ. ч.*
Им.	врагх, конь (край)	враги, кони (краи)
Род.	врага, коня (краа)	врагх, коньх (краи)
Дат.	врагоу, коню (краю)	врагомх, коньмх (краѥмх)
Вин.	врагх, конь (край)	врагы, коньѧ (краѧ)
Твор.	врагомь, коньмь (краѥмь)	врагы, кони (краи)
Мѣстн.	врагѣ, кони (краи)	врагѣхх, конихх (краихх).
Зват.	враже, коню (краю)	

Двойств. ч.

Им.-Вин.-Зв.	врага, коня (краа)
Род.-Мѣстн.	врагоу, коню (краю)
Дат.-Твор.	врагома, коньма (краѥма).

c—d.

	Единств. ч.	*Множ. ч.*
Им.-Вин.-Зв.	село, поле (знамение)	села, поля (знамена)
Род.	села поля (знамена)	сель, поль (знамен)
Дат.	селу, полю (знамению)	селомъ, полемъ (знаменемъ)
Твор.	селомь, полемь (знаменемь)	селы, поли (знамены)
Мѣстн.	селѣ, поли (знамени)	селѣхъ, полихъ (знаменихъ).

Двойств. ч.

Им.-Вин.-Зв.	селѣ, поли (знамени)
Род.-Мѣстн.	селу, полю (знамению)
Дат.-Твор.	селома, полема (знаменема).

§ 124. Въ примѣненіи приведенной парадигмы къ именамъ, имѣющимъ предъ тематическимъ -o небный согласный (к, г, х) должно имѣть въ виду законы праслов. измѣненій этихъ согласныхъ въ положеніи предъ палатальными гласными: богъ—бозѣ—бози—боже; влькъ—влъцѣ—влъци—влъче; духъ—дусѣ—дуси—душе.

Имена, въ которыхъ, подъ вліяніемъ предшествующаго палатальнаго гласнаго, согласный k, g измѣнился въ c, dz, т. е. имена на -сь, -ць въ им. п. ед. ч. (кнѧсь, отьць) въ формѣ зват. п. ед. ч. оканчиваются на -е и имѣютъ предъ окончаніемъ—ж, ч: кнѧже, отьче. Эта форма, документированная древнѣйшими памятниками, находитъ свое объясненіе въ томъ, что имена даннаго типа первоначально склонялись въ прасловянскомъ, какъ *bogъ: *kъnęgъ, *otьkъ — *kъnęga, *otьka—*kъnęgu—*otьku и т. д. и, слѣдовательно, *kъnęže—*otьče (изъ *kъnęge—*otьke). Измѣненіе *kъnęgъ—*otьkъ въ *kъnędzь, *otьcь и т. д. наступило позже. Въ Супр. рук. находимъ зват. кнѧзу 156. 8, что, очевидно, представляетъ черту болѣе позднюю: при кнѧсь явилось кнѧзю (затѣмъ кнѧзу)—по аналогіи оучителю при оучитель.

Основы на -o муж. рода, совпадая со старыми основами на -u въ нѣкоторыхъ падежахъ (им.-вин. ед., вин. мн. ч.), естественно подверглись вліянію со стороны послѣднихъ.

Вліяніе это сказалось въ слѣдующихъ формахъ.

Рядомъ съ формами род. ед. на -а изрѣдка и притомъ въ болѣе позднихъ памятникахъ встрѣчаются формы на -у: роду Супр., рѧду Супр., длгу Супр., глсу Син. Пс. Рядомъ съ формами на -ѣ въ мѣстномъ падежѣ ед. ч.—такія же формы на -у: дѣлу, рѧду Супр., стану Син. Пс., грѣму Син. Мол. (о формѣ дару Супр. ср. выше,—§ 121).

Въ формахъ дат. п. при старомъ окончаніи -у часто встрѣчается -оки, главнымъ образомъ, въ именахъ, обозначающихъ лицо: когоки Зогр.

Мар. Асс. Клоц. Савв. Супр. Остр., дѹхоки Мар. Остр. Асс., чловѣкоки Мар. Супр., сѣтьникоки Савв., лькоки, дїаволоки, раковки Супр., симоноки, иродоки, ишсифоки Остром.; ср. -еки въ основахъ на -jo (ниже).

Въ формѣ твор. пад. ед. ч. при старомъ окончаніи -омь въ нѣкоторыхъ памятникахъ находимъ -ѫмь: въ Кіевскомъ Миссалѣ—оплатѫмь, образѫмь, кѫждѫмь; въ Зогр. гласѫмь (2 раза), сѫнѫмь, слоухѫмь; въ Син. Пс. гласьмь (вм. гласѫмь), штитѫмь; въ Син. Молитв. гласѫмь; въ Супр. гладѫмь, сѫнѫмь, мрѣтвѫмь, опасѫмь, трепетѫмь; въ Хиланд. л.л. образѫмь, гоубителѣнѫмь; въ Остром. -ѫмь обычно (гнѣвѫмь, господинѫмь и т. п.), а окончаніе -омь—рѣже.

Въ формѣ им. мн. ч., подъ вліяніемъ основъ на -u, является въ болѣе позднихъ памятникахъ окончаніе -оке: въ Син. Мол.—попоке, въ Супр.—дѹхоке, попоке, сждоке (о дароке, судоке ср. выше, § 121).

Такимъ же образомъ въ формѣ род. мн. ч. при старомъ -ъ изрѣдка находимъ -окъ: родокъ Асс. Супр., кѣтокъ, градокъ, потокъ, трудокъ, сждокъ (сжда—членъ), цвѣтокъ, гадокъ Син. Мол. (о дарокъ, судокъ, плодокъ ср. выше,—въ § 121).

Еще рѣже встрѣчаются формы твор. мн. на -ѫми и мѣстн. мн. ч. на -ѫхъ: апостолѫми, сѫпостатѫми Супр., жидохъ (изъ жидѫхъ) Супр. (о дарѫми, дарѫхъ—ср. выше,—въ § 121).

Судя по приведеннымъ примѣрамъ, болѣе древнимъ является проникновеніе въ склоненіе основъ на -о флексій дат. ед., твор. ед. и род. мн. ч. u-основъ, такъ какъ эти флексіи извѣстны уже древнѣйшимъ текстамъ.

Вліяніе основъ на -u однако не ограничилось именами муж. р. съ основой на -о: оно распространилось затѣмъ, съ одной стороны, на -jo-основы муж. рода, съ другой—на -о-основы средняго рода. При богоки (и въ сочетаніи съ нимъ) возникло господеки Зогр. Асс. Савв. Супр. Син. Пс. Син. Мол. (ср. богъ : господь и богомь—господемь изъ господьмь); въ Зогр. Мар. находимъ также мѫжеки, кинареки; въ Ассем. мѫжеки, цѣсареки; въ Син. Пс. цѣсареки; въ Син. Мол. крачеки; въ Савв. мѫжеки, цѣсареки, кратареки; въ Супр. крачеки, мѫжеки, цѣсареки, благодѣтелеки. Какъ и въ основахъ на -о, флексія -оки (-еки) распространилась въ именахъ, обозначающихъ лица.

Такимъ же образомъ въ формѣ им. мн. ч. основъ на -jo явилась флексія -еке, а въ формѣ род. мн. ч. -екъ: змиюке, зноюке въ Супр., крачекъ въ Зогр. Супр., змиюкъ Супр. Син. Мол.

Имена средняго рода подвергались вліянію основъ на -u, разумѣется, не непосредственно, а чрезъ посредство основъ на -о муж. рода. Это вліяніе имѣло мѣсто, главнымъ образомъ, въ формѣ твор. п. ед. ч.: въ Супр.

находимъ крашихмь, дѣльмь (вм. дѣлхмь), божьствхмь, господьствхмь, убожьствхмь; въ Остром. Ев.—дѣлхмь, слокхмь (первоначально—основа на -os, ср. § 115), сѣтхмь; въ Пражск. л.л.—крижихмь, дрѣвхмь. Въ единичныхъ случаяхъ флексіи -u-основъ въ именахъ сред. р. находимъ также въ дат. мн. и дат.-твор. дв. ч.: слокхмь въ Супр. (312, 14), крильма (вм. крилхма) въ Супр. Та же Супр. рук. имѣетъ форму дат. п. ед. ч. морѣкы; ср. крачѣкы и т. п.

§ 125. Подобно основамъ на -o и -u, были связаны ассоціаціей основы на -jo и -i (им.-вин. гость и конь, мѣстн. ед. гости и кони), почему и находимъ въ памятникахъ др.-ц.-сл. языка формы отъ основъ на -jo съ окончаніями основъ на -i.

Такъ, въ твор. п. ед. ч. встрѣчаемъ флексію -ьмь при обычномъ -ѥмь: ѥзыкьмь Зогр. (возможна описка); оукроимь (изъ *uкгоjьть) Асс.; плачьмь, отьцьмь Супр.; оцьмь, гѫштьмь Савв.; олтарьмь, оцѣмь, оукроимь Остр. То же находимъ въ твор. ед. ч. -jo-основъ средняго рода: ср. лицьмь, ложьмь въ Остр. Ев., поэтому возможно, что и формы твор. п. ед. ч. на -нимь отъ именъ на -ніе получились изъ *-ijьть: ср. имѣнинимь, питаньствинимь, помышленинимь, обѣденинимь, лобызанинимь въ Остром., сѣсѣньнимь, оустроѣнинимь въ Хиланд., пѣснинимь, хотѣнїимь въ Клоц. Сб., некѣрьствїимь, оутврьжденїимь, каменинимь и т. п. (очень часто) въ Супр. Изъ -нимь чрезъ стяженіе -имь: клисцанимь, испытанимь Клоц. Сб.

Въ формѣ дат. мн. ч. въ памятникахъ встрѣчаются примѣры съ окончаніемъ -ьмъ: отьцьмъ, манастꙑрьмъ (вм. манастꙑрьмъ), кънѧштьмъ Супр., лжьмъ Савв. Формы цѣсарьмъ, дѣлательмъ, мжчительмъ, сѣдѣтельмъ Савв., цѣсарьмъ Супр. (ср. Scholvin Arch. II, 499, Leskien, Handbuch[5], 84 с.) сюда не относятся: это—старыя формы основъ на согласный. Приведеннымъ выше формамъ твор. ед. ч. на -нимь отъ именъ сред. рода на -ніе параллельны формы дат. мн. на -нимъ: каманинимъ, милосрѣдїимъ Супр.

Въ формѣ им. п. мн. ч. подъ вліяніемъ -i-основъ въ основахъ на -jo изрѣдка находимъ -іе: стражіе Супр., мытаріе Остром.

Въ род. мн. ч.—подъ вліяніемъ гостьи (гостеи) и т. п.—крачеи въ Ассем. Въ силу такихъ же вліяній—въ Супр. находимъ кѫпльми, злодѣими тв. мн. и плештьма (плеште—сред. рода) дат.-твор. дв. ч.

Примѣчаніе. Греческія собственныя имена на -еи имѣютъ въ др.-ц.-сл. памятникахъ формы съ окончаніями не -jo, но -o- основъ: иереа, иереоки, иереомъ, фарисеомъ, моисеа, матѳеа, ѣлисеа, иудеомь, аньдреоки, моисеомь и т. п.

Объ употребленіи формы род. п. именъ муж. рода -о- основъ, означающихъ живыя существа, въ значеніи вин. п. ср. Meillet «Recherches sur l'emploi du Genetif-Accusatif en vieux-slave» Paris 1897; Вондракъ въ Arch. XX (1898 г.), 325 и слѣд.; Мюленбахъ въ Изв. IV (1899 г.), 1192 и слѣд., Berneker K. Z. XXXVII (1904 г.), 364—386 сс.; Некрасовъ «О замѣнительныхъ падежахъ: род. и вин. въ современномъ русскомъ языкѣ» Изв. X т. (1905) 2 кн., 31—65; Томсонъ «Родительный—винительный падежъ при названіяхъ живыхъ существъ въ славянскихъ языкахъ» Изв. XIII (1908) кн. 2, 232—264; Константиновъ въ Изв. сл. сем. (София), III, 357—376 сс., Meillet, R. Sl. III, 155 с.

Склоненіе основъ на -ā.

§ 126. Подобно именамъ съ основой на -o (-jo), весьма обширный классъ представляютъ имена съ основой на -a (-ja). Сюда относятся—

A. Имена жен. рода на -a, какъ-то: брада, кода, кѣна, жена, звѣзда, мьзда, мѫка, нога, рака, рѫка, слака, стьза, снѫха, ѫкала, ѣма и т. п.

B. Имена муж. рода на -a, какъ-то: слоуга, кладѧка, жѫка, ближика (съ суффиксальнымъ -k-), старѣишина (съ суффиксомъ -ina), коиекода; оубиица, сѣчьца, гадьца, кинопиница; чародѣица (съ суффиксомъ -iса изъ -ika).

C. Имена жен. р. съ суффиксомъ -ja- (-ija): кратрига (братига), коура, коля, земля, доуша, капля, кѫшта (куща), кожа, коупля, ладии, лжа, млѧкнии, мрѣжа, на-дежда, нѫжда, пишта, при-тѫча, стража, соуша, скѣшта, скиния, тѫча, тьшта, чаша и т. п.

D. Имена муж. рода съ тѣмъ же суффиксомъ: дрѣкодѣля, прѣдатеча, юноша, балии, гѫдии, кѣтии; съ суффиксомъ -čija-: локьчии, крѫмьчии, кѫнигѫчии, сокачии, шарьчии (живописецъ), корабьчии, самѫчии.

Примѣчаніе. О суффиксѣ словъ локьчии, кѫнигѫчии и т. п. ср. В. Погорѣлова «Образованіе именъ существительныхъ съ окончаніемъ -чи въ древнеболгарскомъ языкѣ». Варшава, 1914 (Изв. Варш. унив.) и Соболевскаго въ Р. Ф. В. 1915 г. № 2, 402 с.

E. Имена жен. р. со сложнымъ суффиксомъ -ynja-: благѫіи, благостѫіи, богѫіи, господѫіи, градѫіи, крьстьѧнѫіи, милостѫіи, поганѫіи, правѫіи, простѫіи, пустѫіи, рабѫіи, самарѧнѫіи, сѫдѫіи, скатѫіи, іелеиѫіи, хананѫіи: ср. пол. pani, gospodyni, ochmistrzyni и т. п.

F. Къ этому же склоненію относятся имена прилагательныя въ формахъ женскаго рода, какъ съ тематическимъ -a, присоединеннымъ непосредственно къ корню, такъ и съ суффиксами,— -ꙗ (-ина), -ока, -ика, -ака, -ина, -ѣна (-ꙗна), -ьна, -ьска, -ита, -ата: добра, нока, слѣпа, сина, божиа, лькока, змиѣка, лѣника, льстика, лжака, дикьна, ионина, роумѣна, кожана, члокѣчьска, гадокита, крилата и т. п.

Точно такъ же формы жен. р. сравнительной степени (хоуждьши, покѣиши) и причастій наст. и прош. вр. (идѫи, несъши) измѣняются какъ формы жен. рода на -ja; формы жен. рода причастія страдат. залога, какъ имена сущ. на -а.

§ 127. a.

	Ед. ч.	*Мн. ч.*
Им.	женА	женЫ
Вин.	женѫ	женЫ
Род.	женЫ	женъ
Дат.	женѣ	женамъ
Твор.	женоѭ	женами
Мѣстн.	женѣ	женахъ
Зват.	жено	= имен.

Двойств. ч.

Им.-Зв.-Вин.	женѣ
Род.-Мѣстн.	женоу
Дат.-Твор.	женама.

b.

	Ед. ч.	*Мн. ч.*
Им.	землꙗ	землѧ
Вин.	землѭ	землѧ
Род.	землѧ	земль
Дат.	земли	землямъ
Твор.	землеѭ	землями
Мѣстн.	земли	землахъ
Зват.	земле	= имен.

Двойств. ч.

Им.-Вин.-Зв.	земли
Род.-Мѣстн.	землю
Дат.-Твор.	землама.

Въ формѣ твор. п. ед. ч. находимъ изрѣдка -ѫ, а не -оѭ: въ Зогр. галилѣѭ, братрьѭ, въ Клоц. Сб. обрѣтаѭштиѭ, въ Асс. братиѭ, въ Савв. слабѫ, въ Супр. ноуждѫ, одеждѫ, боекодѫ, готонѫ, чистотѫ, домѫ, рѫкѫ, дошѫ, землѭ, братиѭ, божиѭ, многѫ, зълѫ, тѣнѫ, горѫштѫ, дїаволѫ, господьиѭ, въ Сав. Цс. многѫ силѫ.

По отношенію къ именамъ съ согласными к, г, х въ исходѣ основы должно имѣть въ виду законы измѣненія этихъ согласныхъ предъ палатальными гласными: рѫка : рѫцѣ, нога : ногѣ, сухА : сусѣ.

§ 128. *Примѣчаніе.* Употребленіе формъ двойственнаго числа въ др.-ц.-словянскихъ памятникахъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что грамматическая категорія двойственнаго числа была еще живымъ явленіемъ языка: съ существительными, находящимися въ двойственномъ числѣ, согласуются прилагательныя и мѣстоименія, къ нимъ относящіяся, даже тогда, когда форма двойств. ч. существительнаго совпадаетъ по окончанію съ формой множ. числа, какъ въ им.-вин. дв. и мн. ч. основъ на -і ж. р. Однако, въ извѣстныхъ синтактическихъ условіяхъ формы двойств. числа нерѣдко замѣняются въ др.-ц.-слов. памятникахъ формами множ. числа, а именно—когда существительныя, обозначающія парные предметы, относятся къ другому существительному во множ. числѣ. Такъ: отътрѧсѣте прахъ отъ ногъ вашихъ (Матѳ. X, 14,—Мар. Зогр.); і на рѫкахъ възмѫтъ тѧ (Матѳ. IV, 6,—Зогр. Савв.); по чѣто ученици твои.... не омываѭтъ бо рѫкъ своихъ (Матѳ. XV, 2,—Мар. Зогр.); прѣдаатъ сѧ въ рѫкы грѣшьникомъ (Матѳ. XXVI, 45,—Мар. Ев.) и т. п. Однако въ тѣхъ же условіяхъ находимъ также еще и формы двойств. числа: въ рѫцѣ чѣкомъ—Мар. Асс. Савв. (Матѳ. XVII, 22); възложиша рѫцѣ на нѩ—Мар. Зогр. Асс. Савв. (Матѳ. XXVI, 50); се прѣдаатъсѧ сынъ чѣловѣкъ въ рѫцѣ грѣшьникомъ—Мар. Зогр. (Марк. XIV, 46) и т. п. Ср. Беличъ «Къ двойственному числу въ старославянскомъ» Изв. IV (1899), кн. 4, 1159 и сл.

Склоненіе мѣстоименій.

Личныя мѣстоименія.

§ 129.

	Единств. ч.	*Множ. ч.*
Им.	азъ, ты.	мы; вы.
Вин.	мѧ, мене; тѧ, тебе; сѧ, себе.	ны, насъ; вы, васъ.
Род.	мене; тебе; себе.	насъ; васъ.
Дат.	ми, мънѣ; ти, тебѣ; си, себѣ.	намъ; вамъ.
Твор.	мъноѭ; тобоѭ; собоѭ.	нами; вами.
Мѣстн.	мънѣ; тебѣ; себѣ.	насъ; васъ.

	Двойств. ч.
Им.	вѣ; ва.
Вин.	на; ва.
Род.-Мѣстн.	наю; ваю.
Дат.-Твор.	нама; вама.

Формы дат. ед. ми, ти, си и вин. ед. мѧ, тѧ, сѧ—энклитическія; формы вин. мн. ч. ны, вы обычно также—энклитическія.

Форма Зогр. Ев. мьнѣ, вѣроятно, представляетъ своимъ ь результатъ вліянія на первоначальное ѣ послѣдующаго мягкаго слога; въ Мар.—чаще мънѣ, чѣмъ мьнѣ, въ Остром.—постоянно мънѣ. Въ Кіев.

М. им. мн. ч.—нхі вм. мхі другихъ текстовъ. Формы вин. мн. нхі, кхі и вин. дв. ка употребляются иногда, какъ энклитическія формы дат. падежа (нхі въ Кл. Сб., Супр., Син. Мол., кхі въ Супр. и Син. Мол., ка—въ Супр.). Въ Син. Пс. и Син. Тр. вм. мене встрѣчаемъ мнѣ: ср. отношеніе тебе, себе и тебѣ, себѣ (мхнѣ дало мнѣ).

Мѣстоименія указательныя, вопросительныя и притяжательныя.

§ 130. Основъ на -о.

Единств. ч.

Им.	тъ	та	то
Вин.	тъ	тѫ	то
Род.	того	тоѭ	того
Дат.	тому	тои	тому
Твор.	тѣмь	тоѭ	тѣмь
Мѣстн.	томь	тои	томь

Множ. ч.

Им.	ти	тъі		та
Вин.	тъі	тъі		та
Род.	тѣхъ	для	всѣхъ	родовъ
Дат.	тѣмъ	»	»	»
Твор.	тѣми	»	»	»
Мѣстн.	тѣхъ	»	»	»

Двойств. ч.

Им.-Вин.-Зв.	та	тѣ		тѣ
Род.-Мѣстн.	тою	для	всѣхъ	родовъ
Дат.-Твор.	тѣма	»	»	»

По данному образцу измѣняются окъ, онъ, такъ, какъ, ікъ, кьсакъ, сикъ, самъ,—напримѣръ: такого, такому, тацѣмь, такомь; таци, тацѣхъ, тацѣмъ, тацѣми, тацѣхъ и т. д. Вопросительное мѣстоименіе кто въ косвенныхъ падежахъ представляетъ измѣненіе лишь первой части—къ: кого, кому, цѣмь, комь (форма винит. замѣняется формой родит. падежа—кого).

Въ словахъ толикъ, коликъ, ѣликъ, селикъ, другъ, мъногъ находимъ колебаніе между именнымъ и мѣстоименнымъ склоненіемъ. Также и отъ тъ, самъ, такъ, окъ встрѣчаются формы, образованныя по аналогіи сложнаго склоненія прилагательныхъ: тъи въ Клоц., тиї им. мн. въ Супр.,

тѫѭѫ вин. мн. муж. р. въ Супр., тѫѭѫ им. мн. жен. р. въ Савв., такѫѭѫ вин. мн. муж. р. въ Супр., самии им. мн. м. р. въ Супр., самое им. ед. сред. рода въ Супр., окіи им. мн. муж. рода въ Асс., Зогр.: ср. Scholvin, Arch. II, 569 с.

§ 131. Основа на -jo.

Единств. ч.

Им.	(и-же)	(ꙗ-же)	(ѥ-же)
Вин.	и, (й)ь	ѩ	ѥ
Род.	ѥго	ѥѭѫ	ѥго
Дат.	ѥмоу	ѥи	ѥмоу
Твор.	имь	ѥѭѫ	имь
Мѣстн.	ѥмь	ѥи	ѥмь

Множ. ч.

Им.	(и-же)	(ѭѫ-же)	(ꙗ-же)
Вин.	ѭѫ	ѭѫ	ꙗ
Род.	ихъ	ихъ	ихъ
Дат.	имъ	какъ въ мужескомъ	
Твор.	ими	» »	»
Мѣстн.	ихъ	» »	»

Двойств. ч.

Им.	(ꙗ-же)	(и-же)	(и-же)
Род.-Мѣстн.	ію	»	»
Дат.-Твор.	има	»	»
Вин.	ꙗ	и	и

Форма им. п. ед., мн. и двойств. числа встрѣчается лишь въ составѣ сложнаго (по значенію—относительнаго) мѣстоименія иже.

Вин. п. ед. ч. муж. р. встрѣчается или въ формѣ и (изъ *jь): тъгда поѭѫтъ и диѳаволѫ.... и постаки и (Мар. Матѳ. IV, 5), и т. п.—или -ь послѣ предлоговъ: къ҃ь, заѣ҃ь (ср. § 91).

Форма вин. дв. жен. р. и датирована Супрасльской рукописью,—ср. Leskien Handbuch[5], 98 с.

По данной схемѣ измѣняются мои, ткои, ѕкои, нашь, вашь, чии. Изъ ткоюѭѫ, ѕкоюѭѫ (род. ед. жен. р.) получаются ткоѭѫ, ѕкоѭѫ Супр.,—ср. Leskien Handbuch[5], 90 с.

Рядомъ съ ѕикъ (ср. § 130) существуетъ ѕиць—ѕица—ѕице, имѣющее съ ѕикъ общія формы дат., твор., мѣстн. мн. ч.: ѕицѣмъ, ѕицѣми, ѕицѣхъ.

Взаимное отношеніе этихъ формъ должно понимать въ томъ смыслѣ, что при схемѣ ѕикъ, ѕикого, ѕика, ѕикоѭѫ и т. д...., ѕицѣмъ, ѕицѣми, ѕи-

цѣхъ и т. д. въ силу вліянія предшествующаго палатальнаго гласнаго, ограниченнаго извѣстными условіями, получились въ нѣкоторыхъ падежахъ формы съ ц, которое могло быть перенесено аналогіей и въ другія формы, отсюда—сиць, сица, сице, сицего, сицѫ рядомъ съ сихъ, сика, сико, сикого, сикѫ.

Прилагательное тоуждь рядомъ съ формами по сложному склоненію имѣетъ также формы по мѣстоименному -jo- склоненію: ср. въ Зогр. къ тоуждемь (Лук. XVI, 12), по тоуждемь (Іоа. X, 5), штюждего Іоа. X, 5), въ Мар. Ев.—къ тоуждемъ 272, 12; по тоуждемъ 357, 10; но—отъ тоуждиихъ 60, 20.

Точно такъ же мѣстоименіе кѫи (коіего, коіемоу и т. д.) въ формахъ им.-вин. ед. кѫи, твор. ед. кѫимь, им. мн. ции (изъ *koi-ji) и иныхъ формахъ множеств. числа (кѫіѫ, каіа, кѫихъ, кѫимъ, кѫими) представляетъ сложное склоненіе (ср. добрии, добрии и т. д.); въ иныхъ падежахъ—формы мѣстоименнаго склоненія отъ основы *koje-: коіего, коіемоу, коіемь, коіеѭ, коіѫ, коіеѭ.

Въ вин. п. ед. ч. жен. р. встрѣчается форма, образованная по типу сложнаго склоненія,—кѭѫ въ Супр., также въ им.-вин. дв. ч. жен. р. цѣи въ Супр.; наоборотъ, въ род. мн. при кѫихъ встрѣчаемъ конхъ въ Зогр.,—ср. Leskien, Handbuch[5], 100 с.

§ 132. По образцу и(же)—іего—іемоу и т. д. склоняются также сь, кьсь и чь-то; послѣднее измѣняется лишь въ первой части.

Единств. ч.

Им.	сь	си	се
Вин.	сь	сиѭ (сьіѫ)	се
Род.	сего	сеѭ	сего
Дат.	семоу	сеи	семоу
Твор.	симь	сеѭ	симь
Мѣстн.	семь	сеи	семь

Множ. ч.

Им.	сии	сиѭ (сьіѫ)	си
Вин.	сиѭ (сьіѫ)	сиѭ (сьіѫ)	си
Род.	сихъ	какъ въ муж. родѣ	
Дат.	симъ	» » »	»
Твор.	сими	» » »	»
Мѣстн.	сихъ	» » »	»

Двойств. ч.

Им.-Вин.	сиѭ (сьіѫ)	си	—
Род.-Мѣстн.	сею	какъ въ муж. родѣ	
Дат.-Твор.	сима	» » »	»

Относительно формъ сиѭ, сиѩ, сиꙗ ср. § 90, п. 6. На основу *sьjo-, отражающуюся въ этихъ формахъ, указываетъ и форма им. ед. ч. муж. р. сы (т. е. сь-і) Кіевскаго Миссала, обычное сии Зогр. Евангелія, сеи Син. Требника (11 b); та же основа—въ вин. п. ед. ч. муж. р. сии Супр., въ им. ед. сред. р. сиѥ Супр., Остром. (153^{c}), Син. Тр., въ им. ед. ч. жен. р. сиі (сіи) Зогр., Асс. и им. мн. ч. сии (сіи, сиі), при которомъ встрѣчается си (Савв., Супр., Остром.).

Форма им.-вин. мн. ч. сред. р. въ Ассем. является въ видѣ сии.

Вопросительное мѣстоименіе чьто въ род. п. имѣетъ двѣ формы: чесо и чьсо; данныя памятниковъ показываютъ, что форма чесо древнѣе; форма чьсо встрѣчается (одинъ разъ) уже въ Кіевскомъ Миссалѣ (ничьсоже); но Зографское Ев. предпочитаетъ формы чесо, ничесоже формамъ чьсо, ничьсоже; Маріинское Ев., столь архаическое въ области формъ и лексики, употребляетъ исключительно чесо и обычно ничесоже; всего 6 разъ встрѣчается въ немъ ничьсоже; исключительно чесо, ничесоже употребляютъ Ассем. и Савв.; въ Остром. рѣдко чьсо при чесо, ничьсоже при ничесоже; только въ Супрасл. чьсо (чсо), ничьсоже (ничсоже) рѣшительно преобладаетъ надъ формами съ -е. Отъ формы род. п., какъ отъ основы, образована форма дат. п. чесомоу, чьсомоу: въ Зогр. та и другая форма по 2 раза; въ Мар.—только чесомоу, въ Асс. и Остр. чесомоу; форма чемоу сохранена лишь Супрасльской рукописью; та же форма чесо—чьсо послужила затѣмъ основой для образованія формы не только мѣстнаго падежа—чесомь при чемь (Мар. Супр.),, но и род. п.—чесого (Савв. Супр.).

О кьсь ср. § 90, п. 11.

Единств. ч.

Им.	кьсь	кьсꙗ (кьса)	кьсе
Вин.	кьсь	кьсѭ	кьсе
Род.	кьсего	кьсеѩ	кьсего
Дат.	кьсемоу	кьсеи	кьсемоу
Твор.	кьсѣмь	кьсеѭ	кьсѣмь
Мѣстн.	кьсемь	кьсеи	кьсемь

Множ. ч.

Им.	кьси	кьсꙗ (кьса)
Вин.	кьсѧ	кьсꙗ (кьса)
Род.	кьсѣхъ	какъ въ муж. родѣ
Дат.	кьсѣмъ	» » » »
Твор.	кьсѣми	» » » »
Мѣстн.	кьсѣхъ	» » » »

Форма кыса (им. ед. жен. р. и им.-вин. сред. р. мн. ч.) датируется Супр., Савв., Клоц. Сб., Остром. Ев., древнѣйшіе глаголическіе тексты: Кіев. М., Зогр., Мар. ея не знаютъ; можно думать поэтому, что она вторична.

Склоненіе числительныхъ.

§ 133. Числительное единъ склоняется по мѣстоименному склоненію,—какъ тъ, онъ, окъ, самъ: единъ, единого, единому и т. д.; при этомъ встрѣчаются однако формы, образованныя по сложному склоненію, т. е. единаго, единоуому; въ косвенныхъ падежахъ имѣются также формы съ основой едьн- (въ Зогр. Іоан. X, 41: ни едьного же, часто—въ Супрасл.). Числительное дъва измѣняется, какъ тъ въ двойств. числѣ, т. е. им.-вин. дъва муж. р., дъвѣ жен. и сред. р.; род.-мѣстн. дъвою, дат.-твор. дъвѣма; такъ же измѣняется ова. Числительное триє (трьє) для муж. р., три для женск. и средн. рода имѣетъ въ вин. п. сред. и жен. рода тоже форму три; въ остальныхъ падежахъ формы жен. и сред. р. совпадаютъ съ формами муж. рода, которыя представляютъ склоненіе -і основъ во множ. (ср. § 119): род. трии (трьи), дат. трьмъ, вин. три, твор. трьми, мѣстн. трьхъ.

Числительное четъıре измѣняется слѣдующимъ образомъ.

	муж. р. четъıре—	жен. р. четъıри—	сред. р. четъıри
Вин.	четъıри	какъ въ муж. родѣ	
Род.	четъıрьхъ	» » »	»
Дат.	четъıрьмъ	» » »	»
Твор.	четъıрьми	» » »	»
Мѣстн.	четъıрьхъ	» » »	»

Формы им. п. муж. р. и род. п.,—очевидно, представляютъ формы склоненія основы на согласный, формы им. жен. и сред. р.—склоненія і-основы; остальныя формы общи тому и другому склоненію; въ род. п. Зогр. (при четъıрьхъ), Супр., Савв., Остр. имѣютъ четъıрь, которое, вопреки Шолвину Arch. II, 557, должно признать вторичнымъ.

Числительныя пать, шесть, седмь, осмь, десать склоняются, какъ основы на -і женскаго рода: десать имѣетъ нѣкоторыя формы, образованныя по склоненію основъ на согласный,—при иныхъ съ окончаніями і-основъ: мѣстн. п. ед. ч. десати, но—единъ на десате (=11); им. мн. десате, род. мн. десатъ и десатии (Зогр.); твор. п. мн. десатьı; при этомъ въ двойств. ч. десать употребляется, какъ имя муж. р.: дъва десати; во множ. ч. находимъ три десате (Остром.), четъıре десате и четъıри десати (Супр.),—ср. Scholvin, Arch. II, 557 с.

Дальнѣйшія числа до 20 выражаются сложеніемъ: единѣ на десѧте, дъва на десѧте и т. д.; десятки: дъва десѧти, три десѧти (или десѧте), четъıре десѧти (или десѧте), пать десѧтъ, шесть десѧтъ и т. д.

Числительное сто склоняется, какъ имя существительное съ основой на -o: ста, стоу и т. д., двѣ стѣ, три ста, четъıре ста, пать стъ, шесть стъ, седмь стъ и т. д. до 1000—тысѧща (тысѧща), которое измѣняется, какъ душа.

Порядковыя числительныя прѣвъ, второ, четвръто, пато, шесто, седмо, осмо, девѧто, десѧто склоняются, какъ прилагательныя съ основой на -o, третии (третьи), какъ прилагательныя съ основой на -jo, т. е. по именному или же сложному склоненію.

Склоненіе прилагательныхъ.

§ 134. Имена прилагательныя измѣняются или по именному склоненію, или же по склоненію сложному (ср. выше, § 92). То же можно сказать о причастіяхъ. Такимъ образомъ, новъ склоняется, какъ рабъ, нова (жен. р.), какъ раба, ново (сред. р.), какъ лѣто; синь—какъ конь, синѧ—какъ земля, синие—какъ поле; такъ же—келии—келиѧ—келие.

Формы причастія наст. и прош. вр. дѣйствительнаго залога въ именномъ склоненіи отличаются отъ склоненія прилагательныхъ типа синь—синѧ—синие лишь въ им. ед. и им. мн. ч. муж. р.: ср. синь—синѧ—синие и несы—несѧшти—несы, знаѧ—знаѧшти—знаѧ, моля—молѧшти—моля—прич. наст. вр.; несъ—несъши—несъ, хвалѣ—хвалѣши—хвалѣ—прич. прош. вр.; им. мн. ч. сини, но несѧште, знаѧште, молѧште—прич. наст. вр., несъше—хвалѣше—прич. прош. времени: о формахъ имен. ед. ч. ср. выше,—§ 109—110; въ косвенныхъ падежахъ основа осложнилась суффиксомъ -jo; им. мн. ч.,—старая форма основъ на согласный на ę-,—подъ вліяніемъ иныхъ формъ имѣетъ также -шт изъ -tj (*nesǫtje вм. *nesǫte); форма несъше представляетъ рефлексъ праслов. *nes-ъs-e (-ъs-e> -ъch-e> -ъš-e).

Склоненіе прилагательныхъ сравнительной степени: мьнии—мьньши—мьние, новѣи—новѣиши—новѣие и т. п. (ср. § 93) въ общемъ аналогично склоненію причастій, т. е. также представляетъ въ муж. и средн. родѣ окончаніе основъ на -jo, а въ женскомъ—основъ на -ja.

Должно лишь замѣтить, что форма вин. п. ед. ч. средн. рода причастій нетожественна съ формой им. ед., какъ то имѣетъ мѣсто въ формахъ сравнительной степени, но представляетъ, какъ и иныя падежныя формы, кромѣ им. ед., основу на согласный, расширенную суффиксомъ -jo.

Такимъ образомъ: при им. ед. средн. рода нєсъı—вин. п. нєсѧште, при знаѧ—знаѧште, при мола—молѧште, при нєсъ—нєсъше, при хвалѣ—хвалѣше.

Примѣчаніе. Въ Супр. находимъ съı вин. ед. сред. рода,—ср. Scholvin, Arch. II, 544.

Между тѣмъ форма вин. ед. ч. сред. р. сравнит. степени обычно, какъ и именительнаго,—мьнıе, болıе, покѣıе. Впрочемъ, отъ этой обычной нормы встрѣчаются отступленія: такъ, въ Сав., Остром., Супр. находимъ при болıе вин. п. ед. ч. ср. р.—больше: ср. Scholvin, Arch. II, 548—549 с., Дополненіе къ переводу Лескина, 181 с. Съ другой стороны, форма вин. п. ед. ч. сред. р. причастій замѣняетъ иногда старую форму именительнаго: назнаменоуѧште им. п. сред. р. Супр., ср. Archiv II, 544 с., то же—въ формахъ сравнительной степени: множаише, честнѣише Супр.,—ibid. 548 с.

Форма вин. п. ед. ч. муж. р. сравнительной степени обычно тожественна съ формой именительнаго, что должно признать вторичнымъ фактомъ,—мьııи им. и вин. ед. ч. муж. рода, какъ и въ положительной степени келии; но въ Клоц. Сб. находимъ вин. ед. муж. рода лоучшıх (Arch. II, 550 с.).

Примѣчаніе. Рядомъ съ мьııи, болıи, крѣпııи—въ памятникахъ находимъ мьıьи, больи, крѣпıьи и,—въ силу измѣненія ь въ ѣ,—мьıѣи, болѣи, крѣпıѣи и т. п.,—ср. Scholvin Arch. II, 550 с. Объ отношеніи формъ съ и и съ ь см. § 55.

Форма им. мн. ч. муж. р. причастій обычно имѣетъ старое окончаніе основъ на согласный -ѣ, но изрѣдка встрѣчаются и формы съ новымъ окончаніемъ -jo-основъ -и: кидѣкъши Мар. 4, 22, кѫходѧщи Мар. 19, 27; то же изрѣдка наблюдается въ Супр., Остром., Син. Пс. То же явленіе находимъ въ формѣ им. мн. муж. р. сравнит. степени: боулѣиши Зогр. Асс., множаиши Асс., больши и т. п. Супр., лоучъши Савв. Остром. (ср. Arch. II, 551 с., Добавленіе къ переводу грамм. Лескина, 181 с.).

Примѣчаніе. О единичныхъ случаяхъ окончанія -и въ им.-вин. мн. ч. сред. р. и дѣепричастномъ употребленіи формы им. мн. причастій см. у Шолвина,—Arch. II, 553—555 сс.

§ 135. О принципѣ образованія формъ прилагательныхъ опредѣленныхъ ср. § 92. Схема склоненія въ древне-церк.-словянскомъ языкѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Единств. ч.

Им.	нокыи	нокаꙗ	нокоѥ
Вин.	= им. п.	нокѫю	= им. п.
Род.	нокаѣго	нокыѭ	какъ въ муж. р.
Дат.	нокоуемоу	нокѣи	» » » »
Твор.	нокыимь	нокоѭ, нокѫю	» » » »
Мѣстн.	нокѣемь	нокѣи	» » » »

Примѣчаніе. Формы нокаѣго, нокоуемоу и т. п. засвидѣтельствованы глаголическими памятниками, въ которыхъ ѣ = ѥ; слѣдовательно, нельзя съ увѣренностью рѣшить, звучали ли эти древнѣйшія церк.-слов. формы, какъ нокаѣго, -оуемоу или же нока-его, -оу-емоу.

Двойств. ч.

Им.-Вин.	нокаꙗ	нокѣи	нокѣи	
Род.-Мѣстн.	нокоую	какъ въ муж. родѣ		
Дат.-Твор.	нокыима	»	»	»

Множ. ч.

Им.	нокыи	нокыѭ	нокаꙗ
Вин.	нокыѭ	какъ им. п.	какъ им. п.
Род.	нокыихъ	какъ въ муж. родѣ	
Дат.	нокыимъ	» » »	»
Твор.	нокыими	» » »	»
Мѣстн.	нокыихъ	» » »	»

Единств. ч.

Им.	кышьїи	кышьнаꙗ	кышьнюю
Вин.	какъ им. п.	кышьнѫю	какъ им. п.
Род.	кышьнаѣго	кышьнѭ	какъ въ м. р.
Дат.	кышьнюемоу	кышьїи	» » » »
Твор.	кышьїимь	кышьнюю, кышьнѫю	» » » »
Мѣстн.	добльимь	кышьїи	» » » »

Двойств. ч.

Им.-Вин.	кышьнаꙗ	кышьїи	кышьїи
Род.-Мѣстн.	кышьнюю	какъ въ муж. родѣ	
Дат.-Твор.	кышьїима	»	» »

Множ. ч.

Им.	кышьїи	кышьнѭ	кышьнаꙗ
Вин.	кышьнѭ	какъ им. п.	какъ им. п.

Род.	кѫшьѭихъ	какъ въ муж. родѣ
Дат.	кѫшьѭимъ	» » » »
Твор.	кѫшьѭими	» » » »
Мѣстн.	кѫшьѭихъ	» » » »

Причастія въ опредѣленной формѣ и формы сравнительной степени склоняются такимъ же образомъ:

Им. ед.	несѫи—несѫштиꙗ—несѫштеіе
Вин.	несѫштии—несѫштѧѭ—несѫштеіе
Род.	несѫштаего—несѫштаѧ—несѫштаего и т. д.

Им.	несѫи—несѫшиꙗ—несѫшеіе
Вин.	несѫшии—несѫшѧѭ—несѫшеіе
Род.	несѫшаего—несѫшаѧ—несѫшаего и т. д.

Им.	мьѭии—мьѭьшиꙗ —
Вин.	мьѭии—мьѭьшѧѭ—мьѭьшеіе
Род.	мьѭьшаего—мьѭьшаѧ—мьѭьшаего и т. д.

Въ формѣ им. ед. ср. р. причастій имѣемъ, такимъ образомъ, сложеніе съ мѣстоименной формой іе формы несѫште, несѫше, которую въ именномъ склоненіи находимъ въ вин. п. (им. п.—несѫи, несѫ); въ формѣ вин. п. ед. ч. сред. р. прилагательныхъ сравнит. степени находимъ рядомъ съ колѣшеіе, горѣшеіе—колеіе, кѫшеіе (Arch. II, 549 с.); послѣднія формы представляли, очевидно, первоначально формы им. ед. сред. р.; форма им. ед. ср. рода не документирована.

Форма им. мн. муж. р. причастій и прилагательныхъ сравнительной степени отличается отъ формы прилагательныхъ положительной степени постольку, поскольку отличаются другъ отъ друга краткія формы тѣхъ и другихъ: несѫштен, несѫшен, мьѭьшен; въ единичныхъ случаяхъ встрѣчаются формы им. мн. муж. р. сравнительной степени на -ии: ср. Scholvin Arch. II, 551 с.

§ 136. Нѣкоторыя падежныя формы сложнаго склоненія нуждаются въ особыхъ замѣчаніяхъ.

1. О формахъ им. п. ед. ч. муж. р. и род. множ. см. выше § 55.

2. При формахъ род. мн. на -ихъ, дат. мн. на -имъ причастій въ памятникахъ встрѣчаются формы на -ѣихъ, -ѣимъ: чаѭштеіхъ, глѣшаштеімъ, къзлежаштеімъ, посѫлакѫшеімъ Зогр., ѣдѫшѣимъ, кѫходѫштѣимъ Мар., ишѫштеімъ Супр., кѫкаѭщеіхъ Савв.,—ср. Leskien, Handb.[5], 106 с.

Повидимому, ѣ является въ этихъ формахъ подъ вліяніемъ формы им. мн. ч., какъ думаетъ Leskien (ibid.): ср. отношеніе кѫшьйии : кѫшьйиимѫ и чаѭштен : чаѭштеимѫ вмѣсто стараго чаѭштимѫ. Отсюда затѣмъ ѣ могло проникнуть и въ мѣстн. ед.: ср. о...каѭштѣімѣѫ Зогр. (ср. Arch. II, 236 с., Leskien l. c.).

3. Формы род. и дат. п. ед. ч. муж. и сред. р. на -аѣго, -оуѣмоу представляютъ древнѣйшій видъ и датируются глаголическими памятниками: Зографскимъ Ев., Маріинскимъ Ев. и Сборникомъ Клоца. По всей вѣроятности, ихъ нужно читать, какъ -аіего, -оуіемоу. Рядомъ съ этими формами памятники представляютъ еще два вида формъ: ассимилированныя на -ааго, -оуоумоу и стяженныя на -аго, -умоу; и тотъ, и другой типъ формъ встрѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, какъ Зогр., Мар.

Кіевскій Миссалъ имѣетъ исключительно стяженныя формы; тѣмъ не менѣе врядъ ли можно считать формы Зогр. и Мар. на -аѣго, -оуѣмоу за позднія діалектическія формы вторичнаго происхожденія,—получившіяся подъ вліяніемъ іего, іемоу,—какъ думалъ Фортунатовъ и за нимъ Щепкинъ: Roczn. Slaw. III, 216 с. Скорѣе формы Зогр. и Мар. на -аѣго, -оуѣмоу представляютъ архаизмы, хотя эти архаизмы и не могутъ быть съ полной увѣренностью отнесены къ кирилломеѳодіевской эпохѣ. Кіевскій Мисс., несомнѣнно, старше послѣдняго писца Зогр. и Мар. Ев., какъ видно изъ его фонетики и палеографіи, но текстъ его по своему происхожденію—моложе (ср. выше чьсо). Кромѣ того, возможно, что въ отдѣльныхъ говорахъ формы на -ааго, -аго, -оуоумоу, -умоу получились изъ -аѣго, -оуѣмоу неодновременно.

4. Въ формѣ мѣстн. п. ед. ч. муж. и сред. р. -ѣѭмь въ силу ассимиляціи дало -ѣѣмь: ср. въ Супр. добрѣѣмь и т. п., изъ -ѣѣмь чрезъ стяженіе -ѣмь: грѣшьнѣмь, богатѣмь и т. п. уже въ Зогр. Мар. Въ Асс. Ев. и Супр. встрѣчаются формы на -ѣамь: адьтѣамь и т. п.

5. Стяженіе наблюдается и въ иныхъ формахъ: въ твор. п. ед. ч. -ѵімь, -имь изъ -ѵіимь, -иимь, дат. мн. -ѵімѫ, -имѫ изъ -ѵіимѫ, -иимѫ, твор. мн. -ѵіми, -ими изъ -ѵіими, -иими и т. д.

6. Въ твор. п. ед. ч. жен. рода при обычной формѣ на -оіѫ, -ыѭ изрѣдка встрѣчается форма на -жіѫ—въ Зогр., Мар., Ассем., Супр., Син. Мол.,—ср. Лескинъ Handbuch[5], 106 с.

Форма эта получена изъ соединенія діалектической формы твор. п. ед. ч. жен. рода *novǫ и *(je)jǫ.

7. Наконецъ, должно отмѣтить, что въ памятникахъ встрѣчаются единичные примѣры вытѣсненія флексій сложнаго склоненія прилагательныхъ флексіями мѣстоименнаго склоненія: въ Савв. книгѣ елѣ живого

сжца 56 л., Асс. Ев. благокѣрномоу (въ календарѣ, изд. Чрнчича 165 с.); Пражск. листки—слѣпомоу (I, 22). Факты эти, очевидно, относятся къ говорамъ XI вѣка.

Спряженіе.

Общія замѣчанія.

§ 137. Среди глаголовъ др.-церк.-словянскаго языка можно, согласно принятому въ наукѣ дѣленію, различить пять классовъ, причемъ принципомъ классификаціи является основа наст. времени, при дальнѣйшемъ же дѣленіи принимается во вниманіе основа инфинитива.

Такимъ образомъ, I классъ составляютъ глаголы съ основой наст. времени на -е (о); въ этомъ классѣ можно различить а) глаголы съ основой инфинитива, равной корню (несетъ—нести), и b) глаголы съ основой инфинитива на -а- (беретъ—брати).

II-й классъ: глаголы съ суффиксомъ въ наст. вр. -пе-, причемъ въ инфинитивѣ—суффиксъ -пq- (дкигнетъ—дкигнжти).

III-й классъ: глаголы съ суффиксомъ -je- въ формахъ настоящаго времени; глаголы этого класса съ суффиксомъ -je-, присоединеннымъ къ корню на гласный, не всегда могутъ быть отличены отъ глаголовъ I класса,—съ суффиксомъ -е- послѣ корня на гласный, такъ какъ между гласнымъ корня и суффиксальнымъ -е- часто было коренное i̯ (j). Въ глаголахъ этого класса можно такъ же, какъ и въ I классѣ, различить а) такіе, въ которыхъ основа инфинитива входитъ въ составъ основы настоящ. времени, какъ млѣти—мелютъ (млѣти изъ *melti), знати—знаютъ, цѣлѣти—цѣлѣютъ, дѣлати—дѣлаютъ и b) такія, въ которыхъ основа инфинитива имѣетъ суффиксальное -а, не входящее въ основу наст. времени: таяти—таютъ, орати—орютъ, купокати—купокаютъ.

IV классъ: глаголы съ основой наст. времени на -і—а) съ тѣмъ же -і- въ основѣ инфинитива (молитъ : молити) и b) съ основой инфинитива на -ѣ (кидитъ—кидѣти).

V классъ составляютъ глаголы нетематическаго спряженія (ср. § 94).

Примѣчаніе. Ср. такое раздѣленіе у Лескина. Нѣсколько иную классификацію предлагаетъ Ягичъ въ Arch. XXVIII, 17—27: однако различіе между первичными и вторичными глаголами, играющее существенную роль въ этой классификаціи, врядъ ли можетъ быть строго проведено, и раздѣленіе глаголовъ типа сѣяти—сѣю, чаяти—чаю, копаю—копати на два класса (сѣяти, чаяти—III-й классъ, копати - V-й классъ) врядъ ли вызывается необходимостью. О др.-церк.-словянскомъ спряженіи вообще ср. Wiedemann «Beiträge zur altbulgarischen Konjugation» 1886 г.

§ 138. О личныхъ окончаніяхъ др.-церк.-словянскаго глагола необходимо сдѣлать слѣдующія общія замѣчанія, относящіяся ко всѣмъ классамъ глагола.

Въ формѣ 3 л. ед. и множ. ч. наст. вр. обычной нормой является окончаніе -тъ. Въ Савв. книгѣ находимъ при обычномъ -тъ—ѣсть, нѣсть (2 раза), кѣсть (2 раза), мудить, мьнить; кромѣ того въ нѣсколькихъ случаяхъ ѣ исправлено на ѧ: въ ѣсть (2 р.), нѣсть (2 р.), ходить, отъпоустить. Въ Супр. рукописи—нѣсколько разъ ѣсть (5 р.), имать, оголитьсѧ, молить. Въ Асс. Ев. Видеманъ насчитываетъ 34 примѣра флексіи -ть, изъ нихъ 25 въ глаголахъ нетематическаго спряженія: ѣсть, нѣсть, дасть, къдасть, прѣдасть, сънѣсть.

Примѣчаніе. Впрочемъ, факты Ассем. Ев. имѣютъ мало значенія: ѧ и ѣ здѣсь употребляются безъ всякой системы.

Въ Зографскомъ Ев. въ одномъ случаѣ вполнѣ ясно—ѣсть, въ значительномъ рядѣ другихъ случаевъ неясно,—ѧ или ѣ. Въ главной части Остромирова Ев., въ общемъ сохраняющей безъ измѣненія черты др.-ц.-слов. оригинала, лишь въ нѣсколькихъ случаяхъ имѣется въ 3 л. ед. и 3 л. мн. ч. -тъ, обычно же -ть. Изъ этого Фортунатовъ заключаетъ, что -ть преобладало надъ -тъ уже въ др.-ц.-слов. оригиналѣ Остромирова Ев. и, слѣдовательно, было діалектическимъ явленіемъ въ старословянскихъ говорахъ, отразившихся въ др.-ц.-сл. памятникахъ. То же -ть наблюдается въ формѣ 2—3 л. ед. ч. аориста глаголовъ нетематическаго спряженія: въ Савв. кн. късть, дасть, въ Супр. дасть, въ Асс. късть; въ Остром. късть, дасть, ѣсть, прѣкъсть, прѣдасть и т. д.

Примѣчаніе. См. Фортунатова «Старославянское -тъ въ 3-мъ лицѣ глаголовъ» Изв. XIII, кн. 2, 36 и слѣд.

О формахъ типа проглаголитъ-и, оубиѭтъ-и (съ измѣненіемъ ѧ въ ѧ въ энклитическомъ сочетаніи съ послѣдующимъ и) ср. въ отдѣлѣ фонетики, § 55. Къ области фонетики относится также измѣненіе -тъ въ закрытомъ слогѣ въ -то: ср. можето-сѣ Мар. Ев. и т. п. примѣры въ Асс., Син. Пс. (ср. Wiedemann, Beiträge 13 с.).

О формахъ 3 л. ед. и мн. ч. съ вторичнымъ окончаніемъ, затѣмъ отпавшимъ, было упомянуто: см. § 100. Примѣры: достои, подобаа, ѥ—3 л. ед. ч. въ Зогр.; ѥ (3 р.) въ Клоц.; ѥ, нѣ, кѫде въ Мар.; ѥ, гѫде, кѣроуѭ, прозираѭ, кѣкаѭ въ Асс.; ѥ (2 раза), нѣ въ Савв.; ѥ, поидѫ, процѣтъ въ Син. Пс., гѫ, нѣ, кѫде, играе, прѣдае, желѣе, праздьноуе, сѣди, нарицаѭ, оклекештѫ и т. д.—въ Супр.; кѫде въ л.л. Ундол. (ср. Wiedemann, Beiträge 13—14 с., 24 с.).

Окончаніемъ 1 л. мн. ч. является обычно -мх (въ силу смѣшенія х и ѣ—мь); однако уже въ др.-церк.-слов. памятникахъ находимъ -мхі не только въ тѣхъ случаяхъ, когда форма 1 л. мн. ч. имѣетъ за собою энклитическое и (глахшахомхі-и Мар. и т. п.), но и внѣ этого условія: кѣмхі Зогр., постѣшимхі, сынідохомхі ся, напльнѣемхі, ищѣлѣхомхі Супр.,—ср. Wiedemann, Beiträge 8 с.; -мхі, получившееся изъ -мх въ положеніи предъ и, было поддержано мѣстоименіемъ мхі и являлось внѣ первоначальныхъ условій. Съ другой стороны, находимъ и -мо изъ -мх: пожрѣхомо-и Син. Пс., убиѣмо-и Ассем. (Wiedemann, 8 с.).

Въ отношеніи окончаній 3 л. двойств. ч. между памятниками наблюдается разногласіе: особое окончаніе 3 л. -тє исключительно употребляется въ Мар., Клоц. Сб. и Син. Псалт.; въ Зографскомъ Ев. при 87 примѣрахъ -тє находимъ уже 11 примѣровъ -та, въ Ассем. Ев. 10 примѣровъ -та противъ 75 -тє; наоборотъ, въ Савв. книгѣ -та въ 3 л. уже гораздо чаще, въ Супрасл. рукописи -та—обычно, -тє—въ видѣ исключеній; въ Остром. -тє изрѣдка, обычно же -та:—ср. Wiedemann, 25—26 сс., Дополненіе къ переводу Лескина 185 с. Несомнѣнно, что окончаніе -тє,—болѣе древнее, постепенно вытѣснялось окончаніемъ -та, которое сознавалось, какъ исключительно окончаніе двойств. числа, а потому было болѣе удобно: -тє совпадало съ окончаніемъ 2 л. мн. ч.

Примѣчаніе. Какъ отмѣтилъ Беличъ, появленіе -та въ Зогр. Ев. въ нѣкоторыхъ случаяхъ связано съ замѣной писцомъ формы аор. болѣе стараго типа, еще сохраненной въ Мар. Ев.,—формой аориста новаго типа: Мар. прикѣсте—Зогр. прикѣдоста, Мар. рѣсте—Зогр. рѣкоста, Мар. оужасете—Зогр. оужасѣста.

Новой чертой, не характеризующей кирилло-меѳодіевскихъ оригиналовъ, является окончаніе 2 и 3 л. дв. ч. -тѣ при подлежащемъ въ женскомъ или среднемъ родѣ: посѣластѣ (сестрѣ), текостѣ, идѣстѣ (марія.... и другая маріѣ), ѣстѣ (онѣ), поклонистѣ ся (онѣ), видѣстѣ (очи)—въ Савв., ѣстѣ (тѣ),—въ Супр., посѣластѣ, текостѣ, поклонистѣся, радоуитѣ ся (2 л.)—въ Остром.,—ср. Wiedemann, 26 с. Несомнѣнно, это -тѣ явилось подъ вліяніемъ окончанія въ тѣ, онѣ, женѣ, селѣ и т. д.

Въ формахъ имперфекта въ др.-церк.-слов. памятникахъ наблюдается двойственность флексій во 2 л. множ. ч. и 2—3 л. дв. ч. -шете и -сте, -шета и -ста. Данныя памятниковъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что первый видъ окончаній (-шете, -шета) древнѣе второго (-сте, -ста): въ Зограф. и Сборн. Клоца имѣются лишь формы на -шете, -шета, въ Мар. отношеніе первыхъ ко вторымъ (-шета, -шете: -ста, -сте)= 25 : 1; въ Ассем. это отношеніе=9 : 8, въ Савв. употребляются исключи-

тельно -ѣте, -ѣта, въ Супр. обычны -ѣте, -ѣта, -шете, -шета встрѣчаются лишь изрѣдка; въ Остром., какъ и въ Савв., -шете, -шета не встрѣчаются (ср. Wiedemann, Beiträge, 42 с.).

I. *Глаголы съ основой наст. времени на* -е (о).

§ 139. А. Глаголы съ основой настоящаго времени на -е (о) и основой инфинитива, равной корню.

Въ глаголахъ этого рода можно различить еще двѣ группы: а) глаголы, въ которыхъ основа—корень инфинитива оканчивается на согласный и b) глаголы, въ которыхъ эта основа оканчивается на гласный. Однако ко второй группѣ можно съ увѣренностью отнести лишь тѣ глаголы, въ коихъ корень оканчивался дифтонгическимъ сочетаніемъ -ęц, -оц, давшимъ на словянской почвѣ -u (-ju) предъ согласнымъ.

Глаголы съ инымъ гласнымъ въ исходѣ корня и гласнымъ -е въ основѣ настоящаго времени формально совпали съ глаголами III класса (суффиксъ наст. вр. -je), въ силу того, что передъ -е имѣли коренное -i̯- (j). Такъ какъ трудно рѣшить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, принадлежитъ ли -j- въ основѣ наст. врем. суффиксу -je-, или же корню, то схема спряженія глаголовъ съ -je- въ основѣ настоящаго времени дана въ III классѣ.

а) Глаголы съ основой-корнемъ на согласный; въ корнѣ чаще всего гласный -е или -ę (изъ -en), рѣже -о, -ѣ (изъ -ē), -а (изъ -ō), і, ь, у. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ гласный корня въ основѣ наст. вр. является на ступени редукціи, тогда какъ въ основѣ инфинитива гласный -е или -о (ср. §§ 94, 95). Должно при этомъ имѣть въ виду, что прасл. -er, -el въ положеніи предъ согласнымъ является въ видѣ рѣ, лѣ.

α) Коренной гласный -е (ę): кедѫ—кести, кезѫ—кести, гнетѫ—гнести, гребѫ—грести, жегѫ—жешти, метѫ—мести, несѫ—нести, плетѫ—плести, рекѫ—решти, текѫ—тешти; въ инфинитивахъ кести, гнести, грести, тешти, жешти имѣемъ результаты праславянскаго измѣненія группъ dt, tt въ st; bt въ t; kt-i, gt-i въ t′t′-i, откуда ц.-слов. шт-и; плести—изъ *plect-ti, плетѫ—изъ *plect-ǫ. Сюда же относятся: клѣкѫ—клѣшти, жлѣдѫ—жлѣсти (взимать), плѣкѫ—плѣти (собирать), стрѣгѫ—стрѣшти, блудѫ—блѣсти (заблуждаться), оукрѣзѫ—оукрѣсти (увѣнчать), градѫ—грасти, зкрѣгѫ—зкрѣшти (пѣть), матѫ—масти, прагѫ—прашти (напрягать), прадѫ—прасти, гагѫ—гашти (достигать), трагѫ—трасти, блюдѫ—блюсти (ю изъ *-ęц); въ двухъ глаголахъ ѧ лишь въ наст. вр.: лагѫ—лешти, гадѫ—гѣсти.

β) Коренной гласный -о (ǫ): водѫ—вости, могѫ—мошти, кладѫ—класти, растѫ—расти (ла, ра изъ *-ol, *-or), гѫдѫ—гѫсти; сюда же отно-

сится ѣждѫ (инфинитивъ съ другимъ видомъ корня: ѣзити; отъ того же корня лишь прич. ѣждѧи и повелит. ѣжди).

γ) Коренной гласный ē или ō, ā (ě или a): кладѫ—класти, падѫ—пасти, пасѫ—пасти, лѣзѫ—лѣсти, сѣкѫ—сѣщи; сюда же—ѣдѫ.

Примѣчаніе. Отъ корня ѣд-: imperf. ѣдѣахъ, аор. ѣдѣ; ѣдохъ· инфин. и прич. прош.—отъ основы ѣха-: ѣхати, ѣхахъ; прич. прош. также отъ ѣ-: прѣ-ѣкаше Зогр.

δ) Коренной гласный і, ь, у: идѫ—ити, живѫ—жити, стригѫ—стрищи, цѣлѣѫ—цѣлити, чьтѫ—чисти; грызѫ—грызти.

Примѣчаніе. Отъ глагола идѫ—прич. наст. вр. идѧи, повел. н. иди, имперф. идѣахъ, аор. идѣ, идохъ; инфин. и супинъ отъ -и: ити, итъ; прош. прич. отъ корня шьд-: шьдъ, шьлъ.

ε) Коренной гласный въ основѣ наст. времени на ступени редукціи, тогда какъ въ инфинитивѣ -е (или о); кьрѫ—крѣти (изъ *verti—запирать), жьрѫ—жрѣти (ѣсть, приносить жертву), мьрѫ—мрѣти, ньрѫ—нрѣти (входить), пьрѫ—прѣти (опирать), сѣкьрѫ—сѣкрѣти (таять), стьрѫ—стрѣти, тьрѫ—трѣти; сюда же относятся крьгѫ—(крѣгѫ изъ *vₑrgo)—крѣшти, крызѫ (крѣзѫ—открывать)—крѣсти, крьхѫ (крѣхѫ)—крѣшти (молотить), чрьпѫ (чрѣпѫ)—чрѣти, чрьтѫ (чрѣтѫ)—чрѣсти—рѣзать, мльзѫ (млѣзѫ)—млѣсти—доить, тлькѫ (тлѣкѫ)—тлѣшти. Гласные е, о можно предполагать въ корнѣ инфинитивныхъ формъ—жати—жьмѫ, ѭти—имѫ (изъ *jьmǫ), клѧти—клѧнѫ, мѧти—мѧнѫ, пѧти—пѧнѫ, тѧти—тѧнѫ, начѧти—начѧнѫ, дѫти—дѫмѫ. Сюда же относится сыпати (изъ *soцp-ti)—сѣпѫ (сыпать).

b) Глаголы съ корнемъ-основой (инфинитива) на гласный: плокѫ—плоути, рокѫ (рекѫ)—роути, слокѫ—слоути, трокѫ—троути (питать).

В. Глаголы съ основой наст. вр. на -е (о) и основой инфинитива на -а: а) съ корнемъ на согласный и b) съ корнемъ на гласный;

а) берѫ—бьрати, дерѫ—дьрати, перѫ—пьрати (ср. *попрать*), женѫ—гѫнати, жидѫ—жьдати, искѫ—искати, сѣсѫ—сѣсати (сосать), тѣкѫ—тѣкати;

b) рѣкѫ : рѣкати, зокѫ—зѣкати, кокѫ—кокати (-ок- изъ *-оц).

§ 140. А.

Настоящее время.

Единств. ч.	несѫ,	пьнѫ,	жьрѫ,	плокѫ,
	несеши,	пьнеши,	жьреши,	плокеши,
	несетъ,	пьнетъ,	жьретъ,	плокетъ,

Множ. ч.	несемъ,	пьнемъ,	жьремъ,	плокемъ,
	несете,	пьнете,	жьрете,	плокете,
	несѫтъ,	пьнѫтъ,	жьрѫтъ,	плокѫтъ,
Двойств. ч.	несекѣ,	пьнекѣ,	жьрекѣ,	плокекѣ,
	несета,	пьнета,	жьрета,	плокета,
	несете,	пьнете,	жьрете,	плокете.

Повел. наклоненіе.

Ед. ч. 2—3 л.	неси,	пьни,	жьри,	плоки,
Множ. ч.	несѣмъ,	пьнѣмъ,	жьрѣмъ,	плокѣмъ,
	несѣте,	пьнѣте,	жьрѣте,	плокѣте,
Двойств. ч.	несѣвѣ,	пьнѣвѣ,	жьрѣвѣ,	плокѣвѣ,
	несѣта,	пьнѣта,	жьрѣта,	плокѣта,

Прич. наст. времени.

	несѫи,	пьнѫи,	жьрѫи,	плокѫи,
	несомъ,	пьномъ,	жьромъ,	плокомъ.

Аористъ простой.

Единств. ч.	могъ,	—	—	—
	може,	—	жьре,	—
	може,	—	жьре,	—
Множ. ч.	могомъ,	—	—	—
	можете,	—	—	—
	могѫ,	—	—	—
Двойств. ч.	могокѣ,	—	—	—
	можета,	—	—	—
	можете,	—	—	—

Аористъ сигматическій.

	А. (стараго типа)	В. (новаго типа)
Ед. ч.	нѣсъ, рѣхъ, пасъ, жрѣхъ, плухъ.	несохъ, рекохъ.
	несе, рече, па, жрѣ, плу.	(несе, рече).
	несе, рече, па, жрѣ, плу.	(несе, рече).
Мн. ч.	нѣсомъ, рѣхомъ, пасомъ, жрѣхомъ, плухомъ.	несохомъ, рекохомъ.
	нѣсте, рѣсте, пасте, жрѣсте, плусте.	несосте, рекосте.
	нѣша, рѣша, паша, жрѣша, плуша.	несоша, рекоша.
Дв. ч.	нѣсовѣ, рѣховѣ, паховѣ, жрѣховѣ, плухобѣ.	несоховѣ, рекоховѣ.
	нѣста, рѣста, паста, жрѣста, плуста.	несоста, рекоста.
	нѣсте, рѣсте, пасте, жрѣсте, плусте.	несосте, рекосте.

Преходящее (imperfectum).

Ед. ч.	несѣкахъ,	пьнѣкахъ,	жьрѣкахъ,	плокѣкахъ
	несѣкаше,	пьнѣкаше,	жьрѣкаше,	плокѣкаше
	несѣкаше,	пьнѣкаше,	жьрѣкаше,	плокѣкаше
Мн. ч.	несѣкахомъ,	пьнѣкахомъ,	жьрѣкахомъ,	плокѣкахомъ
	несѣкашете,	пьнѣкашете,	жьрѣкашете,	плокѣкашете
	несѣкахѫ,	пьнѣкахѫ,	жьрѣкахѫ,	плокѣкахѫ
Дв. ч.	несѣкахокѣ,	пьнѣкахокѣ,	жьрѣкахокѣ,	плокѣкахокѣ
	несѣкашета,	пьнѣкашета,	жьрѣкашета,	плокѣкашета
	несѣкашете,	пьнѣкашете,	жьрѣкашете,	плокѣкашете

Прич. прош. вр.

несъ, пьнъ, жьръ, плоукъ
несла, пла, жрьла (жрла), плула
несенъ, патъ, жрѣтъ, плокенъ.

Инфинитивъ.

нести, пати, жрѣти, плоути.

Супинъ.

нестъ, патъ, жрѣтъ, плоутъ.

§ 141. В.

Настоящее время.

Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
зокѫ	зокемъ	зокекѣ
зокеши	зокете	зокета
зокетъ	зокѫтъ	зокете.

Прич. наст. вр.

дѣйств. зал. зокы; страд. зал. зокомъ.

Повел. накл.

зоки; зокѣмъ; зокѣте; зокѣкѣ; зокѣта.

	Аористъ	Преходящее (imperfectum)
Ед. ч.	зкахъ	зкаахъ (зокѣкахъ)
	зка	зкааше (зокѣкаше)
	зка	зкааше (зокѣкаше)

Множ. ч.	зѣкахомъ	зѣкаахомъ (зокѣкахомъ)
	зѣкасте	зѣкаашете (зокѣкашете)
	зѣкаша	зѣкаахѫ (зокѣкахѫ)
Двойств. ч.	зѣкахокѣ	зѣкаахокѣ (зокѣкахокѣ)
	зѣкаста	зѣкаашета (зокѣкашета)
	зѣкасте	зѣкаашете (зокѣкашете)

Прич. прош.

зѣкакъ; зѣкалъ; зѣканъ.

Инфинитивъ и супинъ.

зѣкати; зѣкатъ.

§ 142. Формы повел. накл. отъ глаголовъ рекѫ, пекѫ, текѫ, жегѫ имѣютъ гласный корня на ступени редукціи: рьци, пьци, тьци, жьзи (о з, ц изъ г, к—ср. § 28). Въ послѣднемъ глаголѣ ступень редукціи является также въ другихъ формахъ: кижижеши, прич. жигомъ, жигомизимъ Супр., сижижетъ Савв., зажьже (аористъ) Мар.; ср. Wiedemann, Beiträge 60, 87 с.

Примѣчаніе. О формахъ пьци, жьзи, тьци ср. выше, прим. въ § 10; ср. также Meillet R. Sl. VI, 125, Mém. S. L. XIX, 286 с.

При стригѫ—стришти находимъ пострѣшти въ Син. Мол.; отъ сѣдѫ, лягѫ аор. простой имѣетъ тотъ же гласный корня, что и инфинитивъ: сѣдъ, легъ, также прич. прош. вр. сѣлъ, легълъ. Въ глаголѣ брѣгѫ—брѣшти встрѣчаются формы прич. прош. съ гласнымъ корня на ступени редукціи: брьгъше, брьгъша въ Супр. (Beiträge, 132 с.), также отъ глагола клѣкѫ—клѣшти: ськлькъше, изклькъше, оклькъ въ Зогр., изклькъ, изклькъше и др. въ Мар. и т. п. (въ Асс., Савв., Супр., Син. Мол.),—ср. Beiträge, 130—131 сс.

§ 143. Формы аориста простого и сигматическаго распредѣляются въ отдѣльныхъ памятникахъ неравномѣрно.

Формы аориста простого обильно представлены въ Мар., Зогр., Сб. Клоца, Асс., Син. Пс., встрѣчаются въ Савв. и Син. Мол., но въ Супр. не находимъ ни одного примѣра, а въ Остром.—одинъ: кызможете. Въ Зогр. находимъ кънидѣ, обрѣтъ, придомъ, обрѣтомъ, идѫ, кыкригѫ, кызмогѫ, обрѣтѫ; кысѣдѫ, кълѣзѫ, падѫ, идете (3 л. дв. ч.) и т. п.; въ Мар.—кьзидѣ, приобрѣтъ, идомъ, идѫ, кыкригѫ, оукрадѫ, нападѫ, ожике, идете и т. д.,—подробнѣе у Wiedemann'a Beiträge, 81 и слѣд.

Аористъ сигматическій стараго типа, съ долгимъ гласнымъ корня и s въ качествѣ признака времени, чаще всего, какъ и аористъ простой, встрѣчается въ Мар. Ев., нѣсколько рѣже въ Зогр. и Ассем., Син. Пс., еще рѣже въ Син. Мол., Савв. и Сб. Клоца, не встрѣчается вовсе въ Супр. и Остром.

Формы аориста этого типа образуются отъ корней на носовой или же согласный: пѫсѧ, приѧсѧ, ѩсомъ, ѩсѧ, кꙁсѧ, начсѧ, пропсѧ, кꙁнѣсѧ, отврѣсѧ (сѧ), сѧблюсѧ, прикѣсѧ, кѣкѣсомъ, чисѧ, сѧблюсѧ, провсѧ, кѣсѧ, кѣсѧ Мар., сѧмсомъ (сѧ) Син. Мол., начсѧ, клсѧ, кꙁкѣсѧ, кꙁнѣсѧ, чисѧ, отвкрѣсѧ, сѧмсѧ (сѧ), сѧмсѧ (сѧ), ѣсѧ Син. Пс., процкисѧ Сб. Клоца, кꙁнѣсѧ Савв.; ср. Видемана Beiträge, 88 и слѣд.

Формы аориста того же типа, но съ ch уже не такъ рѣдки и встрѣчаются также и въ Супр., Савв., Остром.

Примѣры: Зогр. пѫхъ, оклѣша, кꙁахомъ, кꙁша, начша, пропша, Клоц. кꙁша, Мар. кꙁша, пропша, Супр. кꙁхъ, начхъ, распахомъ, проклаша, жихомъ, Син. Пс. сѧлахѣсѧ, кѫжѣша, ꙁклѣша, Асс. отвкѣша, сѧмаша (сѧ) и т. п.,—ср. Beiträge 94 и сл. Отъ глаголовъ съ корнемъ на задненебный согласный, разумѣется, возможны только такія формы сигматическаго аориста стараго типа: рѣхъ, рѣша Зогр., рѣхомъ Клоц., тѣша Син. Пс., притѣша и т. п.

При этомъ должно замѣтить, что рядомъ со старыми формами жрѣхъ—жрѣ—жрѣ въ памятникахъ встрѣчаются формы аориста со слабымъ видомъ корня: жрꙑхъ—жрꙑ—жрꙑ и т. п. (изъ *žьr̥-s-o-m, *žьr̥-s-s, *žьr̥-s-t): ср. пожрꙑхъ въ Син. Пс., пожрꙑша ibid., пожрꙑ въ Супр., жрꙑша ibid. (Wiedemann Beitr. 93 с.); такъ же: отрꙑ въ Мар., Ассем. (тьрꙋ—трѣти), истрꙑ въ Син. Пс., ср. трѣ въ Супр. Ту же ступень гласнаго корня находимъ въ инфинитивѣ: жрꙑти Мар. и супинѣ сѫтрꙑтъ Супр. (Beiträge 93—94 сс.), также въ причастіи: прострꙑта Супр., прострꙑто Клоц. (ibid. 140—141 сс.).

Иное явленіе представляютъ формы: простьрѣ Зогр., сумьрѣ Супр., опьрѣша (сѧ) и т. п. (см. Beitr. 92—93 сс.)—вм. -стрѣ, -мрѣ, -прѣша (сѧ); здѣсь имѣемъ основу аориста, измѣненную подъ вліяніемъ основы наст. времени (мьрꙋ, стьрꙋ, пьрꙋ). Къ числу формъ аориста сигматическаго стараго типа съ признакомъ времени -х- относится форма отвкѣша Асс. (корень кѣт-),—ср. отвкѣ 3 s. ibid. (ср. Wiedemann, Beiträge, 101 с.). Формы аориста сигматическаго новаго типа,—кедохъ, рекохъ, сѧблюдохъ, идохомъ, отидоша, кꙁлегоша, обрѣтоша, рекоста, прикедоста и т. д. извѣстны всѣмъ памятникамъ, кромѣ Мар. и Син. Пс.; въ Син. Мол.—всего лишь нѣсколько примѣровъ: въ кирилловскихъ памятникахъ этотъ типъ представленъ обильно,—ср. Wiedemann, Beiträge, 104 с. и слѣд.

§ 144. Въ односложныхъ формахъ 2—3 л. сигматическаго аориста употребляется добавочное окончаніе -тѫ, о которомъ ср. выше, § 96: (по)ѭтѫ, (къз)ѧтѫ, (на)чѧтѫ, (оу)мрѣтѫ, (по)китѫ и т. п. Зогр.; клѧтѫ(сѧ), (къс)пѣтѫ, питѫ, (сѫн)ѣстѫ и т. п. Мар.; распѧтѫ(сѧ) и т. п. Син. Мол.; (про)стрѣтѫ, (къи)ѧтѫ, (по)жрѣтѫ и др. Син. Пс.; при-житѫ Супр. и т. д.

Примѣчаніе. Примѣры: житѫ, питѫ принадлежатъ глаголамъ, которые отнесены къ III классу (см. ниже, § 150); ср. также измѣтѫсѧ Син. Пс. и сѧтѫ (=сказалъ), которыя неизвѣстны текстамъ въ какой либо иной глагольной формѣ; (из)мѣтѫ(сѧ) — того же корня, что и мѣна; сѧтѫ сопоставляютъ съ лат. censeo.

Формы съ -тѫ являются обычными въ древнѣйшихъ церк.-словян. текстахъ: Мар., Зогр., Ассем., Клоц., Син. Пс.: въ Мар. 96 формъ съ -тѫ и 6 безъ -тѫ; въ Зогр. 94 съ -тѫ, 6 безъ -тѫ, въ Асс.—68 съ -тѫ и 1 безъ -тѫ; въ Клоц. Сб. только формы съ -тѫ (36); въ Син. Пс. 35 -тѫ и 2 безъ -тѫ; Супр. рукопись имѣетъ формы съ -тѫ гораздо рѣже: 31 при 116 безъ -тѫ; такимъ образомъ, формы съ -тѫ, несомнѣнно,— архаизмъ.

Въ неодносложныхъ формахъ аориста (предлоги не принимаются въ расчетъ) -тѫ встрѣчается очень рѣдко и является уже чертой новой, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ представляетъ, быть можетъ, ошибку: Зогр. (Іоан. 12, 16) прославитѫ (тѫ затѣмъ выскоблено), Остром. крьститѫсѧ (Мар. 1, 9), Син. Пс. изкакитѫ (17, 18; 33, 5), Ассем. сѫдѣлатѫ (Матѳ. 26, 10), Савв. сп҃ѣтѫ тѧ=сѫпасетѫ тѧ, Зогр. рѣчетѫ (Іона. 21, 23), л.л. Унд. сп҃сетѫ тѧ.

Примѣчаніе. Ср. Wiedemann, Beiträge 14 и слѣд., Фортунатовъ Изв. XIII, кн. 2, 2 и слѣд., Ильинскій Изв. V, 1 кн. 191 и слѣд.

§ 145. Рядомъ со старыми нестяженными формами имперфекта на -ѣахъ, -ѧахъ въ памятникахъ встрѣчаются и стяженныя формы: идѣаше, идѣахѫ, жьрѣахѫ, жикѣаше, печаше(сѧ), градѣаше, кедѣахѫ, можаахѫ, растѣаше (Зогр.), но также можахѫ, стрѣжахѫ (Зогр.), можаше (Мар.), жикѣше, клънѣхѫ сѧ (Син. Пс.), идѣше, идѣста, растѣше (Савв.) и т. п. Нестяженныя формы значительно преобладаютъ надъ стяженными въ Зогр., Мар., Ассем., Остром., послѣднія нѣсколько чаще встрѣчаются въ Супр. и исключительно въ Савв. книгѣ: ср. Wiedemann, Beiträge, 113 и сл.

Въ глаголахъ типа зѣкати форма имперфекта, связанная съ основой инфинитива, датируется, главнымъ образомъ, древними евангельскими текстами: зѣкаше Зогр., Мар., зѣкаахѫ Зогр., Мар., зѣкахѫ Савв.; зѣкаше, зѣкаста, зѣкаахѫ Остр., кокаахѫ Син. Пс., тѣкаахѫ Супр., жьдаше Супр.,

но въ Супр. находимъ также зокѣаше, зокѣахѫ и такъ же жідѣахѫ и жьдѣахѫ, жьдѣаше—отъ основы наст. вр. жьд- при жид-.

Примѣчаніе. Ср. Wiedemann, Beiträge 116 c., Leskien Handbuch[5], 148 c., Щепкинъ Савв. кн.—указатель, Дополненія къ русск. переводу Лескина, 187 с.

О формѣ 1 л. ед. ч. повел.-желат. отъпадѣмь ср. § 106.

О формахъ причастія наст. вр. на носовой: ѥмн, жимѫи, грѧдѫи, жимѫи, жьрѧ, жимѫи, ѥдн и съ особымъ знакомъ носового—ср. въ § 58; примѣры—у Wiedemann'a Beitr., 128 с.

Примѣчаніе. Ср. Meillet, R. Sl. VI, 135—136 сс.

II. *Глаголы съ основой наст. вр. на* -пе (-по).

§ 146. Глаголы этого класса не даютъ основаній для дальнѣйшихъ подраздѣленій. Сюда относятся: ѧтнѫ (изъ *ѣdnǫ: ѧзѧтнѫѥта Супр.), ѣгнѫ, (по)кинѫ, кѫкнѫ, канѫ, кѧзнѫ, гаснѫ, гонѣзнѫ (освободиться), грѧзнѫ (ср. р. погрязнуть), гѫнѫ, гѫкнѫ, дѫгнѫ, дрьзнѫ (дрѧзнѫ), дохнѫ, зинѫ (ср. зіять), жаснѫ (ср. ужаснуться), забнѫ (зябнуть), канѫ (кануть), кликнѫ, крѫкнѫ (Супр. крѫкнѫти 98, 13—бормотать), крьснѫ (воскреснуть), кѫинѫ (кивнуть), манѫ (мануть), мнинѫ, мѣнѫ и манѫ (ср. помянуть), млькнѫ, мрьзнѫ (мрѧзнѫ), мрькнѫ (мрѫкнѫ), мѫкнѫ, нѣзнѫ (ср. пронзить), планѫ (воспламениться), плинѫ и плюнѫ, прѧнѫ (ср. воспрянуть), рынѫ, -рѫгнѫ, сагнѫ (жениться), -сканѫ (засохнуть), сльпнѫ, станѫ, сѫнѫ, -сѫнѫ (уснуть), сѫхнѫ, -сѣкнѫ, сѫкнѫ (ср. изсякнуть), тлѫкнѫ, тонѫ (и топнѫ съ возстановленіемъ п въ Супр.), трѫгнѫ, тѫкнѫ, тягнѫ, чезнѫ. Въ ѧтнѫ, канѫ (изъ *vęd-nǫ), гѫнѫ (изъ *gъb-nǫ), канѫ (изъ *kar-nǫ), прѧнѫ (изъ *prędnǫ), скапѫ (изъ *svędnǫ), сѫнѫ, тонѫ—имѣемъ праслов. упрощеніе группъ dn, bn, pn въ n; въ забнѫ и сльпнѫ—п возстановлено подъ вліяніемъ родственныхъ образованій.

Форма причастія клѫсѧштеи (Клоц.) предполагаетъ клѫсѧнѫ (бормотать); болѣе поздніе ц.-сл. тексты указываютъ на сльснѫ, крѫсѧнѫ (стричь), оудѣкнѫ (обольстить),—ср. Супр. оудѣкѣена,—кѫсѧнѫ,—ср. 3 s. aor. кѫкѫсѣ въ Савв.; Остром.: мѫкнѫ (переходить),—ср. р. мчать, мыкать; никнѫ,—ср. 3 s. aor. прининѣ въ Мар.; (оу)глынѫ,—ср. оуглѣхъ Син. Пс.; -лынѫ (изъ *lьrnǫ); -плѧзнѫ; -трынѫ (изъ *tʲrnǫ): см. Miklosich, Lexicon 1035, 1042, 328, 385, 451, 672, 31, 46, 626, 1077. Можно предполагать также за-клянѫ (изъ *za-klęrnǫ),—ср. 3 s. aor. заклѣпѣ въ Мар.

§ 147.

	Наст. вр.	Повел. накл.
Ед. ч.	дѫгнѫ	—
	дѫгнеши	дѫгни
	дѫгнетъ	дѫгни

Мн. ч.	двигнемъ	двигнѣмъ
	двигнете	двигнѣте
	двигнѫтъ	—
Дв. ч.	двигневѣ	двигнѣвѣ
	двигнета	двигнѣта
	двигнете	—

Прич. наст. вр. дѣйств. зал. двигнлъ, стр. зал. двигномъ.

Аористы.

Ед. ч.	двигъ	двигохъ	минѫхъ
	движе	—	минѫ
	движе	—	минѫ
Мн. ч.	двигомъ	двигохомъ	минѫхомъ
	движете	двигосте	минѫсте
	двигѫ	двигошѧ	минѫшѧ
Дв. ч.	двиговѣ	двигоховѣ	минѫховѣ
	движета	двигоста	минѫста
	движете	двигосте	минѫсте

Преходящее.

Ед. ч.	сѫхнѣахъ	Мн. ч.	сѫхнѣахомъ	Дв. ч.	сѫхнѣаховѣ
	сѫхнѣаше		сѫхнѣашете		сѫхнѣашета
	сѫхнѣаше		сѫхнѣахѫ		сѫхнѣашете

Прич. прош. вр. двигъ, двигла; минѫвъ, минѫла.

Прич. прош. страд. зал. движенъ.

Инфинитивъ и супинъ двигнѫти; двигнѫтъ.

§ 148. Суффиксъ -нѫ въ однихъ случаяхъ является также въ формахъ аориста и прич. прош. вр., въ другихъ нѣтъ.

Памятники сохранили формы аориста простого, относящіяся къ глаголамъ этого класса, въ слѣдующихъ примѣрахъ: ужасѫ сѧ 3 л. мн. ч. Зогр., Мар., приседѫ 3 мн. ч. Зогр., Мар., исѫхѫ 3. множ. ч. Мар., исохъ (исѫхъ) 1 л. ед. Син. Пс., прозѧбѫ 3 мн. ч. Мар., утопѫ 3 л. мн. ч. Мар., кикѵсе 3 л. ед. ч. Савв., Остр., кикѵсѫ 3 л. мн. ч. Асс.; унизѫ (нызнѫ) 3 л. мн. ч. Син. Мол., извѣгъ, отвѣгѫ 3 л. мн. ч. Син. Мол., углебъ (глынѫ)=углебъ 1 л. ед., углѧбѫ 3 л. мн. ч. Син. Пс., отвѣгѫ 3 л. мн., накѵкѫ 3 л. мн. ч. Син. Пс., погѵбѫ 3 л. множ. ч. Син. Пс., кѵзникѫ 3 л. мн. ч. Син. Пс., кѵздвигѫ 3 л. мн. ч. Син. Пс., умлѧкѫ 3 л. мн. ч. Син. Пс., охрѧмѫ 3 л. множ. ч. Син. Пс., иштезѫ, ичезѫ 3 л. мн. ч. Син. Пс., потѵкѫ 3 л. множ. ч. Савв., кѣкрѣсѫ 3 л. мн. ч. Супр.; ср. Wiedemann, Beiträge, 81 и слѣд.

Въ Супр. находимъ отъ тѣхъ же глаголовъ формы аориста сигматическаго новаго типа: наказѣкохъ, наказѣкоша, потъкошасѧ, погыбоша, кꙑздѣгоша, кꙑскрьѣгоша, ишѣзоша, истопоша, отъкѣгоша, ужасоша сѧ, кꙑзникоша, также омрькохъ,—ср. Wiedemann ibid. 105—106 с.

Формы безъ суффикса -нѫ вродѣ *mіchъ при настоящемъ *minǫ (минѫ), *duchъ при *dunǫ (дꙋнѫ), которыя можно теоретически предполагать, не сохранились; въ Син. Пс. находимъ, правда, помаша 3 л. мн. ч. (помаѧ), но нельзя быть увѣреннымъ, что это не описка (помаѧша), отъ минѫ — аор. миѧхъ, отъ дꙋнѫ — дꙋѧхъ (дꙋноу вм. дꙋнѫ Мар).

Повидимому, формы аориста съ суффиксомъ -nǫ первоначально существовали лишь при глаголахъ на -нѫ совершеннаго вида: изъ приведенныхъ формъ аориста безъ -нѫ—формы кꙑкъ (наказѣкѫ 3 л. мн. ч.), гꙑбъ (погꙑбѫ 3 л. мн. ч.), зѧбъ (прозѧбѫ), кꙑсъ (кꙑскꙑсѫ), сѫхъ (исохъ), топъ (утопѫ) принадлежитъ глаголамъ несовершеннаго вида.

Примѣчаніе. Ср. кꙑкнѫ Супр.=μάνθανε; гꙑбнѫ Остром.=ἀπόλλυμαι (Boehme Die Actiones, 27 и сл.); р. гибну, зябну, кисну, сохну, тону.

Въ древнѣйшихъ церк.-слов. текстахъ глаголы эти не имѣютъ аориста съ суффиксомъ -нѫ, каковы — прикоснѫша, оустѣкнѫхъ, ужаснѫша 3 л. мн. Мар., ужаснѫста 3 л. дв. ч. Зогр. и т. п.,—ср. Wiedemann, Beitr. 151—152—153 сс. Но въ Син. Пс. находимъ уже прозѧбнѫша, въ Супр. оустѫхнѫ, истопнѫша; ср. также прич. кꙑкнѫвъшии (ibid.).

§ 149. Глаголы, имѣющіе суффиксъ -нѫ въ аористѣ, имѣютъ его также въ формахъ прич. прош. дѣйствит. залога: дрꙋзнѫвъ, кꙑздꙋнѫвъ, коснѫвъ и т. д. Нѣкоторые глаголы въ прич. прош. страд. залога оканчиваются на -нокенъ: дрꙋзнокенъ Супр., прикоснокенъ Син. Мол., отъкрынокенъ Син. Пс. и т. п. На тѣ же формы указываютъ существительные дꙋнокеніе, кланкнокеніе, коснокеніе, кꙑскрьнокеніе и т. п.,—ср. Leskien Handbuch[5], 151—152.

Примѣчаніе. Происхожденіе этихъ формъ неясно, но болѣе естественна мысль, что это—словянскія новообразованія, имѣющія въ основѣ суффиксъ -nеⱬ- (Pedersen K. Z. XXXVIII, 347 с., Meillet, Études, 44 с.), чѣмъ совершенно невѣроятное объясненіе Вондрака въ Vergl. Gr. I, 511 с. Объ отношеніи -неⱬ- и -nǫ-—ср. у Эндзелина въ Р. Ф. В., 1912 г., 171 с.

III. *Глаголы съ основой настоящаго времени на* -je- (-jo).

§ 150. А. Глаголы, въ которыхъ основа инфинитива входитъ въ составъ основы настоящаго времени: основа наст. врем. равна основѣ инфинитива +je. Среди такихъ глаголовъ можно различить двѣ группы: a) съ первоначальной основой инфинитива на гласный и b) съ первоначальной основой инфинитива на согласный.

а) Въ группу глаголовъ съ основой инфинитива на гласный входятъ и такіе глаголы, которые первоначально относились къ I классу,— съ основой наст. времени на -e/o- (ср. выше, § 139). Различіе между глаголами первичными и вторичными (производными) не всегда можетъ быть проведено и потому не вводится въ классификацію.

1. Основа на гласный -a: знати—знаѭ, дѣлати—дѣлаѭ, знаменати—знаменаѭ, сѣтѫsати—сѣтѫsаѭ, отъкѣштати—отъкѣштаѭ, пражати—пражаѭ (терзать), подобати—подобаѭ, бѣгати—бѣгаѭ, бѣкати—бѣкаѭ, сѣбирати—сѣбираѭ, нарицати—нарицаѭ и т. п. (ср. Wiedemann, Beiträge, 74 и сл.). Большая часть этихъ глаголовъ, несомнѣнно, производные: ср. дѣлати и дѣло, знаменати и знамя, бѣкати и бити, сѣбирати и берѫ, нарицати и рекѫ; послѣдніе три имѣютъ видовое значеніе—кратное.

2. Основы на гласный -ě: грѣ-ти—грѣѭ, дѣти—дѣѭ, сѣти—сѣѭ, пѣ-ти (изъ *poiti)—поѭ, спѣ-ти—спѣѭ, имѣ-ти—имѣѭ, питѣ-ти—питѣѭ, желѣти—желѣѭ, славѣ-ти—славѣѭ, осѫждѣти—осѫждѣѭ, цѣлѣ-ти—цѣлѣѭ, (о)каѩ-ти—(о)каѩѭ (изъ *bujē-ti), (о)жесточати (-ча—изъ *-kē-)—(о)жесточаѭ, (къз-)мѫжати—(къз-)мѫжаѭ, кетъшати—кетъшаѭ (ша—изъ *-chē-), цѣпѣнѣти—цѣпѣнѣѭ, (об)ништати—(об)ништаѭ: ср. Wiedemann, Beiträge, 76 с.

Нѣкоторые, несомнѣнно, производные: ср. цѣлѣти и цѣлъ, славѣти и славъ и т. п.

3. Основы на гласный -i: бити—биѭ, кити—киѭ, гнити—гниѭ, лити—лиѭ, пити—пиѭ, къпити—къпиѭ, по-чити—почиѭ.

4. Основа на гласный -y (изъ ū): крыти—крыѭ, мыти—мыѭ, шити—шиѭ (ши—изъ *sjū-), -нзити—-нзиѭ (ср. р. ныть); эти глаголы, несомнѣнно относятся къ III классу, такъ-какъ иначе имѣли бы формы наст. вр. *kruǫ—*kruǫšì и т. п.

5. Основа на -u (ju):—дути—дуѭ, чюти—чюѭ.

b) Нѣсколько глаголовъ съ первоначальной основой инфинитива на согласный въ силу звуковыхъ измѣненій не отличаются въ инфинитивѣ отъ глаголовъ первой группы (а), но различіе между первыми и вторыми ясно въ формахъ наст. врем.: брати—берѫтъ (брати изъ *borti,—ср. р. бороть), клати—колѭ (клати изъ *kolti,—р. колоть), млѣти (изъ *melti,—р. молоть)—мелѭ; жати—жьнѭ (жати изъ *genti или *gьnti). Сюда же можно отнести обрѣсти—обрѧщѫ.

§ 151. В. Глаголы съ основой инфинитива на -a представляютъ болѣе многочисленную группу. Среди нихъ такъ же, какъ и въ А, можно различить группу а) съ гласнымъ предъ -je- основы настоящаго времени и -a инфинитива и b) съ согласнымъ предъ этими элементами основъ.

a) -ка-ꙗ-ти — ка-ѭ, ка-ꙗ-ти — ка-ѭ, ла-ꙗ-ти — ла-ѭ, ма-ꙗ-ти — ма-ѭ (ср. р. манить) и т. п. (тꙗти, чꙗти, дꙗти, стꙗти, кѣꙗти, сѣꙗти, зꙗти, лꙗти, смꙗти ся, рѣꙗти).

Сюда же относятся клькати — клюютъ, плькати — плюютъ, такъ какъ согласный к получился изъ ц, составлявшаго вторую часть дифтонга, давшаго -ю- въ формахъ настоящаго времени. Въ глаголахъ зꙗти, лꙗти, смꙗти (ся) форма настоящаго времени представляетъ иную ступень гласнаго корня: лѣѭ, зѣѭ, смѣѭ (ся), т. е. въ данномъ случаѣ имѣется чередованіе ej—ēj (ср. § 48), такъ какъ ej>ьj=ц.-сл.—ij-.

При формахъ зꙗти, лꙗти, смꙗти находимъ зьꙗти, льꙗти, смьꙗти. Въ глаголѣ клькати — клюѭ также имѣется чередованіе въ корнѣ: е въ наст. вр., ступень редукціи (ь) въ инфинитивѣ.

Сюда же относятся производныя на -окати: купокати — купуѭ, кѣрокати — кѣруѭ, обѣдокати — обѣдуѭ, сѣкѣдѣтельствокати — сѣкѣдѣтельствуѭ; такъ же — непьштекати, наказокати, благокѣствокати, измѣнокати, радокати, трѣвокати, цѣсарьствокати, знаменокати, миновкати (въ болѣе позднихъ текстахъ клꙗхкокати, дрꙗгелокати).

b) Группа съ согласнымъ передъ -je- наст. времени и -a инфинитива представлена гораздо бо́льшимъ числомъ глаголовъ, среди которыхъ значительная часть производные: алкати — алчѫ, кꙗзати — кажѫ (-жѫ- изъ zjǫ-), гасати — гашѫ, гꙁбати — гꙁблѭ, глаголати — глаголѭ, дрѣмати — дрѣмлѭ, дꙋхати — дꙋшѫ, зьдати — зиждѫ, ждати — ждждѫ, имати — ѥмлѭ, казати — кажѫ, капати — каплѭ, клепати — клеплѭ, клекетати — клекештѫ, клокотати — клокоштѫ, колѣбати — колѣблѭ, лизати — лижѫ, локꙁати — локижѫ и т. п.: мазати, метати, орати, писати — пишѫ, плакати — плачѫ въ двухъ значеніяхъ: мыть и плакать; плескати, пламати, помꙗти, рѣзати, рꙑпꙑтати, стьлати — стелѭ, сѣкпати (кипѣть), стѣнати, строгати, стрѣкати, сꙑлати, скрьжьтати, тесати, чесати, чрьпати, — чрѣпати, страдати, трепетати, шьпꙑтати, ꙋ-кждати, дкизати, клицати, лѫцати, кѫцати, мрьцати, ристати, наричати, скакати, сѫзати, тѫзати, хапати, нищати.

Leskien, Handbuch[5] 127—128, указываетъ: ꙋгълькати (Син. Пс.), мрꙑкꙑрати, тратати, плꙁати, трѣзати (Супр.), сꙑхати (Син. Пс.); формы съ ц, s предъ -a получились въ силу измѣненія k, g подъ вліяніемъ предшествующаго мягкаго гласнаго, въ наст. времени является -че-, -же-, изъ *-ke-, *-ge-: прорічетъ, дкижетъ и т. п.; въ кѫцати -ц, очевидно, явилось нефонетически, подъ вліяніемъ рицати, клицати и т. п. Сюда же относится форма наст. вр. деждѫ — дождеши и т. д. (отъ основы съ удвоеніемъ *de-d-) при инфинитивѣ дѣти. При инфинитивѣ искати существуетъ форма наст. вр. ищѫ (изъ *iskjǫ) рядомъ съ искѫ. Въ глаголахъ зьдати, пьсати, стьлати, имати отражается ступень редукціи гласнаго

корня (ѣ, и начальное въ имати изъ jь) при ступени *е* въ наст. времени. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вокализмъ корня формы наст. вр. является и въ инфинитивѣ: приемати Зогр., прѣнемати въ Син. М. (отсюда въ формѣ аориста: приемаста Супр.),—ср. Wiedemann, Beiträge, 150 с.

§ 152. A.

Настоящ. врем.

	a.	b.
Ед. ч.	знаѭ, сѣѭ, биѭ	борѭ
	знаеши, сѣеши, биеши	борѣши
	знаетъ, сѣетъ, биетъ	борѣтъ
Мн. ч.	знаемъ, сѣемъ, биемъ	борѣмъ
	знаете, сѣете, биете	борѣте
	знаѭтъ, сѣѭтъ, биѭтъ	борѭтъ
Дв. ч.	знаекѣ, сѣекѣ, биекѣ	борѣкѣ
	знаета, сѣета, биета	борѣта
	знаете, сѣете, биете	борѣте.
Прич. наст. вр.	знаѧ; сѣѧ; биѧ	борѧ; борѣмъ.
	знаемъ; сѣемъ; биемъ	

Повел. накл.

	a.	b.
Ед. ч. 2 л.	знаи, сѣи, бии	бори
3 л.	знаи, сѣи, бии	бори
Мн. ч.	знаимъ, сѣимъ, биимъ	боримъ
	знаите, сѣите, биите	борите
Дв. ч.	знаикѣ, сѣикѣ, биикѣ	борикѣ
	знаита, сѣита, биита	борита.

Аористъ.

	a.	b.
Ед. ч.	знахъ, сѣхъ, бихъ	брахъ
	зна, сѣ, би	бра
	зна, сѣ, би	бра
Мн. ч.	знахомъ, сѣхомъ, бихомъ	брахомъ
	знасте, сѣсте, бисте	брасте
	знашѧ, сѣшѧ, бишѧ	брашѧ
Дв. ч.	знахокѣ, сѣхокѣ, бихокѣ	брахокѣ
	знаста, сѣста, бista	браста
	знасте, сѣсте, бисте	брасте

Преходящее.

	a.	b.
Ед. ч.	знаахъ, сѣахъ, бимаахъ	(кормаахъ)
	знааше, сѣаше, бимааше	(кормааше)
	знааше, сѣаше, бимааше	(кормааше)
Мн. ч.	знаахомъ, сѣахомъ, бимаахомъ	(кормаахомъ)
	знаашете, сѣашете, бимаашете	(кормаашете)
	знаахѫ, сѣахѫ, бимаахѫ	(кормаахѫ)
Дв. ч.	знааховѣ, сѣаховѣ, бимаховѣ	(кормаховѣ)
	знаашета, сѣашета, бимаашета	(кормаашета)
	знаашете, сѣашете, бимаашете	(кормаашете)
Прич. прош.	знакъ, сѣкъ, бикъ	—
	зналъ, сѣлъ, билъ	бралъ
	знанъ, сѣнъ, биенъ, битъ	коленъ
Инфинитивъ	знати, сѣти, бити	брати
Супинъ	знатъ, сѣтъ, битъ	братъ

Глаголы крѣти, чюти и т. п. измѣняются аналогичнымъ образомъ: крѣѭ—крѣеши, крѣетъ и т. д., чюѭ—чюеши—чюетъ и т. д., аор. крѣхъ, чюхъ; имперф. крѣаахъ, чюаахъ и т. д., повел. накл. крѣи, чюи, прич. прош. страд. крѣкенъ, чюкенъ. Такимъ же образомъ—купуѭ—купуеши—купуетъ и т. д.; повел. накл. купуи—купуимъ и т. д.; аористъ—купохъ; преходящее (imperfect.) купоахъ и т. д.

B.

§ 153. Въ глаголахъ типа Ва формы наст. вр., повел. накл., прич. наст. вр. совершенно тожественны формамъ типа Аа, т. е. даѭ, даеши, даетъ и т. д., повел. наст. дай—дай—даймъ и. т. д.; прич. наст. вр. даѭ; даемъ. Формы аориста образуются отъ основы инфинитива такъ же, какъ въ типѣ Аа, т. е. дати—дахъ; сѣти—сѣхъ, какъ знати—знахъ; сѣти—сѣхъ. Имперфектъ: сѣахъ, сѣаше и т. д., прич. прош. сѣкъ; сѣлъ; сѣнъ; супинъ—сѣтъ. Въ глаголахъ типа Вѣ формы образуются аналогично формамъ типа Аѣ, т. е. глаголѭ—глаголеши, глаголетъ и т. д., какъ борѭ, борешн, боретъ и т. д., повел. накл. глаголи, глаголимъ, глаголите и т. д., какъ бори, боримъ, борите и т. д.; аористъ глаголахъ — глаголаше и т. д., имперфектъ глаголаахъ — глаголааше и т. д., прич. глаголѭ; глаголемъ; глаголакъ; глаголалъ; супинъ—глаголатъ.

§ 154. Въ формахъ настоящаго времени глаголовъ типа *a* съ основой на -aje- памятники представляютъ примѣры выпаденія j и ассимиляціи,—аналогичные тѣмъ, какіе наблюдаются въ сложномъ склоненіи прилагательныхъ. Въ Мар. Ев. находимъ: вꙁикаатѫ, ꙁвираатѫ, прѣдаатѫ, дѣлаатѫ, подобаатѫ, показаатѫ, познаатѫ, покаатѫсѧ, коньчаатѫ, раждаатѫ, познаате, даате, почиваате, послоушаате и т. п. Такое же явленіе наблюдается въ Мар. Ев. и въ глаголахъ съ основой наст. времени на -uje-: трѣбоуоутѣ, кѣроуоутѫ, кѣроуоуте, радоуоутѫсѧ, обѣдоуоутѫ и т. д. Въ глаголахъ съ основой на -ěje- наблюдаются формы на -ѣатѫ, -ѣате: оумѣате, дѣатѫ, дѣата, цѣлѣатѫ, оуспѣатѫ, осѫждѣатѫ, питѣатѫ, ꙁѣатѫ, пролѣатѫ и т. п.,—см. Ягичъ, Мар. Ев. 444—446 сс.

Такія же явленія замѣчаются и въ другихъ памятникахъ: въ Зогр.—аклѣатѫ (=ѧклѧатѫ), ꙁвираатѫ, разбиваатѫ, подобаатѫ, пржжаатѫ(сѧ), безъ -тѫ—подоба; со стяженіемъ—напѣтѫ (т. е. напѧтѫ изъ напѧматѫ), ицѣлѣтѫ (изъ ицѣлѣѣтѫ); въ Син. Пс.: покѣдаши, обладатѫ—со стяженіемъ; въ Савв. отѫкѣштакаши; въ Супр. прѣвꙁиваашн, гнѣваашн(сѧ), ꙁвираатѫ, подобаатѫ, подоба, прѣвꙁиѣате, ѩтакѣате (изъ ѩтакѣмате),—см. Wiedemann, Beiträge, 76—78 сс. Въ Хиландарскихъ лл. находимъ кѣѣтаашн, въ Пражскихъ Отр. обличатѫ.

Формы на -ѣатѫ, -ѣате изъ -ѣѣтѫ, -ѣѣте представляютъ явленіе, параллельное тому, какое находимъ въ склоненіи сложныхъ прилагательныхъ: адьѣтѣамь изъ адьѣтѣѣмь (ср. выше, § 136). Можно думать вмѣстѣ съ Лескиномъ, что форма оумѣатѫ и т. п. получилась непосредственно изъ оумѣѣтѫ, а эта послѣдняя изъ оумѣѣтѫ: измѣненіе -ѣѣ- въ -ѣа- должно разсматриваться, какъ фактъ диссимиляціи.

§ 155. Формы повелительнаго наклоненія представляютъ въ памятникахъ двойственность: старыя формы, по происхожденію желат. наклоненія: бѣите, покажите, плачите и т. п. сравнительно рѣдки; чаще употребляются формы съ -ѩ (послѣ шипящихъ -а): въ Зогр. оубиѣмѫ (ѣ=ѩ), емлѣте, глѣте, покажѣте, ишѣте, ишѣате; въ Мар. оубиѣмѫ, ѩнемлѣте, покажѣте, осѫжате и т. п.; такія же формы—въ Ассем., Савв., Син. Пс., Супр., Остром.,—см. Wiedemann, Beiträge, 27—28 сс.; Дополненія къ переводу грамм. Лескина, 188 с.

Эти формы объясняются различно: Облакъ и за нимъ Meillet считаютъ ихъ остатками стараго сослагательнаго наклоненія (ср. лат. ferēmus, ferētis,—употребляется въ значеніи будущаго,—греч. *φέρωμεν, φέρητε* др.-инд. bhárāma, bhárāta). Лескинъ предполагаетъ, что формы эти возникли въ силу вліянія на старыя формы *bijite, *golgoljite со стороны формъ типа *nesěte, *dvignětе: въ послѣднихъ -ě (изъ -oi) проникло въ первыя формы въ эпоху, когда еще дѣйствовалъ законъ измѣненія

ē послѣ j (č, ž, š) въ -a; такъ получились формы—*bijēte, *golgoljēte и затѣмъ *bijate, *golgoljate. Первый взглядъ (Облака и Meillet) считаемъ болѣе правильнымъ.

Примѣчаніе. Ср. Облакъ въ Arch. X, 143 с. Meillet въ M. S. L. XV, 36 с., Leskien Handb.[5], 159 с. Взглядъ Лескина страдаетъ искусственностью.

Относительно гласнаго корня основа повелит. наклоненія расходится съ основой настоящаго времени въ формѣ ꙁмиите, пролы Син. Пс. при пролѣтѣѣѧ Зогр. Мар., пролѣѭтѣ (ср. Wiedemann Beitr., 29, 69, 70 сс.).

§ 156. Форма имперфекта отъ глаголовъ типа Aa образуется прибавленіемъ -ахъ къ основѣ инфинитива въ глаголахъ, имѣющихъ основу инфинитива на -a или -ѣ (зна-ти, сѣ-ти); въ иныхъ глаголахъ (ки-ти, крꙑ-ти, чю-ти) это -ахъ присоединяется къ основѣ инфинитива, расширенной элементомъ -а (изъ ē или ā): кима-ахъ, крꙑма-ахъ, чюма-ахъ; такимъ же образомъ— пѣма-ахъ отъ пѣѭ—пѣти. При кимахъ находимъ и стяженныя формы; ср. кѣхѫѣѧ, пѣхѫ въ Зогр., кичаше, кихѫ Мар., пѣмахѫ Супр., но—кимаше, кимахѫ Савв. Супр., пѣмахѫ Супр. (ср. Beiträge Видеманна, 113—116 сс.). Отъ крꙑти, чюти (чути) встрѣчаются лишь стяженныя формы: крꙑаше Супр., чуѣше Клоц., чуѣста Супр. (ср. Leskien, Handbuch[5], 154 с.).

Въ глаголахъ типа Ab—форма имперфекта представлена незначительнымъ количествомъ примѣровъ: въ Син. Пс. находимъ корѣахѫ 3 л. мн. ч. (Wiedem. Beitr.), въ Супр. рук. мелмаше (ibid. 118 с.) и врахомъ (изъ вралахомъ, Leskien,—Handbuch[5], § 197); послѣдняя форма представляетъ, очевидно, новообразованіе, возникшее при аористѣ врахъ по образцу отношеній вѣрахъ—вѣралахъ, знахъ—зналахъ и т. п., причемъ основа вра (изъ праслов. *bor-) является въ видѣ ѣра- (=ѣра-): ср. ѣрашѧѧ въ Супр., закла вм. закла- въ Зогр., закьла въ Acc. (Wiedem. Beitr. 149, 156 с.), мьлѣть=мьлѣтъ въ Супр. (Leskien, Handb.[5] 156 с.). Форма Син. Пс. не даетъ возможности съ увѣренностью рѣшить, была ли въ языкѣ Кирилла и Меѳодія форма корѣахъ или кормахъ; поэтому въ парадигмѣ формы кормахъ и т. д. заключены въ скобки.

Примѣчаніе. Основы ѣра-, мьлѣ-, ѣла-—вторичнаго происхожденія и, возможно, представляютъ лишь факты правописанія: писецъ могъ написать ъ (ь) подъ вліяніемъ традиціонныхъ написаній: вѣрати (ѣрати) -верѫ, зѣрѣти, ѣлати, гдѣ онъ также въ своемъ произношеніи не слышалъ ъ.

Отъ глагола (окрѣсти)—окрѣштѫ въ Супр. находимъ имперфектъ окрѣштаахъ, образованный отъ основы настоящаго времени: ср. окрѣ-

штахом'ѣ (Wiedemann, Beiträge, 118), но форма эта не характеризуетъ языка Кирилла и Меѳодія.

Отъ глаголовъ типа Ва имперфектъ образовался прибавленіемъ къ основѣ инфинитива на -ꙗ- комплекса -ахъ: дамати—дамаахъ, откуда чрезъ стяженіе—дамахъ. Отъ глаголовъ купокати, бесѣдокати и т. п.—обычный, болѣе старый, типъ имперфекта—купокаахъ, бесѣдокаахъ и т. п.; однако въ Супр. находимъ формы, образованныя отъ основы наст. вр.: бесѣдоуѧше, красоуѧше, трѣвоуѧше,—см. у Видеманна—Beiträge, 118 с. (ср. выше, § 104).

Въ глаголахъ типа Ва при старыхъ формахъ глаголаахъ, писаахъ, метаахъ и т. п., образованныхъ отъ основы инфинитива, въ болѣе позднемъ памятникѣ,—Супр.,—также встрѣчаются формы, связанныя съ основой наст. времени: приемлѧше, мештаахѫ (Wiedemann, ibid. 118 с.).

§ 157. О формахъ причастія прош. страд. залога данъ, сѣнъ, биенъ, битъ, кланъ, боренъ, коленъ, -крѣкенъ—ср. выше, § 111.

Отъ глаголовъ типа бити въ памятникахъ представлены какъ формы съ суффиксомъ -по, такъ и формы съ суффиксомъ -то: въ Зогр.—бьенъ, оубиенъ, въ Мар. бьенъ, въ Асс. оубіенъ, въ Клоц. оубьенъ, въ Син. Пс. побьенъ, въ Син. Мол. биенъı, въ Супр. биенъ, а съ другой стороны—въ Зогр. Мар. покитъ, въ Мар. сѧкитъ, въ Савв. покитъ, въ Асс. сьѧкитъ,—ср. Wiedemann, Beitr. 136—141.

Отъ глагола колѫ—клати прич. прош. страд. въ Мар.—(не)коленъ, въ Супр.—(за)кланъ,—ibid. 138.

IV. *Глаголы съ основой наст. времени на* -і.

§ 158. А. Глаголы съ основой инфинитива на -і—боудити—боужд, карити—карѭ, кратити—краштѫ и т. д.: блазнити, водити, возити, блачити, братити, глоумити сѧ, гонити, губити, гонозити (ср. выше гонезѭти), дивити сѧ, десити (находить), дѣлити (Супр.), живити, крьстити, крѣпити, купити, ключити сѧ, коусити, крѣсити, лазити, ломити, ловити, лишити, любити, лѣпити, молити, мьслити, моудити, мьстити, мѣнити, мноужити сѧ, мѣсити (смѣшивать), носити, нждити сѧ, оштютити, просити, пльнити, постити, поити, поустити, родити, ротити сѧ (клясться), садити, сждити, стрьмитисѧ, сводити, срамити, ставити, скочити, творити, троудити, таити, топити, хвалити, ходити, хоулити, чюдити сѧ, чинити, цѣлити, оучити, ѣкити. Между этими глаголами есть несомнѣнно производные, какъ мноужити (многъ), поити (пити), сждити (сѣдъ), цѣлити (цѣлъ).

B. Глаголы съ основой инфинитива на -ē̆ изъ -ē (-a послѣ j, ž, č, š, šč = ц.-сл. щ), болѣти—болѩ, обидѣти—обижду, блыштати (изъ *blьskēti)—блыштѫ, боѭти(ся)—боѭ(ся), ѣздѣти—ѣзжду, бѣжати (изъ *bēgēti)—бѣжѫ, велѣти—велѩ, висѣти—вишѫ и т. п. (видѣти, висѣти, крытѣти, кыпѣти—кипѣть, горѣти, грѣмѣти, дрижати, дрьжати, зырѣти, звѣнѣти, клѧчати, кричати, кѣснѣти, кѣпѣти, лежати, летѣти, -лыпѣти, блыштатися—блестѣть, мѧчати, мрьзѣти, мѧчати, мѣнѣти, плазѣти—ползти, полѣти—пылать, пырѣти ся—спорить, свѣтѣти ся—свѣтиться, скрѣбѣти, смрьдѣти, слышати, стоѭти, стыдѣтися, сѣдѣти, трыпѣти, тѫштати—стремиться, съ-тѧжати—стяжать, штадѣти—щадить; Лескинъ указываетъ жадѣти—желать, радѣти—заботиться—въ Супр. (Handbuch[5], 130 с.).

C. Инфинитивъ отъ глагола сѣпльѩ—сѣпиши имѣетъ въ отличіе отъ всѣхъ иныхъ глаголовъ этого класса,—основу на -a (ср. выше, § 61): сѣпати.

§ 159. Настоящее время.

	A.	B.
Единств. ч.	молѩ	велѩ, слышѫ
	молиши	велиши, слышиши
	молитъ	велитъ, слышитъ
Множ. ч.	молимъ	велимъ, слышимъ
	молите	велите, слышите
	молѧтъ	велѧтъ, слышѧтъ
Двойств. ч.	моливѣ	веливѣ, слышивѣ
	молита	велита, слышита
	молите	велите, слышите.
Прич. наст. вр.	молѧ	велѧ, слышѧ
	молимъ	велимъ, слышимъ.

Повел. накл.

Единств. ч.	моли	вели, слыши
	моли	вели, слыши
Множ. ч.	молимъ	велимъ, слышимъ
	молите	велите, слышите
Двойств. ч.	моливѣ	веливѣ, слышивѣ
	молита	велита, слышита.

Аористъ.

Единств. ч.	молихъ	кел҃хъ, слꙑшахъ
	молѝ	кел҃ѣ, слꙑшѧ
	молѝ	кел҃ѣ, слꙑшѧ
Множ. ч.	молихомъ	кел҃хомъ, слꙑшахомъ
	молисте	кел҃сте, слꙑшасте
	молиша	кел҃ша, слꙑшаша
Двойств. ч.	молихок҃ѣ	кел҃хок҃ѣ, слꙑшахок҃ѣ
	молиста	кел҃ста, слꙑшаста
	молисте	кел҃сте, слꙑшасте.

Преходящее (имперфектъ).

Единств. ч.	молѧахъ	кел҃ахъ, слꙑшаахъ
	молѧше	кел҃аше, слꙑшааше
	молѧше	кел҃аше, слꙑшааше
Множ. ч.	молѧхомъ	кел҃ахомъ, слꙑшаахомъ
	молѧшете	кел҃ашете, слꙑшаашете
	молѧхѫ	кел҃ахѫ, слꙑшаахѫ
Двойств. ч.	молѧхок҃ѣ	кел҃ахок҃ѣ, слꙑшаахок҃ѣ
	молѧшета	кел҃ашета, слꙑшаашета
	молѧшете	кел҃ашете, слꙑшаашете.
Прич. прош.	моль	кел҃къ, слꙑшакъ
	молилъ	кел҃лъ, слꙑшалъ
	молѥнъ	кел҃нъ, слꙑшанъ.
Инфинитивъ:	молити	кел҃ти, слꙑшати.
Супинъ:	молитъ	кел҃тъ, слꙑшатъ.

§ 160. Объ единичныхъ примѣрахъ отсутствія -тъ въ 3 л. ед. ч. глаголовъ IV кл. ср. выше, въ § 138.

Въ формахъ имперфекта должно имѣть въ виду звуковыя явленія, связанныя съ вліяніемъ j на коренной согласный: носити—ношаахъ; ходити—хождаахъ; родити—рождаахъ и т. п. Рядомъ съ полными формами находимъ въ памятникахъ стяженныя: мол҃ше 3 л. ед. ч., мол҃хѫ 3 л. мн. ч. при мол҃аше, мол҃ахѫ—Мар. и т. п.

Формы причастія прошедшаго вр. отъ глаголовъ типа A образуются двоякимъ образомъ: моликъ и моль (изъ *moli-(ц)ъs- и *molj-ъs-); (кꙁ-)любикъ и (кꙁ-)любль. Памятники указываютъ на бо́льшую древ-

ность второго типа: въ Зогр. Wiedemann насчитываетъ 5 примѣровъ -ихъ на 160 -ь; Маріинское Ев., особенно архаическое въ области морфологіи, знаетъ лишь 1 примѣръ -ихъ (186 -ь), въ Ассем., Клоц. и Син. Пс. нѣтъ ни одного -ихъ, въ Син. Мол. 11 (на 176 -ь), въ Остром. Ев. -ихъ встрѣчается рѣдко, въ Савв. два раза (69 -ь). Наоборотъ, въ Супр. рук. формы типа моливъ употребляются несравненно чаще, чѣмъ формы типа моль; ср. Wiedemann, Beiträge, 134 с., Дополненіе къ переводу грамм. Лескина 134 с.

§ 161. Глаголъ хотѣти или хотѣти (хотѣти, вѣроятно,—подъ вліяніемъ наст. врем.,—хощѫ) представляетъ примѣръ смѣшаннаго спряженія. Форма инфинитива можетъ быть сравниваема съ инфинитивами видѣти, велѣти и т. п. Бо́льшая часть формъ наст. времени представляетъ основу на -je (*chotje-): хощѫ—хощеши—хощетъ; хощевѣ—хощета—хощете, хощемъ, хощете; но форма 3 л. мн. ч. образована аналогично глаголамъ IV класса (т. е. съ основой наст. вр. на -i): хотѧтъ. Къ формамъ того же IV класса относится прич. наст. вр. хотѧ (ср. молѧ, видѧ); повел. накл.—хощи.

Примѣчаніе. Лескинъ Handb.[5], 164 с. разсматриваетъ форму хощи въ формѣ—аще хощи Супр. 65, 21, какъ остатокъ стараго употребленія формы въ значеніи желат. наклоненія, примѣры употребленія хощи въ значеніи изъяв. накл. въ др.-русск. спискахъ съ др.-ц.-слов. оригиналовъ ср. у Соболевскаго: Лингвист. и археол. зам. 72—73 сс.

Формы аор. и имперфекта отъ глагола сѣпаѭ образуются отъ основы инфинитива: сѣпахъ, сѣпаахъ. Въ глаголѣ горѣѭ—горѣти наблюдаются формы причастія, образованныя отъ основы *goro-, какъ въ I классѣ глаголовъ,—горѧште Зогр. Мар. при горѧшта Супр.,—ср. Leskien Handb.[5], 164 с.

Глаголъ докълѣти имѣетъ формы отчасти по схемѣ III класса: докъльжетъ (=докъльжетъ) Мар. и иначе—докъльзѣѭтъ, какъ можно предполагать въ виду причастной формы докъльзѣѭ въ Савв. и Син. Мол., отчасти же по схемѣ IV класса: докълѧтъ Зогр.,—Leskien, ibid.

Глаголъ видѣти имѣетъ повел. накл. 2 л. ед. ч. виждь.

V. *Глаголы нетематическаго спряженія.*

§ 162. Къ этому спряженію относятся пять глаголовъ ѥсмь; вѣмь, имь, дамь, имамь (ср. выше, § 94).

Настоящ. врем.

Ед. ч.	ѥсмь,	вѣмь,	дамь,	имь,	имамь
	ѥси,	вѣси,	даси,	иси,	имаши
	ѥстъ,	вѣстъ,	дастъ,	истъ,	иматъ

Мн. ч.	ѥсмъ,	кѣмъ,	дамъ,	имъ,	имамъ
	ѥсте,	кѣсте,	дасте,	исте,	имате
	сѫтъ,	кѣдѧтъ,	дадѧтъ,	идѧтъ,	имѫтъ
Дв. ч.	ѥскѣ,	кѣкѣ,	дакѣ,	икѣ,	имакѣ
	ѥста,	кѣста,	дста,	ista,	имата
	ѥсте,	кѣсте,	дасте,	исте,	имате.

Повел. накл.

Ед. ч.	бѫди,	кѣжь,	даждь,	ѩждь,	имѣи
	бѫди,	кѣжь,	даждь,	ѩждь,	имѣи
Мн. ч.	бѫдѣмъ,	кѣдимъ,	дадимъ,	идимъ,	имѣимъ
	бѫдѣте,	кѣдите,	дадите,	идите,	имѣите
Дв. ч.	бѫдѣвѣ,	кѣдивѣ,	дадивѣ,	идивѣ,	имѣивѣ
	бѫдѣта,	кѣдита,	дадита,	идита,	имѣита.

§ 163. Формы аориста, имперфекта, прич. прош. вр., инфинитива и супина къ глаголу ѥсмь—такъ же, какъ и формы повел. накл., образованы отъ иного корня.

Формы повел. наклоненія—бѫди и т. д. относятся къ формѣ изъяв. наклоненія бѫдѫ, которая имѣетъ значеніе будущаго времени по отношенію къ глаголу ѥсмь. Формы инфинитива и супина,—бꙑти, бꙑтъ—образованы отъ корня *bhū-=слов. *by-. Аористъ бꙑхъ, бꙑ, бꙑ (бꙑстъ, бꙑстъ,—ср. § 103); бꙑхомъ, бꙑсте, бꙑша; бꙑхокѣ, бꙑста, бꙑсте образованъ отъ основы-корня инфинитива. Рядомъ съ нимъ находимъ также аористъ отъ основы *bě- (ср. выше, § 104, прим.): бѣхъ, бѣ, бѣ; бѣхомъ, бѣсте, бѣша; бѣхокѣ, бѣста, бѣсте. Имперфектъ бѣахъ, образованный отъ той же основы, измѣняется аналогично несѣахъ: бѣаше, бѣаше, бѣахомъ и т. д. Форма конъюнктива бѫдѫ въ функціи повел. наклоненія встрѣчается въ Кіевскомъ Миссалѣ, въ текстѣ Евангелія (бѫдѫ чрѣла каша прѣпомлана) и въ Псалтыри. Прич. наст. вр. образовано отъ основы наст. вр. съ гласнымъ корня на ступени полной редукціи (звуковой нуль): сꙑ (изъ *sonts), сѫшти, сꙑ. Прич. прош. дѣйств. зал.: бꙑвъ, бꙑлъ связано съ основой инфинитива; прич. прош. страд. зал.—(за-)бꙑвенъ (ср. крꙑти—крꙑвенъ).

Формы глагола дамь,—однѣ связаны съ основой наст. вр. (*dad-), какъ формы повел. накл. и прич. настоящаго вр. дадꙑ (изъ *dad-o-nt), другія—съ основой инфинитива (*da- въ дати, датъ—супинъ), какъ аордахъ, да, да; дахомъ, дасте, даша; дахокѣ, дasta, дасте; такъ же прич. прош.—давъ, далъ, данъ. Имперфектъ отъ дамь не употребляется.

Въ глаголѣ ѩмь всѣ формы образуются отъ основы *jad-: инфинитивъ ѩсти (изъ *jad-ti); супинъ ѩстъ, прич. ѧдзи; имперфектъ ѧдѣахъ (ср. несѣахъ при нести), аористъ ѣхъ (изъ *jad-sъ) или ѣхъ; 2 и 3 л. встрѣчается лишь съ предлогомъ: из-ѣ (изъ *iz-ēd-s-s, *iz-ēd-s-t); мн. ч. ѣхомъ (ѣхомъ), ѣсте, ѣша (ѣша); дв. ч. ѣховѣ, ѣста, ѣсте: ср. напр. въ Син. Пс. ѣхъ, ѣша, поѣша, сънѣша, въ Супр. ѣхъ, изѣ, ѣша (Wiedemann, Beitr. 100—102 сс.). Прич. прош. ѣдъ, ѣлъ, ѣденъ.

Къ глаголу кѣмь инфинитивомъ является кѣдѣти; о формѣ кѣдѣ— ср. выше, § 105. Отъ корня-основы наст. вр. *vĕd-, кромѣ повел. накл. образуются формы прич. наст. вр. кѣдзи (изъ *vĕd-o-nts), кѣдомъ. Формы аориста, имперфекта и причастій прош. времени образуются отъ основы инфинитива: кѣдѣхъ—кѣдѣ и т. д. (ср. видѣхъ), кѣдѣахъ и т. п. (ср. видѣахъ); кѣдѣвъ; кѣдѣлъ; кѣдѣнъ. Супинъ—кѣдѣтъ.

Глаголъ имамь отличается отъ иныхъ глаголовъ нетематическаго спряженія окончаніемъ 2 л. -ши; въ 3 л. множ. ч., как и въ формѣ сѫтъ, находимъ форму тематическую: имѫтъ. Прич. наст. врем. имзи— аналогично ѣзи, ѧдзи, кѣдзи, дадзи. Всѣ остальныя формы образуются отъ основы инфинитива имѣ- (имѣти)—ср. выше кѣдѣти. Въ Остром. Ев. встрѣчается форма имаамъ (имаамь), имаашн (Дополненія къ грамм. Лескина, 189 с.).

О формахъ 2—3 л. ед. ч. даждь, ѩждь, кѣждь было сказано выше (§ 106). Въ Син. Мол. обычно формы эти имѣютъ вм. ь окончаніе и: дажди, подажди, запокѣжди, покѣжди и т. п.; такъ же кижди,—см. Wiedemann, Beitr. 10 с. Древнѣйшіе памятники такихъ формъ не знаютъ; онѣ явились подъ вліяніемъ окончанія -и въ повел. формахъ неси, глаголи, моли, вѣдежди и т. п.

Формы 2—3 лица аориста отъ глаголовъ нетематическихъ: дастъ, кзнстъ, сънѣстъ Зогр., дастъ, кзнстъ Мар., Ассем., Син. Мол., Син. Пс., ѣстъ Асс., -дастъ, -кзнстъ ѣ Савв., Супр., ѣстъ Савв., кзнсть, дасть, ѣсть Остром.—были оговорены выше. Примѣры—см. у Wiedemann'а, Beiträge, 15 и слѣд., Дополненія къ переводу грамм. Лескина, 189 с. Рядомъ съ этимъ—да, отъда, прода Зогр.; отъда Мар.; заки Клоц.; прѣда Син. Мол.; заки Син. Пс.; да, отъда Савв.; кзи, изѣ, прода, заки Супр. (Wiedem. op. cit. 21—22 с.).

Примѣчаніе. О формѣ подасть Кіевскаго Миссала ср. въ § 53, прим.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

О діалектическихъ чертахъ и изводахъ церковно-словянскихъ памятниковъ.

Въ основѣ др.-церк.-словянскаго языка, какъ мы знаемъ, лежитъ болгарскій говоръ второй половины IX вѣка,—говоръ словянскаго населенія окрестностей Солуня.

Однако, помимо этой общей основы, уже въ древнѣйшихъ, дошедшихъ до насъ, памятникахъ церковнаго языка отражаются также черты различныхъ словянскихъ нарѣчій конца X и XI столѣтія, черты языка писцовъ этихъ памятниковъ и ихъ непосредственныхъ оригиналовъ.

I. Почти всѣ др.-церк.-словянскіе памятники характеризуются наличностью типично-болгарскихъ рефлексовъ прасловянскихъ сочетаній tj, dj,—группъ согласныхъ шт, жд.

Таковы: Зографское Ев., Маріинское Ев., Сборникъ Клоца, Ассеманіево Ев., Синайская Псалтырь, Синайскій Требникъ, Саввина книга, Супрасльская рукопись, Хиландарскіе отрывки, листки Ундольскаго, Македонскій глаголическій листокъ, отрывокъ Охридскаго Евангелія, Македонскій кирилловскій листокъ. Сюда же, конечно, должно отнести и оригиналъ Остромирова Евангелія, но самый памятникъ, какъ русская копія, долженъ быть изъ этой группы выдѣленъ.

Въ сторонѣ отъ этой группы памятниковъ стоитъ Кіевскій Миссалъ.

Представляя во всемъ остальномъ памятникъ древне-церковно-словянскаго языка, К. М. имѣетъ однако ц и з на мѣстѣ обычныхъ церк.-словянскихъ шт и жд и шч на мѣстѣ церк.-слов. шт изъ sk (предъ палатальными звуками); кромѣ этихъ двухъ чертъ, мы не находимъ въ немъ ничего, что-бы несомнѣнно указывало на чехо-моравскую почву: носовые употребляются правильно, губные въ положеніи предъ j дали группу *губной*+l′; группа dl упрощена въ l—молитка, молимъ, кѣсели (о формѣ небесьскоуѣ—ср. § 58). Въ виду этого скорѣе можно видѣть въ К. М. отраженіе старо-словянскаго говора конца X или XI вѣка, представ-

лявшаго переходъ отъ южно-словянской (болгарской) языковой области къ западно-словянской, чѣмъ работу чехо-моравянина.

II. Среди основной группы др.-церк.-словянскихъ памятниковъ можно безъ труда различить нѣсколько діалектическихъ типовъ.

1. Прежде всего глаголическіе памятники этой группы могутъ быть противопоставлены кирилловскимъ въ отношеніи къ судьбѣ старыхъ ъ и ь. Маріинское Ев., Ассеманіево Ев., Сборникъ Клоца, Синайская Псалтырь, Синайскій Требникъ отражаютъ нарѣчіе, въ которомъ сильные ъ и ь переходили въ о и е. Зографское Ев. нѣсколько отличается отъ другихъ глаголическихъ памятниковъ по отношенію къ этому пункту фонетики, такъ какъ въ немъ вокализація ъ въ о представлена весьма немногими примѣрами, главнымъ образомъ относящимися къ одному опредѣленному положенію (родось, работѫ),—ср. § 54.

2. Другой типъ представляютъ кирилловскіе памятники: въ нихъ нельзя установить свойственнаго глаголическимъ памятникамъ перехода ъ въ о, а въ нѣкоторыхъ и перехода ь въ е. Саввина книга, повидимому, отражаетъ говоръ (восточно-болгарскій), въ которомъ не было ни перехода ъ въ о, ни перехода ь въ е; единичные случаи того и другого (смококиѫ, смококѣкьнѧ—описка, кождо, сѣждельничи),—вѣроятно,—отзвукъ македонскаго оригинала. Оригиналъ Остромирова Ев., повидимому, былъ таковъ же (лишь смококьницѫ, -и, -еѭ).

Не наблюдается переходъ ъ въ о и ь въ е и въ Македонскомъ листкѣ.

По отношенію къ Хиландарскимъ отрывкамъ и листкамъ Ундольскаго мы не можемъ установить, зналъ ли говоръ, отражающійся въ томъ и въ другомъ памятникѣ, измѣненіе ъ въ о, такъ-какъ въ нихъ не встрѣчаемъ стараго ъ въ положеніи, допускающемъ такой переходъ; но переходъ ь въ е этимъ двумъ фрагментамъ извѣстенъ.

Въ Супрасльской рукописи отражается говоръ, знавшій лишь переходъ ь въ е, но не измѣнявшій въ такомъ же положеніи ъ въ о (единичные случаи: любокѣнѭи, смококьнаго, крѣпокѣ, — вѣроятно, не относятся къ языку писца); при этомъ измѣненіе ѣ въ е, какъ звуковое явленіе общаго характера отражается лишь въ 1 части рукописи, во второй же части переходъ ѣ въ е ограниченъ формой дьнесь и суффиксальными слогами формъ склоненія (-емь, -емѣ, -ехъ въ і-основахъ).

III. Между памятниками одной и той же изъ указанныхъ группъ нетрудно подмѣтить другія діалектическія различія, иногда указывающія на иную группу говоровъ, иногда на иной языковой слой. Такъ, среди глаголическихъ памятниковъ можно подмѣтить различіе по отношенію къ судьбѣ звука dz: а) Ассеманіево Ев. и Синайская Псалтырь явля-

ются представителями такого македонскаго говора или такихъ македонскихъ говоровъ, въ которыхъ старое dz сохранялось, какъ звукъ, отличавшійся отъ z (ср. выше, § 66); такой же говоръ отражается въ младшей части Зографскаго Евангелія. b) Зографское Ев. (древняя часть) и Синайскій Молитвенникъ, наоборотъ, отражаютъ македонскіе говоры, измѣнившіе dz въ z. Но такое же разногласіе между собою обнаруживаютъ и кирилловскіе памятники: въ говорѣ Саввиной книги, Супрасльской рукописи и Остромирова Ев. dz измѣнилось въ z, Хиландарскіе отрывки, листки Ундольскаго и Македонскій листокъ указываютъ на сохраненіе dz, какъ особаго звука, въ языкѣ писца. Различіе въ судьбѣ звука dz и нынѣ наблюдается, какъ между отдѣльными македонскими, такъ и между отдѣльными восточно-болгарскими говорами.

Такимъ образомъ, въ древности мы находимъ болгарскіе говоры: a) съ вокализаціей ъ/о и сохраненіемъ dz, какъ Ассеманіево Ев. (македонскій), b) съ вокализаціей ъ/о и измѣненіемъ dz въ z, какъ Синайскій Молитвенникъ (македонскій), c) съ сохраненіемъ сильныхъ ъ и ь и измѣненіемъ dz въ z, какъ Саввина книга (восточно-болгарскій); въ Хиландарскихъ листкахъ и листкахъ Ундольскаго можно подозрѣвать болгарскіе говоры съ сохраненіемъ ъ сильнаго и сохраненіемъ dz (для примѣровъ сохраненія ъ нѣтъ соотвѣтствующихъ положеній).

Въ Маріинскомъ Ев. можно предполагать болгарскій оригиналъ съ переходомъ ъ въ о и сохраненіемъ dz; но самый памятникъ, быть можетъ, представляетъ копію, сдѣланную сербомъ. Этотъ,—новый,—слой въ языкѣ его представленъ примѣрами замѣны dz черезъ z, хотя и болѣе рѣдкими сравнительно со случаями сохраненія dz, а затѣмъ чертами, указывающими на языковую область сербскую или близко сосѣдившую съ сербской: ѹ=ж, раннее совпаденіе ѕі съ и, ѹ=кь, форма сего вм. сего (если это не—описка: сега ради).

Такой же новый слой на болгарскомъ языковомъ фонѣ находимъ въ Сборникѣ Клоца, гдѣ тѣ же черты сербскаго типа: ж=ѹ; ѕі=и; ѹ=кь; форма та вин. мн. ч. вм. тѣі.

Также на болгарскомъ фонѣ языка Супрасльской рукописи (между прочимъ ст изъ ск) вырисовывается болѣе новый слой, указывающій на близость говора писца къ западнымъ или восточнымъ словянскимъ нарѣчіямъ: ро на мѣстѣ прасловянскаго or въ началѣ слова, «*губной* въ концѣ одного слога+j въ началѣ слѣдующаго» на мѣстѣ праслов. сочетанія «*губной*+j» (ср. введ. 41 с. и §§ 59, 62). Какъ извѣстно, Облакъ (Arch. XV, 338 и сл.) предполагалъ возникновеніе Супрасльской рукописи въ сѣверной Дакіи, неподалеку отъ словацкихъ говоровъ. Характерна

наличность при этомъ въ Супрасльской рукописи формъ кога, юга и т. п. (см. 41 с.), а также формъ твор. п. ед. ч. ж. р. на -ѫ (типа женѫ,— ср. § 127).

Примѣчаніе. Иное значеніе, нежели въ Супрасльской рукописи, имѣетъ ро въ Синайской Псалтыри (кꙑрозоумꙑшаго): —рядомъ съ осѣѫце=оскаце, некѣзѣстко=некѣждьстко эта черта скорѣе восходитъ къ древнѣйшему пласту въ языкѣ памятника.

IV. Въ болѣе позднихъ памятникахъ церковно-словянскаго языка первоначальная языковая основа гораздо больше затемнена, и на первый планъ выступаютъ,—особенно въ области фонетики,—языковыя черты той среды и той эпохи, къ какой принадлежалъ писецъ. Среди этихъ болѣе позднихъ церковно-словянскихъ памятниковъ можно установить четыре извода или четыре группы памятниковъ: a) памятники *болгарскаго* извода, въ отличіе отъ древне-болгарскихъ называемые *средне-болгарскими*; b) памятники *сербскаго извода*, c) памятники *чехо-моравскаго* извода и d) памятники *русскаго* извода. Всѣ эти группы или изводы памятниковъ нетрудно различить по слѣдующимъ чертамъ.

A. Средне-болгарскіе памятники (начиная съ XII вѣка) отличаются отъ другихъ особымъ употребленіемъ ѫ и ѧ: обычно, послѣ ш, ж (въ нѣкоторыхъ и послѣ ч, ц, j) вмѣсто ѧ находимъ въ нихъ ѫ, наоборотъ,—послѣ смягченныхъ р̂, л̂, н̂—ѧ вмѣсто ѫ; совпаденіе звуковъ ъ и ь отражается въ безпорядочномъ употребленіи буквъ ъ и ь или же въ исключительномъ употребленіи того или другого знака.

B. Сербскіе памятники употребляютъ одно ь для обозначенія звука, въ которомъ совпали въ сербскомъ языкѣ ъ и ь, замѣняютъ ѫ черезъ оу и ѧ черезъ ѥ, смѣшиваютъ ѕ и и (что, впрочемъ, находимъ и въ средне-болгарскихъ памятникахъ), оу и кь, иногда ќ и ѥ; въ морфологіи характерны для сербскаго извода форма род. ед. ч. ж. р. типа жене, коде и форма твор. п. ед. ч. ж. р. типа кодокь (читалось, вѣроятно,—vodoǫ).

C. Въ чехоморавскихъ памятникахъ, какъ, напримѣръ, въ Пражскихъ отрывкахъ, находимъ ѕ на мѣстѣ др.-ц.-сл. жд изъ dj, ц на мѣстѣ др.-ц.-сл. шт изъ tj (и kt), группу шч на мѣстѣ др.-ц.-слов. шт изъ sk (передъ j или палатальнымъ гласнымъ), группу dl (напр. модлитко оу въ Пражск. отр.), непосредственно смягченный губной (напримѣръ земьѫ вм. земльѫ въ Пражскихъ отр.), оу вм. ж, ш вмѣсто смягченнаго ѕ (напримѣръ кшїи=кьси, кшѣчьскаѣ въ Пражск. отр.).

D. Русскій изводъ, во главѣ котораго стоитъ Остромирово Ев., характеризуется постановкой оу вмѣсто ж, ꙗ или а вм. ѧ, ж и ч вмѣсто жд и шт, ѕр, ьр, ѕл вмѣсто др.-ц.-сл. рѕ, рь, лѕ (ль) между согласными.

Отдѣльныя черты могутъ встрѣчаться одинаково въ нѣсколькихъ изводахъ: ср. *у* вм. *ѫ* въ B, C, D. Но языковая среда, въ которой возникъ памятникъ, опредѣляется, конечно, не по одной какой либо чертѣ, а по ихъ совокупности.

Перечень важнѣйшихъ памятниковъ указанныхъ изводовъ данъ на 45 с. (О Пражскихъ отр.—на 36—37 сс.).

Всероссійская Публичная
РЕПЕ

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 8. (Введеніе, III). Ср. по вопросу о словянскомъ переводѣ Свящ. Писанія Rešetar'a «Zur Uebersetzungstätigkeit Methods» въ Arch. XXXIV, 234—239 сс. и замѣтку Krebs'a ibid. 627—629 сс., Vais'a «Bis zu welchem Mass bestätigen die Kroatisch-glagolitischen Breviere die Annahme einer vollständigen Uebersetzung d. heil. Schrift durch den heil. Methodius» въ Arch. XXXV, 12—44 сс.

Къ стр. 20. Ср. по вопросу о глаголицѣ Rahlfs «Zur Frage nach der Herkunft der glagolitischen Alphabets» въ K. Z. XLV, 285 и сл.; Щепкина «Графика у славянъ» R. Sl. V, 95—104.

Къ стр. 31. Заглавіе изданія Чернчича: Assemanovo izborno evangjelje.. Na sviet dao... 1878.

Къ стр. 55. Литература вопроса о количествѣ и удареніи указана также у Лескина: Leskien, Grammatik d. serbokroatischen Sprache (1914 г.) и у Розвадовскаго: Encyklopedya polska, t. II. 334 c.

Къ стр. 76, § 37, прим. Ср. Meillet въ Mém. S. L. XIX (1916), 283 c.

Къ стр. 147. По вопросу о сложномъ склоненіи прилагательныхъ ср. старую работу Миклошича: Miklosich «Über die zusammengesetzte Deklination in den slavischen Sprachen» 1871 г. Wien.

Къ стр. 148. О формахъ сравн. ст. nověš-, stareš- ср. Погодина въ Изв. VIII, 1, 206—211 с.

Къ стр. 150. Къ вопросу объ основахъ наст. вр. на -i ср. Horák'a «Z konjugace souhlaskové» Praha, 1896.

Къ стр. 154. Къ § 96: ср. Meillet въ M. S. L. XVIII, 232 c.

СОКРАЩЕНІЯ.

авест.=авестійскій.
Arch.=Archiv für slavische Philologie.
B. B.=Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, herausgegeben von Dr. A. Bezzenberger und Dr. Prellwitz.
Бернекеръ. Slav. Etym. Wörterb.—Berneker Slavisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg.
Вондракъ, Vergl. Sl. Gr.=Vondrák, Vergleichende slavische Grammatik. Göttingen. I—II.
Вондракъ, Altkirchsl. Gr.^{2}=Vondrák, Altkirchenslavische Grammatik, 2 Aufl. 1912 г.
Gebauer, H. Ml.=Gebauer, Historická mluvnice jazyka českého.
Glag. Cloz.=Glagolita Clozianus (Сборникъ Клоца).
Götting. gelehrt. Anzeig.=Göttingische gelehrte Anzeigen.
гот.=готскій.
греч.=греческій.
Hujer, Slov. Dekl.=Hujer, Slovanská deklinace jmenná. Praha. 1910 г.
Das Ostbulgar.=Miletič, Das Ostbulgarische. Schriften der Balkankommission, Linguistische Abtheilung. II 1903 г.).
Denkschriften der K. Ak. d. Wiss. phil. hist. Cl.=Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Classe.
др.-в.-н.=древне-верхне-нѣмецкій.
др.-с.-н.=древне-сѣверно-нѣмецкій.
др.-н.=древне-индійскій.
др.-ц.-сл.=древне-церковно-словянскій.
Ж. М. Н. Пр.=Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
Збірн. Фильольог.=Збірник Фильольогични (въ память Михальчука). Кіевъ 1914 г.
индо-евр.=индо-европейскій.
Изв.=Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.
И. Р. А. И=Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.
I. F.=Indogermanische Forschungen.
Изслѣдованія по русскому языку=Изслѣдованія по русскому языку. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.
K. Z.=Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen.
K. V. Gr.=Brugmann, Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. 1904 г.
Cloz.=Glag. Cloz. (см. выше).
Quaest. gr. s. alt.=Rozwadowski, Quaestionum grammaticarum series altera.
лат.=латинскій.
латыш.=латышскій.
Leskien. Gramm.=Leskien. Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. 1909 г.
L. Fil.=List. Fil.=Listy filologické. Praha.
лит.=литовскій.
Ляпуновъ, Изслѣдованіе=Ляпуновъ, Изслѣдованіе о языкѣ Синодальнаго списка 1-ой Новгородской лѣтописи. 1900 г.
Ляпуновъ, Формы склоненія=Ляпуновъ, Формы склоненія въ старословянскомъ языкѣ. 1. Склоненіе именъ. Одесса 1905 г.
Maced. Stud.=Oblak, Macedonische Studien. Sitzungsberichte der Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Classe. Band CXXXIV.

Мар.=Маріинское Евангеліе.
Mat. i. pr.=Materyały i prace komisyi językowej Akademii umiejętności w Krakowie.
Meillet Études=Meillet Études sur l'etymologie et le vocabulaire du vieux slave. I 1902 II 1905. (Bibliothèque de l'école des hautes études. Sciences historiques et philologiques. 139).
Meillet, Introduction=Meillet, Introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes.
Meillet, Recherches=Meillet, Recherches sur l'emploi du Genitif-Accusatif en vieux slave. 1897. Paris.
M. S. L.=Mémoires de la Société de linguistique de Paris.
Miklosich Vrgl. Gr.=Miklosich, Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. 1875—1883.
Остр.=Остромирово Евангеліе.
P. Br. B=Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, herausgeg. von. H. Paul, W. Braune und E. Sievers.
прасл.=прасловянскій.
р.-лит.=русскій литературный.
Р. Ф. В.=Русскій Филологическій Вѣстникъ.
R. Sl.=Rocznik slaw.=Rocznik slawistyczny. Kraków.
Савв.=Саввина книга (евангельскихъ чтеній).
Сб. Н. У.=Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. София.
Сборн. Отд.=Сборн. Отд. р. яз. и слов. И. А. Н.=Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.
Сборникъ статей по славяновѣдѣнію=Статьи по славяновѣдѣнію. Подъ редакціей акад. В. И. Ламанскаго. Изданіе второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.
Сборникъ Ламанскаго=Сборникъ статей, посвященныхъ В. И. Ламанскому. 1907 г.
Sborn. Fil.=Sborník Filologický. Vydává III třída České Akademie v Praze,
Сборн. Фортун.=Сборникъ статей, посвященныхъ учениками и почитателями академику и заслуженному профессору Филиппу Ѳедоровичу Фортунатову. 1902. Варшава.
Сборникъ Ягича=Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin. 1908.
Sitzungsber. d. K. Ak. Wien.=Sitzungsberichte der Kais. Akademie der Wissenschaften. Wien. Philosophisch-historische Classe.
Слав.-балт. эт.=Эндзелинъ, Славяно-балтійскіе этюды.
Specimina=Jagić, Specimina linguae palaeoslovenicae.
Sprawozdania Akad.=Sprawozdania z czynności i posiedzeń Akad. Umiejętności w Krakowie.
Томсонъ, Общ. языков.=Томсонъ, Общее языковѣдѣніе. 1910.
Ursl. Gr.=Urslav. Gr.=Mikkola, Urslavische Grammatik. 1913.
Хиланд. лл.=Хиландарскіе листки.
Čas. Č. M.=Časopis Musea království českého.
Č. M. F.=Čas. pro mod. fil.=Časopis pro moderní filologii.
Чтенія И. О. И. и Др. Р.=Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ.
Шахматовъ «Къ исторіи»=Шахматовъ, Къ исторіи русскаго языка. О полногласіи и нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ. 1903.
Щепкинъ, Разсужденіе=Щепкинъ. Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги. 1899 г.
Энцикл. слав. филол.=Энциклопедія славянской филологіи. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.
Jagić, Entstehungsgeschichte=Jagić, Entstehungsgeschichte der altkirchenslavischen Sprache 1913 г.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
1	9 св.	вѣка да	вѣка, да
»	18 св.	Věstnik	Věstník
2	8 сн.	plotla	plotła
5	8 сн.	cirkevněslo-	církevněslo-
14	22 св.	отъцѣ	оцѣтъ
27	13 сн.	Тектъ	Текстъ
32	11 св.	вполнѣ	вполнѣ
41	7 сн.	коюга (441, 20).	коюга (441, 20),
42	13 св.	altkirchensI.	altkirchensl.
52	5 сн.	изъ ꙋ	изъ ю꙽
56	14 св.	языковъ:	языковъ):
59	14 св.	лат	лат.
65	1 сн.	k̂h, gh	k̂h, ĝh
66	14 св.	k, g (kh, ĝh)	k̂, ĝ (k̂h, ĝh)
»	21 св.	(k̂h, gh)	(k̂h, ĝh)
68	13 сн.	*rēk-son	*rēk-son
71	10 св.	ő-ç.	ő-ç,
85	3 сн.	колѣ	колѣ
88	6 св.	милостиѫ	милостыѫ
92	9 сн.	но—только	но во 2-й части только
95	14 св.	Cloc.	Cloz.
»	1 сн.	сиѭи	сиѭи
96	1 св.	сиѭеи	сиѭеи
118	15 сн.	—приложимо	приложимо
131	3 сн.	*orb(h)ъ	*orbъ.
156	16 сн.	*sons	*sont.
»	10 св.	*moli-s-n̥t... *moli-ch-ьnt... *molišę	*modli-s-n̥t... *modli-ch-ьnt... *modlišę
158	3 сн.	*moli-so-m	*modli-so-m
»	16 сн.	*moli-šę	*modli-šę
»	18 сн.	*moli-s-n̥t	*modli-s-n̥t
159	18 сн.	*molichъ	*modlichъ
161	13 св.	рукописи	рукописи,
184	19 сн.	благодѣтелеки	благодѣтелеки.

Того-же автора:

1. Древне-церковно-словянскій языкъ. II. Морфологія. 1912 г. 142 стр. . . . . 1 р. 50 к.
2. Древне-церковно-словянскій языкъ. Тексты со словарчикомъ 2-е изд. . . . . 50 „
3. Сербскій языкъ. Фонетика и морфологія 1915 г. . . 90 „
4. Сербскій языкъ. Хрестоматія. 1915 г. . . . . 1 р. „
5. Учебникъ по русскому языку для IV класса гимназій. Изд. 1-е, допущенное въ 8-е классы женскихъ гимназій 1913 г. . . . . 60 „
6. Учебникъ по русскому языку для IV класса. 3-е сокращ. изд. 1916 г. . . . . 60 „

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ

въ книжномъ магазинѣ Алексѣевой, бывш. Дредера въ Харьковѣ, Московская, № 21.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія М. Зильберберга и С-вья.
Донецъ-Захаржевская ул., с. д. № 6.
1917.

2020127800